КОНСТАНТИН
БЕСКОВ
МОЯ ЖИЗНЬ
В ФУТБОЛЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Есть своя символика в том, что книга Константина Бескова «Моя жизнь в футболе» увидела свет весной 1994 года. Получив в межсезонье предложение руководства ФК «Динамо» (Москва) возглавить команду, великий футболист и тренер решил вернуться в родной клуб, на круги своя. Весной 1994 года у Бескова и его «Динамо» премьера на футбольных полях России. Они — тренер и команда — снова вместе, как будто и не было двадцатилетнего перерыва

Премьера и у новой книги Константина Ивановича, рукопись которой была готова еще два года назад. На пути к читателю непреодолимым препятствием для нее являлся финансовый барьер производственных издержек. Но неразрешимых проблем не бывает. Это издание — своего рода подарок футбольного клуба «Динамо» (Москва) и автору, и десяткам тысяч болельщиков.

Книга Бескова «Моя жизнь в футболе» закончена. Жизнь Бескова в футболе продолжается. И, быть может, лучшие главы — не книги, но судьбы — им еще не написаны…

В книге рассказывается о судьбе футболиста и тренера, о жизни в футболе, но не такой, какой она рисуется в сознании болельщика или в приглаженных мемуарах.

Эта книга — откровенный рассказ о том, как на самом деле складывается профессиональная спортивная жизнь, каковы ее проблемы и тяготы. Это и результат обобщения личного опыта выдающегося тренера и его раздумий о развитии мирового футбола, о роли в нем футбола советского.

Литературная запись, интервью, реплики Эдуарда Церковера

-
- Эстетика Бескова
- НАЧАЛО
- ИНТЕРВЬЮ О СПРАВЕДЛИВОСТИ
- А ПОКА — «МЕТАЛЛУРГ»
- «ДИНАМО»
- 19:9
- «К СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ ВСЕГДА ОТНОСИЛСЯ СЕРЬЕЗНО»
- «И СКАЖУ ПРЯМО: ЛЮБИЛА ЕГО ВСЮ ЖИЗНЬ»
- СОРОКОВЫЕ, ПЯТИДЕСЯТЫЕ…
- «УХОДИТЬ НАДО ВОВРЕМЯ»
- ОЛИМПИЙСКАЯ СБОРНАЯ, 1955
- «ТОРПЕДО», 1956
- ФУТБОЛЬНАЯ ШКОЛА МОЛОДЕЖИ

- ЦСКА, 1961-1962
- «ЛЮДИ ИСКУССТВА ОСТАВИЛИ ЗАМЕТНЫЙ СЛЕД В МОЕЙ ЖИЗНИ»
- «ЗАРЯ», 1965
- МОСКОВСКОЕ «ДИНАМО», 1967-1972
- ИНТЕРВЬЮ НА ФИНИШЕ СЕЗОНА-67
- ПРЕВРАТНОСТИ СУДЬБЫ, или ЛЕГКО ЛИ ОСТАВАТЬСЯ СПОКОЙНЫМ…
- ВОПРОСЫ ЗАДАЕТ ДРАМАТУРГ
- О ГАРМОНИИ В ИГРЕ, или КОГО ПРИГЛАШАТЬ В СБОРНУЮ
- ОЛИМПИЙСКИЕ ОТБОРОЧНЫЕ, 1975
- «КРУГЛЫЙ СТОЛ» «НЕДЕЛИ», или РАЗГОВОР НАЧИСТОТУ
- «СПАРТАК», ПЕРВАЯ ЛИГА, 1977
- ОКТЯБРЬ 1977-ГО, или ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗГОВОРА ЗА «КРУГЛЫМ СТОЛОМ»
- «СПАРТАК» — ЧЕМПИОН!
- ОЛИМПИАДА-80
- ЧЕМПИОНАТ МИРА-82
- Интервью в день 60-летия
- ИНТЕРВЬЮ ЗА ТРИ МЕСЯЦА ДО ЧЕМПИОНАТА МИРА В ИСПАНИИ
- УРОКИ ИСПАНИИ-82, или ПРОДОЛЖЕНИЕ ИНТЕРВЬЮ
- «СПАРТАК» ВОСЬМИДЕСЯТЫХ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ МАТЧИ
- «СПАРТАК» НА АВАНСЦЕНЕ И ЗА КУЛИСАМИ
- Слово — Ринату Дасаеву
- КОНФЛИКТ
- ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

Эстетика Бескова

Стендаль в предисловии к «Жизни Наполеона» писал: «Поскольку каждый имеет определенное суждение о Наполеоне, это жизнеописание никого не может удовлетворить полностью».

Это мнение великого романиста справедливо и сегодня, когда речь идет о когорте великих! будь то политики, художники, ученые или любой другой человек, находящийся в эпицентре общественного интереса.

Писать об удивительном тренере и футболисте, приковавшем внимание всего футбольного мира, не менее трудно, потому что Бесков как личность столь ярок и сложен, что нужны современные Стендаль, Манфред или Тарле, способные создать жизнеописание человека, повлиявшего на развитие современного советского футбола не меньше, чем великий корсиканец на историю Франции.

Собранные в этой книге наблюдения и размышления о футболе Константина Ивановича Бескова — замечательные жизненные страницы самого автора. Счастливо сочетая в себе игрока и тренера, футбольного философа и художника, Бесков видит футбол и свою жизнь в нем не извне, с высоты прожитых лет, но и изнутри, в качестве практика, постоянно решающего все новые и новые задачи.

В этой исповеди каждый найдет для себя созвучные мысли: тренер, думающий о том, как создать команду-звезду; игрок — о том, как самому стать звездой и попасть в звездную команду; любитель футбола со стажем испытает ностальгические чувства от прикосновения к событиям давно минувших дней; «фэн» — понимание того, что футбол не исчерпывается скандированием, не самых удачно подобранных наборов рифм.

Свою эстетику, как и великий Станиславский, проживший свою жизнь в искусстве, Бесков пытается строить, опираясь не только на субъективную, но и объективную основу.

Футбол прекрасен не потому, что он нам нравится, а потому, что велик сам по себе. А от того прекрасна и жизнь, прожитая в футболе и во имя футбола.

Любая истинно творческая натура, настоящий художник, великий режиссер, ученый или тренер, войдя в искусство, науку или другую сферу человеческой деятельности, встречает сложившуюся систему ценностей, отношений, взглядов, условностей и в той или иной мере ему приходится адаптироваться к ней. Однако гений идет по другому пути. Он изменяет устоявшиеся парадигмы, ломает устои, приносит новую «философию», которая далеко не

всем оказывается по вкусу. Так или почти всегда так поступал Бесков: в сборной СССР, «Динамо», «Спартаке» а также везде, куда ни заносил его «ветер перемен» и собственный мятежный дух.

Особый человеческий и тренерский дар позволял предвосхищать и постигать природу Футбола шестидесятых, семидесятых, восьмидесятых, открывать вещи существующие, но скрытые от взора большинства.

Бесков живет в футболе, постигая его природу интуитивно, переживая особое чувство вдохновения, озарения, которое превыше разума и холодного рассудка иных коллег-современников, и поэтому кажется чем-то непостижимым, внушенным свыше.

Жизнь автора этой книги в футболе сама по себе произведение искусства и театр, в котором Бесков сам себе режиссер; его партнеры — футболисты и футбольные функционеры, которых ему не всегда удавалось самому выбирать, а зрители — болельщики, которые всегда с увлечением следили за искусством мастера.

Предисловие к этой книге — это не только счастливая возможность высказать благодарность автору от его многочисленных коллег и почитателей, но и искреннее пожелание новых жизненных достижений. Ведь весна-94 — время новой встречи Бескова и -Динамо», а это значит, что большая жизнь в большом футболе продолжается.

А. И. Воробьев, доктор экономических наук,
генеральный директор АО ФК «Динамо» Москва

Самый страшный враг прогресса — предрассудок; он тормозит, он преграждает путь к развитию. Таким предрассудком в нашем искусстве является мнение, защищающее дилетантское отношение… к своей работе.

К. С. Станиславский,
«Моя жизнь в искусстве»

Не люблю распространяться о себе. Но в течение многих лет получаю письма от любителей спорта: «Константин Иванович, почему не пишете книгу о своей жизни в футболе? Хочется знать, как складывалась ваша спортивная судьба, не по слухам, не по легендам и досужим вымыслам, а на самом деле». Коллеги-тренеры советуют: «Написали бы подробно, в деталях, каков путь к тренерской зрелости, как создаются команды, выигрывающие чемпионаты или медали призеров, как угадать в юноше из второй лиги будущего игрока сборной страны».

За что миллионы людей на планете так пылко любят футбол? Понятно: за состязательность. За сочетание спорта с искусством.

За то, что футбол — как сама жизнь, он — одно из ее проявлений, и, как в жизни, серьезное уживается в нем со смешным, суровое — с трогательным. За то, что футбол не терпит фальши: плохому игроку не помогут ни связи, ни протекция, ни интриги; зрители не примут плохую игру. За непредсказуемость ситуаций, а нередко и результатов. За то, что футбол никогда не кончается, периодически обновляясь, и никто не вправе назвать себя раз и навсегда сильнейшим. Футбол продлевает людям детство, продолжая для всех возрастов нестрашную игру в войну; у каждой футбольной «армии» — свой флаг и свой штаб, свои стратегия, тактика, тылы, разведка и резервы. Но даже самые тяжкие поражения в этой войне не бывают смертельными и окончательными. Футбол — наиболее логичный и гуманный способ выяснения международных отношений. Победа в футболе рождает национальную, государственную гордость, пожалуй, не меньше, чем победа в войне.

В футбол играет команда. Сообщество людей, в котором успех каждой отдельной личности зависит от стараний всех, и наоборот. Поэтому не может быть преуспевающим футболистом эгоист, эгоцентрист: беречь «себя, любимого» в футболе никак не получается. Одно из непременных свойств души настоящего футболиста — острое чувство коллективизма, общности с товарищами, принадлежности к этому клану, этой мужской семье. Можно быть общительным или замкнутым, эрудированным или несведущим, с чувством юмора или вовсе без оного, — но нельзя не быть командным.

Тот, кто однажды отдаст свое сердце футболу, никогда уже не сумеет полностью с ним расстаться.

Оглядываясь на пройденные семь десятилетий, осмысляя все со мной происшедшее, я решился попытаться выполнить многочисленные просьбы, пожелания и советы — ради пользы дела, ради футбола. Это решение подкреплено надеждой, что мой практический опыт, мои жизненные, игровые и тренерские принципы окажутся полезны тем, кто так или иначе посвящает себя футболу. А возможно, не только им (автор всегда рассчитывает на большее), возможно, совсем не футболисту пригодятся мои мысли, наблюдения и выводы, мои жизненные правила. Лишь поэтому отваживаюсь на столь несвойственное мне предприятие; но уж в таком случае намерен рассказывать обо всем без ретуши и прикрас — так, как оно было на самом деле.

НАЧАЛО

При слове «детство» мысленно вижу окраинный индустриальный пейзаж Москвы 1920-х годов. Жили мы у Заставы Ильича, на шоссе Энтузиастов — второй дом от моста, по которому днем и ночью шли поезда курского направления железной дороги. Чуть наискосок от нашего дома — станция Москва-Товарная; дальше — завод имени Войтовича, а с противоположной стороны нашего двора — «Серп и молот», прежде именовавшийся заводом Гужона. Обитали мы конечно же в коммунальной квартире без удобств: за водой надо было ходить на улицу к колонке, на зиму заготавливать дрова. И вокруг был рабочий люд.

Отец, Иван Григорьевич Бесков, рабочий человек, очень сильный физически и очень немногословный, уходил из дому рано утром и возвращался поздно вечером. Трудился он на разных предприятиях; к моменту, когда я начал играть в футбол за команду «Серпа и молота», отец работал на заводе «Электропровод». Занималась мной в основном мать, Анна Михайловна. Строгая, порой суровая, она контролировала каждый мой, маленького футболиста, шаг. Воспитывала, наставляла, требовала, наказывала, прощала. Поэтому мне и удалось избежать многого плохого, что, к сожалению, вошло в жизнь некоторых моих партнеров-сверстников.

Среди тех ребят, которые играли в футбол, были такие, что жили возле Рогожского рынка, «филиала» печально известной Сухаревки… Кое-кто из них приворовывал на рынке, многие курили, начинали выпивать. Меня от этих напастей уберегли строгость и настойчивость матери.

Мне еще не было шести лет, когда дядя Ваня, Иван Михайлович, родной брат матери, казавшийся мне очень пожилым (ему тогда было около тридцати), впервые повел меня на футбол. Точно не скажу, на какой стадион, но в то время большинство стадионов было на одно лицо: никаких трибун, лавочки вдоль игрового поля, а многие зрители смотрели матчи вообще стоя. Публика собралась самая простая, и одеты все просто и вроде бы одинаково: косоворотки, пиджаки, брюки, заправленные в сапоги… В тот первый «мой» день играла команда «Рускабель» — не помню, с какой командой; этот матч перевернул все в моей мальчишеской жизни, в сознании, мировосприятии.

Я был потрясен, поражен, захвачен футболом — несравненным зрелищем, которое с того дня мог смотреть

бесконечно. Защитники били по мячу мощно и гулко, пускали головокружительные «свечки»; форварды чуть ли не прорывали сетки ворот своими пушечными ударами — так мне казалось; голкиперы летали между стойками. И все это богатырское действо творилось прямо на глазах, и никто не мог предсказать, какая команда победит. В тот вечер я, наверное, и стал футболистом. Потому что уже на следующий день вышел на «платомойку» (так звался у нас пустырь, где женщины из окрестных домов стирали вещи) и примкнул к сверстникам, гонявшим за сараями резиновый мячик. О настоящем футбольном, с тугой шнуровкой, кожаными долями мяче мы тогда и не мечтали.

Было у нас несколько футбольных мест. Например, незастроенная площадка между домами № 9 и 11, разделенная мостовой. Играть эта мостовая нам не мешала, хотя падение на ее булыжник было весьма чувствительно. Играли мы двое на двое, трое на трое. А если во дворе никого не оказывалось из партнеров, можно было совершенствовать точность удара: бить и бить мячом в стену дома, который был без окон, следовательно, разбить там было нечего.

Эти пустыри — подлинное футбольное гнездо, где птенцы начинали расправлять крылья. Колоссальный (без преувеличения) объем футбольной работы выполняли мы на этих пустырях: беспрерывная многочасовая игровая практика. А борьба за победу — какая команда скорее забьет в ворота соперника двенадцать мячей — заставляла учиться свободно владеть мячом, быстро и легко делать все то, что полагается и нужно делать на футбольном поле.

Кого из известных, самых заметных футболистов прошлых лет ни спрашивали: «Где начинал?» — ответ был: «На пустыре» или «Во дворе». Григорий Федотов — на пустыре в окрестностях Ногинска, Эдуард Стрельцов — во дворе в Перове, Валентин Иванов — во дворе на Автозаводской улице, Игорь Нетто — во дворе на Сретенке… Да и мастера намного моложе нас, например Олег Протасов, нападающий сборной СССР 1980-х годов начинал во дворе в Днепропетровске.

Помнится, Валерий Воронин, оказавшись вместе со сборной СССР в Рио-де-Жанейро, отправился в свободное время на пляж Копакабана и попытался поиграть с тамошними мальчишками. Выяснилось, что те технические приемы, которые искусный Воронин вполне справедливо считал своим игровым коньком, бразильские мальчишки выполняли между прочим, без какого-либо напряжения, как нечто само собой разумеющееся. Вот откуда вышли Пеле и Гарринча! С песчаных и пыльных полей с

самодельными воротами!

Меня спрашивают: в какой степени сказывается природное дарование футболиста? Как и во всяком деле, природный дар, талант — счастливое свойство, помогающее достичь больших высот. Но без соответствующих условий, среды и усилий этот дар не гарантирует мастерства, тем более виртуозности. Способности еще нужно раскрыть и развить. Надо играть самому и смотреть матчи мастеров, запоминая их приемы и действия, стараясь повторить, освоить, отшлифовать.

Мне посчастливилось: условия (пустырь, отсутствие многих нынешних развлечений — телевидения, магнитофонов, дискотек и прочего, чем располагает сегодня подросток или юноша), среда (можно сказать, повальное увлечение футболом моих сверстников и парней постарше, а также простота нравов и интересов) и усилия (много часов работы с мячом) сделали свое дело.

По-видимому, природа наделила меня неплохими исходными данными, потому что лет в десять я был замечен: достаточно взрослые люди стали звать меня в свои самодеятельные команды.

Футболисту необходимо разностороннее развитие. Ему нужно заниматься плаванием и легкой атлетикой, в какой-то степени — и тяжелой (гирями и штангой, пусть не чересчур весомой), развивать глазомер, координацию и резкость движений, реакцию. С малых лет я любил городки — просто любил, не задумываясь о глазомере и точности удара, но и тут природа оказалась ко мне благосклонной. Также лет с десяти взрослые дяди-городошники звали в свои импровизированные команды. Биту мне позволялось бросать с половины дистанции, иначе бы не добросил… Зимой я катался по шоссе Энтузиастов на санках, поставленных на три конька, — там был уклон, я ложился на санки и ехал. Или на коньках-«снегурочках», цепляясь проволочным крючком за рукоять задней двери трамвая или задний борт грузовой автомашины. Увидела бы мать — не миновать мне взбучки. За забором нашего двора проходила заводская, «Серпа и молота», железнодорожная ветка. С ее насыпи мы зимой съезжали на самодельных лыжах, которые мастерили из досок от бочек.

Спортивное развитие в детстве заложило основу на всю жизнь. Обкрадывают себя те нынешние ребята, которые просиживают полдня перед телевизором или видеомагнитофоном, часами дергаются на месте под синкопы «хэви метал», да при этом курят, а то и выпивают: они лишают себя здоровья, радости спортивных состязаний, а некоторые из них безжалостно убивают в себе тот бесценный спортивный дар, которым наделила их природа.

…Вот я, девятилетний, выхожу после уроков на пустырь.

Никого из наших еще нет — не беда! Я в одиночку посылаю мячик в стенку, он возвращается, и я стараюсь ударить по нему без остановки или обработки, одним касанием. Он снова возвращается, и я мягко принимаю его на внутреннюю сторону стопы — это один вариант остановки мяча. Другой вариант — грудью. Третий — бедром. И еще, и еще… Останавливаю отскакивающий от стенки мячик всеми способами, доводя выполнение приемов до автоматизма. А теперь займусь отработкой точности передачи: на десять метров, на пять, на пятнадцать, снова на десять. Потом отшлифую удар низом. И навесной. И резаный, крутящийся, обманный…

И так изо дня в день. Кроме того, мы по очереди жонглировали «лямкой» — тряпочкой, в которую завязывали монету или пломбу. Кто больше раз подбросит «лямку» внутренней стороной стопы? Сто раз! Кто больше? И внешней стороной стопы — тоже сто раз! И чтобы эта тряпочка ни разу не упала наземь. Это, так сказать, подсобное упражнение, но оно «работало» все в том же направлении.

Летом 1928 года, перед отъездом нашей семьи на дачу (мы снимали комнату с верандой то в Никольском, то в Салтыковке под Москвой), мать подарила мне настоящий футбольный мяч. Белый, «из лосевой кожи», как утверждал продавец. Мне была прочитана маленькая лекция на темы морали, но ради такого подарка я выдержал бы и долгую проповедь. С маминым мячом я почти не расставался. После каждой игры мыл и чистил его, оттирая зеленые пятна, которые оставляла на его коже трава. И все-таки этот мяч не был для меня открытием, поскольку взрослые, приглашая участвовать в их матчах, уже приучили меня к тяжелым футбольным мячам, и это тоже немаловажный штрих, вклад в копилку, которая зовется «владение мячом, или футбольная техника».

Обычно мы играли улица на улицу. Допустим, наша команда шоссе Энтузиастов — с командой Рабочей улицы, или Старообрядческой, или какой-нибудь Индустриальной. По накалу то были почти международные кубковые матчи. Амплуа не существовало, каждый защищал свои ворота и старался забить мяч в чужие. Между прочим, в обороне мы интуитивно применяли такой современный прием, как коллективный отбор мяча.

Как правило, я забивал больше, чем другие наши нападающие. А случались уличные состязания — до двенадцати мячей в чьи-либо ворота, когда я забивал шесть или семь мячей из этих двенадцати. Да и после, уже выступая за взрослую — четвертую команду 205-го завода (а шел мне тогда

четырнадцатый год), забивал больше мячей, чем взрослые футболисты. Когда заводскую команду покинул лучший исполнитель штрафных ударов защитник Константин Громов, эту роль доверили мне, подростку. Рассказываю об этом не из хвастовства, а лишь для того, чтобы подчеркнуть: совершенствуешься тогда, когда целиком посвящаешь себя любимому занятию.

Примерно в те дни я впервые надел собственные бутсы. Мы переехали жить на улицу Школьную, тоже в коммунальную квартиру, но теперь с водопроводом и центральным отоплением, и наш сосед по квартире, горячий почитатель футбола инженер Виктор Булыгин, присмотревшись к моей игре, преподнес вдруг настоящие бутсы, белые с коричневым. Правда, на два размера больше, но я натягивал лишние носки и был счастлив.

Считается, что в современных футбольных школах молодежи (ФШМ) чуть ли не идеальные условия и среда. В 1957-1960 годах я работал старшим тренером московской ФШМ в Лужниках и по опыту знаю, что иные талантливые маленькие футболисты вынужденно бросали эту школу: трудно было ездить через весь город, а некоторым даже из-за города на занятия и с занятий. Целые часы — на дорогу туда, целые часы — на дорогу обратно. Нелегкое испытание для мальчугана, как бы он ни любил футбол. Мы теряем из-за этого потенциальных мастеров. ФШМ нужны в каждом районе, быть может, даже не по одной на район.

Вспоминаю себя учеником младших классов: меня не отвратили бы от футбольной учебы никакие расстояния, никакие дорожные трудности. 1935 год. Узнаю, что в таганском детском парке записывают в ребячьи команды. Устремляюсь туда — тоже не близкий путь. Предстоит, оказывается, розыгрыш первенства Москвы между командами таких парков. Фавориты, как сказали бы теперь, — ребята Краснопресненского парка. Там играют Володя Дёмин (будущий левый край нападения знаменитого ЦДКА), Толя Сеглин (будущий центр защиты московского «Спартака»), Саша Петров (ему было суждено выступать в московском «Динамо»), Коля Эпштейн (будущий тренер хоккейного воскресенского «Химика»). А у нас в таганском парке появился коренастый и лобастый голкипер Леша Хомич. Вскоре меня выбрали капитаном команды таганского парка. В 1936 году мы, таганцы, выиграли первенство столицы. И я был включен в состав сборной пионерской команды Москвы для участия во Всесоюзной спартакиаде пионеров и школьников.

Сверстники мои пробовали себя в разных линиях. Я же всегда хотел играть только в нападении. Забивать! С годами (и по сей день) мои футбольные наклонности и вкусы не изменились, и в

тренерской работе девиз остался постоянным: «Атака!»

Казалось бы, футбола мне должно было хватать с избытком. А вот, представьте, не хватало. И когда парни из взрослой, пятой команды 205-го завода (в те годы он звался заводом имени Хрущева) позвали «на всякий случай, вдруг понадобишься на замену», я примчался.

Они играли в IV московской группе. Не ахти какой уровень, но для меня это был очевидный качественный скачок. С мая по июль 1934 года я исправно являлся на все игры этой пятой команды и терпеливо ждал. В конце июля меня, тринадцатилетнего, отлетевшего в сторону при столкновении со взрослым соперником, выпустили на замену — правым инсайдом.

Наверное, приглянулся: с того дня стали ставить на игры постоянно. А ближе к осени — советовать: «Иди в наше ФЗУ, специальность получишь и играть в нашей команде станешь на полном основании».

Приходится признаться: отличником в школе я не был. Что схватывал на лету, в том успевал. А зубрить — не в моем характере; по-моему, именно из зубрил вырастают истинные бюрократы — это я с сегодняшних позиций сужу.

Футбол занимал почти все мое свободное время, но я еще ухитрился увлечься голубями. В наш дом въехал новый сосед, бухгалтер Африкан Копейкин (имя и фамилия подлинные — ну прямо персонаж из пьесы А. Н. Островского!) и первым делом построил себе голубятню. Я помогал Африкану: подносил доски, воду для голубей, чистил клетки. И в конце концов сам не выдержал — завел себе чистых оловянных (так они назывались), монахов, черно-чистых водянок, черно-пегих ленточных — с белой полоской, словно ленточкой, на хвосте.

И при всем том я еще играл в хоккей с мячом. К тринадцати годам катался легко, как дышал. Ходил зимой на хоккейные матчи заводских команд в надежде, что вдруг и тут понадоблюсь на замену — увы, у заводских хоккеистов всегда была стопроцентная явка.

Вскоре меня, фэзэушника, повзрослевшего на год, перевели в четвертую команду 205-го завода. А в 1936-м — аж во вторую, и там проблемы, как попасть в основной состав, не возникало. Я чувствовал, что могу играть и лучше, и в более сложный футбол. Очень хотелось испытать себя в коллективе повыше рангом.

Кстати, ничего зазорного в этом не вижу. Разве переход Рината Дасаева из астраханского «Волгаря» в московский «Спартак» не дал стране высококлассного вратаря? А останься Ринат в «Волгаре», может быть, о нем так и не услышали бы любители спорта в стране, тем более в мире.

Таких примеров множество. Словом, когда наша заводская команда завершила свой сезон, «постучался» я в «Локомотив». Пришел на стадион на Новорязанской улице и сказал: «Хочу в вашу клубную команду». Что ж, поставили меня играть за вторую клубную. И вроде бы подошел, потому что напутствовали: «Приходи к нам на будущий год». У них тоже игры сезона закончились.

Но я был бы не я, если бы стал ждать будущего года. Мне нужен был футбол сегодня, сейчас! У команды «Серп и молот» оставались несыгранными несколько матчей; проведав об этом, я поспешил в эту команду. Благодарен судьбе и коллективу «Серпа и молота»: дали мне сыграть правым инсайдом последние три встречи сезона 1937 года. И половину следующего сезона выступал я за «Серп и молот», хотя пришлось для этого, каюсь, прибавить себе два года, а то не допустили бы шестнадцатилетнего до взрослых игр такого уровня. Ведь то был уже почти большой футбол!

Сказалась закалка с малых лет, все наши состязания до упаду, все наши санки, коньки, прыжки с импровизированных трамплинов, отработка ударов и приемов — все вместе.

Сил хватало, умение росло. Недаром же, полагаю, сам Борис Андреевич Аркадьев в августе 1938-го пригласил меня, семнадцатилетнего, в команду мастеров «Металлург», выступавшую в первенстве СССР. По нынешним понятиям, в высшей лиге. Причем именно пригласил, как это деликатно делал рафинированно интеллигентный Борис Андреевич: «Не согласитесь ли вы, Константин…» Ну, словом, я был на седьмом небе.

Вспоминаю себя в те времена: самый обычный парень. Что еще раз доказывает: каждый может добиться поставленной перед собой цели, посвятив этому всего себя.

Пробовал я в то время играть на аккордеоне, выучил двенадцать мелодий, но виртуоз из меня явно не получался. В клубе завода имени Войтовича записался в музыкальный кружок, выбрав себе кларнет. Опять же что-то выходило, но не настолько, чтобы полностью посвятить себя игре на этом инструменте. Отец отправил меня в школу танцев при гостинице «Метрополь»; у них на заводе «Электропровод» между рабочими распределялись путевки в эту школу, и ему путевку дали, а он — мне.

Танцы пошли у меня резво: чувство ритма вырабатывается у футболистов легко, как бы само собой. Правда, партнерша досталась мне далеко не первоклассная: намного старше меня и к тому же прихрамывавшая… Что ж, трудности только способствовали «оттачиванию техники» в танго, фокстроте, в

вальсе-бостоне, в бальных танцах.

Помнится, на чемпионате мира 1966 года в Англии, выйдя на разминку перед началом очередного матча, сборная Португалии по знаку своего капитана Марио Колуны выдала под музыкальную трансляцию великолепный синхронный твист! Мне в тот момент пришла на память школа танцев «Метрополя»: что-то ведь и она добавила в мою копилку футбольного умения.

Смолоду и по сей день люблю театр. К нам в клуб «Серпа и молота» в годы моей юности приезжали корифеи МХАТа и Малого театра: Книппер-Чехова, Москвин, Качалов, Климов, Тарасова, Яблочкина, Гоголева, Турчанинова, Остужев… Всех их я мог, не глядя на сцену, различать по голосам. Но, конечно, глядел во все глаза. Театр вошел в мою жизнь навсегда, причем не только как зрелище, искусство, образное отражение и осмысление действительности — театр повлиял на меня и как на футболиста, а затем и тренера. Но об этом позже. В тридцатые годы я просто смотрел спектакли, игру выдающихся актеров. И впитывал, старался запомнить все произнесенное и совершавшееся на сцене.

Мать приохотила меня к чтению. Постепенно увлекся книгами, с одинаковой остротой воспринимая и «Войну и мир», и «Северную повесть» Паустовского, и «Графа Монте-Кристо». Взрослея, стал отдавать предпочтение серьезной литературе, классике — так складывался характер. Обстоятельный и взвешенный подход к любому делу и явлению становился, наверное, свойством натуры. Но юность есть юность, и я отнюдь не чурался приключенческих произведений — в книгах и на киноэкране.

Еще в те годы заметил, что перед матчем невредно посмотреть кинофильм с хорошо закрученным, динамичным сюжетом, где происходила бы борьба добра со злом и в финале непременно торжествовала справедливость. После такой кинокартины и сам я, и товарищи по команде выходили на поле с особым подъемом, быть может, не вполне осознанным, но очень целенаправленным: побеждать! Я учел это обстоятельство в своей тренерской практике: старался организовывать для футболистов своей команды просмотр чего-нибудь «этакого», остросюжетного и в целом оптимистичного, наподобие «Подвига разведчика», позднее — «Мертвого сезона», «Великолепной семерки», «Каскадеров» или хотя бы «Приключений неуловимых» (но лучше, если фильм — художественное произведение высокого класса). Это становилось своего рода психологическим стимулом, добавляло еще один импульс в систему подготовки к состязанию.

Во второй половине шестидесятых годов, работая с командой московского «Динамо», я пригласил психолога, который выступил

перед футболистами с несколькими лекциями о влиянии различных факторов на подготовку игрока к ответственному матчу. Обобщая сказанное, он рекомендовал, в частности, смотреть фильмы именно такого рода, какие я еще в молодости предпочитал интуитивно.

Безусловно, помимо спортивно-прикладного значения, чтение и соприкосновение с искусством всю жизнь были для меня источником духовности, нравственного и интеллектуального обогащения. И вот любопытная деталь: отдавая должное реализму, образности, стилистическим достоинствам произведения, глубине и масштабности мышления писателей — Толстого и Чехова, Достоевского и Бальзака, Диккенса и Хемингуэя, Мориака и Уайлдера, — я ощущаю постоянную внутреннюю потребность все в том же простейшем исходе повествования: чтобы Добро одерживало верх над Злом, чтобы торжествовала справедливость.

ИНТЕРВЬЮ О СПРАВЕДЛИВОСТИ

— Простите, Константин Иванович, что прерываю ваше повествование. Но, поскольку вы коснулись темы справедливости, не могу не задать вопрос. Он, как говорится, ас оплаченным ответом», то есть ответ мне известен. Но хочется услышать его из первых уст: от вас.

В течение всего 1989 года украшением моей квартиры был яркий многоцветный календарь с фотографией советской национальной команды и крупной надписью: «Сборная СССР — серебряный призер чемпионата Европы-88». Приятно было каждый день смотреть на такой календарь и вспоминать перипетии этого турнира. Наша сборная проиграла лишь финальный матч национальной команде Голландии — 0:2. И вот сопоставим: в 1964 году сборная СССР, которую тренировали вы, тоже стала серебряным призером чемпионата Европы, проиграв также лишь в финале — 1:2 — команде Испании, причем не на нейтральном, а на испанском поле, но такого календаря не было. Вместо календаря были оргвыводы… Что же все-таки произошло тогда, в 1964-м?

— Вот, прочтите постановление президиума Федерации футбола СССР от 31 июля 1964 года «О руководстве сборными командами СССР». Храню его машинописную копию. Мне ее в свое время вручили как документ, зафиксировавший мой непростительный провал на тренерском поприще:

«В связи с невыполнением поставленной перед сборной командой задачи и крупными ошибками, допущенными в организации подготовки сборной команды, освободить от работы со сборными командами страны старшего тренера сборных команд Бескова К. И.

Первая сборная команда провела финальный матч с командой Испании значительно ниже своих возможностей и уступила ей Кубок Европы, не выполнив, таким образом, поставленной задачи. Старший тренер Бесков К. И. не смог установить необходимых деловых связей с тренерами клубных команд и тренерским советом, что отрицательно повлияло на подготовку сборных команд страны». Подписи: председатель Центрального совета Союза спортивных обществ и организаций СССР Ю. Машин, председатель президиума Федерации футбола СССР Н. Ряшенцев.

— Следовательно, в шестьдесят четвертом году проигрыш в финальном поединке континентального первенства считался невыполнением поставленной задачи? Однако правы были древние римляне: «Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними».

— Обидно, что не дали довести до конца то большое дело, которое мне было поручено. Задача-то была поставлена передо мной совсем иная, чем сказано в постановлении от 31 июля: подготовить сборную команду СССР к чемпионату мира 1966 года. Именно так сформулировал задачу в середине сезона 1963 года, пригласив меня на беседу, председатель Спорткомитета (тогда он назывался Союзом спортивных обществ и организаций) Юрий Дмитриевич Машин. Я сразу сказал ему: «До чемпионата Европы (который назывался в то время Кубком Европы) остается три месяца, отборочные игры на носу». Машин повторил: «Мы вам поручаем подготовить сборную к чемпионату мира 1966 года в Англии. Время у вас есть».

— Константин Иванович, полагаю, было бы уместно как раз сейчас вспомнить ситуацию, в которой пребывала сборная СССР к тому моменту.

— Как известно, в 1962 году на чемпионате мира в Чили наши футболисты вышли в четвертьфинал и проиграли хозяевам турнира чилийцам — 1:2. Затем наша сборная, в которой сохранялся костяк команды, выступавшей в Чили, проиграла в Москве товарищеский матч итальянской «Фиорентине» (той «Фиорентине», которую за несколько лет до этого московский «Спартак» победил на глазах ста тысяч москвичей со счетом 4: 1). Следующий контрольный матч был со сборной Швеции, и снова наших постигла неудача. Сменилось несколько старших тренеров, один за другим…

— Да что ж у нас за поветрие такое: чуть что — снимать тренеров?

— Традиция, наверное… А вот, взгляните, постановление Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР «О мерах по развитию массового футбола в стране и повышению спортивного мастерства советских футболистов», принятое в июле 1970 года: «На состоявшемся в мае — июне 1970 года в Мексике чемпионате мира по футболу сборная СССР выступила неудовлетворительно. Многие игроки команды в решающих поединках показали низкое спортивное мастерство, не проявили необходимых бойцовских качеств и воли к победе…»

— Простите, Константин Иванович, перебью. В каких «решающих поединках»? Был матч четвертьфинала с командой Уругвая — вязкий, тягучий, с добавочным временем. Судейский недосмотр, о котором знает весь футбольный мир, и неосмотрительность двух наших игроков, защитника и вратаря, привели к поражению со счетом 0:1. Мяч возле углового флага выкатился за линию наших ворот от ноги уругвайского форварда. Я разговаривал с защитником нашей сборной Валентином Афониным: он клянется, что мяч действительно пересек лицевую линию. Афонин был рядом, он поднял руки вверх, сигнализируя арбитру, что мяч покинул пределы поля. Ошибка Афонина в том, что он стал ждать свистка судьи и не препятствовал уругвайскому форварду. А свистка не последовало. Игрок сборной Уругвая ввел мяч обратно в поле и без помех направил его в нашу штрафную площадь. Там другой уругвайский игрок принял мяч и беспрепятственно направил в сетку ворот сборной СССР, так как голкипер Анзор Кавазашвили в это время апеллировал к арбитру…

Известнейший наш арбитр Николай Гаврилович Латышев, с которым я беседовал об этом эпизоде, убежден: Афонин и Кавазашвили не должны были прерывать игровые действия; решения на поле принимает судья. С этим нельзя не согласиться. Но, в сущности, произошел казус, экстраординарный случай. А постановление столь ответственной организации — Комитета по физкультуре и спорту — трактует казус как «низкое спортивное мастерство, отсутствие бойцовских качеств и воли к победе».

— Попробую «успокоить» вас еще одним постановлением той же ответственной организации. Протокол № 9 от 8 июня 1961 года: «Футбольная команда «Динамо» (Москва) 2 июня с. г. провела в г. Москве международную встречу с командой Ганы «Блэк стар». Футболисты московского «Динамо» провели игру на очень низком уровне, не проявили должной воли к победе и проиграли со счетом…» Ну-ка угадайте, с каким счетом проиграли?

— Ммм… Если по итогам международного товарищеского матча принято постановление главной государственной спортивной организации, то, наверное, проиграли со счетом 0:7 или 0:8. С разгромным счетом.

— «…и проиграли ее со счетом 1:2. Отдельные игроки: тт. Урин, Федосов, Кесарев — проявили в игре безответственность и трусость…»

— Вот как, даже трусость? Владимир Кесарев, который входил в сборную СССР, был надежным и самоотверженным защитником. Федосов, которого за поистине королевскую игру в нападении и за номер на футболке почитатели называли «Генрихом Десятым». Валерий Урин, забивавший в пору расцвета гол за голом из матча в матч. Это они — трусы?

— «… Руководство Московского городского совета «Динамо» (тт. Дерюгин, Семичастный) и старший тренер команды т. Блинков не проявили… не обеспечили… снизили… На руководителей МГС «Динамо» и команды, не обеспечивших… наложено взыскание». Вот так. А вы — «казус»…

— Нет, я что. Постановление — вещь, конечно, важная. Надо же функционерам от

спорта каким-то образом реагировать на явления окружающей действительности! А то ведь можно подумать, будто они, функционеры от спорта, вовсе и не нужны. Постановление 1970 года оказалось тем более «полезным», что после него наша сборная попала в финальную часть чемпионата мира только в 1982 году. Ну а чтобы по поводу товарищеских матчей принимались грозные протоколы-разносы, — о таком, к стыду своему, занимаясь спортивной журналистикой три десятилетия, не слыхивал. Ах они, такие-сякие динамовцы, посмели проиграть хорошей профессиональной команде из Ганы со счетом аж 1:2! Наказать их непременно, этих трусов-динамовцев! И при случае, если «сверху» поинтересуются, можно отрапортовать: отреагировали оперативно, меры приняты, виновные получили взыскания. Чиновник дело знает.

Ладно, как говорят атеисты, Бог с ними, с постановлениями, Константин Иванович. Есть вопрос к вам. Много лет собираю футбольные справочники, делаю вырезки из газет и журналов, скопилось большое досье. И в этом досье нахожу целый разворот, две страницы журнала «Спорт в СССР» (издание журнала «Советский Союз»), № 7 за 1964 год. Через обе эти страницы проходит крупный заголовок: «Константин Бесков тренирует сборную 1966 года». С чего же начали вы в 1963-м подготовку к чемпионату мира, на который вам не суждено было повезти нашу дружину?

— Оставались считанные месяцы до первых отборочных игр Кубка Европы. Мне нужно было не просто проводить учебно-тренировочную работу. Надлежало заново сколачивать состав сборной.

— Сбои нашей команды на чемпионате в Чили (ничья со сборной Колумбии — при том, что наши футболисты по ходу встречи вели в счете 3:0 и 4:1, слабое выступление в четвертьфинале) оставляли неприятный осадок в душе, вызывали тревогу за дальнейшую судьбу команды. Яшина тогда вовсю обвиняли: дескать, именно из-за него проиграли турнир…

— Ему шел тридцать четвертый год; настроение у Льва было прескверное. Я спросил его напрямик: «Лев, у тебя есть желание играть?» Он ответил: «В принципе есть. Но уж очень горько, тягостно на душе». Тогда я сказал: «Время — лучший доктор. Будем играть!»

Первый сбор мы провели в Воронеже. Я собрал всех тех, кто ездил в Чили: познакомиться с ними, вместе попробовать разобраться в происшедшем на чемпионате-62. Многие игроки сборной были после чилийского турнира морально травмированы, болельщики их жестоко освистывали…

— О эти «великодушные» болельщики… Они освистывали Яшина. Они кричали: «Гуся с поля!» — про великолепного Игоря Нетто, бессменного в течение многих лет капитана сборной СССР, выигравшей олимпийские золотые медали 1956 года и Кубок Европы 1960-го. Своими обидными репликами («Балерина!») они гнали с поля виртуозного Валентина Иванова, когда ему исполнилось тридцать. Три года подряд — в 1966, 1967 и 1968-м — приводил киевское «Динамо» к победам в чемпионате СССР Виктор Александрович Маслов; затем был уволен, вернулся в родное «Торпедо», а когда приехал с ним в Киев, фамилия Маслова, объявленная диктором по стадиону, была встречена стотысячным свистом… Короткая память у многих наших, с позволения сказать, «любителей» футбола. Может быть, и в этом одна из причин того, что теряем мы футбольные таланты, что никак не удается достичь главных высот в этом виде спорта?

— Может, и так. Однако вернемся к сборной 1963 года. Я стал решительно укреплять, реконструировать ее состав, улучшать игру команды. Пригласил Альберта Шестернева, Геннадия Логофета, Виктора Шустикова, Валерия Короленкова, Алексея Корнеева, Валерия Воронина, Анатолия Крутикова, Галимзяна Хусайнова, Рамаза Урушадзе, Эдуарда Малофеева…

Приняв команду в 1963-м, я решил действовать так, как велят долг и верность делу, мое видение игры, мой опыт. Стал создавать «команду своей мечты».

Начали мы с того, что в Одессе провели товарищеские встречи со сборной Японии (выигрывали крепко, один матч

окончился со счетом 8:0). Затем пригласили себе в спарринг-партнеры клубные команды Дании, Норвегии, заведомо несильные, дабы победить их наверняка: надо было, чтобы ребята почувствовали, что умеют и могут забивать. Обыграли в Москве «Ференцварош», половина игроков которого входила в состав сборной Венгрии.

Тем временем тщательно изучали своих основных конкурентов в борьбе за Кубок Европы — сборные Италии и Швеции. Сектор зарубежного спорта Всесоюзного научно-исследовательского института физкультуры регулярно готовил для нас информационные вестники: распорядок дня наших соперников, ход их тренировочных и официальных матчей, характеристики игроков, статистика, высказывания мировой прессы об этих двух командах.

Затем мы провели первое свое состязание с национальной командой: в Москву наведалась сборная Венгрии. Сыграли 1:1, игра оказалась весьма полезной, выявила некоторые наши уязвимые места. Наконец настал день 13 октября. Московский отборочный матч со сборной Италии.

Лев Иванович Яшин к тому моменту чувствовал себя гораздо увереннее, чем за три месяца до этого. Но ему предстояло в ближайшее время лететь в Лондон для участия в «матче века» между сборными «всех звезд» мира и Англии. Эта игра была назначена на 23 октября. Яшин взволнованно к ней готовился, и мне не хотелось вторгаться в этот настрой. Я решил доверить охрану ворот голкиперу тбилисского «Динамо» Рамазу Урушадзе. Рамаз был в отличной форме, и я рискнул»

Накануне матча старший тренер итальянцев Эдмондо Фаббри сделал заявление прессе: «Я уверен, что наша команда этот матч не проиграет».

Он присутствовал на нашей тренировочной встрече с венграми. Он исследовал номера гостиницы «Ленинградская», в которой предстояло остановиться в Москве его футболистам.

Изучил меню гостиничного ресторана и пришел к выводу, что нужно привезти с собой в Москву итальянского повара. Фаббри убедил руководство Федерации футбола СССР в необходимости проводить отборочный матч при естественном, дневном освещении, а не вечером при электрическом.

Обо мне Фаббри высказался в итальянской печати так: «Бесков — приверженец современного стиля игры, но скептически относится к широкому маневру нападения, который исповедовали его предшественники».

Каким образом он это вычислил, судить не берусь. Мы ни таких, ни каких-либо других заявлений прессе не делали.

Досье наши пухли изо дня в день, информация тщательно изучалась: кто у них получил травму, кто в какой форме, кто какие результаты показал в различных упражнениях…

Московский матч со сборной Италии мы выиграли со счетом 2:0.

— Константин Иванович, позвольте процитировать газетные рецензии тех лет. «В первом тайме была видна лишь одна команда, советская, — писала об этом матче итальянская газета «Аттилио камориаио». — Бесков решительно изменил систему 4+2+4 на 5+5, встречал парней Фаббри в своей зоне прочно и непоколебимо. Головокружительный темп, предложенный в первом тайме пятеркой атакующих во главе с Ивановым, привел нашу сборную к краху».

А вот мнение газеты «Попполо»: «Ребята Бескова доминировали тактически и динамически…»

Наконец сам Эдмондо Фаббри: «Бесков сформировал атакующую команду, и на этот раз прав был он».

Все итальянские газеты хором говорили о реванше, о том, что в ответном матче на своем поле их «Скуадра адзурра» («Голубая дружина») вполне может отыграться и даже выйти вперед.

Предоставим, однако, слово и нашей стороне, участнику отборочной встречи, центральному защитнику сборной СССР, заслуженному мастеру спорта СССР Виктору Михайловичу Шустикову:

«Пребывание в сборной, работа под руководством такого великолепного тренера, как Константин Иванович, стала для меня да и, уверен, для многих моих товарищей из других клубов страны настоящим университетом… С первого момента Бесков нацеливал всех без исключения игроков на творческий подход к игре, на самое широкое проявление своих индивидуальных качеств, а в целом — на обеспечение широкой наступательной стратегии. Ценнейшее качество Бескова-педагога — внимание к игроку, желание и умение сделать так, чтобы все было ясно. Насколько это дорого и важно, насколько благоприятствует созданию доброй творческой атмосферы в коллективе.

«Ребята, я безоговорочно верю в вас и знаю, что сегодня каждый покажет все лучшее, на что способен», — такими словами

напутствовал он нас перед самым выходом на поле. И я счастлив,

что сумел в матче со сборной Италии оправдать доверие и надежды Бескова. Отвечая на вопрос корреспондента, кто из наших футболистов сыграл в этом матче наиболее удачно, Константин Иванович заявил:

«…Порадовал Шустиков. Он сыграл лучше, чем играет обычно, был хорош в отборе мяча, а главное — оказался одним из тех немногих, кто с самого начала не поддался огромному психологическому воздействию обстановки и проявил самообладание, уверенность в себе и спокойствие, которые затем передались его товарищам по обороне». Это цитата из книги В. Шустикова «Футбол на всю жизнь».

И еще позвольте мне, Константин Иванович, описать один забавный эпизод, вам не известный. Он произошел за несколько дней до вашего отъезда на вторую игру с итальянцами.

Сборная СССР, как вы помните, провела собрание в кинозале под трибунами Малой спортивной арены Лужников. Вы разрешили присутствовать на этом собрании нескольким журналистам, в том числе мне и фотокорреспонденту «Недели» Николаю Рахманову. В программе собрания был просмотр кинопленки, запечатлевшей московский матч против итальянцев. Мы с Рахмановым нашли себе места на самой задней скамье; перед нами сидели Яшин, Иванов, Воронин, Шестернев и Метревели.

Необходимо при этом сказать, что Николай Рахманов, окончивший и музыкальную школу, признанный фотохудожник, победитель международных конкурсов фоторепортажа, в футболе не понимает ничего. Когда на экране Валентин Иванов стал устанавливать мяч для выполнения штрафного удара примерно из центрального круга, Рахманов спросил меня: «Это что, пенальти?» И тут вся скамья сидевших впереди нас знаменитостей, как по команде, обернулась посмотреть, кто задает такой «дельный» вопрос. А Валентин Иванов с подчеркнутой любезностью, в которой сквозила великолепная ирония, объявил: «Нет, это не пенальти. Пенальти исполняется с одиннадцатиметровой отметки перед воротами. А это штрафной удар».

Через некоторое время, когда сборная СССР уже вела со счетом 2:0, Коля Рахманов опять-таки довольно громко спросил меня: «Удастся удержать счет? Не сквитают?» На что Валентин

Иванов, лучезарно улыбаясь (представляю, какое он получал от этого удовольствие), ответил: «Не беспокойтесь. Так 2:0 и останется».

Когда зажегся свет, вся сборная приподнялась посмотреть, кто это из журналистов так «профессионально» разбирается в футболе. Коля Рахманов был польщен общим вниманием.

А потом я стал свидетелем, как один из моих коллег приставал к Льву Яшину: «Какое у вас настроение перед ответным матчем в Риме?» — «Откуда же мне знать, какое у меня будет настроение 10 ноября», — отвечал Яшин. «Но вы же превосходно выступили за сборную мира, — наседал репортер, — у вас должно быть замечательное настроение!» — «Почему «замечательное»? Почему «превосходно»? — возразил Яшин. — Мы ведь в Лондоне проиграли». — «Проиграла сборная «Все звезды мире», — продолжал настаивать репортер. — Вы ведь не пропустили ни одного мяча». — «Все равно мы проиграли», — подвел черту Яшин. Я тогда подумал: если он даже мысленно не отрывает себя от символической команды, собравшейся всего на девяносто минут, то как же он болеет за дело в родном «Динамо» и в сборной СССР…

— И правильно подумали. «Яшин нас напугал», — признавался журналистам после римского матча 10 ноября ведущий хавбек итальянской сборной Джанни Ривера. Когда Яшин накрыл мяч, сильно посланный Сандро Маццолой с одиннадцатиметрового, римская публика была совершенно ошеломлена и утратила надежду на реванш. В общем, со счетом 2:0 и 1:1 мы итальянский барьер преодолели.

Первого декабря сыграли вничью, 1:1, с командой Марокко в Касабланке. Впрочем, не стану утомлять читателя перечислением матчей, забитых и пропущенных мячей — это шла тренировочная работа, подготовка к поединку со шведами. 13 мая 1964 года в Стокгольме мы сыграли со сборной Швеции вничью — 1:1, неделю спустя выиграли в Москве товарищескую встречу со сборной Уругвая — 1:0, а еще через неделю дома одолели шведов — 3:1 и таким образом пробились в полуфинал Кубка Европы. Предстояло ехать в Испанию, где собирались все четыре полуфиналиста: испанцы, венгры, датчане и мы.

— Прежде чем отправимся в Испанию, давайте перелистаем газетные и журнальные вырезки тех далеких дней? «Франс футбол», издание авторитетное и комплиментами не разбрасывающееся, считало так:

«Бесков выиграл поединки с такими опытными стратегами, как Фаббри и Ниман. Капитально обновив состав сборной СССР, влив в нее свежие силы, он добился того, что команда стала играть интереснее, красивее, мощнее…»

А вот что написал о победе сборной СССР над шведской командой редактор западногерманского журнала «Киккер» Карл-Хайнц Хайман, известный советским любителям спорта (он часто бывал в Советском Союзе):

«Против шведов всегда играть трудно. Это мы знаем лучше, чем кто-либо другой. Но советская сборная доказала, что шведы не непобедимы, их можно «прибрать к рукам»… Первый гол Понедельника оказался решающим для определения характера игры. Он успокоил футболистов советской сборной. А после перерыва ее нападение выглядело опасней и мощней. Впрочем, было мало продольных передач. Такую передачу я увидел только при втором мяче, забитом Понедельником. Третий гол — Воронина — был хрестоматийным. Иванов и Воронин в середине поля дважды обменялись пасами, затем Иванов выдал мяч на свободное место — на ход Воронину, и тот неотразимо пробил. Я назвал бы этот гол самым интеллектуальным во всем этом матче. В тактике советской сборной мне, откровенно говоря, не удалось разобраться. Конечно, она придерживалась схемы 4+2+4, но направление атаки было слишком смещено влево…»

— Не могу оспаривать мнение такого опытного специалиста, как Хайман. Замечу лишь, что схемы 4+2+4 мы придерживались только во время своей атаки. Если же начинали обороняться, то сразу просматривалась схема 1+4+2+3. Воронин отходил в линию защиты, Шестернев становился «последним рубежом» перед своим вратарем за спиной четырех (с Ворониным) защитников, словом, тем, кого итальянцы зовут «либеро» («свободным»), а наши болельщики — «чистильщиком». Место Воронина занимал Иванов.

В промежутках между отборочными матчами мы еще успели съездить в Мексику. Были приглашены участвовать в традиционном турнире «Торнео секстагональ». Кроме нас на нем выступили бразильская команда «Сан-Пауло», югославский «Партизан», мексиканские команды высшей лиги «Некакса», «Америка» и «Гвадалахара».

Стадион в Мехико, вмещающий 75 тысяч зрителей, на каждом нашем матче был переполнен. На «Селекциону русу», как называли нашу сборную мексиканцы, народ ходил с огромным интересом.

Мы выиграли «Торнео секстагональ». Первую встречу, с белградским «Партизаном», свели к ничьей. Одолели все три мексиканские клубные команды. Обыграли «Сан-Пауло» — 4:0. Луис Регейро, игрок знаменитой сборной Басконии, приезжавшей в Советский Союз в 1937 году и познакомившей нас с системой «дубль-ве», посмотрев игры сборной СССР в Мехико, оценил их так: «Селекциона руса — люксус!»

Затем мы совершили небольшое турне по Франции, провели там несколько игр со спарринг-партнерами. И приехали в Барселону, чтобы 18 июня 1964 года встретиться в полуфинале розыгрыша Кубка Европы со сборной Дании. Ее нападение в то время возглавлял известный центрфорвард Оле Мадсен.

Знаете, полуфинал есть полуфинал. Недооценивать противника вообще не стоит, тем более в полуфинале. Датчане не считались тогда футбольной элитой Европы, однако я старался настроить наших ребят на самую трудную борьбу. Не стану пересказывать содержание установки на эту игру: каждый тренер находит те слова, которые кажутся ему наиболее правильными и убедительными в конкретной ситуации. Счел необходимым огласить на собрании команды некоторые высказывания испанской прессы, преподносившей команду Дании «отнюдь не как подопытного кролика, с которым запросто расправится сборная СССР». И почувствовал, что участники нашей команды прониклись ответственностью, готовы сразиться не на шутку.

То были подлинно звездные часы моей жизни. Представьте состояние человека, который занят своим любимым делом, и ему никто не диктует, как поступать, не навязывает своего мнения, не вторгается в его творческие планы. И прекрасно, что жизнь тренера состоит из сплошных забот: тут и медицинское освидетельствование, и взвешивание каждого игрока, и личная беседа с каждым, и лечение травм, и вмешательство в вопросы питания, отдыха, а иногда и в личную жизнь футболиста — настолько, насколько это допустимо. Скажем, у кого-то из игроков ожидается в семье прибавление: тренер может мягко поинтересоваться, мальчика ждут или девочку, как думают назвать. Мол, желаю тебе и твоей семье счастья; надо, чтобы твой сын или дочь гордились отцом, так что сыграй в этот раз в честь новорожденного… Когда в коллективе все ладится, радостное ощущение своей необходимости и общности со всеми участниками работы придает силы и веры в успех.

На пути к полуфиналу Кубка Европы мы, сборная СССР, не проиграли ни одного матча. Мы сплачивались и верили друг другу. Каждый из нас читал в глазах единомышленников убежденность в возможностях коллектива.

…Воронин, Понедельник и Иванов забили датчанам по мячу. Три сухих гола. Для меня это был итог недолгой, но (не люблю чересчур эмоциональные эпитеты) напряженной работы. Для команды — тоже. Команда знала, что наша цель — удачное выступление на чемпионате мира-66. На наших собраниях я ставил задачи конкретные, на ближайшие игры, но всем было ясно, что главное для нас — мировой чемпионат.

Конечно, Кубок Европы был нам далеко не безразличен. Его выиграли наши предшественники, сборная 1960 года, и в наших рядах были некоторые из его обладателей. Делом чести считали мы повторить их успех.

21 июня 1964 года. Мадрид, стадион «Бернабеу». Финал. С момента, как я принял сборную, до этого дня прошло около десяти месяцев. И без того пылкая публика обзаводилась при входе на стадион маленькими государственными флагами Испании и текстом государственного гимна. Над трибунами стоял мощный гул, то и дело взрывались хлопушки, дымовые шашки, петарды, взлетали в небо разноцветные ракеты. С утра шел проливной дождь, поле несколько раскисло, стало тяжелым, но зрителей это не остудило.

Каково же мое ощущение от финала? Защитники допустили несколько ошибок, две из которых стоили нам двух мячей. Сначала Шустиков, всегда такой старательный, неаккуратно принял мяч на грудь — мяч отскочил вдруг метра на три и попал прямо на ногу Переде… А за шесть минут до конца второго тайма Шестернев не пошел на передачу с правого фланга (поступи он оперативно, как обычно, и мог бы ее прервать). Марселино успел к мячу раньше всех и, сыграв на опережение, головой послал его в ворота с близкого расстояния. Даже Яшин не мог выручить в этих ситуациях. В целом же игра шла примерно на равных.

У нашего нападения были немалые возможности взять ворота соперников. В общем, счет 2:1 в пользу испанцев отражает ход игры.

— Знаю вашу сдержанность, Константин Иванович, ваше неприятие лишних эмоций. Но должны же вы были видеть: получается у нашей сборной игра или нет?

— Я и не скрываю: в тот день выиграть у команды Испании было более чем трудно. Ни с кем тогда не делился этим ощущением, но оно меня не покидало.

— Сравниваю эту игру с финалом первенства Европы 1988 года. Оба финала смотрел по телевидению, как и многие миллионы любителей спорта в мире. На «Бернабеу» — ревущая толпа,

присутствие каудильо Франко и его фаланги, взрывы испанского темперамента. А в ФРГ на трибунах было сравнительно спокойно, к нашим футболистам публика относилась доброжелательно. Задаю себе вопрос: могла ли наша сборная победить блестящую команду Голландии второй раз подряд за короткое время турнира? Команду с такими виртуозами, как Гуллит и Ван Бастен, с другими отличными мастерами? Положа руку на сердце отвечаю: при счастливом стечении обстоятельств, особом везении — могла. А закономерно — нет, не смогла бы. Когда Беланов не сумел забить одиннадцатиметровый, стало ясно, что и сборная не сможет выиграть в этот день. И хорошо, что никто дома не стал за проигрыш «снимать стружку», и Валерию Лобановскому дали возможность спокойно работать.

Сразу после выигрыша Кубка Европы 1964 года Хосе Вильялонга, старший тренер сборной Испании, заявил для прессы:

«Наша победа в финале особенно нам дорога, потому что одержана в единоборстве с таким сильным и, позволю себе сказать, великолепным противником, как сборная СССР. Я видел ее в Риме, в Стокгольме, в Москве против венгров, наконец, видел ее сегодня — яростную, неповторимую, сражающуюся до конца. Я могу сказать убежденно, что это команда современная, мудрая, интересная, опасная для любого соперника. Считаю, что такое достижение делает честь советскому футболу…»

И еще раз высказался журнал «Франс футбол»:

«Советы с помощью Константина Бескова создали интересную команду — пожалуй, самую мощную и интересную, какую им когда-либо удавалось создать».

Андрей Старостин в книге «Флагман футбола» написал о финальном поединке следующее:

«Игра с испанцами носила огневой характер. Еще на лестнице, ведущей из раздевалок на поле, я обратил внимание на очень возбужденный вид испанских игроков. Глаза их неестественно блестели, а лица, в контрасте с этим горячечным блеском, казались бледными, словно неживыми. Я поделился своими наблюдениями с Константином Ивановичем. Он пожал плечами… Действительно, допинг-контроль в соревнованиях даже высшего футбольного ранга тогда отсутствовал. Испанцев, помимо всего, подогревал баснословно повышенный гонорар за победу…»

— Вряд ли стоит сегодня пенять на возможный (это никак не доказано) допинг, якобы принятый испанцами. Они играли здорово. Мы пропустили гол, Галимзян Хусаинов сравнял счет, и у меня не было чувства полной безысходности: наши футболисты тоже делали все возможное.

— Константин Иванович, давайте дочитаем до конца абзац из книги Андрея Старостина:

«Знакомясь с отзывами специалистов в европейской прессе, я поздравлял Бескова с возведением в звание маэстро, повергшего Фаббри, Нимана и чуть было не повторившего то же самое в Мадриде с Вильялонгой. Зарубежные специалисты ставили Бескова в один ряд с англичанином Уинтерботтомом, бразильцем Феолой и другими светилами. Однако «серебро» оказалось недостаточно ценным материалом. Вдруг Бесков освобождается от должности старшего тренера. Он принял неожиданный удар стоически, только сначала побледнел, потом покраснел, но как член президиума федерации не ушел с заседания и до конца этой Голгофы пронес свой крест, вместе со всеми проголосовав за снятие с повестки дня пункта об утверждении плана дальнейшей подготовки сборной к чемпионату мира в Англии, — плана, несколько часов назад согласованного им с председателем президиума Федерации футбола СССР Н. Ряшенцевым… Мне стало ясно, что и я должен заботиться о трудоустройстве. Что вскоре и свершилось».

— Мы не восприняли поражение трагически. Было сожаление, вновь и вновь обсуждали упущенные моменты, но самоистязанием никто из игроков или тренеров заниматься не собирался. В сущности, все понимали: в той ситуации вырвать Кубок из рук сборной Испании было более чем трудно… Ну а по приезде в Москву нас с Андреем Старостиным немедленно вызвали на заседание президиума федерации.

Высказываются Николай Ряшенцев, его приближенные: почти каждый подчеркивает, что поставленную перед сборной задачу не выполнили, успех не обеспечили. Беру слово, пытаюсь объяснить, что задачу перед нами ставили совсем иную — подготовить сборную к чемпионату мира 1966 года, что команда находится в стадии становления, что именно об этом шел официальный разговор, когда меня назначали тренером…

Все доводы — впустую. Вновь выступают те, кто сидел в Москве, поглядывал на экран телевизора и покряхтывал: «Эх, не увезти из Мадрида Кубок!» Они, что называется, давят. Вторично беру слово, доказываю, что беспокоюсь отнюдь не за себя: новый старший тренер начнет менять команду на свой лад и взгляд, а

она только-только стала набирать сыгранность и силы, темп и уверенность в себе; десять месяцев — минимальный срок для подготовки, а большим мы не располагали… Тщетно. Принимается постановление — не сомневаюсь, заранее подготовленное.

Как только заседание завершилось, подхожу к Ю. Д. Машину. Напоминаю ему его собственные слова: «Время у вас есть, готовьте сборную к мировому турниру 1966 года, мы вам верим». От разговора на эту тему, от поставленных напрямик вопросов Машин уклоняется и уходит.

В кулуарах — не совсем внятные намеки, дескать, финальный матч вызвал негодование Никиты Сергеевича Хрущева: проиграли франкистам в присутствии самого Франко — это политический проигрыш, опозорили наше Красное знамя, уронили честь Советского государства…

Вскоре выносится постановление Центрального совета Союза спортивных обществ и организаций СССР, по сути своей продублировавшее постановление президиума Федерации футбола СССР.

О чем я думал в те дни? «Я — коммунист. К делу отношусь так, как должен относиться коммунист. Значит, мне следует обратиться в Центральный Комитет КПСС, там разберутся по справедливости». Решаю обратиться к секретарю ЦК КПСС Леониду Федоровичу Ильичеву: он в то время ведал идеологическими вопросами.

Звоню его помощнику. Объясняю сложившееся положение и свою позицию. Прошу, чтобы мне уделил какое-то — самое минимальное, лишь бы уложиться — время Леонид Федорович. Помощник Ильичева предлагает позвонить завтра. Звоню назавтра. Помощник передает мнение Л. Ф. Ильичева: «Константин Иванович! И вы без работы не останетесь, и сборная без старшего тренера не останется». «Гибкая» форма отказа в аудиенции.

Не сдержали слово организаторы нашего спорта. Необъективно было оценено выступление сборной СССР на европейском чемпионате 1964 года. Вот почему не издавался тогда яркий плакат с торжествующей надписью: «Сборная СССР — серебряный призер первенства Европы 1964». Видите, как подробно я ответил на ваш вопрос «с оплаченным ответом».

— В таком случае, Константин Иванович, я уже не для вас, а для читателя процитирую высказывание известного футбольного наставника, много лет посвятившего команде киевского «Динамо» и сборной Советского Союза. У Валерия Васильевича Лобановского

свой, весьма острый взгляд на обсуждаемую историю, изложенный в его книге «Бесконечный матч».

«…Парадоксальная сложилась ситуация. Нас позвали помочь сборной перед Мексикой, а по завершении чемпионата (1986) не сказали ни слова, ни полслова о том, что будет с нами дальше. Когда я попробовал поставить вопрос официально, напомнил о существовании такой формы, как заключение контракта на какой-либо срок, в ответ последовало: «Вы пока работайте». Неопределенность положения не способствовала, конечно, нашему настроению. Мы вольны были понимать дело таким образом, что каждый следующий матч может стать для нас последним.

Надо сказать, а таком положении среди наших тренеров мы оказались не первыми. Мне запомнился случай, пожалуй самый вопиющий, происшедший в 1964 году с К. Бесковым. Он провел тогда команду по сложному пути до финального мачта розыгрыша Кубка Европы среди национальных сборных, что само по себе значительный успех… Представьте себе; испанская сборная — на своем стадионе, ее поддерживают 120 тысяч экспансивных зрителей, английского судью Артура Эллиса трудно упрекнуть в предвзятости, но его симпатии к хозяевам поля очевидны. И в таких условиях 1:2 — в преимущественно равной борьбе. Получены серебряные медали, команда стала второй на континенте. Комментируя этот финал, тренер Английской футбольной ассоциации Аллен Вейд заявил: «Всякий англичанин, который посмотрел бы финал этого интересного соревнования, мог сказать: «Настоящий кубковый финал!» В самом деле, Испания и СССР продемонстрировали темп, физическую подготовку, темперамент. Острое соревнование с хорошей увлекательной концовкой!»

Концовка действительно получилась «увлекательной». Игра была высоко оценена европейскими специалистами; ряд игроков, в частности Лев Яшин и Валерий Воронин, привлекались по итогам Кубка Европы в состав сборной Европы, фигурировали в различных символических сборных, а тренера… уволили. Кто это сделал и почему?

К сожалению, инициаторы подобных решений, принимаемых чаще всего келейно — волевым способом, остаются безымянными. Их подписей нет на бумаге… «Есть мнение» — выражение, сопровождаемое обычно взглядом в потолок, будто там, на следующем этаже или на крыше, сидит «некто», это «мнение» изрекающий. Действует безотказно.

Кажется, зачем повторять то, что происходило двадцать с лишним лет назад? Только для того, чтобы учиться на ошибках, которые, увы, повторяются.

При всем моем уважении к Николаю Петровичу Морозову, назначенному старшим тренером сборной после отставки Бескова, я убежден, что советская команда выступила бы на чемпионате мира 1966 года в Англии лучше и вполне могла если и не стать чемпионом мира, то уже в финале-то играть точно, — в том случае, если бы остался Бесков. Он начал кропотливую работу по формированию сборной, по постановке ее игры. В работе этой он продвинулся далеко, но завершить ее ему не позволили.

В результате смены тренеров было упущено то, чего ничем не компенсировать: время. Упущено по воле лица, пожелавшего остаться неизвестным. Лицо, которое, будучи весьма далеким от спорта вообще и от футбола в частности, полагало, что «духу нашему спортивному — цвесть везде!» и уж если не случилась победа, значит, тренера надо гнать взашей.

Полностью согласен с вами, Константин Иванович, когда вы через день после того, как «Спартак» в 1987 году стал чемпионом СССР, сказали в одном интервью: «Можно критиковать игру, и я далеко не всегда ею доволен, и далеко не каждый выигрыш улучшает мне настроение. Но — беспардонно вмешиваться в мою работу!.. И хотя за годы тренерской жизни я вроде бы ко всему привык, мне странно видеть в команде и возле команды людей, предрекающих нам провал, готовых, стоит нам чуть оступиться, камня на камне не оставить от построенного нами с таким трудом».

Неблагодарное занятие — выдвигать теперь гипотезы: что могло бы получиться, если бы сборную, выигравшую столько встреч на самом высоком уровне, обретавшую оригинальную и эффективную игру, удалось бы выработанными вами методами и по проверенным состязаниями принципам подвести к финальной стадии чемпионата мира 1966 года. «Если бы да кабы», — усмехнется оппонент. Но мнение Лобановского основано на его собственном опыте: вы много лет соперничали с ним, спартаковцы под руководством Бескова не раз крепко огорчали киевских динамовцев и их наставника — следовательно, Лобановскому есть за что на вас сердиться, а он высказывается полностью в вашу пользу!

Нападение, которое создавал ваш преемник в сборной Николай Морозов, сделав ставку прежде всего на Эдуарда Малофеева и Анатолия Банишевского, игроков достаточно прямолинейных, с самого начала не производило впечатления состоятельного, способного обеспечить взятие ворот сильных соперников (что и подтвердилось в ходе матчей мирового турнира). Не был привлечен в сборную 1966 года Эдуард Стрельцов. А Стрельцов, тончайший тактик, коварнейший форвард, был тогда, в свои 28 лет, необыкновенно опасен для любого противника. Под стать ему постоянный партнер Стрельцова, тоже своего рода профессор футбольных наук Валентин Иванов. Да, ему шел тридцать второй год. И что же из этого? Иванов всегда умел к нужному моменту достигать пика своих физических возможностей, а уж сколько мячей забил он в ворота самых разных национальных команд! Не попал в сборную Морозова и щедрый на голы Виктор Понедельник. Не попали и многие другие: «не показались» новому тренеру, хотя в команде Бескова делом доказывали свою необходимость и полезность. Четвертое место, занятое нашей командой на чемпионате мира в Англии, — тот предельный минимум, которого она и была способна достичь, осуществляя концепцию Морозова. Но ведь именно в тот период наличие отличных футболистов позволяло рассчитывать на большее! Если бы не помешали сверху.

— То была не первая несправедливость, которую мне довелось пережить и наблюдать. Вспомним хотя бы разгон олимпийской команды СССР 1952 года, расформирование знаменитого ЦДКА — базового клуба той сборной. За то, что в повторном матче не выиграли у сборной Югославии, был дисквалифицирован выдающийся тренер Борис Андреевич Аркадьев, лишены почетных званий заслуженных мастеров спорта Валентин Николаев, Константин Крижевский, Александр Петров и я.

— Константин Иванович, как практически это все происходило?

— Когда после повторной игры с югославами мы пришли в свою раздевалку, там воцарилась горестная, просто траурная тишина. А ведь накануне был матч с той же югославской сборной, когда, проигрывая со счетом 1:5 (этот пример стал классическим, хрестоматийным), мы сумели вырвать ничью, сделать счет 5:5. Тогда в раздевалке после игры нас целовали, многих из нас качали руководители спортивной делегации, работники посольства СССР в Финляндии, различные официальные и неофициальные лица. А тут, повторяю, траурная тишина. Мы

опозорились. Мы никому не нужны.

Прибываем в Москву — команду никто не встречает. Через некоторое время по одиночке вызывают в Комитет по делам физкультуры и спорта, прямо в кабинет председателя комитета Романова, и там звучит презрительное: «За ошибки в игре, за то-то и за то-то, за все вместе с тебя снимается почетное звание заслуженного мастера спорта СССР!» Я, конечно, не смолчал: «За что? У меня за все годы игры в футбол — ни единого замечания!» Присутствовавший в кабинете Романова работник аппарата ЦК КПСС Зубков (он как бы олицетворял партию во время этой процедуры) бросил по моему адресу реплику: «Ты еще смеешь вопросы задавать?»

Борис Андреевич Аркадьев после этого разгона больше года не мог получить работу.

— Обо всех участниках олимпийской сборной вы, Константин Иванович, наверное, судить не можете; но скажите — лично себя считаете ли в чем-то виновным? Я имею в виду поражение от югославов в повторном матче Олимпиады 1952 года.

— Давайте спокойно во всем разберемся. Сборную в 1952 году формировали, в сущности, впервые. Опыта соревнований столь высокого уровня ни у кого из ее тренеров и футболистов не было. Под знамя олимпийской сборной созвали множество игроков: хватило бы на четыре состава. Готовились долго, на целых шесть месяцев футболисты были оторваны от своих клубных команд. Проводилось много двусторонних тренировочных матчей, товарищеских игр, в том числе международных. Словом, как я понимаю теперь, перестарались, переусердствовали.

За месяц до выезда в Хельсинки во время одной из тренировочных игр я получил серьезную травму: надрыв задней поверхности правого бедра. Такая травма не позволяет играть (уж поверьте, я в них разбираюсь, у меня всякие были, полный набор). Двадцать пять дней старался ее залечить, но даже тренироваться не мог.

За неделю до отъезда в Финляндию чувствую, что пока я не игрок. Обращаюсь к Аркадьеву: «Борис Андреевич, я не в форме, двадцать пять дней не могу тренироваться». Он отвечает: «Поздно, Константин. Кого-то другого вместо вас оформить не успеем (это ведь в пятьдесят втором году происходит, речь идет о выезде в капстрану). Придется вам съездить. Поприсутствуете. Может быть, вам и на поле выйти не доведется, но наличие в советской команде Бескова будет иметь значение — и для ваших товарищей, и для иностранных соперников».

На первую игру — со сборной Болгарии — меня даже в число запасных не включили. С большим трудом одолели наши болгарскую команду — 2:1. Матч складывался кое-как, не клеилась игра у нашего нападения. Заметно было, что все перетренировались. Но кому до наших «технологий» было дело? Тогда доминировала политика: «Советские спортсмены сильнее всех!» С вышестоящей точки зрения, разумеется.

Перед матчем с югославами состоялся подробнейший разбор действий каждого в предыдущей игре. На этом собрании вдруг прозвучало руководящее: «А почему Бескова, такого опытного, умелого и результативного, не назначаете на игру?»

Борис Андреевич посмотрел на меня; в его взгляде выражалась гамма чувств. Мы с ним понимали, что назначать меня на игру не следовало бы. После паузы он сказал: «Константин, сыграете полусреднего. Вам вменяется в обязанности атаковать и в то же время противостоять левому полузащитнику югославов Златко Чайковскому, организатору и мотору их атак: нужно его нейтрализовать».

Я знал, что Златко Чайковский в тот период был, как говорится, в полнейшем порядке. Задачу передо мной поставили просто непосильную, если принять во внимание мою травму. Попросив слово, попробовал объяснить — не все (чтобы не подвести Аркадьева), а лишь общий смысл ситуации: «Организовать атаку — это я еще в состоянии, но совершенно не готов выполнять роль левого полусреднего, не готов к такому амплуа, не в той кондиции, там слишком большой объем работы. — Уж и не стал доказывать, что Чайковский в отличной форме. — Могу еще как-то сыграть на левом фланге, хотя и это не мое место». Со мной согласились, назначили на левый край нападения.

— Выходит, Константин Иванович, на Аркадьева подействовал начальственный «указуй»? А как же реноме несговорчивого, принципиального тренера?

— Такая слава была Аркадьевым. заслужена. И в данном случае он тоже, полагаю, не шел ни у кого на поводу. Борис Андреевич хорошо знал меня еще по довоенному «Металлургу», у него было достаточно случаев убедиться, что я себя в игре не жалею, выкладываюсь целиком, что интересы команды для меня главное. Скорее всего он тогда подумал: включенный в состав Бесков сделает все, что в его силах.

Я и в самом деле делал в той игре с югославами все, что было в моих силах. Кстати, трижды подавал угловые удары, и трижды мяч после этих подач оказывался в сетке ворот наших

противников. Особенно характерен третий угловой. Чтобы уравнять положение, нам нужен был один гол (счет уже был 4:5).

Мяч вышел за лицевую линию так, что подавать его должен был с правого края нашей атаки Василий Трофимов. Тут я ему и говорю: «Разреши я подам?» — «Давай, раз тебе так везет», — отвечает Трофимов. Я перехожу на правый край, устанавливаю мяч возле углового флажка, коротко разбегаюсь, навешиваю на штрафную площадь, и Александр Петров сквитывает счет — 5:5!

— Интересно, чем вы для себя объясняете везение с этими угловыми? Как говорил Суворов, везение везением, но надобно еще и умение…

— Подача углового — элементарный технический прием, стандартное положение. В тот день действительно какой-то рок вдруг навис над воротами сборной Югославии… Ну представим себе такой эксперимент. Ставится задача перед семью нападающими и полузащитниками: сейчас то с правого, то с левого края будет трижды подряд подаваться угловой, и вы всемером должны быстро забить все три мяча подряд. Перед вами — один вратарь, без защитников; уж одного-то вы обыграете! И что вы думаете, я отнюдь не убежден, что все три подачи от угловых флагов непременно увенчаются голами. Может быть, в одном случае вратарь выпрыгнет удачно и возьмет мяч намертво, может быть, сумеет перебросить через перекладину своих ворот еще раз на угловой, наконец, завершающий удар нападающего может пройти мимо цели (бить-то надо в одно касание!). Но все три угловых даже в искусственно созданных условиях не обязательно окончатся взятием ворот. А тогда, в Хельсинки, при насыщенной югославской обороне (в штрафной площади было тесно), удалось! Нет, что ни говорите, умение умением, но надобно еще и везение.

Вспомните гол Валерия Шмарова в ворота киевских динамовцев в предпоследнем туре чемпионата СССР 1989 года. Шли последние секунды матча. Ничья — 1:1 — устраивала киевлян, а спартаковцев ставила в неустойчивое положение: тогда им, чтобы стать обладателями золотых медалей, была бы жизненно необходима ничья в последнем туре с «Жальгирисом», не в Вильнюсе с ним играть трудно. Шмаров бил штрафной метров с восемнадцати прямо напротив ворот. Он торопился: время матча истекло, судья добавил сколько-то секунд, учтя остановки игры, вызванные столкновениями футболистов и выходами на поле врачей. Шмаров торопился пробить до того, как прозвучит финальный свисток арбитра. Следовательно, он не мог произвести тщательно выверенный удар. Я вовсе не

отказываю Шмарову в умении, удар у него поставлен, это им не раз доказано. Но этот удар получился идеальным, предельно точным и трудным для вратаря. И я совсем не убежден, что, располагая временем, не будучи в тисках обстоятельств, Шмаров повторит такой удар «по заказу».

Вернемся в Хельсинки 1952 года? Перед повторной встречей с югославской сборной я снова объяснил, что бедро не зажило (эта травма не позволяет бегать в полную силу, вот в чем беда). Но всех словно заворожили мои угловые. Поставили меня на место инсайда, опять с заданием атаковать и одновременно нейтрализовать Златко Чайковского. В партнеры слева мне был назначен Автандил Чкуасели, его решил испытать Аркадьев. Все мы чувствовали, что после перенапряжения в предыдущей встрече ни один из нас еще не восстановился, сил на эту переигровку может не хватить. Это при том, что югославы — опытнейшие бойцы, проверенные на международной арене, одна из сильнейших в то время сборных континента.

И сил нам не хватило. Каждый в отдельности еще мог не без успеха состязаться со своим югославским визави, а кое-кто даже переиграть соперника. Но все вместе, командой, мы в тот день уступали по многим статьям. Не только по запасу физических сил, не только по международному опыту, но и в сыгранности. И хотя мы повели в счете 1:0, затем не выдержали темпа, смешались и пропустили три мяча.

— Что ж, футболисты на своем жаргоне говорят: «Мяч круглый, поле ровное, обе половины одинаковые». Мы с вами видели, как сборная Бразилии во главе с великим Пеле после триумфов 1958 и 1962 годов была повержена командами Венгрии и Португалии в 1966 году. Бразильские болельщики сожгли символическое изображение старшего тренера Висенте Феолы, но этим и кончилось, и Пеле с партнерами никто не лишил почета. Поэтому бразильцы и сумели через четыре года, в Мексике 1970-го, в третий раз завоевать «Золотую богиню». За что же вас так сурово наказали (вопрос риторический, но задать его надо)?

— Был разгневан Сталин. Естественно, все его окружение вторило вождю. «Проиграть ревизионистам-югославам, на радость клике Тито и Ранковича!» — так ставился вопрос. «Не проявить подлинного патриотизма, не суметь выиграть при том, что нас более двухсот миллионов, а югославов сколько?» За это мало было снять звания заслуженных… Футбол, его закономерности, специфика, наконец, его случайности — в расчет не принималось ничего. Виновных нужно было наказать, и это сделали. Комитет по физкультуре и спорту оперативно

отреагировал. Все — по проторенным в других областях жизни дорожкам.

— И все же это было лишь одно из нескольких, даже многих прикосновений с несправедливостью в вашей жизни, Константин Иванович!

— Ничего не поделаешь, не я первый, не я последний. В конце восьмидесятых годов были освобождены от работы восемь старших тренеров команд высшей лиги. Садырин был изгнан из «Зенита», Емец — из «Днепра», Коньков — из «Шахтера», Андриасян — из «Арарата», Лемешко — из «Металлиста», Малофеев — из московского «Динамо», Остроушко — из «Кайрата», Шубин — из «Ротора». Сменялись старшие тренеры и в других командах.

— Получается, что футбольный тренер — одна из самых незащищенных профессий. С тренером никто не считается. Культ личности, оттепель, похолодание, застой, перестройка — тренер все с той же легкостью оказывается за дверями клуба, в котором вел поиск, селекцию, создавал концепцию игры, слаженные звенья… С вами такое, Константин Иванович, случилось, если не ошибаюсь, в московском «Торпедо»?

— Да, это были мои первые самостоятельные тренерские шаги. Я только начал создавать новую команду. Пригласил в «Торпедо» Александра Медакина, Леонида Островского, Кирилла Доронина, Николая Маношина, которого присмотрел в футбольной школе молодежи, Славу Метревели (его увидел в горьковском «Торпедо», привез в Москву и, пока ему негде было жить, поселил у себя дома). С отцом Валерия Воронина мы в свое время вместе служили в армии. И вот, узнав, что я возглавляю «Торпедо», Иван Воронин наведался ко мне в команду и сказал: «Вверяю тебе сына — заканчивает среднюю школу и прямо бредит футболом; погляди, может, и впрямь из него футболист получится».

Валерий Воронин оправдал надежды и стал одним из самых популярных мастеров в Европе.

Мы заняли тогда, в 1956 году, четвертое место в первенстве страны, и это был лишь старт настоящей работы. Но за моей спиной уже плелись интриги: «Не наш, не автозаводский, разгоняет старые кадры…» Действительно, я хотел освежить команду, освободить некоторых игроков, утративших кондиции. К тому же мы лидировали в первом круге, и кое-кто начал досрочно отмечать за столом будущие медали. Это не могло не привести к определенному спаду в игре, которым и воспользовались

недовольные мной. Собрались в парткоме автозавода имени Лихачева и вместе с заводским и партийным руководством стали обсуждать положение в команде — без меня, без старшего тренера… В сущности, такое игнорирование было вызовом, поддержанным в парткоме. Иначе партком поставил бы на место тех, кому не нравились дисциплина, большие нагрузки на тренировках и появление в команде талантливых молодых футболистов. Но поскольку заводские вожаки пошли на такой шаг — участвовали в собрании определенной группы футболистов, обсуждали с ними положение и мои действия, не удосужившись хотя бы пригласить старшего тренера на этот разбор, я решил не доказывать ЗИЛу свою правоту, а расстаться с ним — вежливо, но холодно. Подал заявление об освобождение от должности по собственному желанию.

— Гордость, Константин Иванович?

— Скажем спокойнее: чувство собственного достоинства. Не хотел да так и не научился унижаться. И уже не научусь.

— Но жалко же хорошее дело прерывать! Вы такие имена назвали… Именно те, которых вы перечислили, стали довольно скоро чемпионами СССР, многие украшали собой сборную страны.

— Жалко хорошее дело прерывать! Но что же делать — терпеть? Если тебя ударили по правой щеке, подставить левую? Михаила Иосифовича Якушина уволили из «Локомотива», обвинив в … некомпетентности! Уж в чем бы обвинили, но Якушина — в некомпетентности!.. За проигрыш на Олимпиаде надолго отлучили от футбола Аркадьева. Да и в моей судьбе история, происшедшая однажды в «Торпедо», повторялась.

Следующий «крах» ждал меня в команде Центрального дома Советской Армии. Началось с того, что руководитель армейского клуба генерал-майор Ревенко пригласил меня на беседу (а я тогда руководил учебой в московской ФШМ) и предложил пост старшего тренера ЦДСА. Два сезона проработал я в этой команде, и она как будто стала преуспевать.

Судите сами. Сезон 1959 года армейцы завершили на девятом месте, сезон 1960-го — на шестом. В первый год моей работы — в 1961-м — команда вышла на четвертое место и на следующий год повторила этот результат. А в ходе чемпионата долгое время была в лидерах, претендуя на первые роли, — это свидетельство потенциала. И тут тяжело заболел генерал Ревенко, начальником армейского клуба был назначен генерал Филиппов, который плохо разбирался в нюансах футбольных дел, зато очень активно и уверенно вмешивался в назначение игроков на матчи, влиял на

атмосферу в команде. Нормальные отношения, которые сложились у меня с Ревенко, Филиппов поддерживать не захотел. И опять пришлось уходить тренеру. Я ушел, а на следующий год армейцы заняли в чемпионате СССР лишь седьмое место. И невдомек было командованию, что надо было «поблагодарить» за этот регресс генерала Филиппова, любителя определять состав на игры всесоюзного первенства.

— Обидно. В годы вашей работы с ЦДСА в команде появилась плеяда перспективных молодых игроков, которые со временем все, как принято говорить, состоялись. Ведь это вы дали путевку в жизнь Альберту Шестерневу, Владимиру Федотову, Владимиру Пономареву, Владимиру Поликарпову и другим.

— Обида есть, но не на конкретных людей, а на сам принцип подобных взаимоотношений клуба и тренера. Принцип, при котором мешают довести дело до достойного результата. Нечто похожее произошло со мной и в московском «Локомотиве» в 1966 году: начал подбирать способных футболистов, в которых усмотрел большие и еще не раскрытые возможности, однако вновь сыграли свою роль ведомственные предрассудки на уровне первобытных: «Он не наш, не из Министерства путей сообщения». Какая-то чушь.

А ведь должность тренера — очень сложная штука. Он и педагог, и стратег, и административная фигура, он и своеобразный глава дома. Лев Филатов в книге «Наедине с футболом» интересно пишет о тренере: «Он вместе с футболистами ест, спит, встает на весы и измеряет кровяное давление… На их глазах разговаривает со всевозможным начальством, так что и футболисты знают о нем все. Утайка, камуфляж, рисовка невозможны с обеих сторон. Открытость, близость и осведомленность — чисто семейные».

Лев Иванович Филатов превосходно знает футбольную «планиду». Да, тренер и команда — одна семья. В образцовых случаях, конечно. Хотя и в семьях бывают конфликты, неурядицы вплоть до полного разрыва отношений… Но — и это мое твердое убеждение — команда прежде всего действующий производственный творческий коллектив, имеющий обязательства перед людьми, перед своим городом, областью, страной. Коллектив, выдающий продукцию. В данном случае зрелищную и состязательную. Значит, взаимоотношения в команде должны в некоторой степени носить служебный оттенок. Дело у всех в команде общее, каждый за него в ответе. Всяческие «междусобойчики», групповщина, клановые интересы, не относящиеся к делу, к футболу, все эти «ты — мне, я — тебе»

изначально отметаются! Таковы мои принципы.

— Значит, вы и в «Спартаке» остались верны своим принципам и из-за этого произошел конфликт, во многом ставший известным общественности?

— «Спартаку» я отдал двенадцать лет. Треть моей тренерской жизни. О «Спартаке» мне хочется рассказать обстоятельно. И этот разговор — впереди.

А ПОКА — «МЕТАЛЛУРГ»

Непросто после бередящей душевные раны темы возвращаться к последовательному и безмятежному повествованию. Надеюсь, впрочем, что период, о котором буду говорить сейчас, придаст мне положительные эмоции. Итак, август 1938 года, и я принят в команду мастеров высшей лиги «Металлург» (Москва).

Золотое время! Мне нет еще восемнадцати, а я выхожу на поле тбилисского стадиона «Динамо»: на 65-й минуте товарищеского матча меня выпустили на замену. От волнения едва не задыхаюсь, хотя матч не календарный. Ведь кто соперники — Гайоз Джеджелава, Шавгулидзе, Панюков, Бережной, Бердзенишвили, — что ни игрок, то звезда грузинского футбола. Да и у нас известные мастера: Потапов, Кузин, Попков, Алякринский, в голу — Борис Набоков.

Мимолетное воспоминание… В «Металлурге» было два голкипера — Борис Набоков и Николай Назаретов (последнего пригласили из московской команды «Крылья Советов»). Оба неплохие вратари, но оба играли не без ошибок, поэтому Борис Андреевич Аркадьев назначал на матчи то одного, то другого. Самолюбивые голкиперы приходили к нему с одним и тем же вопросом: «Кто же все-таки у нас основной вратарь?» Учитывая, что сегодня или завтра предстоит играть Набокову, Аркадьев отвечал: «Вы, Боря, конечно, вы — основной». В очередной игре Борис ошибался, команда проигрывала, на следующий матч назначался Назаретов, и тогда на вопрос об основном вратаре Борис Андреевич с той же убежденностью отвечал: «Вы, Коля, безусловно, вы — основной!» Это я к вопросу о тренерской доле, о том, как тренеру приходится иной раз лавировать… Между прочим, если вратарь не чувствует себя основным, это плохо отражается на его игре, он теряет уверенность в себе.

Кроме меня в «Металлурге» собрались опытные футболисты. Вообще, по-моему, не было игроков моложе 25 лет, и были товарищи в возрасте за тридцать. Солидные люди: Зайцев — инженер, Кудрявцев — техник. Играл у нас признанный лидер команды нападающий Сергей Капелькин, тоже не юноша. Все они звали меня сынком. И все дружно воспитывали.

Чемпионат 1938 года проводился в один круг между двадцатью шестью командами. Всего двадцать пять матчей. Мне не довелось участвовать в сколько-нибудь ответственных играх того сезона. Но я был своим в команде, ездил на многие матчи. И

на исходе сезона стал очевидцем большой футбольной несправедливости — вот она-то была первой в моей жизни. «Металлург», преследуя по пятам лидера турнира — московский «Спартак», встречался по расписанию в Тбилиси с местными динамовцами. В случае нашей победы заводскую команду ждала бы переигровка со «Спартаком» за первое место.

Судить этот матч должны были арбитры либо Сошенко из Харькова, либо Воног из Ленинграда. Как выяснилось позже, оба вдруг получили открытки: «Не выезжайте». И судить встречу в связи с неприбытием заранее назначенных судей поручили тбилисскому арбитру Аракелову.

Вот как шла эта игра. «Металлург» забивает гол. Аракелов очень быстро находит, к чему придраться, и назначает пенальти 1:1, «Металлург» забивает второй мяч, Аракелов срочно дает второй одиннадцатиметровый — 2:2. Москвичи после столь явной судейской несправедливости надломились, и тут тбилисцы с игры провели третий, решающий мяч. В итоге «Металлург» поделил второе — третье места в турнирной таблице с ЦДКА. Когда Борис Аркадьев в 1940 году перешел в московское «Динамо», тренер тбилисцев Алексей Андреевич Соколов передал ему как одноклубнику тетрадь, на обложке которой было написано: «Московские тбилисцы». В тетради этой приводились подробные характеристики каждого игрока «Металлурга» и была итоговая запись: «Исход встречи решает судья». Об этом мне рассказывал Аркадьев.

Но про тетрадку я узнал позже. А сразу после матча, в гостинице «Палас», собственными глазами видел, как мои взрослые товарищи по команде плакали от обиды, от невозможности доказать, что игра была «сделана» до стартового свистка арбитра Аракелова…

Играли мы тогда по системе «пять в линию» (система получила название по расстановке на поле нападающих). Так в то время располагались на поле нападающие — цепочкой, от правого края до левого. Крайние нападающие передвигались почти у самой бровки поля, инсайды (полусредние нападающие) действовали ближе к центру, а центрфорвард владел линией, перпендикулярной средней линии поля, находясь на острие атаки. Местами эти пятеро менялись очень редко, в особых случаях. Каждый ходил в основном по своему «желобку».

При этой системе полузащитники также занимали позиции ближе к боковым линиям поля. Центральный полузащитник контролировал центр поля, мог перейти на половину соперников и поразить их ворота дальним мощным ударом, что нередко получалось у Андрея Старостина или у Федора Селина. Два

защитника находились примерно на углах своей штрафной площади.

Все это — когда команда атаковала. Если же нужно было обороняться, центральный полузащитник старался сдержать центровую тройку нападения соперников позиционно на своей половине поля; защитники на своих подступах к воротам встречали инсайдов противника, а полузащитники — крайних нападающих. Форварды до обороны своих ворот, как правило, «не снисходили».

Центровая тройка нападения хорошей, классной команды легко справлялась даже с самым активным центральным полузащитником обороняющихся и создавала численное превосходство против двух защитников.

Система «пять в линию» выглядела устаревшей, как только столкнулась с прогрессивной для своего времени системой «дубль-ве», которую впервые продемонстрировала советским футболистам сборная команда Басконии, приехавшая в Советский Союз в 1937 году. Баски сыграли у нас девять матчей, из них выиграли семь, один свели вничью и лишь один проиграли — московскому «Спартаку», который успел вникнуть в новую систему и перестроиться к встрече с басками.

Что же получилось, когда на поле стали противостоять одна другой системы «дубль-ве» и «пять в линию»? Центральный нападающий басков Исидро Лангара выдвигался вперед, за спину центрального полузащитника советской команды, который не мог уделять ему все свое внимание, так как обязан был действовать и против инсайдов команды гостей из Басконии. В результате Лангара все время находился в выгодной позиции, с которой постоянно угрожал воротам; больше половины мячей забил именно он.

Советские команды перешли на систему «дубль-ве» в 1938 году. Нападение стало располагаться ломаной линией с резко выдвинутыми вперед центральным и крайними форвардами и оттянутыми назад полусредними. Полузащитников осталось двое, они должны были опекать полусредних, но подключались и к атакам, забивали голы. В защите действовали три игрока: центральный защитник противостоял центральному нападающему противника, крайние защитники — крайним форвардам. Чтобы обезвредить появившихся во время освоения системы «дубль-ве» центрфорвардов таранного типа (таких, как А. Синяков в «Торпедо», а позднее А. Пономарев или как С. Капелькин у нас в «Металлурге», В. Семенов в «Спартаке», В. Смирнов или С. Соловьев в «Динамо»), центральные защитники должны были плотно их опекать. Но привыкшие охранять зону, не

приученные к персональной опеке, они упускали центрфорвардов.

Когда тренеры это осознали, в центре защиты появились такие же сильные, мощные и резкие игроки, как атакующие таранного типа. Они плотно «брали» центрфорвардов, не уступая им ни в скорости, ни в игре корпусом (например В. Алякринский в «Металлурге», К. Лясковский в ЦДКА). Таранящие игроки стали приносить меньше пользы команде.

Тогда возникла и утвердилась новая тактика: в центре нападения понадобился быстрый, маневренный и разнообразный игрок, находивший способы избавиться от своего мощного опекуна. Такой центрфорвард вовсе не стремился выдвигаться вперед как таран. Нет, он и оттягивался назад, и уходил на фланги, все время заставляя центрального защитника решать сложную задачу — следовать ли на фланг за нападающим и оставлять при этом без охраны площадь перед воротами или оставаться на месте (но тогда соперник может создать численное преимущество на фланге и быстро пройти к воротам)…

А если маневренный центрфорвард отходил назад, центральный защитник вновь оказывался перед выбором: пойти за подопечным — значит, оставить без присмотра большое пространство перед воротами; не пойти — подопечный свободно получит мяч и завяжет атаку… Сбивая с толку своего опекуна, центрфорвард (мне тоже доводилось выполнять эту роль) нередко и сам обыгрывал его и забивал не меньше, чем нападающий-таран.

И от защитников потребовалась быстрая, гибкая, маневренная игра, умение сочетать персональную опеку с охраной зоны, подстраховывать партнера, взаимная помощь и взаимозаменяемость с полузащитниками. Таким центром защиты был, к примеру, игрок ЦДКА Иван Кочетков, прежде долгое время игравший в нападении.

Но и строгое расположение игроков по системе «дубль-ве» постепенно потеряло смысл. Если отход от этой системы сначала выражался в том, что назад стали оттягивать центрального и крайних нападающих, а полусредних выдвигать вперед, то вскоре и от этого отказались. Начали расставлять футболистов в соответствии с общей тактической задачей и с учетом индивидуальных способностей каждого из них. То выдвигали вперед полусредних, то крайних и центрального форвардов, то усиливали защиту количественно, то создавали численный перевес в атаке. От буквенного обозначения систем перешли к цифровому. Систему «пять в линию» можно обозначить цифрами: 2+3+5; систему «дубль-ве» — 3+2+2+3. Позднее стали

применяться другие варианты. Например, в матчах на первенство мира 1954 года — защитный: 3+3+4 (тут несколько уменьшена линия нападения, усилена полузащита). Итальянские тренеры применяют варианты, в которых устанавливается многоступенчатая связь между защитниками и выдвинутыми вперед нападающими: 3+1+2+2+2 или 1+5+1+3 (последнее расположение именуют «цепочка»).

В первом же матче сезона 1939 года я забил гол прославленному вратарю Анатолию Акимову, и мы победили «Спартак» — 1:0. Забегая вперед, замечу, что и на следующий год, который был неудачным для «Металлурга», мы все-таки выиграли у «Спартака» — 5:3, и я забил в этой встрече три мяча, хотя играл против меня сам Андрей Старостин, поскольку мое место было уже в центре нападения; вот еще одно подтверждение постулата о том, что быстрый и маневренный центрфорвард обыгрывает мощного центрального защитника.

Я закрепился в основном составе. В конце 1939 года определялись шесть лучших футболистов профсоюзных команд, и меня включили в эту шестерку (храню грамоту, зафиксировавшую сей приятный для меня факт).

У нас не было своей базы, как, к примеру, у «Спартака» в Тарасовке. Футболисты «Металлурга» жили каждый у себя дома, после тренировок расходились кто куда, а в день игры собирались за два часа до начала матча у входа в клуб завода «Серп и молот». Туда подавали заказанные командой роскошные открытые «линкольны» — лимузины с изящной металлической фигуркой охотничьей собаки над радиатором. Мы рассаживались в «линкольны» по шесть-семь человек и с помпой ехали на стадион. И на летних улицах Москвы милиционеры в белых гимнастерках с петличками на воротниках отдавали нам честь, поднося руку в белой форменной перчатке к козырьку белого пробкового шлема с большой алой звездой на передней части купола. Из уличных репродукторов гремело: «Эй, вратарь, готовься к бою, часовым ты поставлен у ворот!..» А на стадионе — толпы

болельщиков, гул приветствий, общее внимание. Это было время первых советских полярных экспедиций — папанинцев, шмидтовцев, ушаковцев, дальних авиаперелетов, воспринимавшихся с бурным энтузиазмом. Всеобщими любимцами были тогда полярники, летчики, моряки и… футболисты.

Да, и футболисты! Если доведется посмотреть довоенный кинофильм «Подкидыш» без купюр, сделанных в период сталинских репрессий, обратите внимание на вмонтированные в игровую ленту документальные эпизоды: команда «Спартак»

возвращается с триумфом из зарубежного турне, ее торжественно встречает вся Москва. Футболисты едут в открытых автомашинах по столичным проспектам, сверху падает белый вихрь приветственных листовок… Легко узнаются на экране Андрей Старостин и его знаменитые партнеры. Конечно, чтобы заслужить такую встречу, надо было выиграть Всемирную рабочую спартакиаду в Париже, что и совершил «Спартак» в 1937 году. Но и вообще футболисты ведущих команд пользовались необычной популярностью. Такое время было, что даже на Красной площади в ходе первомайской демонстрации разыгрывался однажды показательный футбольный матч.

…А ведь и вправду далеко не все знали о несправедливости многих обвинений, о репрессиях, проводившихся в те годы, о массовых арестах, самооговорах обвиняемых, об уничтожении сталинистами лучших командиров Красной Армии, партийцев ленинской гвардии. Об очень многом не ведали те, кого называли «простыми советскими людьми». Звучали по радио бодрые песни: «Страна встает со славою на встречу дня», «Утро красит нежным цветом стены древнего Кремля…», «О Сталине мудром, родном и любимом, прекрасную песню слагает народ». Народ ликовал. Народ верил. Слишком страшной была правда, чтобы поверить в нее в дни побед и свершений на Уралмаше, Турксибе, Днепрогэсе, в Арктике, на озере Хасан и на реке Халхин-Гол…

Народ рукоплескал футболистам. И дружили с лучшими игроками летчики — Герои Советского Союза, капитаны полярных ледоколов, мастера театра, поэты и прозаики.

Своеобразной была наша футбольная молодость. Выезд команды за рубеж становился событием экстраординарным, знаком высочайшего доверия и признания, и считалось, что удостоившаяся этого команда обязана побеждать на чужих стадионах. Впрочем, «Металлург» такого доверия не заслужил. Да и московское «Динамо» выезжало до войны лишь дважды, оба раза в 1936 году — во Францию и Чехословакию. Больше всех бывал за рубежом «Спартак», но по нынешним меркам тоже мало. Сейчас даже команды невысшей лиги ездят чаще.

Колоритной была наша футбольная молодость. Мальчишки оспаривали друг у друга право нести после матча чемоданчик с амуницией Акимова или Фокина (или какого-нибудь другого вратаря) от раздевалки до автобуса. Ребятам девяностых годов такого же возраста, 5-7-го класса, подобное и в голову не придет. В среде болельщиков, в подавляющей массе своей наивных и восторженных, постоянно ожидающих от футбола чудес, ходили легенды о феноменальных возможностях того или иного игрока. Одного якобы обязали перед каждым матчем надевать на правую

ногу повязку с надписью «Убью — не отвечаю» такой необыкновенной силы был его удар по мячу (это рассказывали о Михаиле Бутусове, потом еще о ком-то); другой будто бы мог стопроцентно забить одиннадцатиметровый, предварительно завязав глаза черным платком… Сами футболисты порой давали пищу этим вымыслам. Например, противоборствовавшие команды обнародовали свой девиз: «Враги на поле, друзья вне поля», словно и впрямь враждовали во время соревнований. Спартаковцы, собирая средства на строительство собственной футбольной площадки, устраивали платные концерты для публики, на которых кто-нибудь из футболистов пел, кто-нибудь играл на музыкальных инструментах, а кто-то поражал зрителей силовыми номерами (вплоть до того, что раскалывал о свою голову кирпичи — об этом писал в книге «Большой футбол» Андрей Старостин).

Что и говорить, забавной, на взгляд профессионального футболиста девяностых годов, была наша спортивная молодость, пора простодушия, трогательной доверчивости в отношениях.

Завершив сезон 1939 года на шестом месте (из четырнадцати), мы в «Металлурге» не предполагали, какие ждут команду удары. Ушел в московское «Динамо» Борис Андреевич Аркадьев, и с ним динамовцы, до этого два года подряд уступавшие первенство страны «Спартаку», вновь стали в 1940 году чемпионами СССР. Годом раньше покинул команду Сергей Капелькин, сделавшись в ЦДКА достойным партнером Григорию Федотову. Расстались с «Металлургом» другие мастера, чей возраст пересек допустимые рубежи. Тренер Гавриил Путилин не сумел удержать команду на аркадьевском уровне, и нас стали крепко обыгрывать: 8:2, 7:1, 5:0… В двух дюжинах календарных матчей «Металлург» победил всего пять раз. Правда, выиграл у лидеров — динамовцев, у «Спартака», московских «Крыльев Советов» и «Локомотива».

А тут еще возникла идея у профсоюзных лидеров страны: создать две профсоюзные сборные команды, первую и вторую, укомплектовав их лучшими игроками из того же «Металлурга», из «Трактора» и некоторых других команд. Эти профсоюзные дружины должны были на равных бороться с армейской и динамовской командами. Просуществовали они недолго. В сезоне 1941 года, пока еще разыгрывалось первенство страны, занимали места в нижней части турнирной таблицы. Мертворожденными младенцами стали придуманные в профсоюзных кабинетах сборные. Так чаще всего и случается, когда люди берутся не за свое дело.

Еще не кончился розыгрыш первенства 1940 года, когда я

проводил на военную службу своего школьного товарища Витю Фролова, друга детства, с которым мы жили в одном доме. Две недели спустя пришла и мне повестка из военкомата. Сразу, как только окончился футбольный турнир, я был направлен в пограничные войска. И в украинском городе Могилеве-Подольском встретился в погранотряде с… Виктором Фроловым, которого незадолго до этого проводил с почетом в армию. Занятия в учебном отряде — и через два месяца я уже в Бельцах, на границе с Румынией, в пограничном отряде, которым командовал Иван Владимирович Соловьев — будущий Герой Советского Союза, будущий начальник ленинградской милиции, генерал и председатель ленинградской футбольной федерации; это уже в пятидесятых-шестидесятых годах. В нашем погранотряде была футбольная команда, и Соловьев, яростный поклонник футбола, включил в нее меня. Команда эта была его детищем, он ею гордился. Очень ему не хотелось отпускать меня из отряда, а ведь Борис Андреевич Аркадьев, узнав, что я в погранвойсках, еще осенью 1940 года начал действовать, чтобы перевести меня в Москву, с намерением взять в состав московского «Динамо». Приходили вызов за вызовом, но майор Соловьев тормозил их, все откладывал мою отправку: так уж ему хотелось, чтобы я остался и помог команде отряда выиграть местные соревнования…

Остроумный, жизнерадостный, красивый человек, великолепный баянист, кстати и спортсмен неплохой. До февраля 1941 года дотянул Соловьев, но потом все же вынужден был откомандировать меня в Москву, что и сделал с нескрываемым сожалением.

Стриженный наголо рядовой Бесков прибыл на сбор московских динамовцев в Гагру. Осматриваюсь: ну дела, партнеры-то мои — сам Михаил Якушин, сам Сергей Ильин, Михаил Семичастный, Алексей Лапшин, Евгений Елисеев, Лев Корчебоков, Николай Дементьев, Сергей Соловьев, Аркадий Чернышев! Что ни имя, то выдающаяся личность в спорте. Кстати, по сей день считаю их образцами спортсменов.

«ДИНАМО»

Михаил Якушин в игре был (с кем из футболистов более поздних времен сравнить его по стилю и тактической манере?), пожалуй, как бразилец Сократес. А из наших — как Юрий Гаврилов в самом расцвете своих сил и мастерства (хотя, если разбираться, Якушин играл получше Гаврилова). Тончайший тактик, организатор атакующих действий, для соперников — коварнейший; недаром прозвище его — хитроумный Михей. Академик футбола! Партнеры знали: Михей даст пас именно туда, откуда удобнее всего забить гол. И сам Якушин мог «раскрутить» двух-трех защитников и забить.

Ни как капитан, ни как впоследствии тренер он не распекал никого из своих партнеров и питомцев, никому не устраивал разносов. Высказывался как будто шутя, но так язвительно, что это действовало сильнее разноса.

Например, Якушин делает пас левому инсайду Александру Назарову, сам выходит на свободное место и ждет ответной передачи, а Назаров допускает ошибку и отдает мяч соперникам. Так раз, другой. Потеряв терпение, Якушин замечает: «Саш, ты пригляделся бы. Я — в белой футболке, они — в красных. Может, хотя бы через раз будешь давать мяч тем, кто в белом?» Или: «Саш, ты побегал бы чуток. Товарищи твои бегают. Видишь, и я бегаю. — И он совершает демонстративную пробежку по периметру центрального круга. — Может, и ты немного подвигаешься?»

Я смотрел на своих старших товарищей по команде с тем же почтением, что и на корифеев МХАТа и Малого театра. Они и держались солидно, как подобает большим мастерам. На том давнем сборе весной 1941 года ведущие динамовские игроки относились ко мне дружески покровительственно, исподволь по-отечески воспитывали, ни в коем случае не ставя барьера между собой и мной. К примеру, Сергей Сергеевич Ильин и Аркадий Иванович Чернышев на досуге садятся поиграть в преферанс. «Костя, умеешь? Нет? Садись к нам, научим. Умственная игра, развивает предприимчивость. Станешь когда-нибудь тренером — вспомнишь нас и спасибо скажешь, что преферансу обучили».

И конечно, был в «Динамо» парень с характером Василия Тёркина. Такой балагур необходим, пожалуй, в каждой команде. О шутках и розыгрышах Николая Дементьева футболисты передают истории из поколения в поколение. Все динамовцы того периода помнят, что в какой-то момент на сборе в Гагре заметно

ухудшилось питание, что-то мудрила наша кухня. Николай Дементьев организовал процессию «похороны игрока, погибшего от истощения». Самого его несли на импровизированных носилках; спереди и сзади шагали партнеры, мыча похоронный марш и неся вместо иконы шахматную доску. «Покойник» периодически пытался подняться, выкрикивал нечто вроде «Ой, есть хочется!» или «С таких харчей гол не забьешь!» Эту процессию прекратил начальник команды Иван Иванович Хайдин, упрекнул участников в легкомыслии, но и кухне было сделано замечание.

И другие шутки Дементьева были мрачноваты, зато неповторимы. В 1948 году мы с ним, как и некоторые другие опытные футболисты, начали учиться в Высшей школе тренеров.

В расписании занятий была лекция в анатомическом кабинете. Николай пришел туда раньше всех, забрался под простыню и лег рядом с телом, ноги которого предстояло изучать будущим тренерам. Когда остальные слушатели ВШТ во главе с преподавателем анатомии вошли в кабинет и окружили стол, простыня вдруг зашевелилась, «некто» под нею стал подниматься во весь рост… Будущие тренеры остолбенели. Преподаватель дождался, пока из-под простыни появилось озорное лицо Дементьева; эту выходку ему простили только за его высокое мастерство: как-никак заслуженный мастер спорта, авторитет.

Начался сезон 1941 года, и в матче против ЦДКА Борис Андреевич вместо заболевшего Сергея Ильина поставил на левый край нападения меня. Играть пришлось против правого защитника армейцев Григория Пинаичева, будущего старшего тренера ЦДКА. Я забил два гола, еще один был забит с моей подачи, а общий счет этой встречи — 5:2 в нашу пользу. К этому моменту удар у меня был поставленный, сильный и довольно точный: очень редко мяч пролетал выше ворот. Он мог просвистеть рядом с боковой стойкой, но не над перекладиной. В моем игровом активе были и скорость с дриблингом, и умение выбрать голевую позицию. Забивал я по-всякому: издалека, с близкого расстояния (поймав вратаря на противоходе, мягко и точно, с обманом), по центру, с фланга (подрезав мяч, послав его внешней стороной стопы). Быстро устанавливалось взаимопонимание с партнерами. Я видел — партнер перемещается, значит, его опекун станет его преследовать, освобождается пространство, в которое можно устремиться, и партнеру оставалось лишь сообразить, как умнее распорядиться мячом, — послать его на свободное место под удар…

Мы, московские динамовцы, лидировали в сезоне 1941 года, но… началась война.

Те, кто служил в воинских частях, были немедленно откомандированы на места службы. Часть, в которой проходил службу я, базировалась в Москве, в Лефортове. С первых дней войны мы несли патрульную службу в городе, на глазах обретавшем совсем иной облик. Начались воздушные налеты гитлеровских бомбардировщиков, москвичи заклеивали окна бумажными полосами крест-накрест, витрины магазинов закладывались мешками с песком, на улицах появлялись противотанковые надолбы, в небе повисли серые колбасы аэростатов. Часто взвывала сирена, из репродукторов раздавалось: «Граждане, воздушная тревога!» В ночном небе перекрещивались лучи прожекторов воздушной обороны, разноцветные пунктиры трассирующих очередей зенитных пулеметов, возникали облачка от разрывов зенитных снарядов, и в фокусе прожекторных огней время от времени оказывался вражеский бомбардировщик, казавшийся с земли игрушечным серебристым самолетиком. Но он нес смерть. Горели дома, на которые падали фашистские «зажигалки» (алюминиевые бомбочки с горючей химической начинкой), разваливались целые кварталы под ударами тяжелых фугасных бомб.

В день первого воздушного налета на Москву погиб мой товарищ по команде московского «Динамо», искусный молодой футболист и хоккеист Сережа Черников. Он выбрался на крышу своего дома вместе с другими парнями, а вражеский самолет полоснул из пулемета, и пуля попала Сергею прямо в сердце. Он был чуть моложе меня. Мне тогда было двадцать.

Наша войсковая часть вошла в состав 2-й дивизии НКВД. Затем влилась в ОМСБОН — Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения.

Очень быстро наступали оккупанты, Москва вскоре превратилась в осажденный город, который жил на скудном пищевом пайке, подчас без отопления, нередко без электрического освещения — то один район, то другой. 15-16 октября 1941-го тысячи жителей стали покидать Москву: в городе началась паника. Нашу часть, уже прибывшую к Рижскому вокзалу для отправки на передовую позицию, из-за этого срочно вернули и оставили до особого распоряжения нести патрульную службу в городе.

О делах нашей бригады ОМСБОН, о подвигах ее командиров и бойцов были впоследствии написаны книги и поставлены фильмы. Многим из ОМСБОНа было присвоено звание Героя Советского Союза. В этой легендарной бригаде образовалась целая часть, в которой воевали мастера и заслуженные мастера спорта. Не раз пересекали они линию фронта, ведя партизанскую

войну против оккупантов, совершая дерзкие рейды в тыл фашистам.

Мне доводилось участвовать в разведке, которую наше командование высылало навстречу наступавшим гитлеровцам, чтобы уточнить их дислокацию, численность прорывавшихся к Москве мотоциклетных и танковых десантов. Запомнился первый наш выезд под командованием лейтенанта Рябоконя: на грузовике-полуторке мы, человек десять с винтовками и гранатами, выехали в район Химок, а затем продолжили движение к западу от этого поселка. Поездили-поездили, не встретили никого и благополучно вернулись. Я тогда подумал: хороша разведка — в кузове грузового автомобиля на шоссе, открытом для обзора со всех сторон… В следующие разведывательные выезды мы вели себя осмотрительнее, набираясь опыта.

Очень тяжелым стал для Москвы 1942 год. Хотя в битве под Москвой гитлеровские армии были частично разгромлены, частично отброшены к западу, столица переживала неимоверно трудные месяцы. Продолжались ежедневные воздушные налеты. Даже по рабочим карточкам выдавали предельный минимум продовольствия, а ведь были иждивенческие и детские карточки с еще более урезанными пайками.

Служба наша в городе, конечно, не шла ни в какое сравнение с боевой жизнью фронтовиков. Но приказ есть приказ, патрульные походы по находившейся на осадном положении Москве тоже были необходимы, и кто-то должен был их совершать.

В конце лета 1943 года Борис Андреевич Аркадьев стал собирать динамовцев для участия в первенстве Москвы, которое решено было возобновить. В разных частях служили Василий Карцев, Всеволод Блинков, Алексей Хомич. В штабе партизан Белоруссии, у Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко, служили минские динамовцы Леонид Соловьев и Александр Малявкин, которые несколько позже перешли в московскую команду одноклубников. В городе Молотове (ныне Пермь) жили с первых месяцев войны эвакуированные Михаил Якушин, Алексей Лапшин, Евгений Елисеев, Сергей Ильин… Еще шли жестокие бои на фронтах от Баренцева до Черного моря, но люди истосковались по нормальным проявлениям жизни; радовались нехитрым, но таким веселым и нужным киносборникам, высмеивавшим гитлеровцев; радовались любой оптимистичной песне, любому спектаклю оживавших московских театров. Людям мог придать силы и футбол, владевший перед войной столькими сердцами. И нас стали отпускать из войсковых частей на тренировки — на три-четыре часа.

Конечно, каждый из нас в немалой степени утратил чувство мяча, да и физические кондиции были снижены. Но все мы быстро восстанавливались, а тренировались жадно, словно стараясь надышаться. В нашем распоряжении было футбольное поле водного стадиона в Химках, а также поле на малом стадионе «Динамо» (главная арена Центрального стадиона «Динамо» в те дни была замаскирована от вражеских самолетов: на поле ставили декорацию, имитировавшую лес, трибуны накрывали маскировочными сетками).

В сущности, лишь в 1944 году собрался тот динамовский боевой состав, который сумел выиграть чемпионат СССР в год Победы. А в чемпионатах Москвы у нас особых достижений не получилось. В 1943 и 1944 годах нас обгоняли «Спартак», «Торпедо» и другие клубы.

Перешел в ЦДКА Б. А. Аркадьев, прекратили выступления А. Лапшин, М. Якушин, Е. Фокин, А. Чернышев. Осенью 1944 года старшим тренером московского «Динамо» стал М. И. Якушин.

В сезоне 1945 года в «Динамо» стихийно возникла и была творчески осмыслена и закреплена Якушиным схема расстановки игроков, которая фактически опередила бразильскую систему 1958 года на целых тринадцать лет! Это была система 4+ 2+ 4. Если судить по программкам матчей, состав наш по-прежнему строился по системе «дубль-ве». В воротах — Алексей Хомич, в обороне — Всеволод Радикорский, Михаил Семичастный и Иван Станкевич, в полузащите — Всеволод Блинков и Леонид Соловьев, в нападении — Василий Трофимов, Василий Карцев, Константин Бесков, Александр Малявкин (или Николай Дементьев) и Сергей Соловьев. Но Леонид Соловьев, специализировавшийся как центральный защитник в минском «Динамо», часто и у нас отходил ближе к своим воротам, фактически становясь вторым центральным защитником. Между прочим, именно Леонид Соловьев с его оборонительным опытом умел нейтрализовать неудержимого армейца Всеволода Боброва. Он больше подходил для этого, чем Блинков, который при расстановке сил по системе «дубль-ве» должен был держать Боброва, но не имел таких навыков игры в защите, которыми располагал Леонид Соловьев. Мы с Карцевым еще до войны играли центральными нападающими: он — в «Локомотиве», я — в «Металлурге». Карцев невольно тяготел к центру атаки, мне приходилось из-за этого смещаться немного влево, и у нас сам собой складывался сдвоенный центр. А в полузащиту после срыва нашей атаки отходил Малявкин (или Дементьев).

И получалась система 4+2+4, прогрессивность которой по сравнению с «дубль-ве» подтверждалась нашим стремительным

лидерством в чемпионате страны, обилием мячей в ворота соперников, прочной и надежной игрой в обороне.

По всем игровым параметрам мы в целом были равны с командой ЦДКА. Справедливости ради могу признать, что, например, в атлетизме армейцы нас даже превосходили. Зато в технике владения мячом, в исполнении приемов и ударов, в сыгранности мы армейским футболистам не уступали.

Сезон 1945 года — бурный, целеустремленный, счастливый! Первый год наступившего мира, год светлых надежд! На стадионе не бывало свободных мест… Сегодня, разглядывая фотографии далекого сорок пятого, я четко вижу отличие нынешних турниров от тех всесоюзных первенств и вовсе не могу с уверенностью сказать, будто те давнишние были хуже современных.

Подобно А. А. Игнатьеву, автору книги «Пятьдесят лет в строю», я мысленно делю пополам вертикальной чертой чистый лист бумаги и пишу вверху слева «За», справа — «Против».

Что занес бы я в графу «Против», то бишь в пользу современных чемпионатов? Возросшие скорости общих действий команд. Универсализм игроков. Гибкость и разнообразие тактических систем. Нивелирование владения техникой (хотя то, что умел, допустим, Григорий Федотов, сегодня способен выполнить даже не каждый игрок сборной СССР). Элегантная экипировка нынешних футболистов: все эти «Адидасы» и «Пумы» ни в какой мере не сравнить с длиннющими трусами, которые с сегодняшних позиций глядятся, как юбки, а на нас в сороковые годы были в порядке вещей.

Гонорары сейчас у футболистов куда весомее наших давних. Квартиры попросторнее, машина почти у каждого. Теперь футболист может на несколько лет уехать за рубеж — выступать за «Тулузу» или «Севилью», «Ювентус» или «Шальке-04», а мы в сороковые — пятидесятые годы о таком и не помышляли (хотя во время английского турне «Динамо» в 1945 году предложения делались ошеломительные — по части суммы прописью). Сейчас футболисты ездят всюду, от Австралии до Канады, от Сингапура до Буэнос-Айреса, а в довоенные и первые послевоенные годы «прорывы» некоторых клубов за рубеж считались экстраординарным событием.

Но в графе «За» — в пользу наших давних турниров — я прежде всего пишу: «Зрители». Переполненные трибуны! «Но упрямо едет прямо на «Динамо» вся Москва, позабыв о дожде…» «Нет ли лишнего билетика?» — сакраментальный вопрос, раздававшийся тысячекратно в былые времена под стенами стадионов Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, любого футбольного города страны. Право, для моего слуха нелепо

звучит: «На матче сегодня присутствует 20 352 зрителя». Это на каком матче — московских спартаковцев и динамовцев? Невероятно! Подобное было бы невозможно в сороковые и пятидесятые годы. Если стадион вмещал, допустим, 56 тысяч зрителей, то на матче присутствовало обычно больше.

И еще немаловажное «За» — энтузиазм футболистов времен моей молодости. Профессиональное отношение к своему делу, преданность ему и своему клубу. Я видел всякое: и современного юношу, расслабленно шагающего по футбольному полю на тренировке, лениво отбрасывающего мяч партнеру, как бы отбывая трудовую повинность; или другого юношу, только что приглашенного в команду, право выступать за которую ему предлагается авансом, в расчете на будущий рост, но он уже рассчитывает на квартиру в центре столицы и на автомашину вне очереди… Когда я работал старшим (или главным) тренером, приходилось решать и жилищные, квартирные вопросы — но лишь в том случае, если футболист утверждал себя в основном составе. Исключения делались только тогда, когда всем становилось ясно, что данный игрок команде необходим. Ну а для нас (не сочтите нескромным), признанных «звезд» московского «Динамо» 1945 года, получить отдельную квартиру было делом отнюдь не легким.

Слыву тираном и диктатором, приверженцем авторитарных методов руководства, как пишут в прессе некоторые давно выступающие со статьями о футболе авторы. Но при этом вспоминаю Бориса Андреевича Аркадьева, взывавшего к совести и сознанию игрока: «Друг мой, поразмыслите! Вы выпиваете и от этого играете все хуже и хуже! Образно говоря, вы сидите на суку и сами его перепиливаете!» Помню, в очередной раз «сук обломился», выпивавшего футболиста отчислили из «Металлурга»; на прощание он пришел и сказал Аркадьеву; «Вы были правы, Борис Андреевич! Веточка, на которой я кувыркался с пилой в руках, сломалась ко всем чертям!..»

А я в конце восьмидесятых годов подхожу к начальнику команды, которую тренирую, к комиссару, так сказать, основному воспитателю нравственности, слывущему, в отличие от меня, душевным и всепонимающим педагогом, и говорю: «Обратите внимание, игрок Н. явился на тренировку, не просохнув со вчерашнего, как они сами изволят выражаться» (терпеть не могу жаргон, никогда не употребляю, но слышу, знаю и здесь поневоле воспроизвожу). Начальник команды, человек более чем многоопытный, не моргнув глазом отвечает мне: «Не может быть!» — и уходит в совсем противоположную сторону. Потому что прекрасно знает: если подойдет сейчас к названному игроку,

вполне может стать очевидным, что тот не только «не просох со вчерашнего», но и «добавил» утром. А это — конфликт. Так удобно быть всеобщим адвокатом, покровителем и доброжелателем…

Но мне-то, старшему (или главному) тренеру, что в такой ситуации остается делать? Ведь игрок Н. уже давал честное слово на общем собрании команды: «Такое больше никогда не повторится!» Меня уже уговаривали хором его партнеры, его доброхоты… Невольно начинаю думать: «Кем же я его заменю, кто будет не хуже на этом месте?» Таким образом укрепляю свою обрисованную «осведомленными людьми», устоявшуюся репутацию тирана и деспота.

Не уставал объяснять ребятам, что за один матч в теплую погоду футболист, играя в полную силу, теряет три-четыре килограмма своего веса. За одну интенсивную тренировку в зной — до двух килограммов и больше. Тяжелая физическая работа — вот что такое футбол, тем более современный, в котором целый набор технических приемов нужно выполнять на скоростях. Добавим сюда и психологические нагрузки, предматчевое волнение, переживания после поражений. Коротка футбольная жизнь! А нарушитель спортивного режима еще и сам сокращает ее.

Из-за выпивок он играет все слабее — значит, страдает команда. Прежние заслуги пьющего футболиста не позволяют быстро и просто выдворить его из клуба. Пытаешься сохранить его для футбола, но он уже обрел печальное ускорение. От его выпивок страдает и семья. Сколько раз ко мне обращались жены или матери игроков, которые пили…

А если молодой человек (тридцать лет, тридцать два года — далеко не преклонный возраст), завершив выступления в календарных матчах большого футбола, утратив общее внимание, упоминания в прессе и по телевидению, не обладая тренерскими способностями и не овладев по-настоящему иной профессией, продолжает возлияния? Распадается семья, ситуация может еще больше усложниться, и тогда не исключена трагедия. Что скрывать, случались и самоубийства.

Это лишь одна сторона многоплановой проблемы, с которой сталкиваются и футболисты, и их наставники. Мы, тренеры, не видим своих воспитанников в их свободное время и, следовательно, не можем их постоянно контролировать и на них влиять. Вот вдруг и сообщают о самом надежном, которого я считал безупречным и примерным, его соседи по дому: каждый вечер допоздна шум, все новые гости, на пределе громкости музыка… Для тренера — сигнал тревоги. Футбольная команда

(это с моей субъективной точки зрения, которая наверняка кому-то покажется старомодной) — молодежный коллектив. Коллектив не самодеятельный, а профессиональный, собирающий на свои выступления многие тысячи зрителей и выдающий продукцию неосязаемую, но очень конкретно ощущаемую, можно сказать, в масштабах своей страны. Должны же быть у каждого члена этого своеобразного производственного коллектива ответственность за свои действия и профессиональная готовность к работе?

Могу ли я забыть наши игры сороковых годов, когда после физического и психологического напряжения изможденные, словно выжатые, мы на следующий день приступали к восстановительным процедурам! Ходили в бани — в парилки, получали массаж. Тогда не было каких-то особых условий. Это теперь на базе футбольной команды даже не высшей лиги — своя баня с сауной, свои массажисты, различные приспособления для быстрого восстановления, комфорт… Но смею утверждать: мы больше любили футбол. Футбол, а не себя в нем!

Не хочу принимать позу брюзги: «Вот в наше время…» Но вижу, что меркантилизм, проникший в различные сферы спорта, как будто увеличивает заинтересованность в успехе и обеспеченность футболистов, а фактически лишает их рыцарского благородства, энтузиазма, на чем основано овладение высшим мастерством и подлинное служение футболу.

23 июля 1945 года динамовцы и армейцы Москвы, шедшие в чемпионате СССР вровень (у тех и других по 18 очков, у нас соотношение мячей 37:8, у них — 38:8), сошлись в личной встрече. Сергей Соловьев забивает три гола подряд! Владимир Демин (помните, я называл его среди юных футболистов Краснопресненского детского парка в 1936 году) с одиннадцатиметрового отыгрывает один мяч, но вскоре я забиваю четвертый, лишая главных соперников последней, шаткой надежды отыграться… После этой победы нас уже было не остановить. А у московских «Крылышек» мы выиграли просто с разгромным счетом — 10:0. Тут сказалась явная разница в классе. На вторую встречу с командой ЦДКА, ничего не решавшую, мы вышли уже чемпионами СССР. Вот как помогла хорошо укомплектованному динамовскому составу опередившая свое время система 4 + 2 + 4.

В октябре нас ошеломила и обрадовала весть о том, что команде предстоит поездка в Англию. Я издавна испытывал уважение к стране, где родился и официально оформился футбол. Мне всегда нравились английские писатели — Диккенс, Вальтер Скотт, Стивенсон, Шекспир, Оскар Уайльд, Конан Дойл, Голсуорси… В военной Москве выходила газета «Британский

союзник», из которой становились известны подробности героических походов, совершавшихся английскими морскими караванами в Мурманск и Архангельск. Нас, советских, в ту пору многое связывало с англичанами, мы вместе боролись против гитлеровских милитаристов. А для мастеров футбола поездка в страну, игроки которой к тому времени ни разу не проигрывали на своем поле, была причиной необычайного душевного подъема. Нам сообщили и дату первого матча с командой «Челси» в Лондоне: 13 ноября.

Вся наша английская эпопея подробно описана в сборнике «19:9», выпущенном в 1946 году издательством «Молодая гвардия», а также во многих статьях, интервью, мемуарных корреспонденциях, в книгах по истории отечественного футбола. Постараюсь передать лишь некоторые личные впечатления и ощущения, связанные с тем давним турне по Великобритании.

19:9

Когда наш самолет начал снижаться для посадки в Лондонском аэропорту, я увидел в иллюминатор землю «туманного Альбиона» с четко очерченными футбольными полями, которых в обозримом пространстве было больше, чем полей озимых или яровых. При ближайшем ознакомлении эти поля оказались поразительно ухоженными. И после, во время поездок по Лондону, по дорогам Уэльса в Кардифф, по Глазго и его окрестностям, мы видели многочисленные футбольные поля.

Лондон встретил нас дождем. Союзничество было совсем недавним, но уже пройденным этапом, началось заметное охлаждение — в высших кругах, разумеется. В аэропорту не было ни одного советского государственного флага и каких-либо других проявлений официального радушия. Зато нас взяла в оборот толпа репортеров, фотокорреспондентов и кинооператоров. Вопросы задавали нам самые личные; мы к этому тогда не привыкли, отвечали с официальных позиций, но с подчеркнутой вежливостью.

Разместить нас собрались в казармах королевской гвардии. Казармы оказались совершенно не подходящими, к тому же чересчур шумными помещениями. Хозяева уверяли, что жить рядом с королевским дворцом — высокая честь. Однако Михаил Иосифович Якушин деликатно и твердо заявил, что советским футболистам неудобно готовиться к ответственным матчам с английскими мастерами в таких условиях, в спартанских военных казармах. После чего нас быстро поселили в хорошем отеле в центре Лондона. Британские газеты немедленно откликнулись на этот инцидент статьями под заголовками «Где ночевать русским?», «Сдайте квартиры гостям из «Динамо».

Что касается сугубо футбольных аспектов, то нас рассмешила статья спортивного обозревателя «Санди экспресс» под названием «Не ждите слишком многого от русского «Динамо». В ней говорилось: «Это попросту начинающие игроки, рабочие, любители, которые ездят на игру ночью, используя свободное время». Ну а репортер «Дейли мэйл» вообще преподнес читателям и нам сенсацию: «Сегодня у советских динамовцев перерыв на водку и икру. Молчаливые советские футболисты будут пить под дикие, однообразные звуки балалайки и выкрикивать «Ура!» и другие слова, выражающие восторг».

Правда, не вся пресса повела себя столь наивно. Например, «Дейли экспресс» известила читателей, что динамовцы очень

серьезно готовятся к встрече с «Челси».

Нас превосходно приняли люди, которых можно назвать «просто лондонцы». С нами приветливо здоровались, нас окружали допустим на Трафальгар-сквер и расспрашивали о жизни, о восстановлении разрушенных войной городов, о советском футболе. А мы впитывали в себя все прекрасное, что содержит древний Лондон.

Конечно, посмотрели Тауэр, он для меня ассоциировался с «королевскими хрониками» Шекспира и в действительности превзошел все ожидания. Великолепен Вестминстер, огромное впечатление произвел собор святого Павла. Да и многое другое врезалось в память — Хэмптон-корт, Пикадилли-серкус, Сити, шерлокхолмсовская Бейкер-стрит, особняки Вест-энда, Гайд-парк… После этого мне еще не раз доводилось бывать в Лондоне, и я симпатизирую этому прекрасному городу, для изучения которого, наверное, нужна целая жизнь.

Заглянули динамовцы и в Музей восковых фигур мадам Тюссо. Озорной Николай Дементьев протянул руку швейцару у входа, а тот оказался восковым. Николай шутливо обиделся: «Некультурный человек»», — и довольно резво подошел к другому швейцару. Осталось загадкой, что намеревался сделать с этой «восковой фигурой» Дементьев потрепать по плечу или взять за нос. Но «восковой» швейцар вдруг ожил и сделал шаг назад! Он был настоящим швейцаром…

Нам предоставили возможность тренироваться на стадионе «Шепард баш», где обычно проводились собачьи бега. Там для нас срочно поставили футбольные ворота. На наши тренировки повалил лондонский люд.

В канун матча с «Челси» еще какая-то (не помню название) газета удивила мир: «Если русские играют, как и тренируются, с незасученными рукавами, то они недостаточно хороши, чтобы состязаться с нашими первоклассными мастерами…» Оригинальный вывод! Незасученный рукав футболки в какой-то мере предохраняет локоть от ссадин при падениях. Впрочем, с годами я убедился, что многозначительно изрекать всяческую околофутбольную чушь умеют борзописцы не только лондонские…

13 ноября 1945 года. Стадион «Стамфорд бридж». Ход игры известен, до 65-й минуты мы проигрывали 0:2 (на 23-й минуте левый инсайд Гулден открыл счет, на 30-й правый инсайд Вильямс удвоил). Приведу строки из интервью Василия Карцева, которое было включено в сборник «19:9»:

«Сергей Соловьев стремительно прошел по левому краю, отдал мяч назад Бескову, вошедшему в штрафную площадь, а

Бесков, не задерживаясь, передал мне. Я ударил… Счет стал 1:2».

Дальше приходится цитировать самого себя (из того же сборника):

«Делаю обманное движение — финт, предпринимаю сильный рывок. Харрис (опекавший меня защитник «Челси») бегает не так быстро, он отстает. Вхожу в штрафную площадь англичан, но не стремлюсь к воротам. Мой замысел мгновенно понимает Евгений Архангельский. Ко мне устремляется, спасая положение, другой английский защитник, и, как только он приближается ко мне вплотную, я откатываю мяч точно наискосок неприкрытому Архангельскому. Он бьет! 2:2».

Англичане — игроки высокотехничные, действуют дружно и мощно, однако каждый в своей зоне, каждый по своему «желобку». Мы же предложили им игру, которую называли между собой «хорошо организованным беспорядком». Должно быть, английским защитникам казалось, что против них на месте центрального нападающего играет не один, а три человека: то это был я, то Карцев, то Сергей Соловьев. А Бобров оказывался вдруг на краю. Через центр к воротам британцев устремлялись крайние наши форварды, инсайды, полузащитники. На месте, где по идее должен был играть Сергей Соловьев, неожиданно возникал я, а на моем месте — Карцев. В этом хорошо организованном и заранее отрепетированном беспорядке англичанам становилось все труднее обороняться.

Томми Лаутон, за которого «Челси» незадолго до этого матча уплатил «Эвертону» 14 тысяч фунтов стерлингов, оправдал расходы на себя (недаром трибуны «Стамфорд бриджа» скандировали: «Том-ми, фор-тин та-у-зендз!»): головой послал третий мяч в сетку наших ворот. А за семь минут до конца встречи я увидел Боброва, который мог выйти на голевую позицию, если бы туда был послан мяч. Я отправил мяч именно в ту точку, откуда Боброву было сподручнее нанести прямой удар, и Всеволод вложил в этот удар всего себя. Счет стал 3:3.

После матча с «Челси» английские спортивные обозреватели назвали всех нас игроками международного класса.

Мои тогдашние ощущения: чувствую себя как рыба в воде, раздаю мячи партнерам, обманываю своих «сторожей», бью с дальней и ближней дистанций… Наш стиль, наш «беспорядок», принес полную удачу в матче 17 ноября с валлийской командой «Кардифф-сити».

Шахтерский и портовый город Кардифф встретил нас огромным красным флагом над фасадом вокзала и плакатом: «Добро пожаловать, дорогие гости!» Алыми флагами были украшены многие улицы Кардиффа, гостиница, в которую нас

привезли.

Возле стадиона продавались сувенирные букетики сине-белых цветов под названием «Динамо». На поле стадиона «Ниньен-парк» валлийский оркестр играл «Полюшко-поле» и Гимн Советского Союза. Каждому из нас футболисты Уэльса преподнесли миниатюрные шахтерские лампочки. Мы ответили цветами.

Нас предупреждали, что «Кардифф-сити» считается самой быстрой командой Британии. Когда началась игра, выяснилось, что мы бегаем не хуже. Первый мяч забил Бобров, второй (а также четвертый, седьмой и девятый) — я, Бобров и Архангельский сделали в этой встрече по хет-трику (забили по три мяча). 10:1 — почти как с московскими «Крылышками»! Неужели и тут сказалась разница в классе? Отнюдь нет. «Кардифф-сити» — добротная, маневренная и крепкая команда с умелыми форвардами и цепкими защитниками. Просто в нас вселился черт в тот день. После борьбы с «Челси» мы почувствовали себя окрыленными; казалось, мы можем все. «Кардифф-сити» попал под горячую руку, но 17 ноября динамовцы могли с таким же успехом растерзать и «Челси». Вот что значит «пошла игра». Вот что значат сотни телеграмм, полученных нами в Англии, — телеграмм из Советского Союза, в которых нас поддерживали, поздравляли, желали нам побед.

Среди потока этих телеграмм была одна особая. Но о ней — позже.

На следующий день после встречи с «Кардифф-сити» мне исполнилось двадцать пять. В этот день динамовцы оживленно обсуждали напечатанные в британской прессе сообщения: из прежнего основного состава «Арсенала» оставлены лишь четверо, остальных игроков заменили лучшими мастерами из семи клубов, в том числе в состав включен сам Стэнли Мэтьюз — «футболист номер один». Обозреватель «Дейли экспресс» Роберт Скрипс так это комментировал: «Русские идут играть с командой, представляющей весь футбол Британии; в ее составе игроки международного класса». Мне не хочется особо акцентировать на этом обстоятельстве внимание, ведь и в рядах нашего «Динамо» были тогда Всеволод Бобров из ЦДКА и Евгений Архангельский из ленинградского «Динамо».

Всех нас потешила карикатура, напечатанная в газете «Ивнинг ньюс». В кабинет командующего английской оккупационной армией в Германии (вспомним, дело происходит в 1945 году), держащего в руках газету с анонсом: «Динамо» — 10, «Кардифф-сити» — 1», вбегает рассыльный с возгласом: «Сэр, SOS от «Арсенала», просят срочно прислать подкрепления, включая

танки, к среде, 21 ноября!»

Лондон бурлил, заключались пари по поводу результатов предстоявшей игры. Казалось, весь огромный город только и думает о футболе. Мы настраивались на самую серьезную борьбу с «Арсеналом», понимая, что здесь такой легкой победы, как в Кардиффе, не будет.

Утром 21 ноября ничто не предвещало погодных катаклизмов. Тысячи лондонцев задолго до объявленного часа тянулись на машинах, в автобусах и пешком к знаменитому стадиону «Тотэнхэм». К 13.00 на трибунах было более 50 тысяч зрителей.

На первой же минуте к воротам «Арсенала» прорвался Всеволод Бобров и сильным ударом послал мяч в сетку. Трибуны зарокотали. Не смолкали трещотки, рожки, горны, публика бушевала: «У-у-у! О-о-о!» (вот вам и сдержанные британцы!).

Постепенно англичане выправляют положение. У нас подбит Леонид Соловьев, на замену выходит Борис Орешкин. «Арсенал» нажимает. На двадцать пятой минуте инсайд Стэнли Мортенсен, «заимствованный» из команды «Блэкпул», неожиданным резким ударом застает Хомича врасплох. Затем он же забивает второй мяч и третий. К концу первого тайма мы проигрываем 1:3 — до сорок первой минуты.

Как-то быстро это получилось: Василий Трофимов справа очень удобно выложил мне мяч под удар, и я немедленно пробил. 2:3. Так мы ушли на перерыв.

В раздевалке речь шла о том, что надо шире и напористее применять нашу излюбленную тактику «хорошо организованного беспорядка». Англичане блестяще владели мячом, но оставались тем не менее верны своим зонам. Так играл, например, Лаутон в «Челси», так же играл за «Арсенал» центрфорвард Рук из «Фулхэма». И даже самый известный, Стэнли Мэтьюз, будущий сэр Стэнли, ходил строго по правому краю, не пытаясь переместиться в центр, тем более на левый фланг. Нужно было противопоставить этому наш отрепетированный спектакль под названием «Блуждающие форварды».

Начался второй тайм, и фирменный лондонский туман, без которого вообще трудно представить тамошнюю осень, стал катастрофически быстро сгущаться, превращаясь в то, что британцы образно называют «гороховым супом».

Представьте себе прямоугольник, стиснутый трибунами, сугубо футбольный стадион без беговых дорожек и секторов для легкой атлетики, затянутый густомолочным туманом, в котором мелькают темно-голубые и красно-белые футболки. С трибуны не видна противоположная трибуна. И «суп» все сгущается. Першит в

горле, режет глаза. Радиокомментатор Вадим Синявский подходит к бровке поля и спрашивает ближайшего к нему динамовца: «Лёня, что там сейчас было?» — «Точно не скажу, — отвечает Леонид Соловьев, — но, кажется, Бобров бил по воротам, а голкипер парировал…» — «Прорыв Боброва! — кричит в свой микрофон Вадим Святославович. — Сильнейший удар в верхний угол ворот «Арсенала»! Вратарь Гриффитс в неимоверном прыжке с трудом переводит мяч на угловой!» В лучшем стиле Синявского. На Родине люди замирали у радиоприемников. А главное — так оно и было на самом деле, на стадионе «Тотэнхэм».

Показал свой высочайший класс Стэнли Мэтьюз. По невидимой линии вдоль самой бровки поля мчался он с мячом, проскакивал Ивана Станкевича и четко навешивал на нашу штрафную… (В феврале 1990 года я вспоминал его игру, оказавшись в Лондоне, где в это время отмечалось 75-летие со дня рождения неповторимого сэра Стэнли…)

… В тумане меня потерял мой опекун, центральный защитник «Арсенала» Бернанд Джой. Я вдруг ушел от него и исчез. Пока Джой, насколько позволяли ход и темп игры, разыскивал меня, через центр рванулся к британским воротам Бобров. Джой сейчас же «приклеился» к нему. Бобров продолжал движение, надеясь на пас. И получил мяч из тумана — это я верхом послал его Боброву. Всеволод на бегу боднул мяч головой, сбросив его в сторону от себя и от Джоя, но по направлению к воротам. Голкипер Браун из команды «Куинз парк», заменивший Гриффитса, бросился навстречу мячу, но натолкнулся на Сергея Соловьева, а мяч вкатился в сетку… 3:3!

Туман сгустился до такой степени, что британская сторона предложила на этом закончить матч. Чувствовалось, что англичане устали, смешались, что им несподручна такая игра. Николай Латышев, судивший эту встречу, спросил мнение нашего капитана. Михаил Семичастный ответил, что «Динамо» готово продолжать игру, что следовало бы спросить зрителей. Латышев принял решение: играйте!

Пошла 18-я минута второй половины игры, и мы снова спутали карты британской обороны. Недалеко от центра поля я принял мяч и сделал с ним рывок в штрафную площадь, тяготея чуть влево. Джой следовал за мной по пятам, правый защитник «Арсенала» мчался мне навстречу. Я оставил мяч позади себя, а сам продолжал движение в прежнем направлении; мы столкнулись с правым защитником, оба упали… Но мяч-то остался на «огневой позиции» прямо перед воротами! На мгновение центральным нападающим стал Всеволод Бобров, подхватил оставленный мной мяч, сделал с ним шаг, другой и

пробил. 4:3!

В газете «Стар» мой сторож Бернард Джой напечатал статью. С мнением Джоя — одного из виднейших мастеров футбола Великобритании — стоит ознакомиться: «Не стану пытаться оправдать поражение «Арсенала» … Жаль, что туман не позволил зрителям хорошо рассмотреть игру, интересную и напряженную. Основной фактор, определивший успех русских, — позиционная игра, искусство, которое, по-моему, утеряно в Англии. Едва игрок «Динамо» получает мяч, его коллеги выдвигаются на свободные места, подальше от защитников. Сборище отдельных игроков не сможет победить такую хорошо подобранную и согласованно действующую команду, как «Динамо». Динамовцы почти ничем не выражают свой восторг, когда один из их игроков забивает мяч. Это показывает, что игрок, забивший мяч, лишь положил последний штрих, завершив усилия всей команды. Им удалось создать команду, которая и физически, и морально находится на высоте. Боюсь, что русские методы тренировки и игры в футбол революционны и, быть может, на наш взгляд, слишком неанглийские. Тем не менее мы должны, как сказал Герберт Уэллс, «приспособиться или погибнуть».

Наверное, мы с Джоем по-разному понимаем термин «позиционная игра». Он полагает, что это выход на свободное место, старание освободиться от опеки, выбрать позицию поудобнее. Я привык к тому, что «позиционная» означает «с постоянными позициями», то есть зонная.

Бернард Джой стал известным журналистом. На чемпионате мира 1974 года он пришел к нашим тренерам, к ветеранам советского футбола, приехавшим в Мюнхен, чтобы просто поболтать, вспомнить былые сражения. Он приветливо встречал каждого из своих прежних соперников. Мы с Джоем общались более чем дружелюбно. Приятный человек, сухощавый, седой джентльмен с тростью, не по-английски экспрессивный… Как летят годы!

Наконец, 28 ноября, Шотландия, Глазго, стадион «Айброкс». К моменту встречи с московским «Динамо» команда «Рейнджерс» 30 раз завоевывала первенство и кубок Шотландии, 29 раз побеждала сборную Англии, а существовала всего сорок лет. Против нас «Странники» (так переводится слово «Рейнджерс», хотя многие шотландцы в своем варианте усиливают смысловую окраску: «Бродяги») выставили все лучшее, чем располагали. Капитан команды Джон Шоу — защитник с международным именем, вратарь Джерри Даусен — просто национальный герой Шотландии. Центр обороны Янг, центр нападения Джеймс Смит (Большой Джимми) — звезды первой величины на севере этого

футбольного острова.

На борту одного из судов, стоявших на реке Клайд, был растянут транспарант «Рейнджерс» — «Динамо» — 10:0». Сотня тысяч зрителей на трибунах. На карту поставлен престиж Шотландии! Мэр Глазго обращается к обеим командам с торжественным и миротворческим напутствием. И — звучит стартовая судейская сирена.

Третья минута матча… Василий Карцев бьет штрафной метров с двадцати. Карцевский «хлыст» — мяч в сетке! 1:0. Уже не сбудется прогноз, написанный на судовом транспаранте.

Двадцать четвертая минута… Проводим свою отшлифованную во многих играх атаку: Сергей Соловьев проносится по левому краю, передает мяч Карцеву, тот — мне, я — снова Карцеву, и вновь его разящий резкий удар. 2:0.

Шотландцы, по-видимому, изучали нас, приглядывались в ходе трех предыдущих матчей. Во всяком случае, наши «блуждания», наш «беспорядок» не явились для них неожиданностью. Игроки «Рейнджерса» старались опекать каждого динамовца вплотную и несколько отступили от зонного принципа обороны.

Большой Джимми подтвердил свою репутацию футболиста европейского масштаба, перехитрив всех наших на штрафной площади, включая Хомича. Счет стал 2:1. А затем произошел новый для нас в ту пору, теперь ставший почти привычным (хотя привыкнуть к этому невозможно) судейский казус. В борьбе за мяч — в рамках правил — потеряли равновесие и упали в штрафной площади «Динамо» два футболиста — наш и шотландский. Арбитр Томпсон без колебаний назначил свободный удар в сторону от наших ворот. Но тут к нему подбежал судья на линии. После переговоров с ним Томпсон принял диаметрально противоположное решение: назначил одиннадцатиметровый удар в ворота «Динамо». Как рассказывают очевидцы, спортивный обозреватель радио Великобритании Клейденинг воскликнул, адресуясь к радиослушателям: «Несомненная несправедливость!»

Хомич уже отразил один пенальти в этом матче. Во второй раз ему это не удалось. Янг выполнил удар безупречно. 2:2.

А в сумме — 19:9. Две победы и две ничьи. Вот таким было наше открытие футбольной Мекки. Ну а затем — поток комплиментов по нашему адресу в английской, валлийской и шотландской прессе. Газета «Ньюс кроникл» предложила: «Было бы жестом вежливости по отношению к «Динамо», если бы гостям предоставили возможность встретиться с командой, действительно представляющей английский футбол. «Динамо»

заслуживает того, чтобы мы выставили против него лучшую команду, какую сумеем собрать».

Однако счет 19:9 призывал руководителей английского футбола к осмотрительности: продолжения не последовало.

Мы провели в Лондоне еще несколько безмятежных дней, посетили Британский музей. Национальную галерею, концертный Альберт-холл, Букингемский дворец… Повсюду нас узнавали (впрочем, было бы странно, если бы не узнавали: все мы были в одинаковых желтых ботинках, широких немодных брюках, в выглядевших анахронизмом москвошвеевских шляпах). Нас приветствовали, просили автографы, жали нам руки, расспрашивали.

Но очень манила, звала, владела мыслями Москва. Меня — особенно. Телеграмма, о которой я упомянул, была от знакомой девушки, Валерии Васильевой. Она поздравила меня с днем рождения, адресовав телеграмму с наивной, хотя и обоснованной уверенностью, что послание будет доставлено: «Лондон, команде московского «Динамо», Константину Бескову». Через три месяца после нашего возвращения из английского турне Валерия Васильева стала Валерией Бесковой.

После триумфального (так оно всеми было воспринято на Родине) турне по Великобритании мы, чемпионы СССР 1945 года, прямо скажу, подзазнались. Пишу «мы», так как не отрываю себя от команды. Хотя сам я и тогда понимал: достигнутое, выигранное — еще не индульгенция на все последующие годы, тем более что в 1946 году травмы не позволили мне нормально участвовать в чемпионате страны: из двадцати двух матчей я выходил на поле только в тринадцати, и не всегда на девяносто минут. Потому и забил за весь турнир всего два гола.

Перипетии трех сезонов, в которых чемпионами становились наши главные соперники, футболисты Центрального Дома Красной Армии, подробно описаны во многих изданиях и справочниках, повествующих о футболе языком фактов, цифр и прочих необходимых данных (составы команд, на какой минуте забит мяч и т. п.). Меня эти три сезона утвердили в мысли: головокружение от успехов во все времена и не только в футболе к добру не приводит. А уж в футболе наверняка оборачивается неудачами.

Даже небольшое послабление себе обезоруживает команду и каждого игрока в отдельности. Мысль «как-нибудь выберемся на классе» пагубна. Футбольная мудрость гласит: «Порядок бьет класс». Это означает: хорошо организованная, движимая энтузиазмом, стремящаяся к победе, в меру честолюбивая команда пусть даже средних возможностей способна победить

коллектив высококлассных мастеров, профессоров мяча, если та отнеслись к игре несерьезно, спустя рукава. Это доказано практикой тысячи раз. Можно лишь посочувствовать тренеру, втолковывающему игрокам, что соперник, не столь искусный, как они, в атлетическом отношении им не уступает и будет биться неистово. А игроки, кивая в знак согласия, остаются себе на уме: дескать, мы виртуозы, чемпионы, состав у нас все тот же, значит, победа гарантирована.

Вспоминаю совсем, кажется, недавние восьмидесятые годы, ответный матч московского «Спартака» в борьбе с бременским «Вердером» за европейский клубный кубок. В московской встрече этих команд у спартаковцев многое получилось, на волне подъема были забиты четыре мяча, удались многие комбинации, было неплохое физическое состояние. «4:1. Считайте, что мы вышли в следующий тур розыгрыша этого кубка, — говорили футболисты. — Отквитать три мяча мы бременцам не позволим».

А я видел, как говорится, невооруженным глазом, что игроки «Вердера» сильны, технически умелы, в тактическом отношении на самом современном уровне — словом, это весьма добротная профессиональная команда. Да, нам многое удалось в родных стенах, но такие состязания состоят каждый раз из двух раундов; у себя дома, в Бремене, «Вердер» даст нам жестокий бой, и к нему надо быть готовыми.

Игроки кивали в знак согласия. Кто-то даже брал слово и заверял, что приложит и так далее… Но было видно: ребята чересчур самоуверенны, запас в три мяча их как бы убаюкал. И это более чем тревожило.

Пытался поговорить с некоторыми ведущими игроками тет-а-тет: мол, ты-то уж какой стреляный воробей, тебя на мякине не проведешь, ты понимаешь, какую кашу способен заварить на своем поле «Вердер»; потолкуй с ребятами, объясни им по-свойски. Команду необходимо мобилизовать!

Все было тщетно. И естественно, где тонко, там и рвется. Подтвердилось «правило бутерброда», который если падает, то непременно маслом вниз. До Бремена мы добирались с таким трудом, будто он находится на берегу Магелланова пролива. Команда и тренеры страшно устали в пути. Большинство футболистов были какие-то вялые. На разминку перед игрой вышли полусонными. И еще во время разминки я нутром почувствовал, что нас сейчас крепко обыграют.

Первые же минуты матча показали, что и «Вердер» совсем не тот, который выступал в Москве, и «Спартак» словно подменили. 2:6 — это был разгром. И не «порядок бил класс» в этом матче, о котором горько вспоминать, а «класс и порядок били беспорядок».

Как тут не вспомнить другой матч европейского кубкового турнира тех же восьмидесятых годов, когда спартаковцам достался в соперники мой давний знакомый — лондонский «Арсенал». Мало того что этот клуб маститый сам по себе, так он еще и числился среди предыдущих обладателей кубка, за который мы с ним собирались бороться. Англичане в Лужниках не стали обороняться, нет, они шли и шли в атаку и забили нам два гола, которые, как известно, при определенной ситуации ценятся дороже в этих турнирах, чем забитые на своем поле.

Перенеся два нокдауна и опомнившись, спартаковцы ринулись на штурм британских ворот. Была достигнута победа со счетом 3:2, но два гола, пропущенные на своем поле, не давали мне покоя. Я вновь и вновь напоминал о них спартаковцам.

Они были тогда энтузиастами — оптимистичные и старательные спартаковцы 1982 года. Они поняли, прочувствовали, приняли близко к сердцу скрытую внешним благополучием опасность, которая, став в ответном матче реальностью, могла прекратить наши выступления в этом европейском турнире. Спартаковцы с подъемом и задором приняли тренерский план: в Лондоне не уходить в глухую защиту, не играть на удержание минимального счета, что всегда — скользкая дорожка, а атаковать и атаковать (чего никак не ждут от нас англичане).

— Мы, казалось бы, облегчили задачу «Арсеналу», пропустив дома два мяча, — говорил я на установке. — Так давайте усложним ему задачу теперь. Застанем врасплох своей агрессивной игрой, не будем отсиживаться в защите, как того ожидают наши гостеприимные хозяева, забьем им больше, чем два!

Когда между командой и тренером обретен контакт, полдела сделано. Наш новый визит в Англию стал победным. Напористо атаковали крайние защитники; завертели, запутали британскую оборону своей каруселью и неожиданными выпадами игроки передних линий; в первые четверть часа второго тайма Сергей Родионов, Федор Черенков и Сергей Шавло выполнили нашу «программу максимум»: забили больше, чем два мяча. И после этого спартаковцы не утихомирились, продолжали терзать защиту. Под овации английских зрителей, умеющих ценить содержательную, результативную игру, забили четвертый мяч и оставили о себе превосходную память в стране Шекспира.

Вот что такое головокружение от успехов и вот что такое рассудительные головы. Вот что такое горе тренера и вот что такое его счастье.

«К СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ ВСЕГДА ОТНОСИЛСЯ СЕРЬЕЗНО»

Футболисту и тренеру, как и представителю любой другой профессии, важен и нужен надежный тыл: дружная семья, домашний уют, хорошие отношения. Знаю немало примеров, когда семейные неприятности, ссоры, а то и скандалы, приводившие к разрыву, отрицательно сказывались на выступлениях игрока.

К семейной жизни я — умозрительно — всегда относился серьезно, хотя о собственной женитьбе совершенно не думал лет до двадцати четырех. Представления мои и принципы были определенны и устойчивы: если жениться, то не для того, чтобы вскоре развестись; дом — это любовь и взаимное уважение, это дети, это порядок. Высокие требования нужно предъявлять в первую очередь к себе, отношение к семье должно быть ответственным. Так я считал в молодости, так считаю по сей день.

Понимал я и то, что мужчина должен быть главой семьи и обеспечить ее материально.

В послевоенные годы мы дружили с Василием Карцевым. В «Динамо» он был приглашен из «Локомотива», немосквич (из подмосковного города Егорьевска), жил долгое время в гостинице. Бытовая неустроенность сказывалась на его настроении и, конечно, на игре. Поэтому я убеждал Карцева: «Приезжай почаще ко мне». При этом понимал, что наша шестнадцатиметровая комната не ахти какие хоромы; что в квартире, кроме Бесковых, еще четыре семьи; но мама приготовит обед, приветит гостя, и Карцев почувствует себя хоть в какой-то степени дома, это его успокоит, уравновесит.

Со временем нам с Василием предоставили на двоих двухкомнатную квартиру в высотном доме на Котельнической набережной: дескать, раз вы друзья, то получайте каждый по комнате, а кухню и остальное делите по-дружески (да, не так-то просто было в послевоенные годы получить отдельную квартиру в Москве даже игроку прославленной футбольной команды!). Вскоре Карцев собрался жениться, и я, сознавая, что молодоженам необходимы благоприятные условия, уступил другу свою комнату в этой квартире.

Многие мои партнеры по «Металлургу» и «Динамо» были женаты. Мне, самым серьезным образом воспринимавшему советы старших, врезалась в сознание фраза, сказанная

товарищами в «Металлурге», — Павлом Александровичем Кудрявцевым и Юрием Васильевичем Логиновым: «Запомни, Костя, жениться надо не раньше двадцати пяти…»

…Шли мы однажды с приятелем Яшей Гениным, инженером (он стал в скором времени лауреатом Сталинской премии), кажется, возле московского сада «Эрмитаж». И навстречу — две девушки. Одна из них произвела на меня огромное впечатление. Сразу, с первого взгляда! «Знаешь, Яша, — сказал я, — вот на такой девушке я бы женился…»

Еще два-три раза встречал эту юную незнакомку, но не только не решался подойти, но даже долго смотреть на нее считал неудобным. В момент одной из наших случайных встреч с этой девушкой я сказал футболисту Александру Петрову, оказавшемуся рядом: «Познакомился бы ты, Саше, а затем познакомил бы меня». Но Саша тоже не решился заговорить с этими девушками.

Однажды мы встретились в саду «Эрмитаж» с Владимиром Аркадьевичем Канделаки, известным певцом и большим любителем футбола; разговорились о матчах, игроках, соперничестве «Динамо» и ЦДКА. Вдруг подходят к Канделаки… эти самые девушки! Здороваются, передают от кого-то привет и уходят… Впоследствии я узнал, что Канделаки родом из Батуми, и Лера родилась в Батуми, ее мама была знакома с Владимиром Аркадьевичем давно. Эта встреча в «Эрмитаже» произошла летом сорок пятого года.

А осенью, в конце октября, когда мы стали чемпионами страны, готовились к поездке в Англию, мы с Сашей Петровым после тренировки пошли в коктейль-холл на улице Горького — взять по порции мороженого. Когда вышли и двинулись вниз по улице к станции метро, увидели идущих навстречу тех самых девушек. И снова я не решился подойти. Проехали под землей до следующей остановки и спохватились: чемоданчики со своей спортивной амуницией оставили в коктейль-холле! Пришлось возвращаться. И тут я сказал Саше: «Она мне очень нравится. Если еще раз их встретим — непременно подойдем!» Взяв свои чемоданчики, выходим из коктейль-холла и — судьба: они.

Мы вежливо поздоровались, представились как футболисты московского «Динамо», сказали, что на днях полетим в Англию. Девушки держались отчужденно, но, услышав о «Динамо», неожиданно спросили: «А есть у вас в команде холостой Женя?»

Позднее оказалось, что мать Леры дружила с женой моего товарища по «Динамо» Василия Трофимова Оксаной. Трофимовы были в гостях у Васильевых, разговор там зашел и обо мне; это Лера перепутала — не Женя, а Костя.

Нет у нас такого Жени, — ответил я. — У нас в «Динамо» я холостой.

Главное — познакомились! Еще через несколько дней, накануне нашего отъезда в Англию, вся команда ужинала в ресторане «Динамо», и мы с Трофимовым пригласили туда Оксану и Леру. Пришли с ними, сели за отдельный столик; нам подали чаˆ с пирожными. Я сказал Лере, что постараюсь дать знать о себе из Лондона; взял у нее фотографию (и частенько смотрел на нее, когда оставался один, — и во время английского турне, и после).

Позвонить из Лондона в Москву в 1945 году было не так просто, как сейчас. Я надеялся, что, может быть, удастся через наше посольство или еще как-нибудь. А помог мне в этом телефонном свидании наш радиокомментатор Вадим Синявский. Его «зафрахтовал» как специального корреспондента главный редактор газеты «Московский большевик» (ныне «Московская правда») Семен Давыдович Индурский, рассчитывая получать эксклюзивную информацию о матчах динамовцев в Англии. По моей просьбе Синявский уговорил Индурского пригласить на следующие переговоры Леру. Она явилась в редакцию газеты; Синявский, продиктовав свой репортаж, вручил трубку мне, а Индурский в Москве — Лере. Разговор, хотя и сбивчивый, неловкий, но все же состоялся!

Возвращаемся мы из английского турне, всех встречают: товарищей моих — родня и друзья, меня — только мама… Приехали мы с ней домой; она пироги напекла, стала вспоминать, как соседи жаловались, что я мячом все бью и бью в стену дома; тогда она мне за это стала выговаривать, а я ответил: «Зря сердишься. Слышала, недавно группу футболистов наградили орденами? Когда-нибудь и меня наградят!» Теперь мать поверила, что меня и в самом деле могут когда-нибудь наградить…

А мне не сиделось. Побежал на улицу звонить Лере (в квартире у нас не было телефона). Стоял крепкий декабрьский мороз, и в эту холодину я искал действующий телефон-автомат, что было делом нелегким. Наконец нашел. Звоню: «Почему не встретила?» Она отвечает: «Я хотела поехать встречать, но, когда стали приглашать в автобусы, спросили: «Бескова кто встречает?» — прозвучало: «Мама», и я оказалась лишней».

Я стал уговаривать: «Приезжай сейчас же к нам. Я встречу». Лера слегка поломалась, но согласилась. Я стоял на морозе и впивался взглядом в каждый подходивший трамвай; на третьем по счету она приехала. Я протянул руку, помогая сойти с площадки, осторожно поцеловал в щечку.

Познакомил с мамой, посидели у нас, а ближе к полуночи

пошел провожать Леру. И мы чуть ли не через всю Москву в сумасшедший мороз шагали до ее дома в Ананьевском переулке (напротив Института имени Склифосовского). Говорили, говорили… Ноги у нее замерзли до невозможности. Кое-как дошли. Тогда ходили слухи, что в Москве орудует банда «Черная кошка», и они с мамой не отпустили меня обратно, уложили на раскладушке.

Было это 7 декабря 1945 года, а 17 февраля 1946-го мы с Лерой расписались.

Надеюсь, я всю жизнь верен принципам, выработавшимся смолоду: семья — это любовь и дружба, это порядок, прочность, взаимное уважение, домашний уют. Глава семьи берет на себя самое трудное… До золотой свадьбы нам осталось совсем мало лет. Впрочем, можете спросить, что думает по этому поводу Валерия Николаевна, выяснить ее точку зрения.

— Непременно. Именно это и собираюсь сделать.

«И СКАЖУ ПРЯМО: ЛЮБИЛА ЕГО ВСЮ ЖИЗНЬ»

— Тогда, в сорок пятом, мы с подругой часто ходили в сед «Эрмитаж», все спектакли Театра имени Моссовета пересмотрели — с Мордвиновым, Марецкой… К этому времени я уже танцевала в ансамбле Центрального дома культуры железнодорожников, над которым шефствовал Исаак Осипович Дунаевский. Обычно наш ансамбль так и называли ансамблем Дунаевского.

— Извините, Валерия Николаевна, начнем чуть раньше. Как вы оказались в ансамбле Дунаевского? Вы ведь драматическая актриса, окончили ГИТИС.

— Ну, тогда придется совсем сначала. В 1942 году я, школьница, поступила в хореографический кружок Московского Дома пионеров, что находился на улице Стопани. Вела кружок Елена Романовна Россе, чудесный балетмейстер. Мы ездили выступать в воинские части, а поскольку фронт был не так уж далеко от Москвы, то одно время мы танцевали перед бойцами прямо на передовой. У фронтовиков особым успехом пользовался татарский танец, который мы исполняли втроем (кстати, мои тогдашние партнеры по кружку и этому танцу много лет работали потом в Театре имени Станиславского и Немировича-Данченко). Я продолжала учиться в школе, ходила в свободное время на фабрику (на Землянке), где мы укладывали готовые к отправке на фронт косынки — повязки для раненых (такая повязка поддерживала руку). За это на фабрике давали нам хлеб.

Танцевала в пионерском кружке, а ближе к концу войны поступила в ансамбль Дунаевского.

Значит, пришли мы в тот раз в «Эрмитаж», увидели Владимира Аркадьевича Канделаки, подошли поздороваться, передать привет от моей мамы. Владимир Аркадьевич знал меня совсем маленькой. Обратила внимание на одного из парней, которые стояли с ним: интересный такой молодой человек в щегольском макинтоше, в белых с желтым ботинках, какие не очень часто можно было увидеть в то время в Москве. Этот парень почему-то очень пристально на меня смотрел. Но мы раскланялись с Канделаки и ушли. Знакомства не произошло.

Приятельница моей сестры Оксана была замужем за футболистом Василием Трофимовым. С нею была знакома и моя мама. Так что иногда у нас заходил разговор о футболе. Я даже

была однажды на матче: играли московские «Крылья Советов» и «Динамо», динамовцы победили со счетом 10:0. Кроме того, моя мама, Елизавета Павловна, была знакома с братьями Старостиными. В общем, мы не были чужды футболу

В начале ноября сорок пятого года встречаю Оксану Николаевну Трофимову, и она взволнованно говорит: «Представляешь, наши летят в Лондон!» Поэтому когда к нам с подругой подошли на улице Горького молодые люди, одного из которых я видела уже не впервые, и сказали, что на днях улетают на матчи в Англию, я смогла ответить: «А мы знакомы с женой Трофимова». Вечер накануне их вылета договорились провести вместе; со стадиона футболистов не отпустили, и мы с Оксаной приехали на «Динамо».

А к 18 ноября я послала поздравительную телеграмму по адресу: «Англия, Лондон, команде московского «Динамо», Константину Бескову». Пожелала ему счастья в день 25-летия.

Вдруг позвонил к нам домой Семен Давыдович Индурский, редактор газеты «Московский большевик». Пригласил посетить редакцию в определенное время: Костя будет на проводе. Я приехала. Смущалась, чувствуя себя как бы невестой, хотя об этом и речи не было. А тут еще Костя из Лондона спрашивает: «Какой у тебя размер ноги?» Я закричала: «Не надо! Пожалуйста, ничего не надо!» Но он все-таки привез в подарок туфли на каучуке. Наверное, есть разница в наших и английских номерах обуви, потому что туфли оказались мне очень малы. В них пришлось наливать кипяток, и вся наша коммуналка в Ананьевском переулке разнашивала их для меня…

Сегодня это смешно звучит, вероятно. А тогда жилось нам, мало сказать, трудно. Зимой сорок шестого года мы ходили с Костей на каток; придем с катка к нам домой, и я бегу к соседям одолжить кусочек сала на вилке — не совсем взять, а только попользоваться, поводить салом по сковородке, чтобы макароны разогреть. А больше нечем было угощать.

Мы познакомились 2 ноября 1945 года, а в феврале Костя уже поставил мне условие: уйти из ансамбля. А между прочим, я поступила в балетную труппу ансамбля Дунаевского по конкурсу, не так-то легко было его выдержать… Но я понимала: если останусь в ансамбле, нам почти не придется видеться. Ансамбль то и дело на гастролях, вечно в пути, и динамовцы на многие игры выезжают. Словом, послушалась я Костю, ушла из ансамбля.

Знаете, после я поняла, что не просто так, из прихоти или из ревности, он настаивал на моем уходе из ансамбля. У него очень точный глаз, природное качество сродни таланту — сразу увидеть в человеке скрытые или не слишком выраженные потенциальные

возможности (как и недостаток, отсутствие таковых). Значит, он увидел, что я, скажем так, не вырасту в танцевальную звезду. А увидел, значит, сказал по-бесковски напрямик: уходи из ансамбля.

В сорок седьмом у нас родилась девочка. Узнав об этом, мой отец, Николай Никанорович Васильев, в письме посоветовал назвать ее Любой. «Это, — писал он, — самое подходящее имя для вашей с Константином дочери: Любовь».

— В письме? Он находился где-то вне Москвы?

— Он находился в заключении, в лагере близ Жигулей, Его, инженера-электросварщика, выпускника училища имени Баумана, арестовали в сорок четвертом. У его знакомого, который сказал что-то крамольное при осведомителе соответствующих органов, был в записной книжке среди других телефонов номер телефона моего отца. К моменту рождения Любы ему разрешили переписку.

— Выходит, Константин Бесков, знаменитый футболист, обласканный всеми, в том числе разнообразным начальством, уже задумывавшийся о тренерской работе, не остановился перед тем, чтобы в ту пору жениться на дочери политического заключенного?

— Не только не остановился, но стал добиваться пересмотра дела. Да, на это надо было решиться! Тогда могли кого угодно репрессировать, невзирая на заслуги, не только футболиста. Костя добился разрешения на свидание с отцом, ему нужно было лично поговорить, составить собственное впечатление. Когда динамовцы приехали на матч с куйбышевскими «Крылышками», Костю ночью на катере отвезли в этот лагерь. Отец был сильно болен, поэтому свидание должно было состояться в медицинском изоляторе.

Костю предупредили, чтобы он молчал до особого распоряжения. Но вот в помещение вошел отец (выглядел он ужасно, а ведь был очень красивым), закутанный в грубое казенное одеяло. Его спросили: «Фамилия, имя, отчество?» Он назвался. «Откуда родом?» — «Москвич». — «Домашний адрес?» — Он назвал. «Есть родня?» — «Жена Елизавета Павловна, дочь Валерия». — «Дочь замужем?» — «Да». — «За кем?» — «Ее муж известный футболист Константин Бесков из команды «Динамо». — «Вы его знаете? Встречались?» — «Нет».

Тогда эти люди показали на Костю, сказали: «Вот он, Бесков». И разрешили им с отцом общаться.

Они бросились друг к другу. Отец сказал: «Пожалуйста, не обращайте внимания на мой вид…»

В общем, это была весьма эмоциональная сцена, какую не

увидишь ни в одном театре. Медсестра, присутствовавшая при этом, плакала. И даже те люди, которые «стояли на страже», были взволнованы.

Костя приложил много усилий, прежде чем в сорок девятом отец вернулся домой. А после пятьдесят третьего был полностью реабилитирован… В этой истории — весь Константин Иванович. И скажу прямо: любила его всю жизнь. Больше никого не любила. Бывает, говорят люди: быт заедает, неустроенность, нехватка средств, разлуки — и люди охладевают друг М другу и расстаются… Не знаю. Я просто любила, быт не быт, разлуки не разлуки. Вы видели в «Советском спорте» не так давно его фотографию времен молодости? Правда же, какой симпатичный, стройный, видный?

— Да просто красивый — той русской спортивной красотой, которую запечатлевают художники на полотнах, скульпторы — на граните и бронзе.

— И всегда спокойный, сдержанный. Много усилий требуется, чтобы вывести его из себя. Очень сильный характер.

В сорок девятом я поступила в Музыкальное театральное училище имени Глазунова. Проучилась два года, и училище закрыли. Нас, студентов-глазуновцев, перевели в ГИТИС, создав там отделение музыкальной комедии. Но я с этого отделения перешла — по конкурсу! — на актерский факультет, где моими однокашниками были Люсьена Овчинникова, Марк Захаров, Лия Элиава, Юрий Горобец, Володя Васильев — тот, который по сей день играет в Театре имени Ермоловой.

— А Константин Иванович не был против ГИТИСа?

— Ну как же, был! Но пришел к нам на экзамен первого курса — Андрей Михайлович Лобанов поставил тургеневскую «Провинциалку» (я играла Дарью Ивановну), — посмотрел и сказал: «Ладно, учись дальше». Это меня очень обрадовало, я уже тогда по отдельным его замечаниям, репликам почувствовала, что он удивительно точно реагирует на все достойное внимания в искусстве.

Был у нас в жизни такой эпизод. Выходила замуж моя приятельница, актриса Театра на Таганке. Пригласила на свадьбу нас с Костей. Торжество устроили в ресторане «Арагви», в отдельном кабинете. И был там совсем еще молодой Володя Высоцкий. С гитарой. Пел, конечно, свои песни. Константин Иванович послушал Высоцкого и сказал: «Очень рад, что узнал вас. У вас большое будущее…» В семьдесят четвертом, готовя олимпийскую сборную к отборочным матчам, он увидел на

телеэкране Аллу Пугачеву, тогда еще не одержавшую побед на международных конкурсах. Спросил: «Как зовут? Алла? Надо записать на видео ее «Арлекино» и периодически показывать футболистам — для поднятия тонуса и снятия напряжения. Хорошая растет певица».

У него артистичная натура. Чтобы выслушать его замечания, я приглашала его на все свои спектакли, начиная с дипломного в ГИТИСе — «Волки и овцы» Островского, где у меня была роль Глафиры. Ну и сама старалась не пропускать матчи. Сперва футбол был для меня зрелищем романтическим, даже феерическим, но, откровенно говоря, шляпки интересовали больше. Не понимала, почему Костя так остро переживает поражение, не он же один проиграл — вся команда проиграла, полтора десятка людей… Разбираться начала, когда он стал работать тренером. Поражения можно делить на всех в команде, но, оказывается, виноват почти всегда тренер. Вот когда я узнала, почем фунт лиха!

Очень тяжело завершилась для него Московская олимпиада: выигрывали, выигрывали, а в полуфинале пропустили один мяч от сборной команды ГДР и не сумели отквитать. А все были на сто процентов убеждены, что на своем поле советская команда просто обязана выиграть Олимпийские игры. Кого винить? Конечно, старшего тренера… Спустя некоторое время я в каком-то шутливом разговоре сказала: «А ты сейчас женился бы на молоденькой?» И он после короткой паузы, полностью осознав услышанное, ответил: «Боже сохрани: это все равно, что еще одна Олимпиада!»

— Вы сразу по окончании ГИТИСа вступили в труппу Театра имени Ермоловой?

— Да. И первая роль, которую мне, кстати, приятно вспоминать, — в спектакле «Вода с Луны» по пьесе Хентера. Андрей Михайлович Лобанов поставил этот спектакль в 1956 году, предложил мне роль, а после этого он в ермоловском театре уже ничего не ставил.

— Насколько я помню, а в театр ходил немало, вы играли во многих постановках ермоловской труппы. Например, запомнилась ваша Бетси в «Опасном повороте» Пристли: многоплановый, интересный образ. Вашу Ливию помню в «Укрощении укротителя» Флетчера…

— Ну, роли были. Джульянелла в пьесе Эдуардо де Филиппо «Суббота, воскресенье, понедельник». В «Трех товарищах» по Ремарку. В пьесе Михаила Светлова «С новым счастьем!» играла

Катю Бережкову. Играла в «Дикарях» Михалкова — этот спектакль прошел 400 раз! Были, были роли. А партнеры какие! Всеволод Семенович Якут, Иван Иванович Соловьев, Валерий Петрович Лекарев, Владимир Алексеевич Андреев… С Юрием Медведевым играла, со своим однокашником по ГИТИСу Володей Васильевым. С Иветтой Киселевой, Раисой Губиной, Софьей Павловой — отличные партнерши.

— В конце пятидесятых годов я участвовал в работе Студенческого театра МГУ. Одним из режиссеров у нас был Иван Иванович Соловьев, тогда еще не народный артист СССР. Я спросил его о вас (еще бы, супруга Бескова!). Иван Иванович очень хорошо отозвался, он вас ценил как острохарактерную актрису… Видел я и фильмы с вашим участием: «Повесть о первой любви», «Июльский дождь», «По тонкому льду», «Секундомер».

— Снималась время от времени. Но, по правде говоря, необычайно трудно быть актрисой и одновременно женой футбольного тренера. Актриса не в силах посвящать себя дому в той степени, в какой следовало. К тому же подросла дочь, и она требовала внимания. Я ушла из театра. Стала фактически личным секретарем Константина Ивановича: ему много звонили домой по разным делам из самых разных организаций — и по хозяйственным вопросам, и представители прессы. Я записывала, передавала его ответы тем, кто не мог его застать. Полностью переключилась на его жизнь, его дела и круг интересов. Конечно, никоим образом не вмешивалась в сферу, которая называется «футбольная команда», — никаких попыток что-либо подсказывать, как-либо влиять на его футбольные дела. Да Константин Иванович этого и не позволил бы. А вот секретарские обязанности (плюс к обычным домашним) взяла на себя.

— В документальном фильме о Константине Ивановиче, вышедшем на экран в 1988 году, есть характерный эпизод. У вас дома гостья, она смотрит по телевизору матч с участием «Спартака», а вы то входите в комнату, то выходите (по-видимому, хлопочете на кухне). «Спартак» забивает гол, гостья радуется и восклицает: «Кто забил?» В этот миг вы вошли, бросили взгляд на экран и сразу ответили: «Мостовой». Вы что же, каждого спартаковца узнавали, даже если его показывали не крупным планом, — по движениям, силуэту? Вероятно, неплохо «читаете» игру?

— Более того, мне довольно быстро становится ясна концепция игры. Достаточно посмотреть некоторое время, как действует совершенно не знакомая мне команда, чтобы

определить ее уровень, спортивную форму игроков на данный момент и схему их расстановки. Ну а спартаковцев я различала, как говорится, по контурам.

— Не жалеете, что оставили сцену, Валерия Николаевна?

— Пожалуй, теперь уже не жалею. Какое-то время тянуло: периодически участвовала в концертах с самостоятельными номерами (одна или с партнерами) или как ведущая программы. Вела концерты, например оркестра имени Осипова. Но и это ушло. Почему? Наверное, я не так безумно любила театр…

Прежде чем Константин Иванович продолжит повествование, позвольте, читатель, процитировать высказывания о нем известных специалистов футбола. Вы встретите в этой книге несколько таких высказываний, относящихся к разным этапам деятельности К. И. Бескова. Автор одного из них в силу обстоятельств своей жизни мог видеть игру Константина Ивановича только в предвоенные годы.

«Умно, расчетливо, как шахматист, знающий несколько ходов вперед, играл Константин Бесков.

Он строил свою игру на тонком расчете и блестящей технике… Бесков беспрерывно изобретал, действовал на поле ювелирно. Он не прощал противнику ни технических, ни тактических ошибок. Малейшая возможность использовалась им для передачи или внезапного стремительного удара. Противник не мог предугадать, какой ход придумает Бесков, потому что оружие, которым он пользовался, было разнообразным и он умело маскировал свои намерения».

Так писал Николай Старостин в книге «Звезды большого футбола».

И еще одно высказывание — Михаила Якушина, который был и партнером К. И. Бескова на футбольном поле, и его тренером в послевоенные годы. В книге «Вечная тайна футбола» он писал:

«…Это был нападающий высокого класса — техничный, изобретательный, умный. Он умел и отлично организовывать атаки, и не менее отлично их завершать. Всегда действовал разнообразно, не боясь брать игру на себя; хорошо владел обводкой. Все свои лучшие качества Бесков показал во время нашего турне по Великобритании, в частности в игре с «Челси», где он проявил себя

как превосходный диспетчер.

…В характере Бескова уже тогда проявлялась тяга к знаниям, к совершенствованию. В жизни он встречал немало интересных, умных людей, общение с которыми расширяло его кругозор. Бесков не был слепым исполнителем воли тренера и часто предлагал свои тактические решения. У нас нередко происходили с ним дискуссии на эту тему, которые я старался поощрять, видя, что он уже готовит себя к тренерской деятельности. И действительно, Бесков стал тренером, причем одним из лучших в стране, неоднократно возглавлял сборную команду СССР…

Бесков — сильный характер, сильный организатор. Он очень доходчиво может объяснить игроку его задачу, а главное, он умело проводит тренировки. Методика занятий Бескова универсальна и выгодно отличается от подобных методик других наших специалистов. Во всяком случае, даже на глаз было заметно, что все команды, которые он тренировал когда-либо, обращались с мячом лучше, чем остальные. Бесков хорош еще и тем, что способен подготовить футболистов к главной для них серии игр так, что они в решающий момент будут действовать мобильно и грамотно».

СОРОКОВЫЕ, ПЯТИДЕСЯТЫЕ...

Михаил Якушин в сорок шестом году и сам был еще молод, и у него подугасла бдительность под влиянием наших предыдущих успехов. Не сразу он стал требовать круто и решительно: все надеялся, что динамовцы сами опомнятся, что кое у кого проснется совесть. Так оно и произошло: спохватились, но чемпионство уже безнадежно упустили, а это воспринималось как крупная неудача. Второе место для московского «Динамо» тех лет считалось почти провалом, катастрофой.

Не помню, кому я забил те два гола в 1946 году, которые занесены в мой «послужной список» футбольными статистиками. Но не могу отказать себе в удовольствии заметить: «Динамо» — эта «сдавшая свои позиции», снизившая требования к себе, сплоховавшая и т. п. команда, в сезоне 1946 года выиграла: у «Крыльев Советов» (Куйбышев) со счетом 8:0 и 7:0, у «Динамо» (Тбилиси) 4:1, у московского «Спартака» 4:1 и 5:0, у «Динамо» (Минск) 2:0 и 5:0, у «Динамо» (Киев) 6:1 и 3:0, у «Динамо» (Ленинград) 4:0 и 3:0, у сталинградского «Трактора» 1:0 и 4:0, у ленинградского «Зенита» 1:0, а вторую встречу сыграли вничью. До чего же «неудачный» сезон!.. Но парадокс в том, что сезон действительно был неудачным, потому что московские армейцы и торпедовцы отняли у нас все возможные очки.

Московские команды вообще играли с земляками-динамовцами более чем принципиально. В сорок восьмом году, например, мы не пощадили торпедовцев, обыграв их со счетом 7:0. Именно в том матче Сергей Соловьев в считанные минуты трижды поразил ворота автозаводцев (не могу поддержать пылких журналистов, которые, чем больше времени проходит, тем с большей уверенностью утверждают, что Соловьев сделал это всего за две минуты; но что Соловьев сделал это меньше чем за пять минут, могу поручиться). Но ведь было за что «расплачиваться»: в сорок шестом торпедовцы побили нас дважды — 3:1 и 4:1, и для победителей «Арсенала» и «Кардиффа» это были болезненные уроки.

В следующем году мы вновь стали только вторыми, хотя набрали столько же очков, сколько ЦДКА, но тогда при определении чемпиона страны учитывалась разница забитых и пропущенных мячей, а у армейцев она оказалась на 0,01 лучше, чем у нас (для этого им пришлось, как по заказу, одолеть в последнем матче сталинградский «Трактор» со счетом именно 5:0). И в личных поединках между нами и ими наметилось

равенство: в первом круге мы выиграли 3:1, во втором проиграли 0:1, так что особенно ликовать ЦДКА, на мой взгляд, было не с чего…

Это я подшучиваю над своими давними соперниками, как и над своими давними партнерами. В сущности, наша сугубо спортивная конкуренция была прекрасной. И болельщики-ветераны помнят, что на встречах ЦДКА и «Динамо» всегда был полный аншлаг. Более того, бросая взгляд с поля на трибуны, я видел, что люди (в основном мальчишки и юноши) сидели на ступеньках лестниц, а многие стояли на галерках. Московские «умельцы» всегда находили способ пройти на стадион без билетов, достать которые тоже надо было уметь.

В документальном фильме восьмидесятых годов «Футбол нашего детства», по замыслу сценариста и режиссера, на поле стадиона «Динамо» вышли армейцы и динамовцы первых послевоенных лет. Был там и я. Мы стояли двумя шеренгами, как перед началом матча, каждый на своем месте, но между многими образовались печальные бреши: не было в живых Сергея Соловьева и Григория Федотова, Владимира Демина и Василия Карцева, Всеволода Боброва и Алексея Хомича… Когда я смотрел эти кадры по телевидению, слезы сами собой выступили на глазах. Те и другие, неважно, в футболках какого цвета они играли, были друзьями моей молодости и остаются для меня символом Большого Футбола.

Сегодня, здраво анализируя ретроспективу, убеждаюсь, что мы и армейцы в сущности были равны по силам, если сопоставлять каждого с каждым или звенья со звеньями. Кто-то мог в определенный момент индивидуально оказаться лучше своего коллеги из другой команды в физическом отношении. Но право же, пятерка атаки — Гринин, Николаев, Федотов, Бобров и Демин на самых беспристрастных весах уравнивалась с другой пятеркой — Трофимов, Карцев, Бесков, Малявкин, Сергей Соловьев.

А вот в боевитости, мобильности, выносливости, настойчивости мы товарищам из ЦДКА в тот момент уступали. Борис Андреевич Аркадьев, обладая огромным опытом и обширными познаниями, зная при этом динамовцев как свои пять пальцев, делал в ЦДКА акцент на функциональные кондиции, на атлетизм, потому что в техническом и тактическом плане его подопечные были не хуже нас.

Пожалуй, уже тогда я готовился к тренерской работе. Приятно было убедиться в этом, прочитав в книге М. И. Якушина такой абзац:

«Помню, с какой страстью Бесков обсуждал тактику игры

команды, свои действия, дискутировал со мной на эти темы, и я понимал, что он уже тогда замыслил стать тренером, причем не просто устроиться в жизни, а добиться чего-то значительного на этом поприще».

Много в этом смысле давали международные матчи. Как ни колдуй тренер по части тактик, схем расстановки игроков, сдвоенных или даже строенных центров или игры без одного крайнего форварда, он не сумеет идти в ногу с веком, если замкнется лишь на игре своих соотечественников. Необходим международный опыт. Как и в науке, технике, медицине, космических исследованиях, в тонкостях экономики сельского хозяйства или в театральной режиссуре, нельзя в футболе не учитывать достижения зарубежных специалистов, нельзя не знать о новинках и экспериментах в нашем деле. Слава богу, после удачного опыта с «Челси», «Кардиффом» и другими командами нам стали больше доверять в этом отношении сильные мира сего.

Мне не довелось из-за травмы непосредственно участвовать в московских матчах «Динамо» с белградским «Партизаном» (4:1 в нашу пользу) и софийским «Локомотивом» (3:3), но я видел и запомнил каждый момент этих поединков, извлекая из них очень ценное представление о том, как играли тогда в Европе.

А на следующий год нам выпало новое триумфальное турне — в Скандинавию. Особенно важными считались матчи со шведскими ведущими клубами «Норчепинг» и «Гетеборг».

Перед нашим отъездом команду принял маршал К. Е. Ворошилов. Был очень с нами приветлив, напутствовал оптимистично:

— Выиграйте там у них со счетом пять — ноль! — После короткой паузы усмехнулся и поправился: — Ну, если не пять — ноль, то в крайнем случае пять — один. Один гол можно и пропустить.

Надо же было случиться, что мы оба матча, у «Норчепинга» и «Гетеборга», выиграли с одинаковым счетом — 5:1…

Первая игра проходила 26 октября 1947 года на стадионе «Расунда». Шведы открыли счет, но мы не были обескуражены. Наоборот, включили «третью скорость», и сначала я отквитал гол, потом Сергей Соловьев забил второй, а после перерыва я — третий и пятый, Василий Карцев — четвертый. На пресс-конференции после матча капитан «Норчепинга» Биргер Русенгрен заявил:

— Мы едва не падали от усталости во второй половине игры, а московские динамовцы не проявляли ни малейших признаков утомления.

Может быть, слабой была команда, с которой мы

«расправились» в тот октябрьский день? Этого не скажешь. «Норчепинг», чемпион Швеции 1945, 1946, 1947, 1948 годов, был основным поставщиком футболистов в национальную сборную, которая, подчеркну, выиграла Олимпийские игры 1948 года. Незадолго до встречи с московским «Динамо» этот самый «Норчепинг» победил английские команды «Челси», «Ньюкасл», «Шеффилд» и «Чарлтон». Не назовешь «мальчиками для битья» эти знаменитые английские клубы! Во все времена, тем более в сороковые годы, английский футбол доминировал в мире. После победы на Олимпийских играх 1948 года десять шведских игроков были приглашены в ведущие итальянские клубы за большие деньги. Имена Гуннара Нордаля, Нильса Лидхольма, Гуннара Грена звучали так же громко, как впоследствии имена Эйсебио, Маццолы, Круиффа. В Швеции по сей день любители футбола со значением произносят: «Гре — Но — Ли!» (Грен — Нордаль — Лидхольм), вспоминая о самых ярких людях своего футбола.

Учтя ход нашей встречи с «Норчепингом», тренеры «Гетеборга» приставили ко мне двух отборных сторожей, которые не отлучались от меня ни на шаг и ни на миг. И очень хорошо! Обрел свободу действий Василий Трофимов, который положил в сетку ворот «Гетеборга» два мяча; отличились и Александр Малявкин, Сергей Соловьев и Владимир Демин, которого мы на эту поездку «одолжили» у ЦДКА (вот и опровержение досужих толков об антагонизме соперничающих клубов).

Затем мы переехали в Норвегию и 9 ноября на заснеженном поле стадиона «Шейд» в Осло обыграли чемпиона страны «Шейд» со счетом 7:0. Василий Трофимов сделал хет-трик, остальные мячи забили Василий Карцев, Сергей Соловьев, Владимир Демин и я. Нас с Трофимовым, записавших в свой актив девять мячей, скандинавская пресса называла «ворошиловскими стрелками». Если серьезно, то это турне позволило сделать вывод; скорость, тактическая гибкость и испытанный динамовский «хорошо организованный беспорядок» — победное оружие в матчах с известными, вполне авторитетными зарубежными командами. Не раз в последующие годы практика подтвердила этот вывод, который, можно сказать, мы выработали собственными ногами.

А в те же самые дни наши постоянные соперники — армейцы сражались на футбольных полях Чехословакии. «Одолжив» нам Демина, они сами запаслись спартаковцами Константином Рязанцевым и Николаем Дементьевым (перешедшим из «Динамо»), торпедовцами Агустином Гомесом и Александром Пономаревым, тбилисским динамовцем Автандилом Гогоберидзе — все это весьма громкие футбольные имена. Армейцы выиграли

первый матч у пражской «Спарты», но проиграли следующие два, в Остраве и Братиславе, местным клубам — 3:4 и 2:3. Причем в этих двух матчах из пяти мячей, забитых игроками в майках ЦДКА, четыре — на счету приглашенных из «Спартака», «Торпедо» и тбилисского «Динамо».

Всякая неудача советских футболистов на международной арене — наша общая неудача. «Минусовое» турне армейцев отразило, на мой взгляд, некоторое переутомление их команды, второй год подряд ставшей чемпионом СССР. Наши мастера не уступали словацким футболистам в технике и тактике, но физически оказались несколько слабее их. Всякий урок полезен, и неудачное турне по Чехословакии, конечно, дало пищу для размышлений.

Что касается меня, то в играх на первенство СССР я и в сезоне 1947 года забил опять немного, всего семь мячей: чаще играл несколько сзади, питая передачами партнеров по атаке. Вновь мы стали вторыми, впервые — серебряными призерами, потому что именно в сорок седьмом году игроков ведущих команд стали награждать золотыми, серебряными и бронзовыми медалями.

В следующем сезоне я пополнил свой актив одиннадцатью голами. В третий раз заняв второе место, «Динамо» зато вышло вперед по результативности: мы забили 85 мячей, а армейцы на три мяча меньше. В ходе турнира мы опережали ЦДКА на четыре очка. Казалось, главным соперникам нас не достать, но как-то бестолково растеряли мы запас; в день последнего тура были впереди армейцев всего на одно очко, и нам хватило бы ничьей, чтобы завоевать золотые медали… Об этом злополучном матче писано-переписано. Мы были «без четырех минут чемпионами страны»: когда Всеволод Бобров забил решающий мяч, шла 86-я минута матча.

Напомню: Бобров открыл счет. Я сквитал. Валентин Николаев снова вывел ЦДКА вперед — 2:1. Центральный защитник армейцев Иван Кочетков, отбивая мяч, навешенный на штрафную площадь, срезал его в свои ворота. 2:2. Яростный бросок вперед Кочеткова, который решил «кровью смыть свой позор», короткий натиск и — наше фиаско.

Всегда высоко ценил голкипера Алексея Хомича. Недаром английские болельщики прозвали его «тигром». Он мой старый товарищ, был партнером еще по детским матчам. Многократно подтверждал он свое мастерство в играх дома и вне Москвы. Но в тот день, никуда не денешься, две ошибки Алексея стоили нам двух голов (и это в решающем, можно сказать финальном, матче чемпионата!).

Зато уж в следующем сезоне, когда все наши основные

исполнители обошлись без серьезных травм и почти каждый был в высокой физической готовности, когда в «Динамо» пришел результативный и мощный нападающий Иван Конов, ставший у нас в 1949 году лучшим бомбардиром с 23 голами, мы сумели продемонстрировать подлинно высший класс!

Всем семнадцати командам-соперницам от нас досталось, лишь трижды за весь турнир мы проиграли: 0:1 — ленинградским одноклубникам, 1:2 — харьковскому «Локомотиву» и 1:2 — ЦДКА, когда матч с армейцами уже не влиял на итоговую таблицу чемпионата. 26 побед, 5 ничьих, 3 поражения. Общее соотношение мячей — рекордное за все годы советского футбола — 104:30. Из этих ста четырех двадцать один мяч приходится на мою долю.

Любопытная тогда сложилась ситуация после первых восьми туров. Мы шли почти бок о бок с ленинградским «Зенитом», у которого к тому моменту было удивительное соотношение мячей — 14:1. «Ну и оборона у ленинградцев, — думали мы, — в восьми матчах пропустили лишь один мяч! Это почище «волжской защепки», а то и «замка Раппана» (известные в те времена оборонительные варианты в тактике). Как же будем взламывать «питерский сейф»?»

12 июня 1949 года… Судил встречу Виктор Архипов. До 20-й минуты борьба шла на равных. Наконец Карцев перебрасывает мяч поверху через ленинградского защитника Сергею Соловьеву, тот «разряжает свою пушку» — почин сделан! На 28-й минуте Малявкин с моей подачи делает счет 2:0, а вскоре он же с подачи Карцева забивает третий.

И защита зенитовцев развалилась.

Ленинградские футболисты ждали, что на острие нашей атаки будет таранный центрфорвард Сергей Соловьев. Многим был памятен его скорострельный хет-трик в ворота московского «Торпедо» за год до этого. Но в матче с «Зенитом» Соловьев перешел на левый край, предоставив центр снова нам с Карцевым.

И еще один матч сорок девятого года стоит того, чтобы вспомнить о нем особо: встреча со «Спартаком» 1 октября.

Спартаковцы к этому дню усилили свою игру, они уже боролись с армейцами за второе место. Сергей Сальников забивает нам первый мяч. Иван Конов отвечает голом на гол. Никита Симонян (тогда еще двадцатитрехлетний Никита, новобранец «Спартака», приехавший из Сухуми) выводит своих вперед, Владимир Савдунин уравнивает счет. Василий Трофимов забивает мяч — 3:2. Бурный натиск «Спартака», Виктор Терентьев и Сергей Сальников проводят по мячу каждый — 3:4. Опять

ошибся Хомич; тренеры его заменяют, и занявший место в наших воротах Вальтер Саная творит чудеса, спасая нас от гола…

76-я минута… Мяч у меня, мы контратакуем; без колебаний бью в самый угол — 4:4. «Спартак» буквально рвет и мечет. Саная отражает, можно сказать, неберущиеся мячи. Прозвенел гонг, возвестив, что осталось пять минут игры. По добру, по справедливости обе команды заслужили ничью. Но матч продолжается 90 минут. И Савдунин забивает пятый гол в ворота достойного всяческого уважения «Спартака», который бился великолепно! Чуточку везения, и мы побеждаем.

Итоговым восклицательным знаком сезона сорок девятого года стала для московских динамовцев победа над венгерским «Вашашем». В то время венгерский футбол справедливо считался одним из лучших на континенте. К нам «Вашаш» приехал во главе со знаменитым центрфорвардом Дьюлой Силади, имея в составе также таких известных мастеров, как Шароши и Беренди. Будапештцы сперва победили московское «Торпедо», усиленное футболистами ЦДКА, — 2:1. Наше «Динамо» выступило против «Вашаша» в таком составе: А. Хомич, А. Петров, М. Семичастный, П. Иванов, В. Блинков (И. Конов), Л. Соловьев, В. Трофимов (С. Соловьев), К. Бесков, В. Карцев, А. Малявкин, В. Савдунин. Это расстановка по схеме «дубль-ве»; значит, центром атаки стал на игру с венграми Карцев, на правом краю появился, заменив Блинкова, Иван Конов, а вместо Трофимова вышел Сергей Соловьев, который занял место на левом фланге, Малявкин же оттянулся в полузащиту. Эти перемещения сбили с толку гостей. Карцев трижды и мы с Трофимовым по разу отличились в игре с «Вашашем» — 5:0!

В сезоне 1950-го мы снова откатились на второе место. Не лучше выступали в следующих сезонах: пятое (1951), третье (1952) и четвертое (1953) места. Это были последние мои игровые годы. В 1954-м я выступал недолго и как игрок с футбольным полем простился.

В справочниках писали лаконично: «Расстались с активным футболом несколько ветеранов (М. Семичастный, А. Малявкин и др.), начались трения между футболистами и тренерским составом». До июня 1950 года нами руководил М. И. Якушин, затем старшим тренером был назначен В. И. Дубинин.

А для меня сезон пятидесятого года был, пожалуй, одним из самых удачливых. Я забил 22 мяча, по итогам всесоюзной классификации оказался центрфорвардом номер один в списке 33 лучших футболистов. В матче со сборной ГДР в Берлине, приуроченном к III Всемирному фестивалю молодежи и студентов и выигранном нами со счетом 5:1, тоже забил мяч. Чувствовал

себя отлично, опыт помогал «расправляться» с защитниками соперников, так что свое тридцатилетие встретил в расцвете сил.

В следующем году я стал лучшим бомбардиром клуба с 15 голами. По результативности динамовцы вновь обошли все команды, участвовавшие в чемпионате страны, но место в итоге заняли лишь пятое: потрескивала наша оборона. Заменившая ветеранов молодежь лишь набирала силы.

На международной арене мне довелось отличиться лишь в 1952 году. В московском матче «Динамо» со сборной Румынии, завершившемся вничью (1:1), гол в румынские ворота был на моем счету. Ну а относительно олимпийской сборной, в которую я был включен, и всех наших передряг, связанных с Олимпиадой в Хельсинки, я уже рассказал. Из-за травмы, из-за олимпийских дел и последовавших за ними санкций вплоть до снятия звания заслуженного мастера спорта, присвоенного мне в 1948 году, я практически не участвовал в чемпионате пятьдесят второго года, выходил на поле лишь в двух матчах и забил всего один гол.

Возглавлял команду в тот год М. Семичастный. В связи с Олимпиадой турнир проводился в один круг. Поражения от киевских динамовцев (0:3), «Торпедо» (0:2) и куйбышевских «Крылышек» (0:1) лишили нас шансов на первое место, и лишь победа в последнем матче турнира над ленинградским «Динамо» (5:0) принесла бронзовые медали.

В сезоне 1953 года я сыграл в двенадцати встречах, забил четыре мяча. Нелегким грузом легло на душу незаслуженное наказание за проигрыш на Олимпиаде. Правда, некоторым утешением стал Кубок СССР, который мы завоевали впервые (из того состава динамовцев, который выиграл Кубок страны в 1937 году, у нас оставался лишь один человек — возвратившийся к руководству командой старший тренер М. И. Якушин).

Финал Кубка СССР разыгрывался 10 октября 1953 года. Футболисты куйбышевских «Крыльев Советов» были для нас традиционно «крепким орешком». С 1951 года ни разу мы не смогли победить волжских оппонентов в матчах чемпионата страны. У себя дома они частенько «наказывали» московское «Динамо». Так что к борьбе с ними мы отнеслись серьезно.

На седьмой минуте матча был назначен штрафной удар в сторону ворот куйбышевцев. Я подошел к мячу, метнул взгляд на Сергея Сальникова — он меня мгновенно понял. Вместо того чтобы сильно пробить по воротам, чего ждали волжане, я дал мягкий и удобный пас на выход Сальникову, И он моментально оказался один на один с вратарем Корниловым. Голкипер кинулся навстречу Сальникову, Но Сергей на противоходе успел протолкнуть мяч мимо него в ворота.

После этого Много было моментов для взятия тех и других ворот, но счет не изменился. Так я в первый и последний раз в жизни стал обладателем Кубка СССР по футболу — в качестве игрока. Как тренеру мне с этим повезло насколько больше.

В конце сезона звание заслуженного мастера спорта мне было возвращено. Шел 1953 год… Мне исполнилось тридцать три. И хотя я был в неплохой спортивной форме, стал все чаща подумывать о том, что пора уходить.

«УХОДИТЬ НАДО ВОВРЕМЯ»

Человеку со стороны понять мое тогдашнее настроение трудно. Из футбольных справочников известно, что в сезоне 1953 года «Динамо» Провело тринадцать международных встреч, одержало восемь побед, три матча закончило вничью и лишь два проиграло. Соперники были, как говорится на современном жаргона, «не подарок»: дважды — сборная Чехословакии, сборные Румынии и Албании. Сборные против клубной команды! И с «Юргорденом» свела судьба, и с венским «Рапидом», и в Дании довелось сыграть, и в Индии. Так вот, в справочниках черным по белому напечатано, что Бесков забил в этих матчах шесть мячей. Не смогли обогнать меня молодые, подававшие надежды Рыжкин, Шабров, Владимир Ильин. Так почему же «пора уходить»?

В 1948 году мне в числе других известных в то время футболистов предложили поступить без отрыва от соревнований к Высшую школу тренеров (ВШТ). Предложили это и Хомичу, Леониду Соловьеву, Трофимову, Карцеву и другим (называю лишь одноклубников). Учиться, тренироваться и играть в полную силу оказалось более чем трудно. Утром раненько просыпаешься и, откровенно говоря, думаешь: «Идти или не идти сегодня на улицу Казакова?» (то есть в Институт физкультуры, в помещениях которого базировалась ВШТ). Ну, как говорят англичане, делаешь над собой усилие и отправляешься, так чтобы успеть к 8.00 на занятия (между прочим, проснуться для этого нужно в 6.30). Изо дня в день такое выдержать, особенно после напряженного сезоне, способен не каждый. Некоторые хорошие футболисты бросали Высшую школу тренеров, отсеивались: тяжело совмещать.

Убежден, что стоило выдержать это испытание. Футбол нам преподавал в ВШТ Михаил Давыдович Товаровский, один из первых тренеров «Динамо». Он и в 1938-м динамовцев тренировал. Это Товаровский организовал в Государственном институте физкультуры кафедру футбола и хоккея, стал автором опубликованных трудов по технике и тактике игры.

В ВШТ работали и другие авторитеты. Так что, если испытываешь настоящий интерес к тренерскому делу, можно многое почерпнуть для будущей профессии.

Но суть не только в занятиях; наверно, как говорится, пора было честь знать: к началу пятьдесят четвертого года из той плеяды, которая участвовала в турне по Англии, остался я один… Первым покинул нас, перейдя в сорок шестом в «Спартак», Николай Дементьев… Он знал свои диспетчерские способности,

которые и проявил блестяще в «Спартаке». А у нас в «Динамо» было много тогда мастеров, с которыми ему пришлось бы соперничать; были и серьезные претенденты на место в команде, к которому тяготел Николай Тимофеевич. Большая конкуренция была тогда в «Динамо». Думаю, Дементьев поступил разумно: в «Спартаке» он пережил поистине вторую молодость, внес большой вклад в успехи команды и всего нашего футбола.

Дементьев и в «Спартаке» оставался шутником-выдумщиком, умевшим поднять настроение товарищам. Николай Гаврилович Латышев вспоминает об одном своем «столкновении» с Николаем Дементьевым. «В пятидесятых годах судил я встречу «Спартака» и киевского «Динамо», — рассказывал Латышев. — Буквально перед самым выходом на поле у меня остановился хронометр. У кого попросить часы? Смотрю, на обе руки спартаковского тренера Петра Исакова надето по нескольку пар часов: на время матча футболисты отдали на хранение. «Петр Ефимыч, одолжи на игру часики, а то мои встали. Дай вот эти, Николая Дементьева, я их узнаю». — «Бери, пожалуйста», — отвечает Исаков. Сужу встречу. Дементьев забивает гол из офсайда, я не засчитываю. «Почему не засчитываете, товарищ судья?» — спрашивает Дементьев. «Положение «вне игры» у вас было», — объясняю. Дементьев несколько мгновений молчит и вдруг заявляет: «А ну снимай-ка мои часы!» Окружавшие нас игроки обеих команд рассмеялись…»

— Знаете, Константин Иванович, мне тоже довелось наблюдать Николая Тимофеевича. На дне рождения Игоря Нетто, на его 50-летии, я оказался как старый школьный товарищ: как я уже упоминал, мы учились с Игорем Александровичем в одной школе. Остальные гости были футболисты московского «Спартака». Николай Тимофеевич произнес тост: «Подумай, Игорь, тебе сегодня на старые деньги пятьсот лет исполнилось!» Такая шутка, сказанная а футбольной раздевалке, привела бы команду в отличное расположение духа перед выходом на поле…

— В каждой команде, как правило, наличествует свой вариант Василия Теркина, Тиля Уленшпигеля, Ходжи Несреддина — неформального лидера, как теперь говорят. Человека, поднимающего настроение. У нас в «Динамо» всегда были мастера разыграть, подшутить.

— Раз уж зашла у нас речь о том, чего не видит или на слышит зритель, позвольте задать вам, Константин Иванович, такой вопрос. Осенью 1989 года в интервью газете «Советский спорт», уточняя обстоятельства вашего снятия с должности старшего тренера сборной СССР в 1964 году, вы описали сцену,

разыгравшуюся на заседании президиума Федерации футбола СССР: «Особенно усердствовали на заседании президиума его тогдашний председатель Николай Ряшенцев и Михаил Семичастный, работавший в тот период, если не ошибаюсь, в городском совете «Динамо». «Какой из Трофимова тренер?» — вопрошал Семичастный (Василий Трофимов был вторым тренером сборной, которую вы возглавляли). Ну, Трофимов потом доказал, какой он тренер, в московском «Динамо» и в сборной СССР, но уже по хоккею с мячом. Хотя, уверен, мог бы доказать и в футболе. Но он настолько близко к сердцу принял эту вопиющую несправедливость, что ушел из футбола раз и навсегда». Не могу понять, Константин Иванович; неужели Михаил Семичастный, столько лет игравший в одной команде с Василием Трофимовым, так сказать варившийся в одном котле с ним, общавшийся так, как общаются члены семьи, настолько не верил в своего, несомненно талантливого, товарища? Чем объяснить такое высказывание на заседании президиума федерации?

— Не могу ответить. У каждого свое мнение, свои мысли. В чужую душу не проникнешь. Вот вы, например, играли когда-нибудь в футбол в более или менее постоянной команде?

— Играл. Конечно, не в командах мастеров, а в самодеятельных, но состав у нас годами был один и тот же: все мы были сослуживцы.

— И что, все общались душа в душу? Никто ни с кем не конфликтовал, не ссорился? Всегда в коллективе кто-то нравится кому-то больше, кто-то меньше.

— Вы правы. Вспоминаю интервью, которое дал мне космонавт Олег Григорьевич Макаров. Я все допытывался, бывают ли между космонавтами в полете или на земле ссоры, конфликты, бывают и возможны ли среди них люди с трудными характерами. Макаров отвечал уклончиво. И спросил меня: «У вас на работе такое случается?» — «Да». — «Ну вот, а у нас — та же работа, с одной лишь разницей, что вы у себя на службе посуду не моете и кабинеты не подметаете, а в космическом полете и это нужно делать. В остальном — все как у людей».

— Нельзя не согласиться с космонавтом. В футбольной команде тоже кто-то дружит с кем-то больше. В момент игры все заодно, все — единое целое. Но игра кончается, и проявляются особенности, свойства, взгляды каждого. Яркие индивидуальности…

— Рассказывая о матче с «Норчепингом» в 1947 году, вы,

между прочим, заметили, что забили в шведские ворота три мяча из пяти. Я разыскал номер газеты «Советский спорт», вышедший через день после матча, 28 октября, с репортажем из Стокгольма «Пять мячей в воротах «Норчепинга» (подзаголовок — «Триумф московских динамовцев»), в котором говорится: «Блеснул Бесков, которого шведские газеты называют лучшим игроком «Динамо». Через несколько дней в репортаже «Снова 5:1!», переданном по телефону из Гетеборга, приводятся любопытные подробности: «Видя, что Бескова неизменно держат двое, динамовцы используют образовавшиеся бреши. Свободу действий получает Трофимов, прорывается в освободившуюся зону — 2:0. На 34-й минуте Трофимов, оказавшись на месте правого инсайда, принимает пас от Сергея Соловьева, который переместился на правый край и красивым ударом в нижний угол забивает третий мяч…»

— Трофимов играл мастерски. Знаете, в театре говорят: «Чем большой мастер отличается от плохого актера? У большого мастера двести штампов, у плохого актера — три». Так вот, арсенал приемов Трофимова был очень богат.

— Не случайно вы в своей книге «Игра нападающих» приводите в пример именно Трофимова, описывав приемы, обманные движения и отвлекающие действия, хотя бы вот это место:

«Когда Трофимову удавалось обойти противника и тот пытался его догнать, наш нападающий вдруг резко замедлял бег, Противник делал то же самое, но вновь предпринятый Трофимовым внезапный рывок позволял ему уходить от противника…»

Или: «Бывали случаи, когда нападающему удавалось обвести двух или даже трех защитников, а затем и вратаря и забить гол. Обводить защитников можно и необходимо в тех случаях, когда партнеры — не в лучшей позиции, а противники один за другим нерасчетливо атакуют нападающего; такими острыми индивидуальными действиями отличались В. Трофимов, В. Бобров, Б. Пайчадзе…» Книга вышла в издательстве «Физкультура и спорт» в 1958 году.

— Это у вас второе издание, А первое вышло в свет в 1956 году. Книга пригодилась мне во время работы в футбольной школе молодежи в Лужниках, стала учебником Для ребят этой школы, В свое время издательство предложило мне написать пособие «Игра нападающих», в выполнил этот заказ как мог.

— Надо сказать, очень обстоятельная, скрупулезно

выписанная методическая работа — эта книжка. Все учтено: и тактика звеньев нападение, и тактика всей линии атаки, и расположение атакующих игроков на поле в различных ситуациях, и создание выгодной позиции партнеру, и выход на ударную позицию, и техника дриблинга, ударов

по воротам… И заключительный раздел «Несколько советов футболисту» охватывает прочие стороны его спортивной жизни: и как держать режим, воспитывать в себе волю, и как сохранять нормальные отношения в коллективе. Написанная больше трех десятилетий назад, эта книга полезна футболисту и сегодня. Но в одном хочется вас упрекнуть. Вы не коснулись того, как сочетаются особенности характера, личности того или иного игрока с манерой и стилем его игры. Что такое его недостатки, действительно ли они, как гласит поговорка, продолжение достоинств? Или наоборот? Ну, к примеру, Сергей Соловьев. Знаменитый таран, мощный, неудержимый, на вид даже свирепый, — каков он был в быту, в общении с товарищами, с окружающими людьми?

— В быту Сергей Александрович был мягким, очень добрым, несколько стеснительным человеком. Тут есть психологическая загадка: возможно, внутренние противоречия этой мягкой натуры находили выход в его грозных атаках на футбольном поле. Но описывать в методической книге нюансы характеров, разгадывать психологические парадоксы — такая задача передо мной не стояла. «Игра нападающих» — значит игра. Зато сейчас, на этой странице, я могу сказать, что с нежностью и благодарностью вспоминаю своих собратьев-динамовцев, с которыми играл. И конечно же Сергея Соловьева, так рано ушедшего от нас. Пятидесяти двух лет. Да… Григорий Иванович Федотов, великий наш центрфорвард, прожил всего сорок один год…

— В своей книге «Записки футболиста», вышедшей в свет в 1959 году, уже после его кончины, Григорий Иванович в главе «Слово о тактике», отдавая должное главным соперникам армейцев конца сороковых годов, то есть вам, динамовцам, написал: «Наша защита получала задание прикрыть прежде всего Бескова, организатора динамовских атак». Насколько известно, армейская защита с этим заданием далеко не всегда справлялась.

— Не в том суть. Не знаю другого такого футболиста, каким был Федотов. Вроде бы неудобно мне об этом говорить: он мне родня, у нас с ним общий внук, сын моей дочери Любы и Володи Федотова — Гриша. Но когда Григория Ивановича не стало, его сыну Володе было всего четырнадцать лет, а нашей Любе —

десять; того, что у нас будет общий внук — Федотова и Бескова, Григорий Иванович и предположить не мог. Это был действительно великий футболист. Если бы не бесконечные травмы, не беспощадная «рубка» по ногам, которую позволяли себе некоторые «защитники»… Он выдавал поразительные пасы партнерам. Он неотразимо бил по голу — с такой легкостью, с какой люди дышат… Между прочим, и для Федотова настал момент, когда он решил перестать играть. Иногда выступал лишь за ветеранов, и в этих ветеранских матчах мог вдруг вколотить могучим ударом с лёта мяч в самую «девятку», в верхний угол ворот.

— Одни уходят в команды ветеранов, другие — учиться. Что вам, Константин Иванович, дала Высшая школа тренеров?

— Большой объем специальных знаний по организации учебно-тренировочного процесса, по физиологии, физическому воспитанию. Теоретические познания добавились к практическому опыту игрока. Это и требуется современному тренеру.

— И все-таки как-то тяжело прощаться с футболистом, который еще мог бы показать класс в игре. В конце 1953 года в английской газете «Дэйли уоркер» спортивный обозреватель Эрик Батлер написал: «Арсенал» собирается встретиться вновь с московским «Динамо». В этой команде уже нет великого Хомича и вообще осталось только одно знакомое британским любителям спорта лицо: великий Бесков, участник победного матча с «Арсеналом» 1945 года. Остальные из той когорты уже не выступают в «Динамо»…» «Арсенал» приехал в Москву в 1954 году, встретился с динамовцами, но вас, увы, уже не было в их рядах…

— Уходить надо вовремя. Тренеры и товарищи по команде обязаны найти в себе силу и принципиальность, чтобы сказать ветерану откровенно: «Пора, брат…» Ну что ему сидеть на скамье запасных и тоскливо ждать, наступит ли момент, когда «подпустят» за десять минут до финального свистка! Чувствовать на себе сожалеющие или снисходительные взгляды юных «хозяев жизни» из дублирующего состава!

Сознание своей зависимости, беспомощности, невозможности изменить ситуацию разрушает психологический фундамент футболиста, подрывает остатки его веры в себя. А если при этом он пытается составить оппозицию тренеру, организует группы обиженных и портит, таким образом, микроклимат в коллективе, ему просто нужно помочь уйти. Тут уж ничего не поделаешь.

Сегодня стало легче объяснять ветерану, что его время

истекло. Объяснять надо не на основе субъективных впечатлений, а с цифрами и фактами в руках. Например: «Чтобы считаться активно действующим игроком, нужно совершить минимум восемьдесят игровых действий (передач, ударов, отборов мяча и т. д.) с минимальным процентом брака А ты, мой друг, совершил их за матч всего тридцать и половину — с браком, в пользу противника. И так уже не один-два раза в нынешнем сезоне, а почти каждую игру. Пора, мой друг, пора!»

Когда я принял московский «Спартак», то предложил игрокам демократичную и гласную систему определения состава на очередной матч. Каждому из тех 16-18 игроков, которые, вероятнее всего, должны были выйти на поле, следовало заполнить листок фамилиями тех, кого надо выставить на игру, и передать свой листок тренерам. Можно было указывать свое авторство, а можно было заполнять листок анонимно. И как правило, по большинству позиций мнения этого костяка команды и тренеров совпадали. Что становилось, кроме прочего, убедительнейшим аргументом для ветерана или для того игрока, который утратил игровые кондиции: видишь, брат, это не интриги против тебя, не чья-то злая воля, это — глас народа, мнение тех, кому предстоит вынести на себе всю тяжесть сегодняшнего поединка.

Такую систему определения состава на матчи мы сохраняли в «Спартаке» все годы моей там работы.

В связи с этим вспоминается забавная история. Знаменитый испанский тренер Эленио Эррера, работая в Италии, представил тренерскому совету состав национальной сборной страны, которую намеревался вывести на чемпионат мира. Все члены тренерского совета поначалу были совершенно ошеломлены, настолько неожиданным выглядел этот состав. Тогда Эррера предложил каждому члену совета написать свой вариант состава на отдельных листках. Когда проанализировали все эти варианты и сосчитали число голосов, поданных за того или иного футболиста, выяснилось: определенный большинством голосов состав полностью (!) совпадает с тем, который предложил сначала Эррера. Эта история лишний раз учит: надо верить в тренерское чутье.

Бывало и так: вижу, что игрок Н. хорошо выступает в дублирующем составе, заметно прогрессирует. Предлагаю испытать его в основном составе. На первых порах костяк команды не очень поддерживает эту идею. Тогда я выпускаю дебютанта на замену, и он подтверждает мои ожидания. Поэтому, когда предлагаю его в основной состав на следующую игру, команда поддерживает меня уже полностью. Есть много

примеров, когда мнения тренера и коллектива совпадали, хотя на первых порах точка зрения тренера выглядела в глазах большинства абсолютно неприемлемой.

В ходе подготовки к отборочным матчам Кубка Европы 1964 года я старался создать практически ту модель новой сборной СССР, которая сложилась в моем представлении.

И в различных вариантах состава испытывал молодых футболистов: Шустикова, Туаева, Мустыгина, Шикунова, Корнеева. Проверил их в двусторонних тренировочных матчах, затем в товарищеском международном — с белградским «Партизаном», базовым клубом сборной Югославии. Счет был 1:1, молодые не особенно себя проявили, но выводы делать было еще рано. В программе подготовки было участие в локальном турнире в Мексике — «Торнео секстагонале», о котором здесь уже шла речь.

У первых двух местных клубов мы выиграли, следующим соперником стала мексиканская команда «Америка». В начале игры ее нападающие забили нам гол, который никак не удавалось отквитать. Осталось примерно четверть часа до конца матча, когда я решил заменить двух наших ведущих форвардов Валентина Иванова и Виктора Понедельника на новобранцев сборной Михаила Мустыгина и Эдуарда Малофеева (еще один новобранец, Казбек Туаев, уже находился на поле). Краем глаза заметил недоумение, которое вызвал этот мой шаг у начальника сборной Андрея Петровича Старостина: дескать, кого заменяет и кого выпускает!.. Но я понимал так: хотя в целом мастерство молодых запасных несомненно ниже мастерства признанных бомбардиров сборной, в данной ситуации может принести успех их индивидуальность, свежесть, заряженность на гол. И рискнул.

Минут за пять до финального свистка Миша Мустыгин от центра поля повел мяч к воротам мексиканцев, обошел одного за другим четырех оборонявшихся и точным ударом, словно по учебнику, сравнял счет. А на последней минуте почти такой же проход, сыграв в стенку с Мустыгиным, выполнил Казбек Туаев. «Все-таки везунчик вы, Константин Иванович», — шепнул мне Андрей Старостин. Опять везунчик. Надобно же когда-нибудь и умение.

Похожий случай был со мной и раньше, когда я в 1956 году, тренируя московское «Торпедо», ездил с ним в Швейцарию. Мы играли там с известным клубом «Грассхопперс». Стрельцов был в составе, а вот Иванов не смог выступать, у него случилась очередная беда с мениском. Мы проигрывали — 0:3. Оставалось минут десять. Смотрю на скамью запасных: кто из них самый везучий? Взгляд останавливается на Юрии Золотове.

А, думаю, у Золотова иногда бывают «взрывы», когда он начинает сыпать голами… Выпускаю на замену Золотова! И он в оставшееся цейтнотное время забивает «Грассхопперсу» три мяча подряд! Мы с честью выходим из трудного положения. Везение? Разве нет тут доли расчета?

Я бы не спешил с глаголом «угадал». Чтобы «угадать», необходимо хорошо знать возможности и особенности, а то даже и странности своих футболистов, которые могут оказаться решающими в том или ином конкретном случае.

Окончив Высшую школу тренеров, я поступил в институт физкультуры, но продолжал выступать за московское «Динамо». В 1952 году окончил институт и был принят в аспирантуру Научно-исследовательского института физкультуры. Сдал кандидатский минимум, теперь нужно было садиться за диссертацию. К тому времени Сергей Соловьев, Леонид Соловьев, Карцев, Трофимов и другие ветераны, с кем мы столько лет слаженно играли, покинули команду. В нее пришли новые люди, моложе меня, несколько иного стиля и характера игры. И я решил завершить свои выступления на футбольном поле. И тут-то передо мной встали самые прозаические, материальные проблемы.

Стипендия в аспирантуре была 650 рублей (дело было до денежной реформы; по существу это 65 рублей). Легко ли жить втроем на столь незначительную сумму, даже если прибавить к ней стипендию, которую получала жена, учась в ГИТИСе! Я отправился в Комитет по физкультуре и спорту к заместителю председателя Константину Александровичу Андриянову. Объяснил свое положение. Попросил: нельзя ли выделить мне ту стипендию, которую начали в то время выплачивать слушателям Высшей школы тренеров: 1300 рублей (то есть, по истинным меркам, 130). Тогда я смог бы закончить выступления за «Динамо» и написать диссертацию, а в итоге найти новое место в жизни, оставаясь в сфере футбола.

Андриянов ответил: «Хорошо. Думаю, что сумеем выделить эту стипендию. Невелика сумма. Разница-то в каких-то 650 рублях»;

Обнадеженный открывшейся перспективой, я разыскал Михаила Иосифовича Якушина. Изложил свои доводы. С начала сезона пятьдесят четвертого года я сыграл всего шесть матчей чемпионата страны, а была уже середина лета; значит, не так уж я нужен команде. Не оставляют меня и травмы. А заместитель председателя Спорткомитета обещал мне, аспиранту, повышенную стипендию; открывается возможность заняться диссертацией… Якушин все понял и сказал:

— Что ж, с богом. Насчет того, что ты не нужен, — зря.

Нужен! И опыт твой нужен, игра нужна, ты в неплохой форме. Но планы твои я нарушать не имею права. Поступай, как считаешь разумным.

Я простился с командой московского «Динамо». Не скажу, что было легко это сделать. Я не сентиментален, но тут на сердце кошки скребли.

Впервые за много лет возникло у меня среди лета «окно»! Мы с женой отправились к Черному морю. Это было ни с чем не сравнимое и еще не знакомое мне ощущение полной свободы, беззаботности, возможности просто плавать и просто лежать на песке, а не выполнять упражнения или отдыхать по расписанию.

Как было не вспомнить о моем первом знакомстве с морем: в 1936 году меня, игравшего в заводской команде, пригласили в Центральный совет общества «Темп» (оно было основано строительными организациями) и попросили сыграть за команду «Темп» на турнире в Симферополе, где по какому-то, точно не помню, поводу состязались шесть или восемь команд. Возможность впервые в жизни съездить в Крым! Я отпросился на несколько дней в своей команде и стал временно темповцем. По окончании турнира мы поехали на берег моря, и я, в восторге от первой встречи с пушкинской и жюль-верновской стихией, с пляжем, так с непривычки обгорел, что кожа чулком сходила… Весь в пузырях-волдырях, я был мало на что годен, мучился в поезде всю обратную дорогу и долго в Москве вспоминал эту горестную эпопею… Теперь, рассказывая о ней Лере, можно было смеяться. У меня был удивительный, неповторимый летний отпуск футболиста…

Возвращался с самыми радужными надеждами, мысленно сочиняя первую страницу диссертации. Захожу на следующий день в Комитет по физкультуре и спорту — никакой стипендии слушателя Высшей школы тренеров мне не назначено… Еще целых четыре месяца ходил в Комитет, но так и не дождался стипендии. «Бухгалтерия не разрешает», — разводил руками Андриянов.

Что мне оставалось? Отправился к начальнику отдела футбола Валентину Панфиловичу Антипенку: «Надо бы мне устроиться на работу». Антипенок подумал и ответил:

— А возьмись-ка за восстановление сборной команды СССР. Гавриил Дмитриевич Качалин назначен ее старшим тренером; предложим тебя ему вторым тренером…

ОЛИМПИЙСКАЯ СБОРНАЯ, 1955

С Качалиным у нас с самого начала сложились очень хорошие отношения. И не удивительно: интеллигентный, доброжелательный, справедливый, Гавриил Дмитриевич к тому же выступал некогда за московское «Динамо», и какое-то время мы даже играли вместе. Словом, легко нашли общий язык, и ни малейших трений между нами не возникало.

После разгона в 1952 году до конца 1954-го сборная СССР ни разу не созывалась. Мы с Качалиным начали создавать ее заново. Призвали под знамя сборной не только признанных мастеров из «Спартака» и «Динамо», но и молодых, в том числе почти или совсем не известных широким кругам почитателей футбола. Например, привлекли из класса «Б» нападающего Юрия Кузнецова. Спустя годы, став заслуженным мастером спорта и одним из самых популярных в стране футболистов, Кузнецов вспомнил об этом в книге-сборнике «Играя, сужу об игре»:

«В 1954 году «Нефтяник» выступал в финальной пульке команды класса «Б» в Донецке. Там после окончания игр («Нефтяник» занял третье место) второй тренер сборной СССР Константин Иванович Бесков включил меня а состав команды, выезжавшей на тренировочный сбор и матчи в Индию. В 1955 году я сыграл за второй состав сборной СССР со шведами… В том же году стал выступать за московское «Динамо».

Мы пригласили в сборную и 20-летнего Валентина Иванова, й 17-летнего Эдуарда Стрельцова из «Торпедо». Один из них появился в команде совсем недавно, другой чуть раньше, но его не часто привлекали в основной состав автозаводского клуба (не могу представить, чем Иванов не понравился тогдашним своим наставникам). Мы начали наигрывать в атаке этот оригинальный тандем, углядев в нем будущую грозную силу сборной команды.

— Позвольте мне опять прервать вас, Константин Иванович.

Валентин Иванов, один из самых ярких футболистов пятидесятых-шестидесятых годов, один из основных бомбардиров тогдашней сборной, стал авторитетным тренером, под руководством которого «Торпедо» завоевывало медали разного достоинства в чемпионатах и Кубок СССР. Он известен как человек колючий, способный «резануть» правду-матку в глаза кому угодно. Тем ценнее для читателя его мнение о тренере, от

которого он ни в чем не зависит. Вот строки из книги Иванова «Центральный круг»:

«Бескова вы легко выделите с первого взгляда в самой большой толпе, даже если прежде никогда его и не видывали. Так невольно замечаешь человека, который и одет, и выбрит, и причесан лучше всех. Уверен: никто и никогда не видел его иным. Каждая мелочь в туалете Бескова тщательно продумана, абсолютно гармонирует с остальным, и — ни одного яркого пятна. Так одеваются скорее дипломаты или крупные режиссеры… Не знаю, есть ли на свете более изнуряющая душу и тело работа, чем работа футбольного тренера. Но ни годы, ни удары судьбы — а их он испытал, пожалуй, больше, чем многие его коллеги, — будто и не меняют Бескова, только все выше поднимается седина на его висках. И в дни побед своей команды, и в дни горчайших ее неудач он одинаково любезно раскланивается, придя на стадион, с многочисленными своими знакомыми — журналистами, судьями, тренерами, просто болельщиками, которые стремятся попасть ему на глаза. Не могу представить себе Бескова не то что кричащим — даже повысившим голос. Это вовсе не означает, что он не может сказать резкие, обидные слова. Но все это — ровным голосом, и во фразе, как правило, длинной и обстоятельной, обязательно будут и подлежащее, и сказуемое, и придаточное предложение…

Внешняя корректность чаще всего свойственна людям бесстрастным. Бесков — страстный человек. Его страсть — футбол. Говорить о футболе он может сколько угодно, а думать о нем не перестает, по-моему, никогда. Здесь, как в собственном костюме, для него не существует мелочей: все важно и все значительно. Любую мелочь он готов объяснить и повторять хоть тысячу раз, пока не уверится, что его поняли и с ним согласились. И от своего, даже в пустяке, он не отступится ни за что на свете…»

— Валентин обрисовал меня каким-то упрямцем. Я стою на своем, когда вижу несомненную пользу делу, футболу, игре. Не стану же я просто так, из амбиций/ отстаивать какой-нибудь действительно пустяк…

— А он, Константин Иванович, и не имеет в виду пустяк. Он как раз имеет в виду футбол, пользу делу. Но я продолжу цитирование.

«Однажды Володя Федотов рассказывал:

— Во время чемпионата мира 1958 года Интервидения не было, во всяком случае для граждан нашем страны. Я тогда занимался в ФШМ у Бескова, а он как раз съездил в Швецию на чемпионат наблюдателем. Так вот, без всякого телевизора я знал и помнил во всех подробностях каждую игру бразильцев, каждый забитый ими гол. Все это рассказал нам Бесков. Рассказал и показал на доске. И объяснил, как и почему все было. И кто куда бежал, и кто где стоял, и кто в какой миг ошибся. И как кто должен был сыграть, но не сыграл…

А Валентин Иванов вспомнил разборы игр, которые проводил Бесков в «Торпедо». Они продолжались иногда часа по два, а если бы мы, устав, как после трудного матча, не роптали, длились бы, наверное, бесконечно. И не то удивительно, что Бесков помнил сыгранный матч так же, как гроссмейстер помнит только что сыгранную партию. Кажется, он столь же детально представлял себе и будущую игру со всеми ее возможными вариантами. На установке он «проигрывал» за каждого футболиста его партию и старался внушить игроку во всех подробностях, что тот должен делать, если противник сыграет так или эдак или изберет третий путь. И все это мы репетировали и репетировали на тренировках. А после игры — иногда не сразу, а через неделю — Бесков мог вдруг подойти и сказать по поводу какого-нибудь совершенно незначительного, всеми забытого эпизода, который даже не привел к острому моменту: «Видишь, как здорово там получилось». Это значит, что какую-то комбинацию (сыграли в «стенку» или сделали «скрещивание») мы провели «по Бескову», в точности так, как разучивали заранее… Его память хранит несметное множество игровых ситуаций, в которых участвовал он сам или свидетелем которых был, и каждая из них может служить темой урока.

…Тогда, в начале лета 1956 года, за несколько месяцев до Мельбурнской олимпиады, я был благодарен тренеру сборной Г. Д. Качалину и тренеру «Торпедо» К. И. Бескову, только что принявшему нашу команду, за то, что они без всяких колебаний доверили мне место в основных составах своих команд».

Надо пояснить читателю смысл последнего цитируемого абзаца из текста Иванова: летом 1956 года он был жестоко травмирован, десять месяцев медики делали все возможное, чтобы вернуть футболу замечательного нападающего. Качалин и Бесков верили в него и, в какой-то степени оба рискуя, включили в основной состав сборной и «Торпедо». Жизнь доказала, что оба

тренера не ошиблись. Валентин Иванов вырос в большого мастера, одного из тех, кто прославил футбол нашей страны.

Гавриил Дмитриевич Качалин поручил мне проводить с игроками сборной разнообразные упражнения, отрабатывать с нападающими и полузащитниками удары по воротам. Я занимался этим с удовольствием, игроки — тоже.

Приближался главный экзамен сезона, да и не только этого сезона. В Москву летом 1955 года должна была приехать сборная ФРГ, чемпион мира 1954 года. К тому же прежде наша национальная команда никогда с чемпионами мира не встречалась.

Примерно за месяц до этого матча стало очевидно, что обе наших центрфорварда — Никита Симонян и Эдуард Стрельцов — выступить против сборной ФРГ не сумеют: один заболел, другой был травмирован. Я предложил поставить в центр атаки Николая Паршина. Мотивировал это так: сборная составлена на базе московского «Спартака», нападающие Татушин, Исаев, Сальников и Ильин, а также полузащитник Нетто четко взаимодействуют именно с Паршиным, привыкли к нему. Да, он не может быть назван игроком экстра-класса, виртуозом, но умеет в нужный момент оказываться на голевой позиции, результативен.

На совещании руководителей отечественного футбола В. В. Мошкаркин, услышав предлагаемый состав команды, заявил:

— Паршин в центре нападения сборной — это позор для советского футбола!

Мне пришлось вновь изложить свои аргументы. Удалось убедить руководство. Николай Паршин вышел на поле и вскоре забил в ворота западногерманского голкипера Фрица Геркенрата первый мяч и внес оптимистичную ноту в начало матча, который был выигран со счетом 3:2. Футбольному миру стало ясно, что сборная СССР возродилась, она сильна и жизнеспособна.

Больше года проработал я вторым тренером в команде, которой было суждено выиграть Олимпийские игры в Мельбурне. Правда, в Австралию со сборной я не поехал — тому была причина, о которой сейчас расскажу. Не мне судить, каков мой вклад в победу советской команды на Олимпиаде, но полтора года кропотливой работы все же что-то значат и для меня самого, они принесли немалое творческое удовлетворение.

В конце сезона 1955 года мне вдруг предложили принять в качестве старшего тренера команду московского «Торпедо». Чрезвычайно заманчивое предложение: первая самостоятельная работа, возможность на деле проверить свои принципы, идеи и попытаться воплотить в жизнь концепцию создания сбалансированного, остро атакующего и цепко обороняющегося

коллектива. Я смолоду впитывал все то, что давали нам ведущие партнеры и такие тренеры, как Борис Аркадьев и Михаил Якушин. Примерял их взгляды и выкладки к своим представлениям о тактике, учебно-тренировочном процессе, индивидуальной и коллективной подготовке игроков, о стратегии команды в длительном чемпионате и в блицтурнире… Теперь все это можно было переосмыслить, систематизировать и вынести «на натуру», на футбольное поле, где ты уже не второй, а старший, и твое слово — решающее…

Я подумал, что сборная, набравшая темп, уверенную игру, способна добиться многого в опытных и искусных руках Качалина. Следовательно, мой уход из нее не будет дезертирством. И я дал согласие принять «Торпедо». Качалин не был обижен моим решением; вообще, все причастные к работе сборной меня правильно поняли.

Между прочим, в материальном отношении я заметно проигрывал: в сборной мой оклад был 3 тысячи рублей в месяц (значит, 300 — напоминаю, дело было до денежной реформы), в в автозаводской команде 2 тысячи рублей. Однако самостоятельность, возможность творить, экспериментировать, реализовать собственную концепцию перевешивали любые «но».

«ТОРПЕДО», 1956

Известно, что в сезоне 1954 года «Торпедо» боролось за право остаться в высшей лиге. В следующем сезоне с появлением нового тренера команда улучшила свое турнирное положение, завершив чемпионат на четвертом месте. Сказалось естественное стремление футболистов утвердиться в глазах и мнении нового наставника, «показаться» ему. И вообще, кадровые перемены нередко вносят оживление, хотя бы временное, в жизнь футбольного коллектива. Четвертое — вполне благополучное место. Но специалистам было ясно, что в команде есть своеобразный тормоз: сходящие со сцены исполнители, которые уже были бесперспективны, «дорабатывали» последние месяцы в активном футболе, частенько нарушая при этом режим. Пользуясь своей репутацией старожилов команды, они старались максимально растянуть прощание с активным футболом и тем самым объективно наносили вред коллективу. При этом произносились красноречивые тирады о сохранении традиций, о верности флагу спортивного общества, о любви к автозаводскому футболу… Мне стало ясно, что постаревший организм требовал свежей крови. Коренной и, пожалуй, самый «торпедовский» торпедовец Валентин Иванов в книге «Центральный круг» сказал об этом периоде в жизни клуба со свойственной ему откровенностью и категоричностью: «Команду надо было спасать».

Едва тот или иной тренер начинает заменять молодыми, подающими надежды ребятами утративших физические кондиции игроков, в определенных внутрикомандных и околокомандных кругах включается сирена тревоги: «Он безжалостен, бессердечен. Люди отдали столько лет и сил, а он их за дверь! Волюнтаризм, жестокость, авторитарные методы руководства, ничего святого!..» Но давайте все же хоть немного подумаем о том, ради кого работаем: о зрителе. Зритель слышит объявленную диктором по стадиону знакомую, давно милую сердцу болельщика фамилию и думает; «Это мастер. Дело знает. С его-то опытом…»

Зрителю обычно неизвестно, что мастер во многом утратил силу, гибкость, скорость, реакцию, что на тренировках он не особенно утруждает себя упражнениями, что нарушение режима и дисциплины стало для него образом жизни. Да, мастер немало потрудился в свое время; да, у него были две операции, в ЦИТО ему вылечили перелом. Но теперь травмы все чаще и больше дают

о себе знать, мастеру далеко за тридцать. Посмотрев, как вяло передвигается по полю мастер, как проигрывает единоборства, зритель разводит руками и спрашивает: «А где же тот молоденький новичок, который выпускался недавно на замену? Он ведь хорошо играет. Отлично владеет мячом, очень быстро бежит. И по амплуа — как раз на место мастера…»

Выше я уже называл имена способных молодых футболистов. Сашу Медакина присмотрел в спартаковской школе. В то время, когда в «Спартаке» сверкали звезды первой величины Татушин, Исаев, Симонян, Сальников, Ильин, Нетто, Огоньков, Тищенко, Масленкин, юному Медакину вряд ли нашлось бы место в основном составе. А в «Торпедо» вскоре нашлось. Впоследствии этот мой «ставленник» вырос в капитана «Торпедо», подлинного лидера команды.

Леонида Островского впервые увидел в рижской «Даугаве» (как спустя двадцать лет увидел там же Сергея Шавло). В футбольной школе молодежи мне приглянулся Николай Маношин, оттуда же взял я в команду Александра Савушкина. Валерия Воронина предложил посмотреть на поле его отец, мой однополчанин. Добавим к этим юношам Володю Пурцхванидзе (со временем, кстати, он стал инженером на одном из крупнейших предприятий Днепропетровска). Боевая подобралась молодежь.

Правда, всех их нужно было учить, какое-то время «обыгрывать» в дублирующем составе. И готовить для них постоянные места в основном, а следовательно, освобождать некоторых торпедовских ветеранов, чья игра заметно потускнела: Анисимова, Тарасова, может быть, даже Марьенко.

Первый круг чемпионата СССР 1956 года мои юные торпедовцы прошли просто здорово. Выиграли у будущего чемпиона страны — московского «Спартака», у «Шахтера», «Зенита», сыграли вничью с киевскими динамовцами и ЦДСА, одолели московское «Динамо». Случись такое в конце восьмидесятых годов, мы получили бы приз «Первая высота», который вручается за первое место по итогам первого круга.

Как именно мы играли? Приведу в пример два матча — с московским «Динамо» и ЦДСА.

На установке, которую я проводил перед матчем с динамовцами, в центр нашего нападения был назначен Иван Моргунов. Перед ним была поставлена задача: перемещаться и уводить за собой центрального защитника динамовцев Константина Крижевского, который, как я мог предположить, станет опекать Моргунова персонально и вплотную. Значит, уводить в сторону, передвигаясь параллельно линии штрафной

площади в непосредственной близости к ней. А в освобождающуюся таким образом зону центрального защитника динамовцев в нужный момент должны были врываться либо Иванов (если Моргунов уводит Крижевского влево), либо Стрельцов (если Крижевский выманен направо). Наш замысел удался: Крижевский неотступно преследовал Моргунова даже без мяча, тандем Иванов — Стрельцов выполнил свою задачу «засады», и торпедовцы выиграли.

Следующая встреча — с ЦДСА. Там в центре обороны играл Анатолий Башашкин, который, как правило, сочетал персональную опеку с игрой в зоне. Вряд ли, думал я, Башашкин оставит свою зону без присмотра ради «держания» Моргунова, тут нужен более опасный форвард. Поставлю-ка я в центр атаки Эдика Стрельцова! От него Башашкин далеко отрываться не станет, значит, будет уходить со своего центрального поста, а туда сможет «наведываться» Валентин Иванов…

Так мы и сделали. Башашкин действительно не отходил от Стрельцова, который исправно заманивал его то в одну, то в другую сторону от центра обороны ЦДСА. И на освободившееся пространство сразу же вырывался Иванов. У него было минимум два стопроцентных голевых момента; Валентину не повезло, а то бы счет был 2:0. Наверно, сегодняшние питомцы Валентина Козьмича удивятся, если узнают, что их закаленный в спортивных боях наставник плакал после матча в раздевалке — от обиды на собственные промахи, но был такой факт в биографии нашего славного нападающего. А шел ему тогда двадцать второй год…

После матча с ЦДСА ко мне подошел старший тренер армейцев, давний соперник на футбольном поле Григорий Пинаичев. «Слушай, Константин, объясни, почему ты поставил против Башашкина не Моргунова, как в прошлый раз, а Стрельцова?»— «Григорий Маркович, — ответил я, — какое задание ты дал бы Башашкину, если бы в центре нашей атаки увидел Моргунова?» — «Велел бы стеречь центральную зону, чтобы в нее не просачивались ни Иванов, ни Стрельцов». —«А когда увидел в центре нападения Стрельцова, что поручил бы?» — «Держать его вплотную». — «Ну вот ты сам и ответил на свой вопрос…»

Автозаводское начальство, которому начинали потихоньку жаловаться на меня обиженные ветераны, до середины сезона не могло ни в чем упрекнуть команду. А потом приключился сбой, спад в игре. Резкий успех вскружил молодые головы. К тому же еще не стабилизировалось в команде единое отношение к общему делу, как к кровному и важнейшему. Расшатывалась дисциплина, чему основательно способствовали выпивки, которыми грешили

некоторые игроки старшего возраста. А в команде асе быстро становится известно, и, если выпивают старшие, может последовать их примеру кто-нибудь из младших, у кого неустойчивая натура.

С переменным успехом выступала команда во втором круге; то победа, то несколько проваленных игр. Надо сказать, что для любой команды, даже отлично сбалансированной в составе и сыгранной, спад в игре — вполне естественное явление. В какой-то момент притупляется свежесть восприятия соревнований, дает о себе знать накопившаяся усталость; часть футболистов в предвкушении легкой победы не настраивается на очередную игру, и немедленно следует наказание: проигрыш заведомому аутсайдеру. Получив такой «ушат холодной воды», неустоявшаяся психика начинающих игроков сдает. Утрачивается уверенность, снижается уровень игры.

В таких ситуациях требуется спокойный, взвешенный и доброжелательный по отношению друг к другу разбор причин и следствий. Необходимо взбодрить, встряхнуть коллектив, вселить в него оптимизм. Вместо этого за моей спиной состоялось то собрание в парткоме автозавода имени Лихачева, о котором здесь уже шла речь. Узнав о нем, я подал заявление об уходе из «Торпедо».

ФУТБОЛЬНАЯ ШКОЛА МОЛОДЕЖИ

В 1957 году мне предложили стать старшим тренером футбольной школы молодежи в Лужниках. Такие школы в порядке эксперимента были организованы кроме Москвы в Ленинграде, Киеве, Минске и Тбилиси сроком на пять лет. Но уже в 1960 году этот срок закончился; тогдашние руководители нашего футбола не осознали перспектив и возможностей таких школ, хотя из них и вышли высококвалифицированные футболисты, ставшие со временем известными мастерами. Оправдывая попытку ликвидировать школы, тогдашний председатель президиума Федерации футбола СССР Валентин Александрович Гранаткин заявил: «Мы откроем школы подобного плана при командах мастеров».

Группа родителей наших учеников, узнав об этом, написала протестующее письмо, которое опубликовала газета «Советская Россия». Выступление газеты как-то подействовало, и школу при Центральном стадионе в Лужниках сохранили, правда без стипендий и других материальных стимулов как для учащихся, так и для преподавателей.

Пожалуй, то была моя первая встреча с мальчишками в полном смысле этого слова. Вспоминаю, как на вопрос: «Любите ли вы детей?» — знаменитый французский актер и режиссер Жан-Луи Барро ответил: «Не больше двух одновременно». А мне было по душе общество сразу двадцати, и то были не просто дети, а футбольные сорвиголовы, грезившие именами тех мастеров кожаного мяча, которые блистали в обозримом для моих питомцев времени. Все, что им говорили тренеры — мои коллеги по школе, эти мальчишки слушали с раскрытыми ртами и спешили «поверить алгеброй гармонию», хотя и представления не имели ни о той, ни о другой. Меня они тоже хорошо слушали.

Спустя годы я узнал от Володи Федотова, что в 1957-1960 годах многие учащиеся лужниковской ФШМ стриглись «под Бескова» — подражали мне в прическе. Что лукавить, приятно было об этом услышать: значит, уважали (а я как-то и не приглядывался к их шевелюрам).

Принимали в школу совсем маленьких, таковыми считались одиннадцати-двенадцатилетние (поступающие сегодня еще моложе). С первого года моей работы в ФШМ мы стали устраивать чемпионаты Москвы для различных детских команд одинакового возраста. В пятьдесят седьмом один тайм матча в

таком турнире продолжался двадцать минут, годом позже — уже тридцать. Если наши соперники за весь детский чемпионат сумели забить самое большее 60 мячей и пропустить минимум 17, то фэшээмовцы забили 107, а пропустили всего пять; полагаю, это свидетельствует об уровне их подготовки.

У каждого тренера нашей школы была своя группа. У меня — ребята 1939 года рождения; среди них были Валерий Короленков, Виктор Шустиков, Олег Сергеев, Евгений Журавлев…

О том, как мы занимались, вспоминает заслуженный мастер спорта Виктор Михайлович Шустиков в книге «Футбол на всю жизнь»:

«Константин Иванович сначала очень толково объяснял нам технику выполнения какого-то элемента, приема или проведения комбинации. Потом показывал, как это нужно делать. Показывал не один раз, а несколько — сначала медленно, словно в рапидной съемке, потом на скорости, в бурном темпе. После его показа сразу становилась ясна суть приема. Он спрашивал:

— Все понятно? Тогда прошу каждого проделать то же самое.

И у нас почти сразу получался прием. Константин Иванович радовался, мне кажется, этому больше, чем мы сами.

Он всегда зажигал ребят личным примером. На занятиях по общефизической подготовке скажет: «Кросс тридцать минут», станет во главе группы и ведет ев по безлюдным аллеям, по асфальтовым и песчаным дорожкам, ныряет в овраги, поднимает цепочку по косогору. «Ну как, устали?» — спросит на ходу. Мы смотрим на его слегка раскрасневшееся лицо, видим, что у него почти ровное дыхание, и нам ничего не остается, как Дружно прокричать: «Нет, Константин Иванович!»

Уже после, попав в основной состав «Торпедо», я понял, что Бесков строил занятия с нами на уровне требований команды мастеров.

…В ту пору у нас в стране проводилось первенство футбольных школ молодежи. В 1957 году я попал в сборную Москвы. Турнир проводился в Харькове… И вот мы совершаем круг почета. Я иду впереди, подняв над головой завоеванный кубок, а рядом — счастливый, но внешне по-прежнему невозмутимый Константин Иванович Бесков.

Это были последние дни учебы. Вскоре из школы вышли в Большой футбол Володя Федотов, Гена Логофет, Игорь Численко, Геннадий Гусаров, Олег Сергеев, Николай Маношин… За последующие годы юношеский футбол не дал столице и половины игроков такого класса, как эти. Вот вам и ответ на вопрос: откуда берутся таланты? Они рождаются там, где с ребятами работают умные, талантливые, с большой душой

педагоги».

В пятьдесят восьмом году руководство Федерации футбола СССР решило направить меня в качестве наблюдателя на чемпионат мира в Швецию. Вероятно, учли, что я вместе с Г. Д. Качалиным готовил олимпийскую сборную, которая затем выиграла золотые медали в Мельбурне, а также мой сравнительно молодой возраст (37 лет) и не исключавшуюся возможность возглавить ту или иную команду мастеров. На чемпионат мира по футболу мы, советские спортсмены, ехали тогда впервые. Для меня этот турнир стал подлинной футбольной школой, я впитывал каждую деталь, каждый штрих всемирного футбольного спектакля.

И здесь хотелось бы привести отрывок из книги Льва Ивановича Филатова «Ищи борьбу всюду», посвященный тем памятным дням:

«Я жил в одной комнате с Константином Ивановичем Бесковым, командированным в Швецию в качестве тренера-наблюдателя. В те часы, когда шел первый для нас матч чемпионата СССР — Англия, он был в другом городе, на встрече наших следующих противников — Бразилии и Австрии.

Пришла ночь, мы улеглись, погасили свет. Но мне не спалось после стольких переживаний, да и Бесков, я слышал, ворочался.

— Знаете, — проговорил он тихонечко, словно опасаясь, что его услышат за стенкой, — чемпионами станут бразильцы…

— Будет вам! — возразил я. Мне памятны были выступления в Москве бразильских клубов «Байя» и «Атлетико Португеза», игравших в мягкий, изящный, кошачий футбол, удивительно непрактичный, словно не от мира сего.

— Вот увидите, — твердо сказал Бесков.

Тут я встревожился: ведь со мной говорил большой мастер футбола.

— Почему же вы так думаете?

— Бразильцы умеют все, что можно уметь. Я не представляю, как можно сыграть лучше, чем они с австрийцами. 3:0! Как легко, как красиво, без всяких шансов у противника…

— Но мы же с вами видели бразильцев раньше, — попытался я сопротивляться.

— Нет, эти совсем другие. Вот увидите, — строго и упрямо повторил Бесков. — Но только пусть это останется между нами.

Его просьба была понятна: столь категорическое мнение наблюдателя могло вызвать неудовольствие в нашей делегации…»

Интересное воспоминание. Что же дало основание определить по ходу и результату первого увиденного на турнире

матча, кто именно станет чемпионом мира? А если бы среди других команд — участниц чемпионата оказалась еще более искусная и сыгранная?

Годы, предшествовавшие мировому первенству в Швеции, я прожил, как говорится, не в безвоздушном пространстве. Видел фактически все европейские сборные и очень многие клубные команды, имел достаточное представление и о латиноамериканском, и об африканском, и об азиатском футболе. Неплохо знал, в частности, австрийский футбол, некогда славившийся «венскими кружевами», к 1958 году — добротный, схожий и с футболом ФРГ, и с французским, шведским, чехословацким: довольно высокий уровень, незаурядные исполнители, такие, к примеру, как Буцек, Зенкович, Хорак. Правда, у австрийцев был тогда крен в сторону откровенно силового стиля, но, полагал я до их встречи с бразильцами, может быть, именно атлетический натиск и принесет успех — в состязании с мягкими, обычно слишком увлекавшимися техническими трюками, не слишком стойкими прежде игроками из Рио и Сан-Паулу? Не зря же их прозвали жонглерами.

С первых минут матча Австрия — Бразилия я увидел четко оформившуюся, новую для нас, европейцев, гибкую и эффективную систему. Она была подогнана предельно до микрона, все футболисты расставлены в точном соответствии со своими физическими данными, действовали безошибочно, и буквально каждый был виртуозом мяча. Система 4 + 2 + 4, словно пружина с ударным бойком, сжималась при атаке соперников и распрямлялась при своей атаке, нанося неотразимый укол. Опасные рейды вперед крайних защитников, постоянное численное преимущество в обороне и нападении, и никакой попытки подстроиться под противника — нет, только своя, оригинальная игра! Явный сдвоенный центр защиты, явный сдвоенный центр нападения. Игра очень широким фронтом атаки (как тут не вспомнить примету театральных режиссеров — тот из постановщиков спектаклей искуснее, кто использует всю площадь сцены, а не собирает исполнителей на мизансцену только в центре подмостков). Крайние нападающие действуют у самой бровки поля, растягивая оборону противников (при этом левый крайний. Загало, несколько оттянутый назад, тоже двигался вдоль бровки), вынуждая крайних защитников противника отходить к боковой линии, отчего создавались бреши между центральным и крайними обороняющимися, и в эти бреши прорывались полузащитники бразильской команды.

Все, что делали бразильцы, выполнялось так, будто это был естественный образ их существования: без малейшего напряжения

(по крайней мере, видимого), без какого-либо «трудно, очень трудно нашим ребятам…» Три сухих мяча в ворота сборной Австрии дались воспитанникам Висенте Феолы, на взгляд со стороны, легко. Мысленно сравнив эту чудо-команду со всеми теми, которые были мне знакомы до этого часа, я понял, что передо мной — новые чемпионы мира. Но сказал об этом лишь Льву Ивановичу Филатову.

— Вы сказали, что система 4+2+4 оказалась «новой для нас, европейцев». Но вы же сами в московском «Динамо» в послевоенные сороковые годы применяли эту схему расстановки игроков.

— Ту нашу расстановку определить как систему 4+2+4 можно было лишь ретроспективно. Она, вынужден повториться, сложилась стихийно, в силу особенностей того или иного игрока, его привычек (мы с Карцевым играли каждый в центре нападения до прихода в «Динамо», Леонид Соловьев — в центре защиты, поэтому невольно тяготели к центровой позиции). Михаил Якушин закрепил, утвердил наши самодеятельные сдваивания, но ушел из команды он, ушли некоторые другие реализаторы этой схемы, и «Динамо» надолго вернулось к старому доброму «дубль-ве».

На чемпионате мира в Швеции преимущества бразильской системы перед «дубль-ве» стали очевидны не только мне одному. Наблюдатели из многих стран изучали бразильцев, снимали их игры на кинопленку, пытались наскоро скопировать, перестроиться — ничего не получалось. Бразильцев изучали и французы, и шведы, еще не зная, что им предстоит сразиться с командой Феолы в полуфинале и финале. И что же? Оба матча, с французами и шведами, бразильцы выиграли с одинаковым счетом — 5:2, подтвердив свой задорный девиз: «Нам забивают, сколько могут, мы забиваем, сколько хотим».

Возвратившись с чемпионата мира в ФШМ, я старался как можно подробнее и нагляднее рассказать нашим ученикам обо всем, что увидел. На макете показывал расстановку бразильских игроков и их соперников, объяснял преимуществе применяемой бразильцами системы. Мальчишки, конечно, слушали и смотрели как зачарованные.

Иногда меня спрашивают: как же удается запечатлеть в памяти игровые моменты многих матчей? Видимо, здесь «срабатывает» профессиональный уровень. Многие специалисты запоминают матчи от начала до конца. Сравните с шахматами: гроссмейстер легко восстановит все ходы партии, сыгранной много лет назад. А футбольный тренер должен свою партию еще и рассчитать на много ходов вперед.

Повторяю, мальчишки упивались этими рассказами. И тем из них, кто по-настоящему любил футбол, это пошло на пользу. Но надо признать, что условия работы и занятий в ФШМ были посредственные. В каждую группу набирали до двадцати мальчиков, однако на зиму приходилось оставлять лишь двенадцать из них, а остальных добирать весной. Залы в школе были баскетбольного размера; в таком зале одновременно могли заниматься только шестеро ребят и тренер.

Да и в теплое время года мы не часто получали в свое распоряжение полноценное футбольное поле. У ФШМ не было и загородной базы. Периодически по собственной инициативе мы приобретали путевки в подмосковные пансионаты, везли туда ребят и за неимением при пансионате футбольного поля тренировались на какой-нибудь более или менее подходящей лужайке. Тем не менее ФШМ дали отечественному футболу целую когорту игроков высокой квалификации, многие из которых выступали в сборных командах страны.

— Все так, Константин Иванович. А не тосковала ли тренерская душа, посвятив себя воспитанию ребят, по большому футболу? Не хотелось ли возглавить команду повзрослев?

— Еще бы не хотелось! Между прочим, мы вместе с Александром Пономаревым в 1958 году стали тренировать молодежную сборную СССР, и в том же году она выиграла турнир в Генте (это в Бельгии, в провинции Верхняя Фландрия). Ну а когда Гранаткин объявил, что эксперимент с ФШМ заканчивается, пришлось задуматься над тем, что мне делать дальше.

ЦСКА, 1961-1962

В конце 1960 года начальник футбольной части Центрального спортивного клуба армии генерал-майор Ревенко предложил мне принять армейскую команду. В чемпионате страны она тогда заняла шестое место, в тридцати матчах потерпела тринадцать поражений, проиграв ленинградскому «Адмиралтейцу», донецкому «Шахтеру», московским торпедовцам и киевскому «Динамо». Командование ждало от военной команды большего (болельщики — тем более).

Разобравшись во внутрикомандных делах, я понял, что микроклимат в коллективе далеко не оптимистичный. Многие футболисты — немосквичи, собраны из разных городов, жилья в столице не имеют и поэтому обитают в общежитии ЦСКА, где по-казенному неуютно, скучают по родным местам. Некоторые утратили необходимые физические кондиции. Одним словом, требовалось реконструировать команду, ей нужны были перемены, новые люди. Из приезжих следовало оставить лишь тех, кто утвердил себя в основном составе. Надо было постараться укомплектовать команду москвичами, чтобы футболисты не чувствовали себя оторванными от дома, жили в нормальных домашних условиях.

Я пригласил в ЦСКА юного Владимира Федотова. Включил в основной состав — впервые на место центрального защитника — двадцатилетнего Альберта Шестернева (он до этого был в дублирующем составе и не в центре обороны). Пришел за мной в армейский коллектив Кирилл Доронин.

Когда я принимал ЦСКА, Эдуард Дубинский ходил с обходным листком, готовясь продолжить службу в Группе советских войск в Германии. Я попросил его задержаться, поговорил с ним по душам, отстоял у начальства и решил изменить его футбольное амплуа. «Ты можешь и должен выступать в сборной», — сказал я Эдуарду. Он играл в ЦСКА полузащитником, от него требовали диспетчерских действий, но Дубинский не обладал этим даром — организовывать атаки со своей половины поля, своевременным точным пасом выводить партнеров на голевую позицию, да и сам не очень стремился забивать. Зато умел цепко обороняться, ловко отнимать мяч у атакующих и начинать атаку из глубины поля. Ему было поручено делать то, что он действительно умел. И вскоре Эдуард Дубинский был включен в сборную СССР, а в списках 33 лучших

был трижды назван первым номером на месте правого защитника.

Незадолго до моего прихода в ЦСКА был призван на военную службу Саркис Овивян, нападающий ереванского «Арарата». Командование направило его в армейскую команду. Поставив себе принцип — не переманивать игроков из других коллективов, я ни в коем случае не стал бы предлагать такой переход и Овивяну. Но поскольку он был прислан в команду начальством, я не стал отказываться от 23-летнего скоростного форварда с сильным ударом. Но то, во что это вылилось, мне и в голову прийти не могло. Первый матч сезона 1961 года нам предстояло провести с таллиннской командой «Калев» в Ереване, так как в Таллинне и Москве еще стояли холода. Приезжаем в армянскую столицу и видим на стене плакат: «Бесков — вор! Руки прочь от Овивяна!»

Пришлось спешно перенести матч в Тбилиси. Мы выиграли у «Калева» и сразу уехали.

Тут я должен сделать небольшое лирическое отступление, необходимое «по сюжету». Еще в 1951 году я познакомился с руководителем знаменитого ансамбля танца Игорем Александровичем Моисеевым. Танцоры, как и мы, динамовцы, участвовали в Фестивале молодежи и студентов в Берлине, жили в одной и той же гостинице. Знакомые мне солисты ансамбля часто звали на свои репетиции. Уже тогда, размышляя о своих возможностях на будущей тренерской стезе, я задумывался над методикой постановки и совершенствования технических элементов танца. Ведь в танце, как ни странно на первый взгляд, много общего с футболом! В ряде движений, в прыжковых упражнениях у футболистов и у танцоров работают одни и те же группы мышц. И даже травмы у тех и других схожие: голеностоп, мениск, боковые связки ноги. И профилактические упражнения аналогичны, и мастерство достигается упорной работой, многократными повторениями того или иного элемента, движения, приема.

Я увлекся идеей параллельности футбола и танца. Проштудировал объемистую книгу о классиках хореографии. В ней описывались различные балетные и хореографические школы, методы именитых балетмейстеров. Почему-то запомнился мне и такой изящно-игривый пассаж в этой книге. Балетмейстера, живущего в гостинице, встречает почитатель балета, номер которого находится этажом ниже, и заявляет: «Можете не беспокоиться, маэстро, ваши занятия с примой мне не мешают». В ответ балетмейстер бросает: «Она же пола не касается, как она может вам мешать?!»

Я отметил про себя, что Игорь Моисеев устраивал утром

репетицию, даже если накануне вечером у ансамбля был большой концерт. Значит, работа два раза в день! Один из моисеевских солистов, которого я спросил, не слишком ли тяжелы подобные нагрузки, ответил: «Когда Игорь Александрович ввел эти двухразовые мучения, мы поначалу взвыли. Это ведь не просто тяжело физически, это еще и дважды в день мотаться на работу и с работы. Но с Моисеевым не поспоришь, а постепенно мы заметили, что у нас все стало получаться лучше, появилась легкость…»

Запомнил я эти особенности жизни ансамбля танцоров. И, приняв команду ЦСКА, ввел в правило заниматься дважды в день.

Первое занятие — до обеда: главным образом совершенствование тактико-технического мастерства, удары по воротам, передачи, игра в «квадрате», упражнения, развивающие ловкость. Но без больших нагрузок, чтобы осталось достаточно сил на вечер. А уж вечером второе занятие — игровые упражнения или двусторонний тренировочный матч. Если прибавить к этому утреннюю зарядку, то выходило уже три занятия в день. Правда, зарядку я полноценным занятием не считаю, ее задача — общая физическая разминка, упражнения, развивающие гибкость, и отдельные специфические (например, для укрепления мышц задней поверхности бедра, где особенно часты травмы); все это требует 35-40 минут, зато и на разминку перед первым настоящим занятием можно потратить меньше времени.

А ведь в то время у футболистов команд мастеров два занятия я день были крайне редки. Я же думал так: единожды в сутки два часа вечерних занятий — этого хватит только на то, чтобы поддержать те кондиции и навыки, которые уже обретены. Но чтобы их наращивать и развивать, необходимо от четырех до пяти часов занятий в день. Конечно, с поправкой на психологический настрой игроков, чтобы не «перекормить» их футболом, чтобы они не устали от него. У футболиста должно быть внутреннее стремление, потребность футбольных действий, тогда он сможет с пользой повторять, повторять и повторять упражнение. Если же оно станет выполняться механически (никуда, дескать, от этого не спрячешься), то коэффициент полезности будет совсем мал. Даже в день матча я устраивал занятия, убеждая игроков, что польза от этого станет очевидной.

Про тренерскую долю я уж и не говорю. Зимний период подготовки к сезону мы провели на закрытом теннисном корте. А «личный состав» армейской команды — это, между прочим, 32 человека, которым сразу на одном корте Не уместиться. Чтобы подготовка была наиболее эффективной и действительно

повышалось тактико-техническое мастерство футболистов, пришлось разбить их на четыре группы, по восемь человек в каждой, и проводить занятия с каждой группой по два часа. В таких условиях обед у старшего тренера состоял из бутылки кёфира и калорийной булочки, и то в те короткие минуты, пока с корта уходила одна группа и выходила на занятия другая…

Уже отмечал, что перед календарной игрой, дабы отвлечь игроков от навязчивых мыслей о предстоящем поединке, полезно показать им остросюжетную киноленту, в которой действуют отважные, даже отчаянные герои. Ни в коем случае теперь не показал бы перед матчем развлекательный музыкальный фильм, что-нибудь о джазе или театре, тем более с долей секса («В джазе только девушки»), — такое зрелище, как подтвердила практика, отнюдь не способствует боевому настрою на игру. А вот «Великолепная семерка», «Королевские пираты», «Каскадеры», «Знак Зорро».очень хороши для поднятия тонуса; такие фильмы помогают командам выигрывать.

База у нашего ЦСКА была поначалу в районе Ленинских гор. Там не было футбольного поля, поэтому на тренировки команда ездила либо в Лужники, либо на стадион ЦСКА на Песчаной улице. Несколько позднее у базы появился филиал в Архангельском: Собственно говоря, филиалом стал одноэтажный корпус (чуть ли не бывшие конюшни) при армейском санатории. И там не было футбольного поля, а место отличное, живописное, очень хотелось там тренироваться:

Я обратился к Маршалу Советского Союза Андрею Антоновичу Гречко с просьбой помочь в строительстве футбольного поля для команды ЦСКА в Архангельском, где наш коллектив располагал филиалом базы. Аргументировал просьбу тем, что все остальные московские команды имеют при своих базах футбольные поля, а у «Динамо», «Торпедо» и «Локомотива» есть и свои стадионы в Москве, на которых можно проводить футбольные матчи с привлечением на трибуны тысяч и тысяч зрителей.

Генералы ездили смотреть динамовскую и торпедовскую базы в Новогорск и Мячково. Пытались отказать мне под предлогом того, что на Песчаной улице построены новые поля. Я настаивал, и в конце концов Гречко распорядился: построить футбольное поле в Архангельском! Поле после этого было готово очень быстро, через три месяца.

Забегая вперед, скажу: занимался я реконструкцией полей, а также бани для команды «Заря» (на берегу реки Северский Донец, под Луганском), занимался и переоборудованием базы московского «Спартака» в Тарасовке, где иной раз просто

выполнял обязанности прораба. Десять лет добивался, например, чтобы на стадионе в Тарасовке было устроено освещение. Рядом со старой скрипучей гостиницей, в которой жили на сборах еще игравшие братья Старостины, а в пятидесятые годы игроки, ставшие олимпийскими чемпионами в Мельбурне, по моей инициативе была возведена значительно более комфортабельная и современная обитель для футболистов; в ней уютные комнаты, небольшой зал отдыха, телевизор, словом, совсем неплохие условия жизни и досуга. Чем только не приходится заниматься тренеру, который хочет, чтобы команда прогрессировала!

Новая гостиница в Тарасовке строилась по типовому проекту лечебного профилактория. По этому проекту там были предусмотрены кабинки для медицинских осмотров и процедур. Нам такого количества кабинок не требовалось, мы хотели устроить на их месте парилку, бассейн… Попросили строителей не ставить частые перегородки. Строители, строго придерживаясь проекта, эти перегородки все же поставили. Мы просили убрать перегородки — ни в какую! Я подключил к этой смешной тяжбе спартаковскую административную «тяжелую артиллерию»: председателя Центрального совета общества Шибаева, председателя городского совета «Спартака» Пивоварова. Но и общими усилиями нам не удалось переубедить строителей. Объект был достроен согласно чертежам, а затем нам пришлось заняться перестройкой части внутренних помещений…

Начался сезон 1961 года, и центром нападения ЦСКА на поле вышел восемнадцатилетний Володя Федотов. Среднего Роста, худощавый, отнюдь не таран. Не только генералы, которые не оставляли команду ЦСКА без своего неусыпного внимания и «ценных указаний», но даже один из армейских тренеров, пришедших в команду уже после меня, недоумевал: «Ну какой же Федотов центральный нападающий, у него нос не перебит и шрамов на лбу нет!»

Я видел Володю по-своему. До начала сезона у нас состоялся тренировочный матч в Дрездене с тамошним «Динамо»; сыпал мокрый снег, поле разбухло, мяч плохо слушался игроков, и в таких условиях Володя в течение первого тайма забил дрезденцам четыре мяча! В целом по игре он был примерно таким, каким был Юрий Гаврилов, если брать пик того и другого, правда, Федотов оказался результативнее. Володя сыграл всего в двенадцати матчах чемпионата СССР 1961 года и забил десять мячей (причем немало было забито с его передач). Со временем он сделался главным дирижером армейских атак, продолжая при этом забивать голы; забивал их и в составе сборной СССР.

Впрочем, Володя Федотов — не первый и далеко не

последний из тех, включение которых в основной состав различных команд вызывало недоуменные замечания. Многие разводили руками по поводу появления в нападении «Спартака» Георгия Ярцева, а у него на этот период пришлась вторая молодость, да какая звонкая и яркая! Альберт Шестернев с 1959 года пребывал в дубле ЦСКА; переведенный мной в основной состав, он блестяще утвердился на новом для себя месте центрального защитника, а затем надолго стал оплотом обороны и сборной команды страны, — недаром зрители да и некоторые иностранные журналисты прозвали Альберта Иваном Грозным.

С первых самостоятельных тренерских шагов я решил никогда не подставлять ножку собрату-тренеру, не переманивать к себе чьих-то воспитанников, тем более если они на первых ролях в своих командах. Если укомплектовывать состав, то лишь теми опытными игроками, от которых легко освобождаются другие клубы (так пришли в ЦСКА моего времени Игорь Греков из московского «Спартака», Борис Орешников из «Локомотива»). Но лучше пополнять команду совсем молодыми, желательно из первой и даже из второй лиги: для них это станет школой, поступательным движением вперед в овладении футбольной наукой. Данный постулат, пожалуй, могут подтвердить фамилии игроков, которых в разные годы принимал в свои команды: Воронин, Маношин, Метревели, Медакин, Доронин, Федотов, Шестернев, Поликарпов; Козлов, Коро-ленков, Ларин, Пильгуй, Ярцев, Шавло, Гаврилов, Бубнов, Черенков, Родионов, Дасаев, Суслопаров, Черчесов…

Юрий Суслопаров был отчислен из «Торпедо» за дисциплинарные провинности и, не пытаясь найти приют в какой-либо другой команде, стал работать в одном из цехов ЗИЛа. Узнав, что он не у дел в футболе, мы предложили Суслопарову играть в «Спартаке» (естественно, без нарушений дисциплины). Юрий пришел в «Спартак» в 1986 году, с той поры дважды награжден золотыми медалями чемпиона СССР.

Юрия Гаврилова держали в динамовском дублирующем составе, порой даже не включая в список запасных игроков на матчи основного состава. Отпустили его легко, как бы за ненадобностью. В «Спартаке» он стал чемпионом страны, игроком сборной страны, обрел совершенно иную репутацию.

Александр Бубнов, как известно, вступил в серьезный конфликт с руководством и футболистами московского «Динамо». И его тоже отпустили из команды без проблем, даже охотно. Принятый в «Спартак» в 1983 году, он получил в новом коллективе медали различного достоинства, в том числе золотые 1987 года, когда ему исполнилось уже тридцать три. Еще один

комплект «золота» спартаковцы выиграли уже без меня, в 1989-м, и Бубнов тоже был удостоен высшей награды первенства. Если бы не был принят в 1983-м, вряд ли имел бы такие спортивные трофеи.

Принимая игрока в команду, я всегда старался заранее выяснить, не наношу ли удар в спину коллеге-тренеру. Футболиста приглашал лишь в том случае, если у него совершенно очевидно не складывались отношения в прежней команде, или его за что-то отчисляли, или им не дорожили. Мастеров надо выращивать самому — вот что я исповедую.

Итак, шестьдесят первый год. Двадцать две команды разделены на две подгруппы, в финальную пульку попадает по пять лучших из подгрупп. Учитываются все очки, набранные на предварительном этапе. Этот этап, в сущности целый турнир, мы выиграли. Вышли на первое место в подгруппе, опередив московское «Динамо», киевское «Динамо», «Спартак», «Зенит», «Пахтакор» и прочих. 13 побед, 3 ничьи, 4 поражения. Забили больше всех — 55 мячей. Казалось, нас теперь не удержать никому… Но в том-то и дело, что только казалось, и некоторые игроки в это поверили, а многие были к тому же молоды, неопытны и не сумели распределить силы на два этапа.

Нас дважды крепко «наказали» торпедовцы. По разу — «Локомотив» и тбилисские динамовцы. Поэтому в итоговой таблице чемпионата 1961 года лишь четвертое место досталось ЦСКА. По сравнению с предыдущим годом — прогресс; с учетом возросшего потенциала команды, значительно изменившейся игры армейцев — топтание на месте. Даже по числу забитых мячей нас на финише обошли.

Такая же коллизия подстерегала команду в сезоне 1962 года. Опять по одиннадцать коллективов в подгруппах, в финальную стадию выходили по шесть. Мы долго шли без поражений, предварительный турнир завершили на втором месте, пропустив вперед лишь киевских динамовцев. Мы добились лучшего среди всех клубов результата в обороне, пропустив всего 9 мячей, проиграли только лидерам и «Кайрату», зато у «Зенита» выиграли 4:0, а у «Жальгириса» — 7:0.

Первый круг финальной пульки завершили, деля со «Спартаком» второе — третье места и отставая от лидировавших московских динамовцев всего на три очка. Но довести дело до логичного конца на этом добротном уровне не удалось: опять не хватило сил у нашей молодежи, которая несколько выдохлась. И хотя мы дважды обыграли тбилисское «Динамо», на третье место, к «бронзе», проскочила именно эта команда, набрав в сумме на два очка больше, чем армейцы.

Я видел, где наши слабые места, в чем они проявляются. Нужно было прибавить в атлетизме, в физической подготовке (что, кстати, звучит парадоксально: армейцев до этого долгое время упрекали в избытке атлетизма и, наоборот, в слабости футбольного мышления). Были у меня интересные планы — и тактические, и по составу команды. Но осуществить их, вывести в третьем сезоне ЦСКА в призеры мне не дали. Генерал Филиппов решил, что с «топтанием на месте» пора кончать.

На следующий год команда Центрального спортивного клуба армии заняла в чемпионате страны седьмое место. Это произошло уже без меня. Больше всех мячей забил в сезоне 1963 года мой воспитанник Владимир Федотов — 8 голов. Но этого было мало. И вообще, армейцы в 38 матчах первенства сумели провести в ворота соперников всего 39 мячей. В среднем — почти один гол за игру, но если учесть, что шесть из них были забиты в одном матче «Пахтакору», покидавшему высшую лигу и не слишком старавшемуся сопротивляться ЦСКА, получится меньше гола за игру. И это — имея игроков атаки, которые забивали за год до того столько же, сколько забивали нападающие команд-призеров!

Весьма неприятно, будучи в расцвете лет и сил, «полным энергии, идей, впрямую касающихся любимого дела, оказаться в своеобразном вакууме, без команды, которой можно было бы предложить эти идеи. Меня не так-то легко выбить из седла, но настроение было, прямо скажу, препоганым.

В какой-то мере развеяло мое огорчение совершенно неожиданное предложение, исходившее от Вячеслава Ивановича Чернышева, который в то самое время возглавлял Центральное телевидение СССР. Он предложил мне стать… главным редактором главной редакции спортивных программ! Чернышев убеждал: «Спорт вы знаете. Написали книгу о футболе, следовательно, пером владеете. Общение с творческими людьми у вас постоянное. Испытайте свои силы, поработайте на телевидении. Может, дело пойдет».

Совсем не моя стезя, рассуждал я. Но жизненная ситуация сложилась так, что это был какой-то бодрящий выход. Стало вдруг интересно, появились даже замыслы, наверное не слишком профессиональные, но в спортивном отношении любопытные. Словом, я отважился «переквалифицироваться» в исполняющего обязанности главного редактора спортивных программ, предупредив предварительно Чернышева: «Как только мы с вами убедимся, что я занимаюсь не своим делом, немедленно освобожу этот гуманитарный пост».

Из тех, кого видит на экране в спортивных обозрениях зритель 1980-1990-х годов, тогда в редакции работал лишь один

Георгий Саркисянц. Дел на меня навалилось прорва: просмотр отснятых сюжетов, работа с авторами, редактирование наиболее ответственных текстов (хотя бы со спортивной точки зрения). Очень часто некогда было пообедать, и я, мысленно усмехаясь, вспоминал многочасовые зимние тренировки в теннисном зале с четырьмя группами футболистов и «обед» из калорийной булочки и бутылки кефира. Слава богу, недолго, около полугода, пробыл я телевизионным главным редактором. Весной 1963 года возглавил сборную команду СССР, а о том, как она готовилась и как выступила на европейском первенстве, читатель уже знает.

«ЛЮДИ ИСКУССТВА ОСТАВИЛИ ЗАМЕТНЫЙ СЛЕД В МОЕЙ ЖИЗНИ»

Общение с людьми из мира искусства, творчества на протяжении многих лет, разумеется, не могло не повлиять на формирование моего мировоззрения, на воспитание профессионального отношения к делу, стремление расширять и углублять свои творческие поиски. Думаю, что можно без большого преувеличения назвать так и процесс тренерского ремесла.

— Константин Иванович, в книге Андрея Старостина «Флагман футбола», которую я здесь уже цитировал, есть еще один любопытнейший момент. Когда «Селекциона руса» участвовала в мексиканском «Торнео секстагоналы», вы со Старостиным вместе коротали свободное время. Он рассказывает об этом так:

«Вечера мы проводили в многочасовых беседах у него или у меня в номере. Между прочим, номера в гостинице обозначались не цифрами, а названиями американских штатов: я, например, жил в «Далласе», а Бесков — в «Нью-Йорке».

Бесков, как я уже говорил, педантично точен в соблюдении времени отъезда на тренировку или любого другого мероприятия, предусмотренного распорядком дня. Такой же неукоснительной дисциплины он требует от других. Но в наших с ним разговорах о футболе он был расточителен, причем безлимитно: порой мы засиживались до утра. Однако за десять минут до начала завтрака, неизменно выбритый, свежий, в отутюженном костюме, он появлялся в зале, проверял у врача готовность завтрака и справлялся о состоянии игроков на данное утро.

Константин Иванович открывался мне в наших беседах как фанатически влюбленный в футбол романтик. Нас сближали взгляды на игру как на своего рода искусство. Оба мы увлекались театром и были знакомы со многими его деятелями. Поэтому и представления о содержании игры и формам ее проявления у нас во многом совпадали как в частных, так и в главных направлениях. Он исповедует футбол атакующего, комбинационного содержания. Техническое мастерство и зрелую тактическую мысль ценит как

качества первого порядка, без совершенного владения которыми зрелищного футбола не создашь».

Так позвольте узнать, Константин Иванович, с кем из деятелей искусства, литературы вы общались и общаетесь? С кем из них дружите — в полном смысле этого слова?

— О встречах с Игорем Александровичем Моисеевым, о знакомстве с Владимиром Аркадьевичем Канделаки я уже говорил. Доводилось общаться и с Анатолием Петровичем Кторовым, Рубеном Николаевичем Симоновым, Валентином Николаевичем Плучеком, Анатолием Дмитриевичем Папановым. О том, что я регулярно бывал одно время на спектаклях в Театре имени Ермоловой, встречался с актерами, вы уже знаете.

С Олегом Ефремовым хорошо знаком еще с той давней поры, когда он был актером Центрального детского театра. Там работала Елизавета Павловна, Лерина мама, благодаря ей и познакомились.

Мои друзья — драматург Леонид Зорин, артисты Владимир Этуш (он был еще студентом, когда мы встретились и обнаружили взаимную симпатию), Лев Дуров, Александр Михайлов. Много близких товарищей у меня в Малом театре, во МХАТе. С Михаилом Михайловичем Яншиным многократно общался и пользовался явным его расположением, хотя и не имел тогда никакого отношения к его любимому «Спартаку»…

— Яншин был великий болельщик! В 1965 году я взял у него интервью для «Недели» и в процессе беседы отметил про себя, что больше всего из моих вопросов его задел вопрос о футболистах и вообще спортсменах Художественного театра. Он сразу оживился и стал перечислять: «У нас Кедров был отличный центрхав, Кторов сверкал в нападении, Блинников — в защите (он и за «Кунцево» играл в обороне, такой был первоклассный костолом!)… Но меня, — продолжал Яншин, — в футбол играть не брали, класс не тот. Зато в волейболе я был игроком разыгрывающего плана, диспетчером. В команде у нас выступали Кедров, Станицын, Ершов, Добронравов, Комиссаров, Лесли и Яншин. И вообще во МХАТе очень способные есть люди: Вербицкий — классный теннисист, Станицын — яхтсмен, директор театра Ушаков — велосипедист…»

— Михаил Михайлович был очень интересным собеседником. Например, он рассказывал, как Станиславский ему заметил: «Вам Яншин, нужно репетировать Гамлета. Вы никогда не будете его играть, но репетировать его вам необходимо, чтобы избавиться от милых яншинских интонаций, которые так нравятся публике и, что характерно, вам самому…» Михаил Михайлович спросил

меня, бывает ли что-нибудь подобное в футболе. И я привел в пример Владимира Поликарпова, который был принят в ЦСКА как нападающий, а потом переквалифицировался в полузащитника, и Владимира Пономарева, тоже поначалу нападающего, которого я стал готовить для обороны. И Владимир Басалаев, дебютировав в московском «Динамо» как форвард, превратился вскоре в игрока обороны, в функции которого тоже входила атака из глубины своей половины поля по краю (то же самое впоследствии делал Владимир Сочнов в московском «Спартаке»). Дело в том, что все эти молодые люди не были чересчур яркими нападающими; у них имелись способности к игре в атаке, но что-то выдающееся не просматривалось. И я решил, что в защите, обязанные еще и атаковать, они проявят себя куда ярче и полезнее. И не ошибся. Одни были со временем приглашены в сборную, другие у себя в клубах выступали в новом амплуа на первых ролях. Правда, заметил я тогда Михаилу Михайловичу, в футболе трудно быть таким категоричным, как Станиславский: «Вы никогда не будете его играть…» Была, например, ситуация, когда полевой игрок Байков вынужден был встать в ворота вместо травмированного Льва Яшина и ухитрился почти целый тайм сохранить их в неприкосновенности! А ведь у тренеров были все основания сказать Байкову: «Вы никогда не сможете заменить Яшина».

Яншин расспрашивал меня о всяких психологических ситуациях на футбольном поле, необычных поворотах игры, казусах. И сам щедро делился всем, что знал. Его истории волновали или до слез смешили. Вот, к примеру, два рассказанных им эпизода. Оба им услышаны от Владимира Ивановича Немировича-Данченко.

Немирович приехал в конце XIX века в Париж и по утрам стал прогуливаться возле дворца Тюильри в обществе графини Паниной. Им регулярно попадался навстречу пожилой господин в сером сюртуке и сером цилиндре. Этот господин каждый раз очень вежливо снимал цилиндр и кланялся Паниной, и она каждый раз не отвечала на поклон. «Почему вы так неприветливы по отношению к этому месье?» — спросил Немирович-Данченко. Панина ответила резким тоном: «Я никогда не стану с ним здороваться! Это — Дантес!»

Однажды Владимир Иванович в областном городе пошел в местную оперу на балет «Пламя Парижа». Рядом с ним в партере сел старик с окладистой бородой, одетый так, как одеваются деревенские старейшины, отправляясь в город. Глядя балетный спектакль, сосед обратился к Немировичу-Данченко с вопросом: «Когда петь-то начнут?» — «Это балет, — суховато ответил Владимир Иванович, — в балете не поют».

И тут по оригинальному замыслу постановщика на сцене запели «Карманьолу». Сосед сказал Немировичу-Данченко с иронией: «А ты, дед, видать, первый раз в театре…»

Яншин говорил, что атмосфера спортивных кулис напоминает ему изнанку театра в день премьеры. «Как раз на стадионе я понял, — сказал однажды Яншин, — что как из футболиста-индивидуалиста не получится хорошего тренера, так из актера-эгоиста не выйдет настоящего режиссера. А что такое актер-эгоист или футболист-одиночка? Станиславский говорил нам: «Я верю, что вы можете сыграть эту роль гораздо ярче и сильнее — ради роли и себя; но не делайте этого — ради всего спектакля!» Исполнитель, не способный этому подчиниться, и есть одиночка».

Михаил Михайлович был ведь еще и жокеем. Да-да, настоящим жокеем на ипподроме! Я видел довоенный снимок: он в жокейском костюме, держит лошадь под уздцы. Семь раз участвовал Яншин в ответственных заездах, четыре раза завоевывал первые места, два раза — вторые. Поразительно многообразный талант!

Вникая в работу актеров на сцене, я чувствовал, какой труд они затратили, чтобы из зала в час спектакля все выглядело легко и прекрасно. Нередко советовал футболистам сходить на ту или иную постановку. Правда, я не сторонник культпоходов в театр всей командой: ребята и без того друг другу достаточно надоедают за время сборов и поездок. Пусть каждый ходит в театр с женой, со знакомой девушкой, если не женат, или в одиночку, тогда и воспринят спектакль будет иначе, чем когда все словно опять на собрании…

— Один ваш контакт с Малым театром, Константин Иванович, я имел удовольствие наблюдать. Шло чествование московского «Спартака» в связи с его победой в чемпионате СССР 1979 года. На сцену вышли студенты Театрального училища имени Щепкина и с ними их профессор, народный артист СССР Виктор Иванович Коршунов…

— Тоже, кстати, один из моих очень хороших знакомых.

— Не сомневаюсь. Студенты-щепкинцы стали петь куплеты, каждый из которых заканчивался рефреном: «Спартак» — это да! Остальное…» или «Костя Бесков — это да! Остальное…» Виктор Иванович каждый раз предотвращал произнесение последнего слова — «ерунда!», которого ждал и даже договаривал вполголоса полный болельщиками зал. В мягкой, подчеркнуто назидательной манере профессор Коршунов заканчивал очередную студенческую

эскападу примиряющим: «Остальное тоже все очень хорошо, товарищи!» Вспомним, это произносилось в конце 1979 года, в пору беспрерывных победных рапортов об успехах на всех направлениях народного хозяйства и международной политики. Воспринималось собравшимися с юмором и сарказмом — ни в коем случае не по отношению к «Спартаку» или к вам.

— Да, забавный был капустник.

— А потом Валентин Гафт преподнес команде «пакет» своих изящных язвительных эпиграмм. Я сумел запомнить посвященную Сергею Шавло:

Бег — ну, как у иноходца!
Он соперникам назло
обведет их всех, прорвется,
по воротам промахнется, —
напугает всех Шавло!

И все же из поэтических оценок лично вашего футбольного творчества наиболее глубокая, согласитесь, прозаическая, высказанная Евгением Евтушенко: «Константин Бесков — игрок редкой культуры обработки мяча, король видения поля, безупречно дисциплинированный. Только однажды на моей памяти он сорвался. После свистка Латышева, замечательного судьи тех времен, зафиксировавшего офсайд, Бесков запулил мяч в аут. Латышев подбежал к нему и властно показал рукой на мяч. Бесков нашел в себе мужество беспрекословно повиноваться, понуро пошел за мячом и отдал его повинными руками противнику. Это был один из самых лучших рейдов Бескова — прорыв из допущенной бестактности в ее исправление».

— Мы периодически встречаемся с Евгением Евтушенко. У меня самые добрые отношения с Виктором Розовым, Яковом Костюковским. Давняя дружба у нас с композитором Модестом Табачниковым, с Александрой Пахмутовой и Николаем Добронравовым, с обаятельнейшим знатоком футбола актером Театра сатиры Георгием Павловичем Менглетом. А с Юрием Любимовым, между прочим, знаком еще с тех времен, когда он вместе с артистом Леонидом Князевым, году этак в сорок четвертом, был штатным ведущим программ в ансамбле пограничников!.. А Игорь Кио, известный иллюзионист? Он ведь у

меня в футбольной школе занимался. Для всех Игорь Кио — маг и волшебник цирка, а для меня, как было написано в его характеристике, «очень способный нападающий, умно действующий и результативный». Увы, родители Игоря Кио настояли, чтобы перспективнейший форвард ушел из футбольной школы. Очень жаль. Большой спорт потерял, возможно, подлинную футбольную звезду.

— Мне тоже жаль. Стал бы сначала футбольной звездой, а когда повесил бутсы на гвоздь — пожалуйста, иди распиливай пополам ассистенток…

— Вы упрощаете. Искусство иллюзиониста…

— И все-таки, Константин Иванович, искусство футбола нам с вами, наверное,

неизмеримо ближе. И в данном аспекте возникает, по крайней мере у меня, один недоуменный вопрос. Вы говорили, что музыкальный фильм или спектакль, кинокартина с альковными сценами действуют на команду размягчающе — веселят или волнуют, но не мобилизуют. А мы все читали в прессе, что, к примеру, на чемпионат мира 1982 года в Испанию руководимая вами сборная команда СССР поехала в сопровождении артистической бригады: там были юмористы, певцы, кто-то еще «не мобилизующий». Как же так, Константин Иванович, для чего на ответственных соревнованиях всякие шутники и шансонье?

— Артистов мы просим встречаться с командой только в то время, когда игрокам нужно избавиться от напряжения сыгранного матча, успокоиться, отдохнуть душой. В этом деле помощь шутников, как вы изволили выразиться, и шансонье неоценима. Однако накануне ответственной игры, самое меньшее — за день до нее, все вокалы, пародии и скетчи прекращаются, настрою на трудную спортивную борьбу способствуют иные впечатления.

Люди искусства оставили заметный след в моей жизни. Я благодарен судьбе, подарившей мне дружбу с замечательными мастерами театра, кино, с музыкантами, художниками. И конечно, в воспитании человека, а если говорить о моей специальности — футболиста, роль искусства переоценить трудно.

«ЗАРЯ», 1965

Летом 1964 года, после печальной памяти заседания президиума Федерации футбола, после несправедливого разбора выступлений сборной, Андрей Петрович Старостин попросил меня помочь луганской команде «Заря»; а его, в свою очередь, просили об этом руководители «Зари» и луганского электровозостроительного завода — базового предприятия этой футбольной команды. Надо было помочь команде выйти из застоя, в котором она пребывала.

Читатель может спросить: не слишком ли, однако, широка амплитуда — с поста старшего тренера национальной сборной, выигравшей серебряные медали континента, на место спасателя слабой команды второго эшелона?

Амплитуда широка, и «Заря», когда начался сезон 1965 года, стартовала в нем, занимая двадцать первую строчку в турнирной таблице. Двадцать первую, а всего в соревнованиях участвовало тридцать команд. И мне предстояло вывести «Зарю» в авангард этой лиги.

Поинтересовался, на какой срок меня ангажируют. «Сами определите», — ответил Андрей Старостин. Для меня речь могла идти максимум об одном сезоне, а для команды — минимум об одном. «На один сезон», — сказал я. «Что ж, — согласился Старостин, — на один так на один».

Приезжаю в Луганск, меня очень доброжелательно встречают — и руководители областного спорта, и товарищи с электровозостроительного завода, и команда. Дают карт-бланш — полное доверие: делайте, Константин Иванович, все, что считаете нужным. Ну а футболисты смотрят такими глазами, словно я сейчас начну изрекать великие истины…

Знакомлюсь постепенно с игроками и в личностном плане, и в профессиональном. Решаю работать с теми, которые есть в составе. Единственный новобранец — верный ученик Кирилл Доронин. Сам приехал за мной в Луганск: я, говорит, хочу продолжить учебу в университете Бескова.

Если взять справочник-календарь чемпионата СССР первой лиги на 1965 год и сравнить его с таким же справочником 1964 года, можно увидеть одни и те же фамилии. Я никому не указывал на дверь, не советовал поискать другой коллектив. А теперь заглянем вперед, в состав 1966 года. Тогда меня уже не было в «Заре» и она завоевала право играть в высшей лиге. И снова — те же фамилии (плюс несколько новичков, которых

добавил к наигранному мной составу сменивший меня Евгений Горянский).

Начал я с того, что объяснил луганским футболистам: их тренировки нуждаются в интенсификации. Должно быть, например, не одно, а два занятия в день, полноценных, с серьезными нагрузками.

Мою программу футболисты приняли без колебаний, даже с энтузиазмом. Еще была зима, самое начало 1965-го, мы занимались в зале — дважды в день. Нагрузки все возрастали, но никто не роптал.

Я попробовал внедрить новинку (для игроков «Зари» совсем непривычную): занятия под мажорную ритмическую музыку. Понравилось. Ребята задвигались веселее, тренировки стали проходить как маленькие праздники.

Разделил команду на две группы (диктовалось это опять же размерами спортивного зала, которым мы располагали, но не только размерами). После первых занятий определил: группа из десяти полевых игроков и двух голкиперов наигрывается как основной состав с зимы, чтобы в результате применения целенаправленного комплекса упражнений достигнуть взаимопонимания во всех звеньях, а затем и во всех действиях. Обиженных не было, тем более что я предупредил: в ведущую группу дорога никому не заказана, все зависит от физического состояния игрока и уровня его мастерства.

Тут я в общем-то не рисковал: максимум один-два футболиста могли, по моим наблюдениям, перейти в авангардную группу из резервной. И, пожалуйста, пусть переходят. Пусть даже отвоевывают места в основном составе — только заслуженно! А пока наигрываем первую группу. Нагрузки, повышение технического уровня. Выполнение все более сложных приемов ведения мяча на повышающихся скоростях. Работа с мячом в «квадрате», в круге, трое на трое, четверо на четверо, пятеро на пятеро, с нейтральным игроком и без него. Быстрее! Быстрее! Точнее! Четче! Еще быстрее!

Это очень тяжелая физическая работа. Изо дня в день, утром и вечером, с повышающимися требованиями. Я и сам активно участвовал во всех упражнениях, что не могло не подстегнуть футболистов: если сорокачетырехлетний тренер выдерживает такую карусель, стыдно двадцатилетним отставать и уставать. Нужно отдать должное игрокам «Зари» и вообще всем луганцам, с которыми я общался: мне верили и помогали чем могли, а футболисты выполняли задания «через не могу».

Неловко давать оценки своей собственной работе. Но в первом круге турнира мы заняли первое место (это после

двадцать первого!), и в газете «Известия» от 8 июля 1965 года в спортивном обозрении А. Вита «Запас большого футбола» нам была посвящена заметная тирада: «Лидер второй подгруппы луганская «Заря» — в своем роде уникальная команда. В течение первого круга она была единственной не только во второй подгруппе, но и среди всех 49 команд класса «А», не знавшей поражений. Команда набрала рекордное количество очков. Луганцы — в числе сильнейших по забитым мячам и меньше всех пропустили. Это уравновешенная команда, гармонично сочетающая игру в обороне и нападении. Она создана из рядового коллектива усилиями нынешнего тренера Константина Бескова. «Заря» — не команда звезд, но по пути к тому, чтобы стать командой-звездой».

У нас в «Заре» были полузащитники Сергей Шкляр и Валерий Галустов, которые, перемещаясь по заранее обговоренным «трассам», могли в любой момент ворваться в штрафную площадь соперников и нанести удар. Центральный нападающий Владислав Проданец «блуждал» вдоль линии штрафной площади параллельно воротам противника, уводя с собой в стороны защитников, которым были хорошо известны его бомбардирские возможности, и освобождая зоны атаки для полузащитников. Сергей Шкляр и Валерий Галустов забили в сезоне 1965 года соответственно десять и одиннадцать мячей каждый.

По глазам, по мимолетным взглядам я мог понять: луганским футболистам интересно все, что мы сообща предпринимаем. Была у них и доля необходимого для дела честолюбия, чтобы мечтать о движении «вперед и вверх». Ребята не были избалованы успехом и жаждали его. В целом они соответствовали понятию «спортсмен». Значит, толк будет!

И толк вышел. Правда, мы не прорвались с первой пот пытки в высшую лигу, но в следующем сезоне «Заря» стартовала асе же с третьего места, а не с двадцать первого. И по итогам сезона 1966 года вышла в высшую лигу. С удовольствием и просто-таки отеческой гордостью прочитал я тогда сообщение в газетах: позолоченные медали и свидетельства о победе в чемпионате СССР по второй подгруппе класса «А» вручены В. Галустову, Л. Клюеву, А. Шульженко, А. Журавлеву, В. Глухареву, Ю. Ращупкину, В. Першину, В. Проданцу, И. Балабе, К. Доронину, С. Шкляру и другим — тем, кого я тренировал в «Заре» и кого принял сменивший меня Евгений Горянский. Причем большинству из них, тем, которые были перворазрядниками, присвоены за эту победу звания мастеров спорта СССР.

А в 1972 году под руководством старшего тренера Германа Зонина «Заря» выиграла первенство страны в высшей лиге. В ее

составе из тех игроков, с которыми я работал, оставались лишь Александр Журавлев, избранный капитаном, и Анатолий Шульженко. А Валерий Галустов и Владислав Глухарев работали тренерами «Зари», помогали Герману Зонину.

Расставались мы с «Зарей» очень и очень по-доброму. Руководство клуба и электровозостроительного завода предлагало мне продлить сотрудничество. Но уговор был только на один сезон, меня тянуло домой, в Москву.

Хорошие, ничем не омраченные воспоминания остались у меня о работе с луганской «Зарей».

Как поется в популярной песне, «ничто на земле не проходит бесследно». Опыт, обретенный в первой лиге, очень пригодился через десять с лишком лет, когда меня попросили выручить московский «Спартак», потерпевший крушение в чемпионате страны 1976 года. Безусловно, десятилетие — большой срок в современном футболе даже для второго эшелона. Игра меняется, и новые веяния доходят и до первой лиги; но общая атмосфера здесь к середине семидесятых годов осталась, на мой взгляд, такой же, какой была к середине шестидесятых.

Оказавшись вновь в Москве, я получил новое предложение: руководство Министерства путей сообщения просило принять столичный «Локомотив», который возвратился в высшую лигу и должен был стартовать в первенстве страны 1966 года с пятнадцатого места.

Совсем не хочется вспоминать об этом периоде моей жизни в футболе. Непоследовательность и бесцеремонность железнодорожных командующих привели к тому, что продолжить работу с «Локомотивом» не удалось, начатый процесс обновления команды был прерван. Михаил Гершкович в своих заметках под рубрикой «Оглянись, уходя», напечатанных в еженедельнике «Футбол — Хоккей» в середине восьмидесятых годов, кратко изложил суть очередной некрасивой истории:

«Бесков собрал в «Локомотиве» в тот период молодых футболистов и перестраивал игру команды на новый лад. Ему, к сожалению, не дали закончить дело: очков у нас поначалу было мало, и недальновидные руководители предложили ему подать заявление об освобождении от работы «по собственному желанию».

А ребята в «Локомотиве» подбирались интересные. Двое из них, Михаил Гершкович и Владимир Козлов, впоследствии выступали в сборной команде страны, стали признанными бомбардирами. Володя Козлов позднее пришел в московское «Динамо», которое я тренировал, и сделался одним из лидеров команды. Да, «Локомотив» не раз страдал по прихоти своих

шефов…

Тем временем в моем родном «Динамо» происходили свои катаклизмы. До мая 1965 года команду возглавлял Александр Пономарев, с мая — Вячеслав Соловьев. Обидный проигрыш московскому «Торпедо» — в результате грубейших ошибок судьи — положил начало кризису. Финиш сезона был успешнее, в итоге динамовцы заняли пятое место. В следующем сезоне они слабо стартовали, после первых пяти туров — всего четыре очка. Полоса поражений — 0:2 от киевского «Динамо», 0:2 в Куйбышеве от местных «Крылышек», 0:4 от московского «Торпедо» (и во втором круге от него же 0:2) — отбросила команду вниз. Она заняла восьмое место в чемпионате СССР, отстав от победителей первенства, киевских динамовцев, на 18 (!) очков, а от бронзовых призеров — на 7 очков.

Центральный и московский городской советы общества «Динамо» приняли решение изменить положение в команде. Место старшего тренера было предложено мне. После некоторых раздумий согласился на новое назначение, с января 1967 года принял команду, в которой вырос как игрок, и горячо взялся за дело.

МОСКОВСКОЕ «ДИНАМО», 1967-1972

Прежде всего мы сообща, командой, проанализировали ход обоих предшествовавших сезонов — каждый шаг коллектива, каждый матч, стараясь определить: чем же были вызваны неудачи? Когда были названы причины, я на общем собрании коллектива заявил: «Вы способны на большее!»

Позднее, на финише сезона 1967 года, меня часто спрашивали: «Каков ваш рецепт успеха? Раскройте тайну!» Я отвечал и сейчас ответил бы: рецептов, как стать чемпионом или призером, нет и быть не может. Не существует никаких таких тайн. Подобная постановка вопроса наивна и напоминает американский самоучитель-бестселлер «Как стать богатым».

Хотя тайн у тренеров в сущности нет, но это не означает, что их нет у футбола. Лишь глубоко проникнув в эти тайны игры и поставив их на службу своей команде, можно добиваться высоких результатов.

Вот одна из таких тайн футбола: не следует игроков подгонять под схему, умозрительно сложившуюся в воображении тренера. Схему нужно подбирать применительно к способностям и возможностям игроков команды — конечно, в соответствии с развитием футбола на данном этапе. Так, в сезоне 1967 года нашему «Динамо» доводилось встречаться с соперниками, применявшими такие системы: 4+3+3, 1+3+3+3, 4+1+3+2, 3+2+3+2, 1+3+2+4 и их варианты. Пусть не пугают эти нагромождения цифр читателя. Они свидетельствуют о том, что наши тренеры, с учетом имеющихся у них исполнителей, избирали системы с двумя, тремя или четырьмя нападающими, с четвертым или пятым свободным защитником, играющим либо позади других футболистов оборонительной линии, либо впереди них.

Но поиск должен вестись не в одном лишь направлении — тактике. Тактическое разнообразие не восполнит недостаток талантов. Следовательно, тренер должен воспитывать универсальных мастеров, искать исполнителей на те или иные места.

В самом начале сезона 1967 года мы выиграли турнир «Подснежник», организованный газетой «Советский спорт». Замечу, в финальном матче этого турнира победу над кутаисским «Торпедо» одержал… наш дублирующий состав, потому что основной в это время находился за рубежом.

21 марта мы выиграли у французской команды «Олимпик»

(Марсель) со счетом 2:0, голы забили Геннадий Еврюжихин и Игорь Численко. 25 мая принимали в Москве бразильскую «Фламенго» и снова выиграли — 3:1, два гола на счету Г. Еврюжихина, один гол забил Юрий Вшивцев. А всего в тринадцати матчах с представителями стран, где футбол достаточно развит, динамовцы одержали одиннадцать побед, одну встречу сыграли вничью — с эквадорской командой «Барселона» в городе Гуаякиле и лишь одну проиграли — колумбийской команде «Депортиво» — 0:1, но это уже в декабре, когда команда бело-голубых стала серебряным призером чемпионата СССР и обладателем Кубка страны.

Среди тех, кого мы одолели на международной арене, были «Королевский клуб Брюгге» (Бельгия), сборная вооруженных сил Марокко, «Мец», парижский «Ред стар» и «Газэлек» (Аяччо), причем парижан разгромили со счетом 4:0, а «Газэлек» — 8:2. За четыре дня, с 25 по 29 октября, — три победы во Франции.

Но сначала предлагаю проследить весенний путь команды в чемпионате страны. Турнир мы начали тремя победами подряд. Одна из них была особенно ценной: обыграли тогдашнего и будущего чемпиона СССР киевское «Динамо» — 3:2. В то время, когда киевляне уверенно шли от одной победы и Другой, это было непросто сделать. Первое поражение динамовцы Москвы потерпели только в пятнадцатом туре — от тбилисского «Динамо» (0:1). Однако первый круг завершили лидерами турнира. Настроение у ребят было превосходное, они поверили в то, что способны на большее, как было сказано на первом общем собрании команды в начале года.

Лидировали мы и во втором круге. Лишь в тридцать первом туре, в матче с минскими одноклубниками, нас постигла неудача. После нее возник этот маленький перерыв, заполненный отличным турне по Франции.

И вот один из парадоксов футбола: это победоносное турне сослужило нам дурную службу. Такие «прогулки» расслабляют игроков психологически, и те начинают верить в свою непобедимость, исключительность. И без того шли в чемпионате, как говорится, «на ура». А тут еще восемь мячей в ворота довольно крепкой европейской команды, четыре мяча — в ворота просто одной из лучших команд Франции. Было от чего закружиться молодым головам…

По возвращении из Галлии мы проиграли… «Заре», дебютанту высшей лиги, 0:1. Финиш получился у нас смазанным, первое место заняли киевляне. Хотя то был их «звездный час», разгар трехлетнего чемпионского цикла, московское «Динамо» в шестьдесят седьмом году все-таки отняло у украинских

одноклубников три очка из четырех и вполне обоснованно претендовало на золотые медали. Мы забили больше всех мячей в чемпионате — 55. В список 33 лучших футболистов страны были включены наши Л. Яшин, В. Аничкин и В. Зыков, Г. Гусаров и В. Маслов, Г. Еврюжихин, И. Численко и Б. Кох (перешедший затем в «Локомотив»). Годом раньше в аналогичном списке было лишь трое московских динамовцев: Л. Яшин, В. Аничкин и И. Численко.

Интересно сыграла в сезоне 1967 года наша средняя линия. В атаке, начиная со второго круга, проявил себя талантливый новичок Владимир Козлов, центральный нападающий (я приметил его еще учившимся в школе ЦСКА: его явно не собирались зачислять в армейскую команду, и я пригласил Владимира еще в «Локомотив», а теперь он пришел за мной в «Динамо»). Удачно сыграл в центре атаки и Юрий Вшивцев, забив 12 мячей.

Нередко мы применяли схему 4+3+3. В отдельных матчах справа действовал Численко, в центре два нападающих в связке, а левый фланг оставался без форварда, и там получали простор игроки нашей средней линии. Применяемая от случая к случаю эта система брала противников врасплох.

И был у нас в том сезоне еще один крупный успех: победа в розыгрыше Кубка СССР.

Я предложил коллективу такой вариант: нужно уводить Владимира Капличного, одного из двух центральных защитников ЦСКА, из его зоны. Пусть там, в центре обороны армейцев, остается один Альберт Шестернев: он превосходный стержень защиты, но у него навыки свободного обороняющегося, и когда перед ним юркие и хитроумные Численко и Вшивцев, у которых большая стартовая скорость, ему хуже дается отбор мяча. Кстати, восполнив со временем этот пробел, Шестернев сделался одним из лучших центральных защитников мира. Искусные дриблеры Игорь Численко и Юрий Вшивцев могли уверенно идти на обводку, как только Капличный оставлял свою зону. Игра закончилась со счетом 3:0. Кубок — наш!… Футболисты ЦСКА предпринимали отчаянные попытки изменить ход поединка, хотя бы забить гол престижа, и моменты у них были подходящие, но реализовать их так и не удалось.

— Константин Иванович, на следующий день после выигрыша Кубка СССР динамовцами, которые, как принято говорить у болельщиков, «положили в хрустальную вазу серебряные медали первенства», я, если помните, впервые оказался у вас дома, на Садово-Триумфальной, и взял интервью, которое отражало тогдашнее ваше настроение и было напечатано в ноябре 1967 года

в «Неделе». Напомню тот диалог, правда с незначительными сокращениями.

ИНТЕРВЬЮ НА ФИНИШЕ СЕЗОНА-67

— Как вы, Константин Иванович, расцениваете нынешнее место своей команды в итоговой турнирной таблице чемпионата СССР? Не считаете ли, что из-за досадных обстоятельств упустили первое место?

— Да нет, все справедливо. Кубок все-таки намного легче выиграть, чем первенство страны: на пути к Кубку всего шесть матчей, на пути к высшей ступени пьедестала почета в нынешнем первенстве — тридцать шесть. У нас довольно часто забирали игроков в сборную команду. Забирали, естественно, лучших, а подготовить им эквивалентную замену за один сезон я практически не успевал. Поэтому мы и выступили несколько слабее киевлян, у которых уже не один год состав стабилен и гибок. Но расстраиваться по этому поводу не вижу причин: мы в сезоне 1967 года выиграли и приз «Подснежник», и серебряные медали, и Кубок СССР. Согласитесь, неплохой урожай даже с точки зрения самого привередливого почитателя «Динамо».

— Чего вы еще не достигли в своей жизни, не совершили?

— Ну, много чего! (Смеется.) Еще не создал высококлассную команду, от игры которой получали бы удовольствие, даже наслаждение болельщики команд-соперниц… Еще не добился того, чтобы московское «Динамо» сделало «квартет»: выиграло первенство и Кубок страны, Кубок европейских чемпионов и Межконтинентальный кубок. (Смеется.) Как видите, ориентиров впереди сколько угодно, только дерзай.

— Каково ваше отношение к командам-соперницам?

— Самое товарищеское и сердечное, если иметь в виду те команды, которые строят свою игру по-спортивному, без преднамеренной грубости.

— Какое качество отличает вы в характере человека?

— Деловитость, целеустремленность. Способность без остатка отдать себя делу.

— Как вы обычно чувствуете себя перед ответственным состязанием, о чем думаете?

— В такие невероятно напряженные дни, как перед финалом Кубка Европы 1964 года и финалом нынешнего розыгрыша Кубка

СССР, заполненные от полуночи до полуночи заботами и хлопотами, вновь и вновь мысленно перебираю своих игроков и игроков соперника; обдумываю все, что касается плана действий, тактики, отдыха, самочувствия, питания, настроения каждого своего футболиста. Помимо того, не упускаю из внимания и их внешний вид, и зрителей, судей, и погоду, и состояние поля. В общем, словно мамаша одиннадцати невест перед смотринами..:

— Константин Иванович, поделитесь вашим мнением о современном футболе.

— Считаю, что сейчас возможности футбола — нынешнего, с разнообразием тактических схем, технических приемов, физических возможностей игроков, — раскрыты не более чем наполовину. И внешний эффект этого зрелища, этого, я убежден, искусства, может быть неизмеримо большим. Полагаю, с течением времени футбол будет становиться все совершеннее и интереснее.

— Каково ваше представление о счастье? И о несчастье?

— Счастье — вложив в хорошее и полезное людям дело много сил, душевных и физических, достигнуть высшего результата. Несчастье — это когда злополучные обстоятельства, несправедливость, какие-то еще сопутствующие факторы лишают человека возможности трудиться в полную силу, раскрывать свои творческие способности и доводить до конца плодотворную идею.

— А что лично для вас означает понятие «болельщик», иначе говоря, «любитель футбола»?

— Человек, который так увлечен этим видом спорта, что помнит большинство матчей лучше, чем сами их участники. Он очень эмоционален и поэтому не прочь поучить футболу футболистов и футбольных тренеров. Готов говорить о футболе днем и ночью. Отношусь к болельщику (любой команды) в целом позитивно, с его мнением в общем-то считаюсь.

— Позвольте вопрос, как говорится, из другой оперы. Из области вокала. Какой звук вам наиболее приятен?

— Пожалуй, голос низкого тембра.

— А какие мелодии?

— Люблю песни Соловьева-Седова. И вообще хорошие, мелодичные песни, мотив которых запоминается. Например, наши песни военных лет — Табачникова, Фрадкина, Фатьянова, Мокроусова, Покрасса. Русские народные, особенно в исполнении

Лидии Руслановой и Людмилы Зыкиной. Это вовсе не означает, что я не ценю музыкальную классику; но не стану кривить душой, основные мои симпатии в этом плане — песенные.

— Теперь скажите о живописи.

— Предпочитаю пейзажи. Прежде всего — Левитана. Но и других художников, которые отличались необычным, проницательным видением русской природы.

— Любимые ваши писатели?

— В детстве и юности — Николай Островский. Он остался и по сей день. Но с возрастом вкусы меняются, поэтому теперь предпочитаю Льва Толстого, Тургенева, Достоевского.

— Раз уж зашла речь о литературе, что именно вы сегодня, 9 ноября 1967 года, читаете?

— Знаете, последнее время (а это было время самых ответственных и тяжелых матчей) удавалось читать только специальную литературу. Ну, может быть, еще такую, из которой можно что-либо почерпнуть для тренерской работы, футбольной методики. Например, книги режиссеров — Станиславского, Товстоногова, Акимова. Книги по хореографии (пластика, точность движений, зрелищность; репетиции — те же тренировки; но эта тема особого разговора).

— Ваше отношение к науке и технике, к технике в широком смысле, не только футбольной?

— С наукой я в определенной степени соприкасаюсь: с физиологией, медициной, психологией, философией — конечно, применительно к футболу. Вообще же искренне восхищаюсь людьми науки и техники и по-доброму завидую тем, кто, к примеру, за миллионы километров посылает космический аппарат и попадает точно на Венеру. А мы иной раз с одиннадцати метров в ворота не попадаем…

— У вас есть увлечение, то, что называется хобби?

— Неравнодушен к птицам, рыбкам, всяческим зверюшкам. Ни одной выставки собак стараюсь не пропускать. Сейчас у нас, как видите, две собачки, карликовые пинчеры Янечка и Манечка. Кидаю им шарик для настольного тенниса, и они его гоняют совсем как футболисты!

— Нельзя ли вспомнить какой-либо смешной эпизод из вашей жизни футболиста?

— Отчего же, попробую. Однажды мы с Сергеем Сальниковым заночевали на даче в Снегирях. А на утро была назначена тренировка. Встали, позавтракали — и спохватились! Опаздывать нельзя ни в коем случае… Выбежали на шоссе, стали «голосовать». Тормозит возле нас грузовик, водитель предлагает забраться в кузов и, как только мы оказались в кузове, берет чуть ли не с места третью скорость. Мчались мы без единой остановки. А надо сказать, накануне в этом самом кузове он перевозил цемент. Мы с Сальниковым «импозантно» выглядели, доехав до стадиона…

— У вас есть любимый цвет, Константин Иванович?

— А как же! Белый. Но непременно в сочетании с голубым. Динамовские цвета.

— У вас есть тайные замыслы, которые направлены на то, чтобы преподнести сюрприз очередному противнику?

— Наверняка ждете от меня ответ пооригинальнее. Что ж, пойду вам навстречу. Перед ответственным матчем ловлю себя на мысли, что рассуждаю почти как кардинал Ришелье: если бы моя шляпа могла знать мои замыслы, я ее… ну не сжег бы в камине, как он, но носить не стал бы.

* * *

Завершив футбольный сезон 1967 года у себя дома, мы, взбодренные успехами, отправились в турне по Латинской Америке.

Лима, столица Перу, команда «Альянса» — 1:0 в нашу пользу. Перелетаем в Колумбию: столица Богота, клуб «Мильонарис» — 1:0 в нашу пользу. Затем город Бараикилья, команда «Хуниорс» — выигрываем 2:1. Дальше — Венесуэла, город Каракас, сборная столичных клубов — 3:0 в нашу пользу. Эквадор, город Гуаякиль, команда «Барселона» — 0:0. И только колумбийский «Депортиво», как я уже отметил, сумел одолеть нас с минимальным счетом. В целом турне подтвердило, что наши тактические концепции были вполне в духе времени и порой даже опережали иностранные системы. Любители футбола увидели, что московские динамовцы конца шестидесятых годов способны обыгрывать сильные зарубежные клубы.

Вот таким светлым и творческим стал для меня этот незабываемый 1967-й. В том году Федерация футбола СССР учредила приз имени 50-летия Советского государства; по Положению он вручался команде за лучшие результаты в подготовке молодых футболистов, хорошую организацию учебно-тренировочной и воспитательной работы, успешные выступления на всесоюзных и международных соревнованиях. Этот приз достался нам.

Получили мы и приз «За волю к победе», выиграв больше всех матчей, в которых соперники открывали счет. 55 забитых нами мячей принесли команде приз имени Григория Федотова. Добавим сюда и приз «Агрессивному гостю» — в играх на выезде динамовцы набрали 26 очков.

Игорь Численко стал лучшим бомбардиром Европы среди игроков национальных сборных, забив в матчах за сборную СССР десять мячей.

В 1967 году в команде появились талантливые новички Владимир Долбоносов, Владимир Ларин, Владимир Козлов, Борис Леонов; вернулся в команду Георгий Рябов.

В конце этого сезона мне было присвоено звание заслуженного тренера СССР.

О следующем этапе жизни нашей команды Лев Иванович Филатов в книге «Ищи борьбу всюду» написал критически:

«Едва ли не самыми большими неожиданностями чемпионатов 1968 и 1969 годов стали неудачи московского «Динамо». Я не взялся бы в двух словах найти объяснение этим малопривлекательным сенсациям. Но твердо убежден, что среди других должна быть упомянута вот такая причина. Динамовцы, прожив весь сезон 1967 года в прекрасном настроении, испытывая большой подъем духа, своею бодростью, если хотите, веселостью удачно компенсировали некоторые недостатки своей игры, отсутствие того качества, которое мы привычно именуем «высоким классом». Считалось, что, завоевав серебряные медали первенства и Кубок СССР, «Динамо» взяло своеобразный аванс после нескольких неудачных сезонов, а лотом этот аванс отработает, будет совершенствовать свою игру, свой футбольный класс. Однако динамовцам, как видно, показалось, что призы и награды их вполне достоверно характеризуют, что им нетрудно будет шагать по дороге следующего чемпионата.

Попробовали играть спокойно, «на классе». Не вышло, начали проигрывать. И растерялись. Они бы рады вновь обрести свое прошлогоднее состояние, а оно ушло, забыто, вместо него одни тревоги и опасения, оглядка на собственные ворота.

Спустя год это повторилось. Проведя зимой удачное

заграничное турне (десять матчей без единого поражения), динамовцы вновь решили, что им никто не страшен. Как мне рассказывал их тренер Константин Бесков, они выходили на первые матчи чемпионата, асом своим видом заявляя соперникам: «Мы — динамовцы, сдавайтесь!» И снова серия невосполнимых поражений… Когда мы пользуемся одним-единственным мерилом — «был или не был проявлен энтузиазм», то упрощаем сложнейшую проблему соотношения и взаимозависимости игры и человеческого духа: В проблеме этой, пока еще далекой от разрешения, и скрываются, надо полагать, многие резервы спортивного прогресса».

…Такой взгляд со стороны и анализ в немалой степени объективны. Упреки в излишней самоуверенности наших молодых футболистов во многом справедливы. Но, при всем моем глубочайшем уважении к знаниям и таланту Льва Ивановича Филатова, нахожу в его оценках излишнюю взыскательность. Поясню.

Второй раз подряд мы в ходе предсезонной подготовки выиграли приз «Подснежник». Затем в первых трех турах чемпионата страны набрали четыре очка. Последовало обидное поражение от «Спартака» — 1:2; грубейшие ошибки допустил наш вратарь Александр Ракитский, что было отмечено во всех отчетах об этом матче. Конечно, заметно ощущалось отсутствие травмированного Льва Яшина, травмирован был и защитник Валерий Зыков, вносивший стройность и надежность в ряды нашей обороны. Призванные в сборную СССР Игорь Численко и Виктор Аничкин получили в играх сборной травмы и тоже не выступали. Голкиперы, дублеры Яшина, осознавая, что основной вратарь не скоро займет свое место и даст им передышку, нервничали, ошибались, и это стоило нам очков.

Одно дело — принимать на московском поле сборную команду Центральноафриканской Республики (25 мая 1968 года мы победили этот неопытный коллектив с «неприличным» счетом 12:0). И совсем другое — состязаться с тогдашними и будущими чемпионами страны киевскими динамовцами, с претендовавшим на первенство «Спартаком», прямо-таки наступавшим киевлянам на пятки, с «Торпедо», ЦСКА, минским «Динамо» всем этим командам мы проиграли. Проиграли в упорной борьбе, отнюдь не полагаясь на свое «академическое мастерство», как, возможно, казалось со стороны.

Впрочем, что греха таить: имело место некоторое шапкозакидательство со стороны наименее опытных наших футболистов. Но только до полосы неудач. А у этой полосы были и объективные причины, которые я изложил чуть выше.

Вот как оценил наши выступления Виктор Александрович Маслов, тренер, совсем не щедрый на комплименты, приведший киевских динамовцев к третьей подряд победе в чемпионатах страны:

«Московские динамовцы во втором круге сезона 1968 года набрали на два очка больше, чем мы, киевские их одноклубники. Второй круг вообще всегда требует больше усилий, устойчивости, волевого напряжения» (сборник «Футбол-69», выпущенный издательством «Физкультура и спорт»).

Тремя победами, в том числе над «Спартаком» (2:1) и «Локомотивом» (6:2), начали мы второй круг шестьдесят восьмого года. Обыграли и самих киевлян — 1:0. А следует заметить, что киевляне в течение трех своих чемпионских сезонов 1966-1968 годов потерпели всего восемь поражений, из них в 1968-м лишь два (кстати, гол в ворота Евгения Рудакова забил тогда девятнадцатилетний защитник Володя Долбоносов, капитан юношеской сборной СССР, закрепившийся у нас в основном составе). Словом, команда наша разыгралась и уже до конца турнира действовала уверенно. И совсем не нужно было заявлять своим видом: «Мы — динамовцы, сдавайтесь!» Мы просто «явочным порядком» выиграли второй круг, одержав 14 побед, сделав три ничьи и лишь дважды потерпев поражение. Соотношение мячей было во втором круге 38:10. Почти половина команд, участниц чемпионата шестьдесят восьмого года, забила столько же или меньше мячей за весь турнир.

И снова мы завоевали приз крупного счета — за наибольшее число побед с преимуществом в три мяча или более. У нас таких побед набралось семь. В список 33 лучших игроков года были внесены Лев Яшин, Валерий Зыков, Валерий Маслов, Виктор Аничкин, Владимир Козлов, который, между прочим, забил в чемпионате 14 мячей. Спурт на финише позволил нам войти в первую пятерку команд.

Неплохо дебютировали молодые динамовские новобранцы: Владимир Эштреков, Владимир Смирнов, ставший вскоре одним из сильнейших защитников (к несчастью, тяжелая травма вынудила его расстаться с футболом после сезона 1970 года).

Мне понятна логика рассуждений Льва Филатова. Пятое место он счел неудачей для московских динамовцев тех дней, даже назвал «малопривлекательной сенсацией». Что ж, мне это весьма лестно было прочесть. Значит, команда производила хорошее впечатление на специалистов, от нее ждали побед.

Не стану отрицать, отступление было налицо. Успешная игра во втором круге только подтвердила незаурядные потенциальные возможности динамовского коллектива. Сезон 1968 года

преподал нам уроки, не прошедшие даром для большинства игроков. Пользу эти уроки принесли позже.

Дабы скрупулезнее проанализировать следующий, шестьдесят девятого года, сезон, нужно вспомнить, как мы к нему подошли. Завершающий свой матч в чемпионате СССР предыдущего года сыграли 8 ноября. Затем получили отпуск, разъехались кто куда, отдыхали. Только 20 декабря в первый раз после полуторамесячного перерыва собрались на тренировку, располагая для нее лишь грунтовой площадкой в теннисном манеже «Динамо». Покрытие там точно такое же, как на темнисном корте, следовательно, в бутсах не потренируешься. Выходили на занятия в резиновых тапочках. Не могу считать такие тренировки полноценными, обеспечивающими всестороннюю подготовку футболистов команды мастеров высшей лиги к ответственным матчам.

А именно такие матчи предстояли нам в скором времени. На 5 января была назначена встреча динамовцев на острове Сардиния, в Кальяри, с лидером уже проходившего в это время чемпионата Италии командой «Кальяри», возглавлявшей тур. нирную таблицу после первых шести туров. Затем мы должны были отправиться в Чили, на международный турнир. На подготовку оставались считанные дни.

И вот момент, который запомнился и оставил добрый след в моей душе. На тренировке в первой половине дня 31 декабря я обратился к команде с такими словами:

— Дорогие товарищи динамовцы, поздравляю вас с наступающим новым годом, желаю здоровья, успехов и счастья вам и вашим близким! Наверное, мы теперь встретимся с вами 2 января? Тренировка очень нужна, так как 5-го мы уже играем на Сардинии. Ну а 1 января — ваш день отдыха, не так ли?

И вдруг слышу в ответ:

— Константин Иванович, а давайте проведем и 1 января тренировку. Для пользы дела.

Мне было необычайно приятно это услышать. Значит, серьезно относятся к делу, с ответственностью, настраиваясь на настоящую спортивную борьбу.

— В котором часу предлагаете встретиться первого числа? — спрашиваю.

Обсудили сообща и решили: в 14.00. И к назначенному времени все явились пунктуально, с готовностью и желанием работать. Свежими, словно и не было никакой новогодней ночи! Старательно и энергично выполняли все упражнения. И на следующий день тренировались с таким же подъемом, хотя, подчеркну, условия теннисного манежа полноценной подготовки

не обеспечивали.

3 января команда вылетела в Италию. Из Рима добрались до Кальяри и 4 января рассчитывали потренироваться нормально, то есть на травяном поле. После двухмесячного перерыва в играх и нескольких занятий на грунте в манеже это было необходимо. Но, к нашему огорчению, в Кальяри предоставили нам опять же грунтовое, жесткое поле. Так хотелось надеть бутсы… Динамовцы их все-таки надели — для того, чтобы размять бутсы. И пришлось проводить лишь легкую разминку и несложные упражнения (например, переброска мяча друг другу в парах), да и то недолго: на таком грунте не было смысла затевать продолжительные занятия.

Все мы были разочарованы приемом.

— Жаль, ребята, — сказал я футболистам. — Придется нам вечером, после обеда, отдыха и предматчевой беседы, провести еще одно занятие, в тапочках. Оно будет схоже с нашей утренней зарядкой: акцент на гимнастику, легкоатлетический комплекс.

Ребята согласились. И вечером мы вновь явились на то же грунтовое поле. Темнело, а пока шла тренировка, совсем стемнело; поле не освещалось, висели там одна-две обычные лампы (даже не прожекторные). Впервые довелось мне в такие часы и в таких условиях проводить занятие.

Но справедливости ради отмечу, что посмотреть, как тренируются динамовцы, в тот вечер явились многие журналисты, фоторепортеры и телеоператоры Кальяри.

И вновь я мысленно радовался, видя, с каким рвением готовятся к игре динамовцы. Чувствовалась полная внутренняя собранность.

Итальянский футбол был мне хорошо знаком, но «Кальяри» я не знал вовсе и не имел о команде никаких данных: кого из сардинских нападающих следует нейтрализовать, какими слабыми сторонами игры соперников можно было бы воспользоваться. Рассуждал я так: состав у нас сложился, основа его — костяк 1968 года, каждый соответствует своему месту на поле. Правда, мы не были два месяца на настоящем поле… И только что из отпуска. А игроки «Кальяри» — в неплохой спортивной форме, уже разыгрались. И судья — местный, итальянский. Ладно, не так страшен черт…

Размышляя впоследствии над ходом этого матча, я пришел к выводу, что восторжествовал принцип известной поговорки: «Нет худа без добра». Мы испытывали некоторое чувство обиды на хозяев поля, оказавшихся не очень внимательными к гостям. А сознание того, что тренировки на грунтовом поле были неполноценны, мобилизовало футболистов. По внутреннему

накалу, по психологическому всплеску этот матч напоминал финал кубка, официальную встречу в рамках УЕФА. Не было ощущения, что это товарищеский матч. Исключительно динамичная игра, принципиальная, бескомпромиссная…

Конечно, в первые дни нового года рано было ждать тонкой техничности и предельной физической готовности. Главную роль сыграла сила духа. Вдохновение, творческий порыв сказали свое слово. Мы, тренеры, готовим команду, но каждый внутри команды индивидуально готовится (или не готовится) сам. На сей раз мои бело-голубые подготовились просто идеально.

Юрий Семин и Юрий Авруцкий забили по голу. Счет 2:0 справедливо отражал соотношение сил в этом поединке, хотя лидер итальянского футбола встречался с командой, занявшей пятое место в прошлом сезоне и с тех пор на Футбольное поле не выходившей.

На матче присутствовали представители Итальянской федерации футбола и команды «Палермо». Сразу же по окончании встречи они предложили нам провести еще одну, неплановую игру. Тогда как через считанные дни мы должны были быть в Чили и проводить в Сантьяго первый матч представительного международного турнира. Однако пылкие сицилийцы (Палермо, как известно, находится на острове Сицилия) упрашивали так горячо, что пришлось согласиться. Конечно, прежде надо было переговорить с футболистами и убедиться в том, что они не возражают против неплановой игры. Уже на следующий день мы играли в Палермо с местной командой. Это было 6 января. Казалось, мы так давно тренировались в теннисном манеже, а прошло всего три дня. Насколько уплотнили время… Замечу: семеро динамовцев, выступавших накануне в Кальяри, вновь вышли на поле.

Я нисколько не сомневался, что они не восстановили силы после вчерашней игры. Но они так жаждали и этой, сицилийской победы!

Первый тайм закончился не в нашу пользу — 0:1. Зато во втором здорово разыгрались и семеро выступавших накануне, и те свежие, которых мы выпустили на игру только в Палермо, и особенно Геннадий Еврюжихин, который и счет сквитал, и решающий мяч забил. Сицилийцы оценили самоотверженность динамовцев, горячо благодарили команду, хотя и проиграли ей. «Вы словно провели у нас показательный матч-семинар, — говорили они, — это как бы учебное занятие для наших футболистов, у вас есть что перенять».

7 января «Динамо» вылетело в Сантьяго. Турнир в Чили оказался для нас тем более интересным, что помимо сугубо

соревновательной практики познакомил нас с различными футбольными школами: с югославской, которая была представлена белградской «Црвеной звездой», с аргентинской — команда «Сан-Лоренцо» из города Альмагра, с чилийской — «Коло-Коло» и «Универсидад де Чили», с бразильской — «Коринтианс» из Сан-Паулу.

У команды «Сан-Лоренцо» мы выиграли со счетом 3:1 (два гола забил Г. Еврюжихин, гол — В. Аничкин), у «Универсидад де Чили» — 2:1 (Ю. Семин и В.Аничкин); с остальными сыграли вничью —1:1 во встречах с «Црвеной звездой» (В. Ларин) и «Коринтианс» (В. Маслов), 3:3 — с «Коло-Коло» (В. Козлов, В. Маслов и А. Суслов). Набрав семь очков, мы заняли в турнире второе место.

На обратном пути сделали две остановки. В Лиме, столице Перу, сыграли товарищеский матч с командой «Альянса» — 2:2. Перелетели в Каракас, столицу Венесуэлы, где также участвовали в скоротечном состязании четырех клубов. Мы сыграли с каракасской командой «Депортиво Италия» вничью — 0:0, следующую встречу, с бразильским клубом «Васко да Гама», выиграли — 2:0 (оба мяча забил опять-таки Г. Еврюжихин); и турнир, таким образом, был нами выигран, мы привезли в Москву приз — Карнавальный кубок.

Ради чего наши команды участвуют в подобных турнирах и турне? Ради полноценной подготовки к собственному чемпионату страны — в первую очередь. Климатические и погодные условия в родных стенах, к сожалению, не позволяют проводить нормально эту подготовку. Занятия в манежах, в спортивных залах, даже если покрытия не грунтовые, а искусственные, определенную пользу приносят, однако игру на травяном футбольном поле не заменяют. На Черноморском побережье Кавказа, где по традиции из года в год готовились к сезону динамовцы, как и другие команды мастеров, подготовку смазывает капризная погода: в предсезонный период там нередки затяжные дожди, иной раз со снегом. Бывает, что команда целую неделю не может выйти на футбольное поле: оно сплошь залито водой. Коэффициент полезного действия таких сборов низок. Чтобы не терять времени зря, приходится бегать кроссы, но кроссовая подготовка не совсем эквивалентна той, которая требуется для игры в футбол. К тому же, превосходно понимая, что кросс — занятие вынужденное, за неимением лучшего, футболисты участвуют в забегах без особого рвения. Так что выезд за рубеж — в иную климатическую зону, где есть с кем посоревноваться, помериться силами и можно проделать это на полях с добротным травяным покрытием, — во многом компенсирует недостатки предсезонной подготовки в

наших снежных северных краях.

Да, во многом. Но в то же время таит в себе и скрытую до поры до времени опасность.. Особенно если зарубежное турне затягивается, длится около месяца. Это выбивает футболистов из привычного ритма жизни, нередко создает иллюзии относительно потенциала собственной команды, излишнюю уверенность в своем мастерстве.

В конце восьмидесятых годов в разговоре с одним своим давним знакомым, возглавившим футбольную команду, я высказал мысль, что двухдекадная поездка за океан может обернуться для его футболистов провалами в первенстве СССР.

И действительно, результаты выступлений этого клуба оказались плачевны.

Так и мы, динамовцы, возвратившись во второй половине Февраля 1969 года § Москву и сразу же отправившись на Черноморское побережье, стали проигрывать контрольные матчи один за другим. Не осталось и следа от той слаженной, вдохновенной, почти блестящей команды, которая покоряла зрителей в Кальяри, Палермо и Каракасе. Все, что принесло победу в успешных матчах турне, напрочь исчезло. Мне пришлось обратиться к футболистам:

— Динамовцы, если вы сами не выведете себя Я состояния самоуверенности и самолюбования, положение к лучшему не изменится! Вы не растеряли умения играть в футбол. Техника, комбинационность, понимание тактики — все при вас. Но психологически вы подкошены — сначала своей излишней самоуверенностью, затем потерей веры в себя. Тренер может лишь убеждать, но, пока вы глухи к его доводам, всякое тренерское красноречие тщетно. Значит, только поражения, неудачи, оплеухи судьбы приведут вас в чувство и заставят играть так, как вы умеете!..

Далеко не сразу вняли футболисты этим призывам.

Чемпионат 1969 года разыгрывался по двухступенчатой системе, из десяти команд каждой подгруппы по семь выходило в финальную стадию розыгрыша. Мы угодили в одну подгруппу с чемпионами страны последних трех лет киевскими динамовцами. Стартовали мы просто безобразно, после первых пяти туров — лишь одно очко и последнее место… Правда, финишировали довольно мощно, показали завидную результативность и вышли на четвертое место. Но груз стартовых неудач, понятное дело, ощущался и на финише. Отразилось на результатах и отсутствие травмированных Козлова и Численко. Игорь Численко, например, так и не сумел вылечить травму и был вынужден завершить свои выступления за «Динамо».

Не играл у нас в сезоне 1969 года Вадим Иванов. Он перешел в «Спартак» и, судя по оценкам, которые давал ему в печати старший тренер спартаковцев Н. П. Симонян, во многом помог команде выиграть золотые медали. Еще в конце сезона 1968 года Вадим, сыграв 22 матча чемпионата в составе «Динамо», обратился ко мне с просьбой:

— Отпустите меня, Константин Иванович. Как-никак уже двадцать восемь, сидеть в запасе неохота. В другой команде я буду постоянно в основном составе. Отпустите без обид.

Мое правило: никого не удерживать силой. Если вижу, что футболист, стараясь перейти в другой клуб, совершает ошибку, пытаюсь его переубедить. Но аргументы Вадима Иванова были достаточно весомые: двадцать восемь лет, не всегда включался в основной состав, у нас на его месте успешно выступал Георгий Рябов. И я не стал препятствовать Вадиму.

Но не в его уходе из «Динамо» суть наших неудач, не от одного игрока они зависели.

Неисповедимы пути футбола. Как и в начале предыдущего сезона, мы начали подготовку к чемпионату страны 1970 года длительным турне по зарубежным странам. В середине февраля вылетели в Перт — столицу штата Западная Австралия. Прекрасный, надо сказать, город, тонко сочетающий архитектуру, стилизованную под эпоху Тюдоров, и более позднюю — викторианскую, с суперсовременными кубами и параллелепипедами из стекла и нержавеющей стали.

В окрестностях Перта мы с интересом рассматривали ствол 360-летнего эвкалипта, крупнейшего в Западной Австралии: длина 106 футов (32 метра), вес 110 тонн — эти данные приведены на металлической табличке. У обочины шоссе устроены гигантские цветочные часы: механизм скрыт в почве газона, стрелки замаскированы цветами, цифры тоже из цветов. Эти часы идут: в нашем присутствии часовая стрелка указывала на тюльпаны, высаженные цифрой XII, минутная — на георгины, образовавшие цифру IV. Тут же неподалеку, посреди шоссе — 200-летний колодец, вырытый первопоселенцами Австралии, бережно сохраняемый, обнесенный фигурной металлической оградкой; согласно примете в колодец полагается бросить монетку, с тем чтобы когда-нибудь к нему возвратиться.

Берега рек Кэннон и Суон, на которых стоит Перт, необычайно живописны. Это действительно зеленые холмы Австралии! Встречается то «огненное дерево» — с ярчайшими, словно пылающими цветами в кроне, то странное дерево-куст «блэк бой» («черный парень»), похожее на человеческую фигуру… На улицах — поразительная чистота, которую можно объяснить и

решительностью властей: бросишь окурок мимо урны — плати штраф в 200 австралийских долларов.

А неплохая оказалась сборная у штата Западная Австралия: мы сыграли с ней 3:3. У австралийских команд — типично английская футбольная школа, и в командах много выходцев из метрополии. Построено множество великолепных футбольных полей. Мы встречались только с командами штатов, да одну встречу провели со сборной столицы Австралии — города Канберры, выиграли со счетом 5:3.

Результат 3:3 сумела повторить в матче против нас еще только сборная штата Новый Южный Уэльс. С остальными тамошними соперниками мы «расправились» довольно легко: повторный матч у команды Западной Австралии выиграли 5:0, у сборной Севера штата Новый Южный Уэльс — 6:1, у сборной штата Южная Австралия — 3: 1, штата Виктория — 7:1; и повторный матч с упорной командой Нового Южного Уэльса мы все-таки выиграли — 2:1.

Принимали нас на Зеленом континенте с исключительным радушием, показали все самое интересное и в Канберре, и в Сиднее, Мельбурне, Аделаиде, Ньюкасле; даже предоставили прогулочный парусник для экскурсии в Индийском океане…

По пути на Родину задержались на несколько дней в Джакарте, обыграли молодежную сборную Индонезии 8:0, а национальную — 1:0.

В отличие от старта предыдущего сезона, в чемпионате страны 1970 года первые шесть матчей мы провели без поражений, притом не пропустив ни единого гола. Помогли, значит, беседы с футболистами о вреде самоуспокоенности, но, думаю, еще больше помогли себе ребята сами, реально оценив итоги австралийского турне, его цели и перипетии. После первых восьми туров чемпионате «Динамо» и ЦСКА вместе возглавляли таблицу турнира. Естественно, до конца было далеко и никому в голову не приходило, что финишировать наши две команды также будут вровень.

В сезоне-70 мы выиграли у киевских динамовцев оба матча, на своем и на их поле. С крупным счетом победили «Зарю», «Пахтакор», кутаисских торпедовцев и «Спартак» (Орджоникидзе). Разделили очки с ЦСКА и московским «Торпедо», три очка отняли у тбилисских динамовцев. Словом, одержали 19 побед при 7 ничьих, 6 поражениях и соотношении мячей 50:22. А у ЦСКА было 20 побед, 5 ничьих, 7 поражений и соотношение мячей 46:17. У нас и у армейцев набралось по 45 очков.

Согласно существовавшему тогда положению о чемпионате победитель должен был выявиться в результате дополнительного

матча. Получился своего рода финал первенства СССР. И финал этот мы, ведя по ходу повторного поединка в счете 3:1, проиграли 3:4 и снова смогли занять лишь второе место.

ПРЕВРАТНОСТИ СУДЬБЫ, или ЛЕГКО ЛИ ОСТАВАТЬСЯ СПОКОЙНЫМ…

— Хорошо помню тот сдвоенный финальный матч, Константин Иванович. Был тогда командирован в Ташкент редакцией «Недели» и, конечно, не мог его пропустить. До сих пор не в силах понять, что случилось тогда с вашими питомцами? Вели с разницей в два мяча и вдруг, как через дырявое решето, пропустили три гола подряд! Неужели армейцы после перерыва стали настолько неудержимы?

— Знаете, уже много лет прошло с того дня, а горечь, которую он мне оставил, испытываю до сей поры. Как объяснить происшедшее? Началось все с того, что заболели нападающий Юрий Семин, на которого я возлагал надежды (он в то время хорошо забивал), и очень надежный крайний защитник Владимир Штапов, вместо которого мне пришлось поставить новичка команды Николая Антоновича (и это был первый для него матч в сезоне!).

Игра (имею в виду повторный матч; первый закончился вничью — 0:0) складывалась для нас успешно: повели в счете — 3:1. В перерыве между таймами прихожу в динамовскую раздевалку, и вдруг ко мне обращаются сразу трое — Маслов, Еврюжихин и Аничкин: «Константин Иванович, давайте не будем производить замены».

В моей тренерской практике — первый случай, чтобы игроки подошли с такой просьбой. Мало ли кто из них может в данной встрече выглядеть слабее обычного, мало ли кого решат заменить более свежим игроком тренеры… Впрочем, в тот день и час мне, положа руку на сердце, и выпустить на замену было, в сущности, некого.

«И позвольте мне лично сыграть против Володи Федотова», — просит Маслов. А до этого против Владимира Федотова играл двадцатилетний инициативный и старательный Евгений Жуков, и претензий к нему у меня не было. Но, подумал я, Маслов тоже словно двужильный, к тому же гораздо опытнее Жукова; разрешаю поменяться. Затем обращаюсь к Еврюжихину: «Геннадий, если атака срывается, непременно возвращайся на свой фланг и там постарайся помешать атакующим действиям

Истомина. Его надо нейтрализовать, а сделать это сподручнее тебе. И надо развить успех I Прекрасно понимаю, что ребята устали, второй день сражаемся. Но ведь и армейцы устали. Ну, «еще немного, еще чуть-чуть, последний бой — он трудный самый», зато вы ведете в счете!»

Выходим из раздевалки: футболисты — на поле, я отправляюсь на скамью динамовского «штаба». Начинается второй тайм. Вижу, как говорится, невооруженным глазом: Володе Федотову просто-таки открыли «зеленую улицу», а по правому краю атаки армейцев систематически проходит далеко вперед Юрий Истомин, с которым также никто не противоборствует… Маслов не участвует ни в наших наступательных действиях, ни в оборонительных, движется вяло, как-то формально. Присутствует, и только. Что происходит, черт побери? И заменить-то некем!..

Если футбольная команда выходит на поле, считая себя командой в полном смысле слова, то она обязана играть как минимум разумно. Плохо или хорошо — это вопрос ее мастерства; но в перемещениях игроков по полю и их действиях с мячом непременно должна присутствовать элементарная логика. Целесообразность. Разум. Этот разум следует попытаться выразить языком футбола: передачами мяча партнерам, попытками сорвать атаки противника, проведением той или иной комбинации. Однако в последние 20 минут нашего повторного матча с ЦСКА элементарной логики в поступках некоторых динамовских футболистов не было и в помине.

Никто не ожидал подобной концовки ответственнейшей встречи. Динамовцы, среди которых не было ни явно травмированных, ни падавших от усталости, необъяснимо прекратили борьбу. На 71-й минуте получивший простор Владимир Федотов забивает нам гол. 2:3. Вновь и вновь Истомин и Федотов рвутся к нашим рубежам, и вскоре Владимира сбивают в штрафной площади «Динамо»; арбитр Тофик Бахрамов назначает одиннадцатиметровый. Владимир Поликарпов хладнокровно сквитывает счет. Опять мчатся в бой Федотов и Истомин. Почему никто не пытается встать у них на пути? Почему они проходят сквозь редуты динамовцев, как нож сквозь масло? Вот опять атака, Федотов посылает мяч в нижний угол наших ворот. Пильгуй не достает мяч. 84-я минута. Есть еще шесть минут, но я понимаю, что это — все…

Странное чувство испытывал я, наблюдая эту игру. Жесточайшие удары в самое мое сердце наносили мои ученики и воспитанники Владимир Федотов, Владимир Поликарпов, Альберт Шестернев, но мне не было от этого больно, не было и

обиды: они честно выполняли свою работу, они стремились к победе. И мои же питомцы и воспитанники — динамовцы одновременно с армейцами наносили мне жесточайшие удары своим бездействием, безынициативностью, необъяснимой инертностью.

Войдя в нашу раздевалку, я громко сказал: «Вы игру сознательно отдали!» И больше ничего говорить не мог. Вышел. Мне кажется, можно понять тренера, вкладывающего всего себя в работу, результат которой в одночасье смазывается странным поведением нескольких игроков. Что предпримешь, находясь на скамье у бровки поля, не имея права ни остановить игру, ни как-либо повлиять на ее ход, ни даже крикнуть что-либо своим футболистам?

Администратор команды «Пахтакор» после этого матча мне говорил, будто бы какие-то приезжие дельцы, московские картежники, забавы ради (но и ради прибыли) затеяли многотысячное пари со своими ташкентскими «коллегами»: кто победит в матче 6 декабря? Тем и другим было абсолютно все равно, кто именно победит. Они развлекались, попутно делая бизнес на футболе. Администратор сказал, что те, которые ставили на ЦСКА, проявили больше стараний.

Эту же версию услышал от другого жителя узбекской столицы Лев Яшин, который был ошеломлен концовкой финального матча не меньше моего.

У меня нет доказательств. Их ни у кого нет. Никого не могу и не стану обвинять. Вполне вероятно, что эта версия — сплетня, «утка», придумка ташкентских доброжелателей, пытавшихся нас таким образом утешить (хотя подобное «утешение» может довести до инфаркта). Поэтому предлагаю читателям, как стало модно говорить, информацию к размышлению.

Вполне боеспособная команда московского «Динамо» выиграла к этому моменту Кубок СССР в весьма упорной борьбе, одолев «Арарат», московское «Торпедо», киевское и тбилисское «Динамо». Завоевала призы: имени Григория Федотова (забив больше всех мячей в чемпионате 1970 года), Спорткомитета СССР — дублирующему составу, Федерации футбола СССР — за наибольшую сумму очков, набранную основным и дублирующим составами, «Агрессивному гостю» — за наибольшее число очков, добытых на полях соперников. Команда имела в своем активе в том сезоне победу над испанской «Барселоной» на ее поле в Барселоне со счетом 5:0 (25 августа). И вот эта боевая команда ведет со счетом 3:1 в решающем матче за золотые медали чемпионов страны. И вдруг, нарушая тренерскую установку и вопреки всякой соревновательной логике, группа ключевых

игроков прекращает и наступательные действия, и активное сопротивление и с легкостью необычайной пропускает один за другим три гола, на что уходит всего-навсего 14 минут.

Мне можно возразить: дескать, в футболе всякое случается. Знаю, случается. Приведу в пример матч ЦДКА — «Торпедо» в первом круге 1948 года. Автозаводцы ведут со счетом 2:1, звучит удар гонга, в то время возвещавший, что до конца игры остается пять минут. И пятерка нападения армейцев — Гринин, Николаев, Федотов, Бобров и Демин — бросается на штурм, яростный, беззаветный. И в ворота «Торпедо» забивают два мяча. Армейцы побеждают 3:2 и гордо уходят с поля.

Всякое случается в футболе. Но впервые именно перед этим таймом игроки попросили тренера не производить замены и разрешить перестановку на поле, на ключевых направлениях, после чего команда словно по сигналу разваливается как карточный домик, как детская игрушечная пирамидка. Поневоле вспомнишь слова песни о Ермаке: «И пала, грозная в боях, не обнажив мечей, дружина…»

Остаюсь при своем мнении. И в этом, кстати, я не одинок.

— Константин Иванович, пробую поставить себя на ваше место в те два декабрьских дня семидесятого года и прихожу к выводу: я отказался бы от дальнейшей работы с этой командой!

— Ну-ну, не так резво. Команда в целом очень неплохо провела весь сезон. Это раз. Без поражений ничья жизнь в спорте не обходится. Это два. Если даже допустить, так сказать, в порядке фантазии, будто кто-то из футболистов поддался на уговоры или уступил перед угрозами каких-то деляг, то, выходит, эти самые игроки прежде всего наказали себя: второго такого случая сделать «дубль» — выиграть первенство страны и Кубок — у них, как показала дальнейшая жизнь, больше не было.

Между прочим, Кубок СССР московские динамовцы выиграли у своих тбилисских одноклубников красиво. Счет был 2:1, но мог быть и больше.

33 года разделяли наш финальный матч на Кубок СССР с тбилисскими динамовцами в 1970 году и первую встречу наших же команд в борьбе за этот приз. За эти годы наши одноклубники из Тбилиси не раз выходили в финал Кубка, но им не удавалось его выиграть. Естественно, они жаждали победы именно в этом розыгрыше. Через несколько лет тбилисцам не только удалось овладеть заветным хрустальным трофеем, но и выиграть Кубок обладателей кубков Европы.

Глубоко уважаю тбилисских футболистов, с которыми меня сводила на поле судьба и с которыми мы поддерживаем самые

дружеские отношения. Мне был бесконечно симпатичен Борис Соломонович Пайчадзе. То же самое могу сказать о Гайозе Ивановиче Джеджелаве, которому Евгений Евтушенко посвятил блестящее стихотворение («…Мячи вколачивал Гайоз»). И другие наши партнеры, с той и другой стороны, были друг к другу искренне расположены. Я тренировал команды, в которых успешно играли Рамаз Урушадзе, Давид Кипиани, другие грузинские мастера. Каждый мой приезд в Тбилиси на матчи подтверждал наши взаимные симпатии.

В 1990 году меня пригласили консультировать команду тбилисского «Динамо» в период ее подготовки к очередному первенству СССР. С динамовцами Тбилиси я летал как консультант в ФРГ на контрольные матчи. Турне прошло нормально. Убежден, что ни один футболист тбилисского «Динамо» и ланчхутской «Гурии» да и других команд Грузии не имел отношения к отсечению грузинского футбола от чемпионатов СССР.

Почти уверен, что и футболисты вильнюсского «Жальгириса» отнюдь не стремились к изоляции от всесоюзного футбола, к которой привели их доморощенные политические «новаторы». Эти строки пишутся весной 1990 года; я не оракул, не могу предсказать, чем завершатся усилия тех, кто стремится отделить Литву от Советского Союза, но вред литовскому футболу, как и всему футболу нашей страны, эти люди уже нанесли.

Вернемся в 8 августа 1970 года. Тбилисцы сразу пошли в наступление, особенно активно атаковали с флангов. Московские динамовцы встретили их организованно, первый натиск отразили и старались контратаковать. На 17-й минуте Валерий Маслов исполнял штрафной удар. Мяч попал в защитника тбилисцев, отскочил к Владимиру Эштрекову, и тот немедленно пробил в нижний угол тбилисских ворот — 1:0. Еще один очень опасный удар Эштрекова перед самым перерывом самоотверженно отразил Рамаз Урушадзе.

Второй тайм начался новым напором грузинских мастеров. Но вот в контратаке Владимир Козлов выходит один на один с вратарем соперников… Козлова догоняет защитник, сбивает с ног! Однако судья В. Толчинский определяет, что защитник сыграл не в игрока, а в мяч.

На 62-й минуте опять Эштреков прорывается по правому флангу, отдает пас Козлову. Тот пытается пробить по воротам в падении через себя, но это у него не выходит. Все же Козлов удачно подрезает мяч, и Геннадий Еврюжихин, к которому мяч отскакивает, спокойно и точно «кладет» его в сетку. 2:0.

Через четыре минуты тбилисцы один гол отквитали.

Защитник Шота Хинчагашвили с линии штрафной площади послал мяч в верхний угол ворот Яшина. Лев несколько раз в этом матче брал или парировал очень трудные мячи, а тут не успел.

Было еще много голевых моментов. Отлично провел матч Козлов, был очень полезен и в атаке, и в обороне. На 80-й минуте Урушадзе сумел парировать его мощный удар. Счет 2:1 уже не изменился.

— Константин Иванович, скажите, в Барселоне вы в связи с чем оказались?

— Там проводился блицтурнир. 25 августа мы победили «Барселону» со счетом 5:0, два гола на счету Г. Еврюжихина, по одному забили В. Эштреков, В. Маслов, Ю. Семин. Вышли, таким образом, в финал и на следующий день проиграли 1:3 клубу «Дожа-Уйпешт» из Венгрии.

— Что полезного дает такой турнир?

— Ну хотя бы дополнительный опыт кубковой игры в течение двух дней подряд. В связи с этим проигрыш 6 декабря после ничьей 5 декабря отсутствием опыта не объяснишь… Календарные матчи сезона 1970 года закончились 5 ноября, и мы, чтобы иметь игровую практику до решающей встречи с ЦСКА, провели несколько тренировочных матчей за рубежом. 11 ноября во Франции, в Бордо, с местной командой «Жиронда» сыграли 1:1. Затем 14 ноября в Швейцарии, в Люцерне, с одноименным клубом — 3:0 в нашу пользу. Еще через день в Шотландии, в Глазго, с давнишними моими знакомцами — «Глазго рейнджере». Мы проиграли им со счетом 0:1, но этот матч, как позднее выяснилось, оказался чрезвычайно полезным для динамовцев. Далее, 18 ноября в английском городе Лестере с командой «Лестер сити» — тоже поражение, 0:2. Наконец 20 ноября в Западном Берлине с тамошней «Гертой» — 2:4.

Наши поражения в этом турне не должны были смущать или лишать игроков уверенности в себе. Все эти спарринг-партнеры — сильные команды, одни больше, другие меньше, но все хорошо известные в Европе. Это были представители футбольных школ, несколько отличающихся одна от другой. Такие матчи больше всего огорчают чиновников, которым важно написать в отчете: «Одержано столько-то побед». Между тем поражение с минимальным счетом, к примеру в Глазго, может быть в известном смысле куда полезнее, нежели победа со счетом 7:1 над сборной австралийского штата Виктория…

Несмотря на минорный аккорд сезона-70, в список 33 лучших

футболистов СССР были занесены семь московских динамовцев: В. Аничкин, В. Смирнов, В. Зыков, В. Маслов, В. Козлов, В. Эштреков и Г. Еврюжихин. И новый сезон мы начали без каких-либо следов минорного настроения, комплекса неполноценности. Опять в феврале-марте съездили в облюбованную для тренировочных встреч Австралию, устроили там разгром сборной штата Квинсленд —10:1, сборной штата Южная Австралия — 6:0, но с командой штата Новый Южный Уэльс наши взаимоотношения накалились: один матч выиграли со счетом 5:3, а другой проиграли — 1:2.

Что ж! То была крепкая профессиональная команда с игроками из серьезных английских клубов.

— В составе команды 1971 года появились или закрепились молодые игроки с несомненным будущим: Алексей Петрушин, Александр Маховиков, Андрей Якубик, Анатолий Байдачный, Анатолий Кожемякин. Восемнадцати-, девятнадцати- и двадцатилетние. И наряду с ними — опытный и титулованный Йожеф Сабо, заслуженный мастер спорта, уже на четвертом десятке лет…

— Конечно, приход Сабо в команду поначалу вызвал недоуменные вопросы. Пришлось объяснить, что в тот момент команде был очень нужен человек именно с таким опытом, с высоким уровнем футбольного образования, каким обладал Йожеф Сабо. К тому времени Сабо завершал свою футбольную карьеру в «Заре». Я направил к нему второго тренера Адамаса Голодца. Адамас по моему поручению спросил: «Йожеф, ты что, решил совсем расстаться с футболом?» Сабо ответил: «А что?» — «А не хочешь поиграть у нас, в московском «Динамо»? Но — с полной отдачей, так, как ты умеешь и можешь?» И Сабо охотно согласился.

Нельзя не признать: участие Йожефа Сабо заметно усилило действия нашей средней линии, а следовательно, и всей команды. Жаль, некоторые другие мастера слегка сдали в новом сезоне. Чуть больше половины матчей сыграл Валерий Маслов и завершил свои выступления за московское «Динамо». По окончании сезона покинули команду Штапов, Семин, Авруцкий. Но вот воспитанники групп подготовки дебютировали более чем удачно. Правда, кое-кого из них пришлось переквалифицировать. Например, Владимир Басалаев, игрок с опытом, придя к нам в «Динамо», стал выступать не в нападении, а в защите, приносить больше пользы в обороне, правда не разучился и голы забивать.

Я всегда старался помочь новому, еще не утвердившему себя игроку обрести свое подлинное игровое лицо, а с ним

уверенность и опыт. Бывает, видишь: не шибко справляется новичок команды со своими игровыми функциями. В атаке играет средне, забивает мало, а у него есть явные оборонительные достоинства: в отборе цепок, умеет подключаться к атакам, освоил игру из глубины поля. На новом месте его отдача возрастает, он проявляется в новом качестве и обретает завидное реноме.

В сезоне 1971 года мы стартовали бодро. 11 туров без поражений. Лишь в двенадцатом туре впервые за сезон проиграли — ленинградскому «Зениту», 0:1. Зато в следующем сезоне одержали победу над чемпионами страны, армейцами (1:0). От лидера, киевского «Динамо», отставали всего на два очка.

— Константин Иванович, передо мной справочник «Динамо» из серии «Библиотека футбольного болельщика». Там, где речь идет о сезоне 1971 года, авторитетные обозреватели Валерий Винокуров и Олег Кучеренко пишут:

«В этот период началась полоса обидных неудач: судейские ошибки следовали одна за другой, динамовцы лишались заслуженных очков. Даже на всесоюзном совещании тренеров и судей отмечалось, что грубые просчеты арбитров свели на нет труд коллектива динамовцев, сбили команду с ритма, отразилось это и на психологическом состоянии игроков…»

— Ну в принципе так. Тем не менее первый круг мы закончили все же на третьем месте. Оборона постепенно слабела. Смирнов после тяжелой операции совсем вынужден был расстаться с футболом, были травмированы Зыков и Долбоносов, многие матчи пропустили по собственной вине Аничкин и Маслов. И все-таки, вопреки обстоятельствам, мы все еще претендовали на место в тройке призеров. Лишь после поражения в Москве от тбилисских динамовцев (1:2) мы поняли, что практически надежд на медали у нас не остается.

В августе мы были приглашены на международный турнир в Испанию. Сыграли там со счетом 0:0 в основное время матча с известным бельгийским клубом «Стандард». Исход встречи решила серия одиннадцатиметровых, которую бельгийцы исполнили лучше нас (4:3 в их пользу). Нам досталось третье место, потому что в игре с хозяевами поля, командой «Атлетико» (Бильбао), счет в основное время был 2:2, а по пенальти динамовцы одержали верх — 7:6. То была своего рода репетиция перед началом наших выступлений в розыгрыше европейского Кубка кубков, в котором мы участвовали впервые.

15 сентября 1971 года, греческий город Пирей, одна

шестнадцатая финала… Наш соперник по жребию — «Олимпиакос». В разные годы эта команда возникала на международной арене, имела в активе и победы. К тому же в кубковых матчах нельзя сбрасывать со счетов никого. Внутренне собравшись на эту игру, динамовцы выиграли в Пирее со счетом 2:0. Оба гола забил вышедший на замену Владимир Козлов.

Через две недели «Олимпиакос» наносил ответный визит, как положено в европейских розыгрышах. Динамовцы опять едва не поплатились за свою самоуверенность. Опять посчитали: если уж на чужом поле повергаем соперника, то на своем возьмем его голыми руками… Два мяча забил нам «Олимпиакос». Спасибо многоопытному и хладнокровному Йожефу Сабо, сумевшему провести один мяч; этот его гол и вывел нас в следующий круг, в одну восьмую финала.

20 октября, турецкий город Эскешехир… Наш очередной противник — клуб «Эскешехирспор». Вновь гол, единственный в этой встрече, забивает Владимир Козлов. Через две недели, 3 ноября в Москве, он же, наш центрфорвард, повторяет свой успех. 1:0. Московское «Динамо» выходит в четвертьфинал.

Тем временем в чемпионате СССР мы вновь оказались на пятом месте. Для московского «Динамо», и здесь не могу не согласиться с критикой в прессе, это место чересчур скромное. Мы оказались бы повыше (отставали от третьего призера всего на пять очков), но не ладилось на финише. Не хочу ни на кого пенять; как говорили древние римляне, «моя вина».

Не могу не коснуться и события, которое завершило большой и очень значительный этап в жизни команды московского «Динамо». В мае 1971 года состоялся прощальный матч Льва Яшина, признанного лучшим вратарем мира. Сборная клубов «Динамо» играла со сборной звезд мирового футбола. Участие в этой игре молодых футболистов нашей команды было для них и очень почетным, и очень полезным. Лев Иванович Яшин, став начальником команды, которой посвятил всю свою жизнь, благотворно влиял на нашу молодежь, был для нее примером спортивной доблести и чести.

В дни, когда завершалась работа над рукописью этой книги, весной 1990 года, не стало Льва Ивановича. Я находился в госпитале после серии довольно сложных операций, и от меня врачи и медсестры старались скрыть печальную весть. Но не сумели. Смерть старого товарища нанесла мне удар в самое сердце. Я знал Льва Ивановича более 40 лет. Знал, как рыцаря футбола, справедливого и прямого, лишенного какой-либо претенциозности, чуждого позе и краснобайству, самоотверженного в игре, неустанного в работе, доброго и

простого в быту. Лев Львиное Сердце… Не могу вспомнить случая, чтобы он кривил душой, чтобы не был предельно честен в вопросах спорта и жизни. Да, Лев Яшин был достоин звания Героя Социалистического Труда, которым отметило его государство в последние дни его жизни.

— Мне врезался в память эпизод, связанный с характерным качеством Льва Ивановича. Это было на турнире юношеских команд — мемориале Гранаткина. Яшин сидел на трибуне Ленинградского спортивно-концертного комплекса, его окружали ветераны отечественного футбола, а также мы, представители прессы. Шел разговор о футболе с самых разных точек зрения. Лев Иванович сказал: «Обращается ко мне старый динамовец, известный спортсмен, носящий высокие спортивные титулы, и просит: «Взял бы ты, Лева, моего сына Сашу в «Динамо» вратарем, парень спит и видит себя в динамовских воротах». Я отвечаю: «Как же я его возьму, он не такого уровня голкипер, чтобы стоять в воротах московского «Динамо». А собеседник настаивает: «Твое слово веское, ты скажешь, и его возьмут и поставят, а там он вырастет в большого вратаря…» Ну как объяснить этому человеку, вроде бы опытному спортсмену, что так не делается, нельзя стать большим вратарем по блату, по протекции!..»

— И в этом весь Яшин. Честь превыше всего.

— Константин Иванович, в сезоне 1972 года восемь динамовцев Москвы выступали за сборную СССР (Еврюжихин, Байдачиый, Долматов, Пильгуй, Якубик, Кожемякин, Маховиков и даже «списанный» было из футбола Сабо). Ведущими игроками сборной на олимпийском турнире в Мюнхене стали Еврюжихин и все тот же Сабо (а ведь это вы вдохнули в него вторую молодость!). Команда «Динамо» играла в финале европейского Кубка кубков, проявила в этом матче упорство и мужество, едва не вырвала победу у сильных соперников. Почему же чемпионат СССР сложился для московских динамовцев так неудачно? Десятое место, лишь половина возможных очков, а соотношение мячей — 39:35 — едва-едва плюсовое…

— А знаете, всего за четыре тура до финиша чемпионата 1972 года мы еще претендовали на второе место, на серебряные медали! Однако в этих четырех турах команда «сломалась»: взяли только два очка из восьми. И, поскольку конкуренты наши не зевали, «Динамо» откатилось назад.

Присмотритесь к результатам конкретных матчей. Две победы над чемпионами страны 1971 года, серебряными призерами 1972-го киевскими динамовцами — 1:0 и 2:1. Три очка

отобрали у ЦСКА. При этом не могу не обратить внимание на то, что, отняв у нас первенство в 1970 году, армейцы в следующем, 1971-м, заняли двенадцатое место в чемпионате страны!.. Три очка отняли мы и у «Днепра». По одной встрече выиграли у московского «Торпедо» и минского «Динамо». Называю лишь те команды, которые заняли места выше, чем мы.

Пожалуй, действительно одним из лучших наших футболистов в этом нелучшем сезоне был неувядаемый Йожеф Сабо, отличавшийся самоотверженностью и созидательными действиями. Вот что значит поверить в возможности опытного игрока, пусть даже пересекшего 30-летний рубеж. Неплох был и Владимир Козлов, но из-за травмы он пропустил ровно половину матчей турнира, а в остальных пятнадцати играх сумел забить всего семь мячей. Лишь одиннадцать встреч чемпионата провел Анатолий Кожемякин, а забить ему удалось только один мяч.

Основу состава — молодых и не очень опытных футболистов — «трепали» турнирные бури, всплески и спады нашей коллективной игры. Неуравновешенность помешала им определить свою игровую манеру. Мало забивали форварды, сдала полузащита. Молодой Пильгуй, вратарь, безусловно, талантливый, лишившись присутствия за воротами Яшина, подрастеряло я. Его включали в список сборной, но в 1972 году его игра была, мы-то знаем, далека от высокого уровня. Не добавило уверенности в своих силах и мартовское расставание с Кубком СССР: в одной восьмой финала в Сочи московские армейцы забили нам безответный гол, а вторая игра с ними, в Ташкенте, несмотря на наши довольно острые атаки, закончилась вничью — 0:0.

Серьезным грузом на плечи молодых динамовцев лег розыгрыш Кубка кубков. Четвертьфинал проводился ранней весной 1972 года, 8 марта. В конце предыдущего сезона к нам перешли Михаил Гершкович из «Торпедо» и Олег Долматов из «Кайрата»; они быстро вписались в состав. Соперником нашим стал известный югославский клуб «Црвена звезда» (не так давно мы состязались с ним на чилийском поле, и была ничья, 1:1). «Восьмого марта, в Международный женский день, мы не имеем права не победить!» — смеялись динамовские «кавалеры». И в самом деле в этот день команда провела свой лучший матч в рамках этого европейского турнира. Все югославские и многие европейские газеты дали высокую оценку игре нашей команды, которая весь матч атаковала (хотя и упустила несколько хороших возможностей взять ворота). На последней минуте первого тайма Кожемякин открыл счет, на 88-й минуте югославы сравняли, но игра длится 90 минут. На последних секундах матча юркий,

вездесущий Гершкович забил решающий гол!

Ответный матч состоялся в Ташкенте 22 марта. Мы выступали почти тем же составом, что в Белграде, разве что захворал Сабо, его заменил Долбоносов (вообще-то я стараюсь выводить на следующую игру тот состав, который победил в предыдущей встрече). Была зафиксирована ничья, и мы вышли в полуфинал Кубка кубков. Впервые советская команда добралась до такого рубежа в европейских клубных турнирах. А первопроходцам, как известно, всегда труднее.

Апрель 1972 года ознаменовался для нас парой труднейших поединков с берлинскими одноклубниками. По жребию первую из этих игр мы проводили в гостях, в Берлине.

Начали удачно. Еврюжихин открыл счет. Довольно долго этот результат удерживался, не было как будто предпосылок к тому, что берлинцы сквитают счет. И вдруг за несколько минут до финального свистка наш центральный нападающий Кожемякин прибежал в свою штрафную площадь помочь обороне и совершенно машинально, неожиданно для себя самого и для всех окружающих, в том числе и для футболистов берлинского «Динамо», взял мяч в руки… Необъяснимо! Мы пытались выяснить, почему он так сделал, но Анатолий ничего не мог сказать. С одиннадцатиметрового динамовцы Берлина сравняли счет. 1:1.

Ответный матч продолжался 120 минут и завершился с тем же счетом 1:1 (наш гол забил Еврюжихин). Согласно положению об этом розыгрыше финалисты Кубка определялись с помощью серии пенальти. Первыми были московские динамовцы. У них не было ни промахов, ни попаданий в штангу, все мячи ложились в сетку ворот. А футболисты из ГДР почему-то нервничали и сумели реализовать лишь один удар из доставшихся им трех. При счете 4:1 в нашу пользу все завершилось. Мы вышли в финал европейского Кубка обладателей кубков.

24 мая 1972 года. Барселона. Знакомая средиземноморская, солнечная, зеленая столица Каталонии, где мы знавали и победы с крупным счетом. И противник был более или менее знакомым — шотландский «Глазго рейнджерс». Правда, не все игравшие в тот день за «Динамо», особенно молодые, раньше встречались с «Рейнджере».

Шотландцы были более чем уверены в себе. На трибунах бушевали тысячи их приверженцев, прибывших специально на эту игру. Под натиском шотландских футболистов динамовцы прижались к своим воротам и тем самым отдали инициативу. Не только защитники, но и Якубик с Сабо, и Маховиков с Байдачным, и Еврюжихин отошли назад в надежде перехватить мяч и

наладить атаку.

Стихийный порыв «все на защиту своих ворот», в сущности, обезоружил москвичей. Лучшая оборона — нападение. В начале второго тайма счет был уже 0:3. В воздухе пахло разгромом.

Вновь вспоминаю матч московского «Спартака» с западногерманским «Вердером» в Бремене. Там при счете 0:3 все было кончено для спартаковцев, они неубедительно контратаковали и плохо оборонялись. Они пали духом с той же легкостью, с какой до начала встречи мысленно праздновали выход в следующий тур соревнований.

Видя, что игра в таком варианте не клеится, я вместо Долбоносова выпустил форварда Гершковича, вместо Якубика — также форварда, Эштрекова. Четверо нападающих, поддерживаемые полузащитой и то одним, то другим игроком обороны, пошли на штурм ворот «Глазго рейнджере». Ничего похожего на отчаяние — сознательный, последовательный, стремительный штурм. Вот и результат: Володя Эштреков отквитывает один мяч. Атаки продолжаются, Саша Маховиков забивает второй гол. Динамовцы полностью доминируют на поле. В боксе это называется «явным преимуществом». Гол, как говорится, назревает. Он буквально навис над воротами «Рейнджере»…

Оставалось три минуты до финального свистка, который мог стать не финальным, а лишь возвестить о конце второго тайма. Добавочное время, и тогда… Динамовцы пошли в очередную атаку. 180 секунд — это очень много, когда игра, что называется, идет!

И тут произошел беспрецедентный случай.

На поле с трибун ринулись тысячи шотландских болельщиков. Эта публика «славится» на весь футбольный мир экстравагантностью поведения на матчах: накачивается знаменитым шотландским виски и устраивает потасовки. Не дождавшись финального свистка судьи, шотландцы бросились поздравлять своих игроков с еще не совсем одержанном победой. Распорядителям, полицейским и работникам стадиона с большим трудом удалось выдворить многотысячную компанию шотландских болельщиков с поля обратно на трибуны.

Получив такой подарок, незапланированный тайм-аут, футболисты «Глазго рейнджерс» успели опомниться, прийти в себя и спокойно доиграть матч. Наступательный порыв динамовских атак был сбит, наши футболисты, ошеломленные непредсказуемым вмешательством толпы болельщиков, не могли плодотворно использовать оставшиеся три минуты. Время истекло. Счет остался 2:3. «Глазго рейнджерс» победил.

Руководство «Динамо» опротестовало результат матча, концовка которого была сорвана вторжением публики. Дисциплинарная комиссия УЕФА рассмотрела протест и приняла странное решение. Комиссия дисквалифицировала клуб «Глазго рейнджере» (следовательно, признала, что вина в случившемся — на шотландской стороне). Но при этом Кубок кубков был оставлен футболистам из Глазго, а динамовский протест и требование переигровки — отклонены.

Вскоре мы узнали, что министерство иностранных дел Испании заявило официальный протест МИДу Великобритании. Инцидент нанес ущерб барселонскому стадиону на сумму 2 миллиона песет, было полторы сотни раненых.

«Эти хулиганы опозорили наш город и всю Шотландию», — заявил со страниц газеты «Гардиан» лорд-мэр Глазго Джон Мэйне.

Серебряные медали европейского розыгрыша для клубных команд, впервые завоеванные советским клубом, — неплохая награда. Но команда, которая была близка к более значительному успеху, полученным наградам не радовалась. Настроение у нас было испорчено несправедливым, по сей день убежден, решением Европейской футбольной федерации. Матч не был доигран в нормальных условиях, был прерван вмешательством извне, причем не стихийным бедствием, одинаково неприятным обеим командам, а разнузданностью болельщиков одной из них, которой и отдан международный приз.

И конечно же наше злополучное, злосчастное выступление в финале европейского кубка восприняли в Москве как провал! Забыли, что это первый выход советской клубной команды в финал европейского клубного турнира, что счет 2:3 и обстоятельства матча подтверждают право «Динамо» считать себя не хуже «Глазго рейнджере». Принцип «побежденных судят» вновь восторжествовал. Московские динамовцы, достойно прошедшие нелегкий международный экзамен, рассматривались как неумехи, которым далеко до европейских образцов.

Занятое нами десятое место в чемпионате страны тем более выглядело как продолжение провала в течение всего сезона. Все хорошее, что было до этого, как-то отошло в тень. Главный сиюминутный мотив был: как вы дошли до жизни такой? Тут чиновников хлебом не корми, дай «разобраться», расследовать, «сделать выводы».

Честно говоря, я очень устал к тому моменту. Шесть лет у руля «Динамо», шесть лет, в течение которых дважды были завоеваны серебряные медали и дважды — Кубок СССР… Все перипетии, переживания, оставившая неприятный осадок история матча с ЦСКА в 1970 году, решение УЕФА с отказом в

переигровке, периодически безразличная игра некоторых футболистов «Динамо» — все это легло тяжким грузом на душу. Я попросил отставку.

Руководители центрального совета «Динамо» пошли мне навстречу. Была предложена работа в российском совете общества. Так я сделался тренером, курировавшим динамовские команды Российской федерации.

Что означает быть таким тренером? Это многочисленные поездки, консультации тренеров на местах, периодические проверки того, как справляется со своими задачами новый наставник той или иной команды, как живет и чувствует себя местная динамовская команда. Конечно, это и кабинетная работа: время от времени местные тренеры появляются в Москве. Как тут не зайти к непосредственному куратору, не посоветоваться, не поделиться чем-то оптимистичным, не посетовать на свои тяготы, заодно и отчитаться… Вроде бы хлопотное дело мне досталось. Но то была совсем иная работа. И я постепенно успокоился.

Все шло вроде бы неплохо, однако исподволь все чаще возникала мысль о команде… Сначала — не о конкретной, о команде вообще. Затем все четче — о «своей». О команде моей мечты. Минул лишь год кабинетной работы, а меня уже вовсю тянуло тренировать.

В 1974 году футбольные руководители предложили мне возглавить сборную команду, перед которой ставилась определенная, локальная задача: выиграть отборочный цикл олимпийского турнира, расчистить национальной сборной страны, занятой в то время другими футбольными заботами, дорогу в финальную часть XXI Олимпийских игр в Монреале. Я принял предложение.

— Как раз к этому моменту относится ваш диалог с драматургом Леонидом Зориным, опубликованный тогда на страницах еженедельника «Неделя». Вот этот диалог с незначительными сокращениями. Думается, что он будет интересен и сегодня, хотя, конечно, сейчас другие времена и другие герои.

ВОПРОСЫ ЗАДАЕТ ДРАМАТУРГ

Зорин. Дорогой друг, мы знакомы так много лот, переговорили уже как будто обо псом на спота и, может показаться, исчерпали футбольные сюжеты. Но, как видно, футбол неиссякаем, к нему хочется снова и снова возвращаться. Напомню тебе ту, десятилетней давности, пору, когда ты, впервые встав у руля сборной, провел ее больше чем сквозь тридцать матчей без поражений, а после единственного проигрыша а финале Кубка Европы в Мадриде 1:2 тебя, употребим такой жаргонизм, «ушли». Как прожил ты эти десять лет, что изменилось в тебе, в футболе?

Бесков. Буду откровенен, десяти лет не вернуть, и это горько. Тогда, в шестьдесят четвертом, у меня было ощущение, что сборная созревает. Ясное ощущение! И что в шестьдесят шестом я повезу на чемпионат мира в Англию команду, способную претендовать на одно из самых высоких мест. До сей поры жаль, что не дали довести замысел до итога… Изменился ли я за эти годы? Должно быть, в чем-то изменился. Но мои взгляды на содержание и назначение футбола, на организацию этого дела не изменились.

Не потому, что говорю сейчас с драматургом, а потому, что таково мое глубокое убеждение, — я всегда рассматривал футбол как подлинное искусство. Хорошо уясняю себе роль спортивного начала (как-никак и двадцать лет на поле и двадцать в тренерах), но у зрелищного футбола есть и свои особые законы, и среди них не на последнем месте эстетические. И они так же не противоречат, а, наоборот, так же естественно сочетаются с законами спортивной борьбы, как самый бурный конфликт в твоей пьесе сочетается с изяществом его исполнения.

Для меня каждый матч — подлинное драматическое произведение с самостоятельным сюжетом, и разыграть его должны умелые исполнители. Такие исполнители — залог успеха. Ты, например, не случайно тяготеешь сейчас к Театру имени Вахтангова, там — «твои» актеры. В решающий момент и я и ты уходим в ложу, а спектакль без нас разыгрывают исполнители…

— Каковы же твои впечатления от первых встреч с игроками твоей нынешней сборной? Есть среди них исполнители высокого класса?

— Похоже, что есть. Теперь дело за тем, чтобы создать

команду. Талант в футболе вне взаимодействия с партнерами реализует себя в лучшем случае на 60-70 процентов. Точно так же рядом с большой индивидуальностью расцветают партнеры, усиливаются, совершенствуются. Взаимосвязь полная.

— Мысленно ты как-то разделяешь свои и клубных тренеров задачи в отношении к игрокам, привлекаемым в сборную?

— У клубных тренеров широкое поле деятельности. В клубе решаются вопросы физической подготовки, повышения технического мастерства, закладываются основы тактики и прививаются бойцовские качества. А мое дело — организация игры, создание команды. У команды непременно должна быть руководящая идея.

— Наверное, на твои плечи ложится и проблема селекции?

— Естественно. И проблема эта намного шире, чем может показаться на первый взгляд. Условия селекции определяются тем образом сборной, который возник у тренера. Ибо организация игры невозможна без учета способностей игроков, приглашенных в сборную, равно как и без учета характерных свойств определенного соперника. Я бы сказал, проблема селекции не столько в том, чтобы выбрать игрока, но главным образом в том, чтобы выбрать для него место, исходя из его дарований и возможностей.

— А каковы твои взаимоотношения с клубными тренерами?

— Деловые. Не могу представить, чтобы нашелся хоть один тренер, который не был бы заинтересован в успехе национальной сборной. Я вообще намерен строить свою работу в тесном контакте с тренерами клубных команд, привлекать их к учебному процессу. Среди них немало людей остро мыслящих, истинно творческих.

— Ты согласен с тем, что игроки сборной должны основное время проводить в своих клубах?

— Согласен в том смысле, что их нельзя изымать из горячей атмосферы турнирной борьбы. Было время, когда они должны были полностью переселяться в сборную, а потом по возвращении в клуб с трудом вписывались в игру своей команды. Разумеется, именно в нелегких буднях первенства страны футболист обретает прочную закалку.

Но я против шараханья из стороны в сторону. Во всем нужна разумная мера. Получить игрока на два-три дня в месяц — не слишком большая удача для тренера сборной. Чтобы стать

полноценным членом команды, футболист должен проводить в ней от недели до декады в месяц.

Понимаю, для тренера клуба это не слишком приятное условие. Но надо быть реалистами: иначе сборную как коллектив единомышленников не создать. Сегодняшний футбол требует (использую близкую тебе терминологию) большего числа репетиций.

В чем, так сказать, основа современного этапа развития футбола? То, что было достоянием звезд, становится достоянием целых команд. Сейчас необходима идеальная отработка игры звеньев. Я задумывался над этим, еще когда тренировал «Торпедо». Мы старательно и последовательно наигрывали звено Иванов — Стрельцов. И уже тогда я много думал о взаимозаменяемости. И в ЦСКА, и позднее в «Заре», которые мне тоже довелось тренировать, полузащитники неожиданно для противника шли в атаку, их действия то и дело оказывались более эффективными, чем действия нападающих. Ныне смена мест, внезапность атаки, знание маневра партнеров в первую очередь входят в арсенал средств классной команды и классного футболиста.

— Следовательно, ты сторонник универсализации игроков?

— Смена мест предполагает способность, умение полноценно сыграть на новом месте. Нападающий защитник вызывает к жизни нападающего, который может надежно сыграть в обороне. Я — за универсализацию, поскольку она обеспечивает наиболее эффективные действия и в атаке, и в защите. И еще потому, что она отражает объективный процесс развития футбола. В частности, полагаю, мы вступаем сейчас, в первой половине семидесятых годов, в пору универсализации не только игроков, но и систем.

Было время, когда каждая новая система начисто отметала предшествовавшую. До войны играли «пять в линию», после игр с басками взяли на вооружение систему «дубль-ве», после триумфа бразильцев в 1958 году настало время системы 4 + 2 + 4, затем, после некоторого ее усовершенствования, — 4 + 3 + 3. Но мне давно приходит в голову, что любая форма, если она застыла, вредно влияет на содержание…

Говорят, новое — это хорошо забытое старое. Так вот, тренер, кроме всего прочего, обязан обладать цепкой памятью. Поэтому еще в шестьдесят третьем году в борьбе со сборной Италии, которая переживала тогда свою очередную звездную пору, завоевав Межконтинентальный кубок, мы долгий период матча играли по системе «дубль-ве», а затем стали атаковать семью

игроками. И выиграли — 2:0. В этом матче проявились своего рода побеги, ростки нынешнего подхода к игре, который я назвал бы антидогматическим.

— Ты дал как-то определение, которое мне очень понравилось своей простотой и прозрачностью: «Искусство игры в футбол — это искусство игры в штрафной площади».

— Но это же очевидно! Цель футбола — взятие ворот. Оно возможно лишь при максимальном движении на минимальном пространстве, которым является штрафная площадь. Где требуются техническое и тактическое мастерство, индивидуальное и коллективное.

— В связи с этим тактика навала бесплодна?

— А ты разбираешься в тонкостях… Совершенно бесплодна, поскольку навал — лишь имитация движения. В основе навала, как ни парадоксально прозвучит, заключена статика. Игроки скапливаются вблизи ворот и ждут, когда к ним придет мяч. Ничего хорошего из этого, как правило, не получается, особенно в наши дни, когда борьба идет за каждую пядь поля и только игра на опережение может дать результат. А игра на опережение подразумевает скоростное движение при техническом… ну если не совершенстве, то высоком умении.

— В этом свете мне кажутся неоправданными параллели между сегодняшними мастерами футбола и прославленными игроками былых времен.

— Такие параллели действительно неправомерны. Совсем иные скорости, иное пространство, резкое сокращение площади для работы с мячом. Профессионалы наших дней играют в тотальный футбол. А так как на международной арене мы встречаемся с подлинными профессионалами, я должен требовать от своих ребят профессионального отношения к делу…

И еще о тактике навала. Передачи при навале, как правило, безадресны, мяч направляется в штрафную площадь в надежде на некую неопределенную удачу: то ли соперник ошибется, то ли кто-то из своих вдруг возьмет да и окажется на ударной голевой позиции. Отбить мяч можно в любую сторону, усложняя этим задачу атакующих.

— Сейчас усиливается, как принято говорить, поток информации. Его надо систематизировать, классифицировать. Помещения необходимы и для специальной библиотеки, картотеки, различных досье. Помню, зашел я однажды к тебе в управление

футбола и долго блуждал, пытаясь найти. Оказалось, у тебя даже нет своего постоянного места!..

— Что делать. Терпение — едва ли не самое важное качество, необходимое тренеру. Конечно, теоретические занятия (а без них практику с места не сдвинешь) требуют соответствующих условий, сосредоточенности, рабочей обстановки. Современному мировому футболу свойствен научный подход. Да, необходимы нам новейшая аппаратура, научно разработанная система оценки скорости футболистов, система тестов и многое тому подобное.

— Научный подход, насколько я понимаю, отнюдь не приходит в противоречие с твоей основной концепцией футбола как искусства?

— Высокая виртуозность, тонкая импровизация возможны лишь на основе глубоко постигнутых законов мастерства, а законы мастерства — это уже наука. Разве ты в своем творчестве руководствуешься одной интуицией? В основе искусства — все те же обобщения, возникающие, оформляющиеся в результате поисков и открытий истинно творческих людей.

— Каковы шансы на успех в отборочных играх Олимпиады?

— Если бы я не верил в успех, я не принял бы на себя нынешние обязанности. Нужно только ясно видеть перспективу. Поэтому наряду с опытными игроками мы привлекаем молодых, совсем молодых. Тут уместно заметить, что детский футбол — единственная основа будущих побед; чем раньше начинается обучение, тем оно плодотворнее. Пловцы и гимнасты уже давно это поняли.

— Ты отдал футболу четыре десятилетия — целая жизнь, как подумаешь…

— Да, почти вся жизнь. Самое обидное — в том, что твоя работа уходит вместе с тобой. Много общего в наших с тобой профессиях, но, увы, есть и отличие. Вот у меня в руках сборник твоих пьес: их всегда можно перечесть. А матчи, которые я провел или запрограммировал, не повторишь, не переиграешь. Видеотехника может сохранить лишь некоторые. Но сколько? И кому они понадобятся, допустим, через двадцать лет?

— Давай лучше думать о том, что, пока мы трудимся и делаем свое дело, надо

делать его как можно лучше. Желаю тебе побед и побед на футбольных полях!

— А я тебе — на сценах и на экранах.

О ГАРМОНИИ В ИГРЕ, или КОГО ПРИГЛАШАТЬ В СБОРНУЮ

Да, такой получился у нас с драматургом Леонидом Зориным разговор: с лирикой, сантиментами, ретроспекцией. Правда, в глубинные проблемы футбола мы не проникли. Поэтому представляется логичным познакомить читателя с моими ответами на вопросы журналистов, заданные примерно в те же дни. В этих ответах — мое отношение к футболу, то, что высокопарно зовется «кредо».

— Как считаете, Константин Иванович, не увеличился ли разрыв в мастерстве между нашими и иностранными ведущими командами?

— Если и не увеличился, то, во всяком случае, не сократился. И наблюдаем мы это из года в год. Даже киевское «Динамо» не добивается значительных результатов в розыгрыше Кубка европейских чемпионов. Неудачи киевлян казались нам случайными; но и другие клубы далеко в европейских турнирах пробиться не могли. Говорю именно о Кубке чемпионов, так как в этом турнире выступают сильнейшие команды стран, большинство игроков которых составляют костяк национальных сборных. Уровень нашей подготовки ниже, чем уровень подготовки лучших команд Европы и Латинской Америки. Есть и у нас футболисты, приближающиеся по масштабам своего мастерства к международному уровню. Кажется, им остается сделать всего шаг, чтобы стать мировыми звездами, но сделать этот шаг, преодолеть невидимый барьер пока мало кому удается.

Физическая подготовка у нас налажена, по крайней мере, отставания в ней не замечаешь. Не поймите меня так, что можно на этом успокоиться и перейти к решению других вопросов. Об атлетизме забывать никогда не следует. Но объективности ради надо признать, что формы и методы атлетической подготовки у нас найдены, им надо следовать, совершенствовать их и не искать от добра добро.

К сожалению, учебно-тренировочный процесс в клубах протекает, по всей вероятности, таким образом, что средства и методы работы направлены больше не на развитие игрового мышления и совершенствование исполнения конкретных технических приемов, а на отработку разрозненных игровых

действий. Получается так, что большинство технических и тактических приемов и действий, например обработка мяча, ведение его, передачи, удары по воротам, отрабатываются в отрыве от решения тактических задач. А процесс этот должен быть актуален, должен обеспечивать взаимосвязь между упражнениями и игровыми действиями. У нас применяется огромное количество упражнений, они разнообразны. Но как их использовать, в какой последовательности, чтобы добиться взаимосвязи техники и тактики, связи тренировки и игры, умелого применения освоенных технико-тактических приемов в матчах?

Лучшие команды мира превосходят нас прежде всего в организации игры. Наблюдаем у них индивидуальные конкретные действия каждого игрока, подчиненные общекомандной задаче. Индивидуальное мастерство в этих командах растет; становится все больше звезд, но эти звезды менее, что ли, заметны. Раньше результаты выступлений даже лучших команд мира зависели от настроения и состояния спортивной формы того или иного выдающегося мастера; сейчас командные результаты куда меньше от этого зависят.

Возьмем такой пример. Игрок одной из сильнейших команд мира способен выполнить сложное действие, необходимое в данной игровой ситуации. Он смело идет на выполнение этого приема, но по какой-то причине теряет мяч. И что же? Ни сам он, ни его партнеры не видят в этом ничего страшного. В следующий раз в аналогичной ситуации тот же игрок снова пойдет на выполнение именно этого индивидуального действия.

Или такой аспект. В середине поля мы сейчас даже у бразильцев, не говоря уже об англичанах или немцах, не видим обводку ради обводки. Проявляется рационализм в самом позитивном смысле этого слова, и связан он с высокой игровой дисциплиной. Многие наши футболисты тоже неплохо владеют обводкой. Но подчас не знают, стоит ли ее применить. Все матчи они проводят с полной отдачей сил, на высоком психологическом настрое. Ошибается тот, кто считает, будто этого можно добиться непосредственной нравоучительной «накачкой» перед самым матчем. Нет, чтобы так выступать, необходимо эти качества, это состояние обретать на тренировках, иначе говоря, проводить тренировочные занятия и матчи на высшем уровне напряженности. Если игрок не подготовлен к тому, чтобы всецело себя отдать игре, он не сумеет сделать это вдруг — даже в финале чемпионата мира, где нет необходимости кого-либо настраивать, «накачивать». Не хочу сказать, будто в таком усиленном режиме нужно проводить буквально все тренировки, но в плане

подготовки к ответственным соревнованиям их предусматривать просто необходимо.

Видели по телевидению матч софийского клуба и мюнхенской «Баварии»? Необычной показалась игра центрфорварда «Баварии» Герда Мюллера: он порой выполнял совершенно не свойственные ему оборонительные обязанности. Но как умело выполнял, с какой дисциплинированностью и самоотдачей!.. А вспомним, как вел себя в матчах чемпионата мира, при срыве атак его команды, Пеле, этот выдающийся конструктор игры и бомбардир. Он мгновенно переключался на оборонительные действия, выполнял их самоотверженно, стремясь принести команде максимальную пользу. Не напрасно же бытует изречение: оборона своих ворот начинается в штрафной площади соперников.

Безусловно, вовсе не должны все форварды, потеряв мяч, стремглав мчаться к собственным воротам. Но они обязаны в каждом эпизоде вести за мяч не формальную, а действительную борьбу.

В наших внутренних чемпионатах ведущие футболисты выделяются, но при этом большинство из них не играет стабильно, всегда на высоком уровне. Между тем они обязаны оценивать собственную игру не по уровню наших внутренних матчей, а неизменно сравнивать ее с уровнем международных встреч. Сознание футболистов требует перестройки. Они должны не довольствоваться тем, чем уже владеют, а стремиться к тому, чтобы стать в один ряд со звездами мирового футбола, как добились этого Яшин, Иванов, Стрельцов, Воронин, Шестернев, Метревели и другие советские футболисты, которые очень высоко котировались на международном уровне, приглашались в сборные Европы и мира, входили в состав различных символических команд по итогам года или десятилетия.

Вне борьбы, в спокойной обстановке, многие наши футболисты не уступят лучшим зарубежным мастерам в выполнении отдельных технических приемов. Но техника у них хромает при выполнении сложных тактических действий. Когда идет борьба на поле, в более или менее сложной обстановке, тактические замыслы срываются из-за ошибок в технике. Разница между большим мастером и, скажем так, немастером: мастер свои замыслы осуществляет.

В середине поля все идет нормально, а в районе штрафной площади, где в плотной борьбе особенно ценно индивидуальное мастерство, проявляются погрешности в технике.

Подготовка футболистов проходит главным образом в их клубах. С точки зрения тренера сборной, игрок должен получить

в клубе 80 процентов физической подготовки, 70 процентов технической, 20-30 — тактической. Работа в сборной поможет футболисту довести все эти показатели до 100 процентов. Так можно ли ликвидировать техническое отставание, находясь в рядах сборной? Я считаю, можно. Но только в том случае, если процесс тренировок в клубе и в сборной станет как бы единым. Индивидуальный план этого игрока следует разделить на две части: за выполнением первой обязан проследить тренер клуба, за выполнением второй — тренер сборной. Кроме того, у этого игрока в сборной иные партнеры, нежели в клубе. Они должны быть подобраны таким образом, чтобы способствовать раскрытию лучших качеств друг друга, дополнять друг друга, и тогда в комбинации появится больше четкости, станет меньше ошибок при выполнении технических действий, а это и есть высокое техническое мастерство.

Какие сборы нужны перед матчами национальной команды на высшем уровне — краткосрочные или длительные? Об этом меня часто спрашивают, а однозначного ответа нет. Все зависит от степени готовности команды. Если у нее уже сложилась игра, если она выступает несколько лет примерно в одном и том же составе, налажены взаимосвязи, если игра сборной клеится, получается, — длительные совместные занятия не нужны. Но если всего этого нет, без продолжительных совместных тренировок не обойтись.

Наука и практика показывают: чтобы освоить и довести до высокого уровня тактико-технические действия, чтобы а выполнении тех или иных приемов выработался стереотип, автоматизм, нужны стройная осмысленная система работы и последовательность в выполнении учебных задач.

Оптимальные сроки совместных тренировок и промежутков между ними, между встречами игроков сборных друг с другом еще предстоит определить. Главное, чего нам надо добиваться: чтобы в каждых последующих занятиях начинать не с нуля, а с той точки, на которой в прошлый раз остановились. Продолжать. И длительность занятий нужна такая, чтобы закрепить намеченное, найденное. Интервал между этими сборами, проводимый игроками в своих клубах, лучше не делить особенно длительным, чтобы они не отвыкали от партнеров по сборной, не теряли навыков совместной с ними игры, достигнутой сыгранности.

В начале подготовительного процесса, когда приступают к своей учебно-тренировочной работе клубы, игроки сборной также должны собраться, чтобы заложить основу для проведения в дальнейшем эффективных совместных тренировок в течение года.

— В связи с этим какой метод комплектования сборной кажется вам предпочтительнее — базовая команда, блочный (по связкам и звеньям) или «лучшие игроки страны на каждом месте»? И не целесообразнее ли привлекать в сборную тех, кто в данный момент лучше играет в чемпионате страны?

— Опять же все зависит от конкретных обстоятельств, от того, как укомплектованы клубы. В 1954-1956 годах базовой командой стал московский «Спартак», восемь его футболистов оказались в основном составе сборной. Но тогда же в линию нападения была привлечена связка Иванов — Стрельцов. Если на месте правого инсайда выступал не торпедовец Валентин Иванов, а спартаковец Анатолий Исаев, то в центр атаки порой ставился спартаковец Николай Паршин, хотя он и уступал в мастерстве другим центрфорвардам той сборной. Следовательно, применялись одновременно базовый и блочный принципы. Но надо учитывать, что в любых вариантах использование базовой команды создает труднопреодолимые сложности внутреннего календаря. А значит, следует по возможности сочетать все способы комплектования национальной команды; при этом блочный (дабы не ломать календарь чемпионата страны, не нарушать учебно-тренировочный процесс в клубах) представляется мне наиболее перспективным. Но для его воплощения требуются соответствующие звенья и линии, а они не всегда имеются.

Выбирать тех, кто в конкретный момент хорошо играет за свой клуб? Если этот футболист еще не привлекался в сборную, нужно быть осмотрительным, торопиться тут нельзя. У нас ведь как бывало: забьет парень три гола в двух последних матчах и его немедленно приглашают в сборную. Это в большинстве случаев себя не оправдывает. На того, кто лучше играет в чемпионате в определенный момент, нужно, безусловно, обратить внимание. Но при этом оценивать не состояние его спортивной формы и не его удачливость в том или ином матче, а потенциальные его возможности как классного игрока. И то, способен ли он вписаться в уже существующий состав сборной команды.

— А подбирать игроков лучше под сложившуюся в сознании тренера модель игры или, собрав лучших исполнителей, искать для них, с учетом их индивидуальностей, систему, модель?

— Системы игры развиваются с отклонениями, с нюансами не в какой-то одной команде, а в мировом футболе. Постоянно идут поиски новых вариантов. Наличие тех или иных игроков может породить новую систему как бы неожиданно: вдруг она

возникает… Исходить следует, по моему мнению, в первую очередь из того; какими футболистами тренер располагает. И ни в коем случае не «переделывать» их, когда они приходят из клуба в сборную. Тренер сборной может помочь лучшим игрокам в совершенствований, если добавит к ним партнеров, которые помогут раскрыть качества, какие без соответствующих товарищей по команде реализовать трудно.

— Должна ли у сборной быть постоянная схема ее игры? Или следует каждый раз как-то приноравливаться к конкретному противнику? Сборные ФРГ, Италии, Аргентины играют всегда по-своему, независимо от того, с кем встречаются. Правильно ли будет, если наша команда станет играть против сборной Италии в той же манере, что и против сборной ФРГ?

— Мое мнение: игра нашей сборной должна быть самостоятельной, устоявшейся и в то же время гибкой. Итальянцы, немцы, аргентинцы стремятся по-своему использовать слабые стороны соперников и помешать им раскрыть сильные стороны. Так и нам следует поступать. Создав свою собственную игру, вносить в нее некоторые коррективы в зависимости от того, с кем очередной матч. Но непременно навязывать противнику свою волю. Нет никакой необходимости приноравливаться к каждому сопернику, да и времени на это, в сущности, не найдется: на чемпионатах мира матчи с разностильными командами происходят через два дня на третий или через три на четвертый. Не раз уже подводило нашу сборную это желание — приноровиться.

— Было время, наша национальная команда добивалась успехов в атаке, затем долгое время если и достигала чего-то, то за счет прочной обороны. Какой вам представляется в этом плане ее будущая игра?

— Уверен, ни один тренер не ставит перед собой задачу создать команду только с сильной атакой или только с мощной обороной. Все футбольные наставники мечтают найти гармонию в игре. Это желание должно разумно отражаться в комплектовании состава, хорошо сбалансированного в атаке и защите. Но гармонии не добьешься, даже если «угадаешь» состав, иначе говоря, правильно его определишь. Игру надо организовывать так, чтобы своевременно в необходимые моменты осуществлялся переход от обороны к атаке и от атаки к защите своих ворот, своих рубежей… Вот мы и вернулись с вами к тому, с чего начали: к вопросу об организации игры.

— Каким мерам воспитания морально-волевых качеств вы придаете особое значение? Какими представляются вам игроки — лидеры команды?

— Лидеры команды… Это футболисты, которые на всех соревнованиях способны выступать, выкладываясь полностью физически и духовно. При этом проявляются все стороны их мастерства. Зачастую ответственные матчи складываются сложно: физически сильные противники могут навязать жесткую силовую борьбу, в такие мгновения крайне важно не дрогнуть, не уступить, не поддаться. Если уступил в мастерстве — что поделаешь, значит, соперник оказался искуснее. Но нельзя уступать в характере, силе духа. Как прекрасно иметь право сказать после матча: «Я сделал все, что мог…»

Между прочим, не только у лидеров, на которых равняются другие, но и у каждого спортсмена, профессионально посвятившего себя этому делу, должно складываться профессиональное отношение к тренировкам, к игре, к режиму дня и питания, к своему поведению в коллективе.

Какие, вы спрашиваете, существуют меры воспитания? Ну, например, беседа тренера с игроком с глазу на глаз. Откровенный нелицеприятный разговор, доброжелательный, но не комплиментарный. Тренер ставит в пример футболиста, который не жалеет сил для достижения победы. Вообще-то все лучшие морально-волевые качества вырабатываются трудом. Спортивное рвение нужно лишь сочетать со знанием дела. Осознанное трудолюбие — лучшая форма воспитания настоящего спортсмена.

ОЛИМПИЙСКИЕ ОТБОРОЧНЫЕ, 1975

«Нужно так», «нужно этак», «следует выстроить, определить…» В теоретических выкладках все вроде бы выстраивается логично и убедительно. Выполни теорию без отклонений — и ты на коне. Но конкретные задачи и обстоятельства диктуют свои условия, и наступает час, когда тебе уже не до теорий.

В начале 1975 года начальник Управления футбола Спорткомитета СССР А. Д. Еремин обнародовал следующее сообщение: «Любители футбола уже знают, что созданы две сборные команды страны — первая и олимпийская. Нам предстоят два турнира, чемпионат Европы и Олимпийские игры 1976 года. Играть успешно одним составом в двух столь представительных турнирах трудно. Поэтому и решено скомплектовать первую сборную команду СССР на базе киевского «Динамо», олимпийскую сборную СССР — на базе московского «Спартака». Старшим тренером олимпийской сборной назначен К. И. Бесков, тренером — Н. А. Гуляев, старший тренер московского «Спартака», начальником команды — Н. П. Старостин, начальник команды московского «Спартака». Кандидаты в олимпийскую сборную: А. Прохоров, Ю. Дарвин, А. Елизаров, А. Давыдов, В. Букиевский, Н. Осянин, В. Швецов, С. Ольшанский, Н. Худиев, Г. Логофет, Е. Ловчев, Н. Высоких, А. Минаев, Н. Киселев, Ю. Васенин, В. Гладилин, А. Максименков, В. Папаев, М. Мачаидзе, М. Булгаков, Ю. Чесноков, А. Ионкин, А. Пискунов, В. Павленко, Ю. Пилипко, В. Андреев…»

Итак, условия были определены изначально. То, что команда создается на базе клуба, ставшего серебряным призером первенства СССР 1974 года, было решено априори (так же, как то, что основная сборная формируется на основе команды — чемпиона страны, киевских динамовцев). Внимательный и осведомленный читатель, изучив список кандидатов в олимпийцы, заметит, что к спартаковцам руководство Управления футбола добавило игроков из других клубов — тех, кто в чемпионате страны 1974 года производил наиболее благоприятное впечатление, кто был, например, так результативен, как Вадим Павленко из московского «Динамо» или Анатолий Ионкин из алма-атинского «Кайрата» (оба забили за сезон по 16 мячей в первенстве страны). Но мне предстояло посмотреть и других кандидатов в деле: в какой спортивной форме находятся после предсезонья, как вписываются в состав,

взаимодействуют с другими кандидатами?

По жребию в нашу первую европейскую группу попали пять олимпийских сборных: СССР, Югославии, Норвегии, Финляндии и Исландии. Согласно положению об отборочных матчах 1975 года, на первом этапе две пары команд (опять же по жребию — мы и югославы, норвежцы и финны) должны были выявить победителей, которые вместе с командой, освобожденной по воле жребия от начальных испытаний, в двухкруговом турнире определят обладателя единственной на группу путевки в Монреаль.

«Лихая нам досталась доля», — говорили мы про себя в связи с предстоявшим югославским экзаменом. Футболисты Югославии в то время входили справедливо в число лучших команд Европы. Замечу, что игравшие против нас югославские олимпийцы — лучшие из этой команды — были включены в состав первой сборной СФРЮ, которая через десять дней после того, как мы в Москве обыграли олимпийскую со счетом 3:0, победила в товарищеском матче команду Йоханна Круиффа, сборную Голландии, серебряных призеров чемпионата мира 1974 года. Значит, югославы чего-то стоили?

Первая встреча наших олимпийских сборных была назначена на 7 мая 1975 года в городе Баня-Лука. Приняли нас югославы с истинно славянским гостеприимством, прекрасно устроили, а в день накануне матча пригласили посетить местную фабрику спортивной обуви, где преподнесли футболистам советской олимпийской сборной изящные новенькие бутсы. Наши ребята были просто растроганы.

В этот момент я понял, что напрасно отступил от своих правил: следовало вежливо и доброжелательно отложить визит на эту фабрику на время после матча. Впрочем, назавтра мы должны были уехать рано утром; что ж, значит, визит не состоялся бы. Ничего, обошлись бы и без подарков. А очаровательные бутсы на память и сердечнейшая встреча размягчили, размагнитили наших парней. Сыграли примерно ту же деморализующую роль, какую играет при подготовке к ответственной игре и настрое на суровую борьбу развлекательный музыкальный фильм с сантиментами, поцелуями и хэппи-эндом.

Наша команда провела свою первую официальную игру неизмеримо ниже своих возможностей. Не было по-настоящему спортивного азарта, упорства. После того как нам забили гол, я мучительно старался найти решение «югославской проблемы». Проигрываем — 0:1, время работает не на нас, каких-то качественных сдвигов в нашей игре нет. Что предпринять, кого заменить и кем?

Минут за пятнадцать до финального свистка мне стало ясно, что дальше выжидать не имею права. Заменить явно следовало Мишу Булгакова, у которого игра просто разладилась. Я повернулся в сторону запасных, встретил взгляд Манучара Мачаидзе и кивнул ему: дескать, снимай тренировочный костюм, сейчас пойдешь заменять… Мачаидзе в считанные мгновения приготовился к выходу на поле и пританцовывал у бровки в ожидании моего приказа…

И тут вдруг задвигался, оживился Булгаков, словно почувствовал, что сейчас может покинуть площадку. Ловко сыграл «в стенку» с партнером, резко промчался вперед, сделал острый пас. Ну а Мачаидзе, как говорится, «ел» меня глазами: когда, когда же ему выходить? А мне какой-то внутренний голос подсказывал: погоди, не торопись с этой заменой…

Булгаков забил-таки свой гол! И вскоре после этого матч завершился. Нескладный, изнурительный матч, преподнесший нам еще один предметный урок. Изрядно понервничав, мы тем не менее покидали Баня-Луку со щитом.

В ответном поединке рисковать было бы просто непозволительной роскошью. Первое, что я сделал, это усилил ряды наших олимпийцев исполнителями высокого класса. Четыре новые фигуры появились в составе команды, которая 21 мая вышла на Большую арену Лужников. Леонида Буряка и Владимира Трошкина пришлось «одолжить» у первой сборной. И призвать дополнительно под олимпийское знамя Давида Кипиани и Василиса Хадзипанагиса.

Пишу эти строки, шепчу знакомые, близкие мне имена и фамилии футболистов и думаю: какое интернациональное братство являли собой во все времена советские спортивные коллективы! Одной семьей жили мы всегда на тренировочных базах, в гостиницах разных стран. Беды и радости делили на всех. Никогда не возникали у нас нелепые вопросы о том, кто какой нации. Леонид Буряк, Юрий Гаврилов, Давид Кипиани, Хорен Оганесян, Алекпер Мамедов, Берадор Абдураимов, Тимур Сегизбаев, Андрей Зыгмантович, Йонас Баужа, Михаил Ан, Михаил Гершкович, Василис Хадзипанагис, Эдгар Гесс, Валерий Газзаев, Йожеф Сабо, Ринат Дасаев… Пуще глаза следует беречь интернациональные традиции нашего спорта: в них наша сила и наше будущее. Люди, проповедующие противоположные взгляды, далеки от спорта и от истины; не верю в их полную искренность, тут не без корысти.

Повторный матч СССР—Югославия проходил в… три тайма. Через 16 минут после его начала на Лужники обрушился такой яростный ливень, что арбитру пришлось прервать игру.

Справедливости ради отмечу, что на результат встречи этот катаклизм не повлиял: счет не был открыт ни до него, ни довольно долго после возобновления соревнования. На перерыв команды ушли, не «распечатав» ворота друг друга.

А во втором тайме все решилось довольно быстро, причем именно благодаря действиям тех футболистов, которыми мы усилили состав. На 57-й минуте Леонид Буряк безукоризненно пробил одиннадцатиметровый, назначение которого никто не оспаривал. Еще через четыре минуты он же с игры провел второй мяч. Закрепил победу Василис Хадзипанагис. 3:0.

Тем временем норвежцы выиграли у финской сборной. Определились все три претендента нашей группы.

Почему-то с исландскими футболистами наши игроки почти традиционно состязаются натужно. Исландцы в матчах разных уровней организуют против нас глубокоэшелонированную оборону и контратакуют не без успеха даже на московском поле.

Первый матч в Рейкьявике, 30 июля 1975 года, дался нам с большим трудом. Казалось бы, Исландия не шибко футбольная страна, дальняя окраина Европы… Рослые и атлетичные парни играют в типично скандинавский, силовой и несколько прямолинейный, но техничный и, в сущности, вполне современный футбол. К тому же на поле одиннадцать игроков противодействуют одиннадцати, так что преимущества можно достичь, лишь повысив скорости, хитроумнее маневрируя, исполняя неожиданные и точные удары по воротам. Мы не сумели предъявить все это хозяевам поля в Рейкьявике.

Помнится, наша олимпийская сборная 1956 года лишь со второй попытки одолела (4:0) команду Индонезии, а в первой встрече такие «зубры», как Татушин, Исаев, Симонян, Сальников и Ильин, в течение 90 минут не смогли провести хотя бы один мяч. Вот что значит глухая защита. Против нас у исландцев нечто подобное получилось лишь наполовину, в первом тайме.

А во втором Александр Минаев, находившийся в отличной форме, неожиданно для всех пробил по воротам, и мяч рикошетом от ноги исландского защитника влетел в сетку. Незадолго до конца матча Минаев повторил свой сюрприз, удар был хорош и внезапен, так что мяч миновал защитников и вратаря.

Олимпийская сборная Норвегии, по существу, не представляла для нас никакой угрозы. Правда, забить нам мяч норвежцы сумели, но только при счете в нашу пользу. Два мяча провел Владимир Сахаров, один — Владимир Федоров, новобранцы олимпийской команды, приглашенные мной из минского «Динамо» и ташкентского «Пахтакора».

10 сентября в Лужниках исландцы оборонялись отчаянно, как и подобает потомкам викингов (вспомним арию варяжского гостя из «Садко»: «Отважны люди стран полночных…»). Лишь сильнейший и вновь неожиданный удар «специалиста по исландским вопросам» Александра Минаева решил дело в нашу пользу. 1:0 — и право на поездку команды в Монреаль завоевано досрочно. Поставленная перед командой задача была выполнена.

Поэтому последний, ничего уже не решавший матч отборочной серии, 24 сентября, с норвежцами в Москве ребята провели легко, бодро и, наконец, красиво — 4:0. Мячи были на счету Давида Кипиани (дважды) Владимира Сахарова и Александра Минаева. Далеко не все названные поначалу кандидатами в олимпийскую сборную выступили в ее составе, который, по ходу отборочных матчей изменялся, как показала жизнь, к лучшему. Команда явно сложилась, в немалой степени сыгралась. Однако на финальную часть олимпийского футбольного турнира предстояло ехать в Монреаль первой сборной СССР, так что я сложил свои тренерские полномочия и вернулся к повседневной работе в российском совете общества «Динамо».

Было приятно узнать, что из состава нашей «отборочной» команды в первую сборную были привлечены оба голкипера: В. Астаповский (который провел у нас всего одну игру) и А. Прохоров (на счету этого вратаря — пять отборочных матчей), а также полевые игроки В. Звягинцев (четыре отборочные встречи), А. Минаев (шесть игр, четыре гола), В. Федоров (три игры, один гол) и Д. Кипиани (два матча, два гола). Не менее приятно было услышать, что в матче финального турнира, в четвертьфинале со сборной Ирана, именно наши «отборочники» А. Минаев и В. Звягинцев забили голы (счет 2:1) и благодаря их меткости олимпийская сборная СССР вышла в полуфинал этого турнира.

Вполне естественно, что спортивное руководство страны решило первую сборную СССР 1976 года создавать на основе киевского «Динамо», сильнейшего нашего клуба, который в 1975 году еще более укрепил свою блестящую репутацию, выиграв Кубок обладателей кубков Европы и Суперкубок. Киевское «Динамо» в те времена величали за рубежом «суперклубом». Никому из находившихся у футбольного руля не пришло бы в голову отодвигать в сторону такую команду. Полностью на ее стороне была и пресса.

В календаре-справочнике «Футбол 1976», изданном пресс-бюро Центрального стадиона имени В. И. Ленина, спортивный обозреватель Юрий Ваньят писал:

«Нынешний тандем киевских тренеров импонирует прежде

всего неустанным творческим поиском, Научной Организацией Тренировки…

Надеемся, что Лобановский и Базилевич, люди спортивные и дисциплинированные, не упустят штурвал из своих рук… Впереди — Монреаль, борьба за золотые олимпийские медали, которых мы ждем уже два десятилетия».

Понятно, что о команде, незадолго до этого выигравшей два престижнейших европейских приза, иного и не скажешь.

Блестящие победы киевских динамовцев в 1975 году, естественно, чуть ли не автоматически определили организацию участия советских футболистов в Монреальской олимпиаде. В случае неудачи у спорткомитетских аппаратчиков был наготове аргумент: «Послали в Монреаль лучшее из того, чем располагали. Если уж обладатели Кубка кубков и Суперкубка не сдюжили, то чего ждать от прочих команд». С человеком, который предложил бы какой-либо иной вариант, в Управлении футбола не стали бы и говорить.

Когда же в полуфинале монреальского футбольного турнира сборная СССР проиграла команде ГДР, затем одолела бразильских олимпийцев и в итоге заняла третье место (бронзовые медали), наши спортивные обозреватели дружно заявили, что соперники наших футболистов, мягко говоря, не принадлежали к числу самых сильных в мире. Что, если не считать двух ошибок иранского вратаря, умело использованных Минаевым и Звягинцевым, и в четвертьфинале наша сборная действовала в атаке на редкость неубедительно, тактически непродуманно. Совершенно не ладилось с пасом. Когда кто-либо двигался с мячом, партнеры не «открывались», зато тот, у которого был мяч, сразу же получал несколько взаимоисключающих советов: «Отдай вправо, отдай влево, отдай вперед, отдай назад». Словом, журналисты, ставшие очевидцами этих матчей, в один голос утверждали: у нашей сборной игры не было.

Конечно, после турнира, когда известен каждый его момент, легко и просто заявить: эх, надо было отправить в Монреаль ту команду, которая выиграла отборочные матчи… Но ведь и вправду стоило поступить именно так. Чтобы первая сборная не перенапрягалась, не разрывалась надвое, проваливаясь и в четвертьфинале розыгрыша чемпионата Европы, и на Олимпийских играх. Чтобы те, кто начал победный путь к олимпийским медалям, продолжали идти этим путем сколько хватит сил. Говорят, ошибка — промежуточный шаг к истине. Если оно так, то шагов совершается много, но они мало чему учат наших вершителей футбольных судеб.

…Но что я полностью уяснил, размышляя о судьбе «отборочной» олимпийской команды 1975 года, так это причину моего приглашения в потерпевший бедствие «Спартак» в начале 1977 года. Люди, которые выбрали меня, рассуждали логично: с Бесковым «Спартак», базовая команда олимпийской сборной СССР, не гак давно выиграл отборочный турнир. Кому же, как не Бескову, выводить «Спартак», вызволять его из первой лиги?

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» «НЕДЕЛИ», или РАЗГОВОР НАЧИСТОТУ

Осенью 1976 года московский «Спартак», заняв по итогам первенства страны пятнадцатое место из шестнадцати, покинул высшую лигу. Девятикратный чемпион СССР, тринадцатикратный серебряный и бронзовый призер, девятикратный обладатель Кубка СССР… Что же стряслось с командой? Тогда же в редакцию «Недели» были приглашены за «круглый стол» все футболисты «Спартака». Пришли, правда, лишь пятеро: капитан команды Евгений Ловчев, Виктор Папаев, Михаил Булгаков, Владимир Букиевский и Александр Кокорев.

«О чем вы сейчас думаете?» — спросили мы спартаковцев.

Ловчев.

Двадцать четыре часа в сутки каждый из нас думает: доигрались… Как жить, как играть дальше?!

Булгаков.

Стыдно на улицу выходить. Сразу окружают несколько человек, спрашивают: «До чего же вы довели «Спартак», как могли уронить славу и честь клуба?»

Ловчев.

Справедливо спрашивают. То, что произошло, закономерно. Все к этому шло. Было сперва десятое место, затем четырнадцатое, а теперь и пятнадцатое. Но не в занятом месте дело. Дело — в игре.

— Значит, то, что вы покидаете ее, тоже справедливо? Нет ощущения несправедливости?

Ловчев.

Нет. Все абсолютно справедливо. Мы это заслужили. «Спартак» жалко. Игроков — нет!

Папаев.

А ведь мы могли одно время бороться даже за призовое место. Одна победа — и мы попали бы в десятку команд. Моментов взять эти спасительные два очка у нас было предостаточно. И если бы не проиграли тот злополучный матч с

«Черноморцем», когда почти в самом конце игры Николай Осянин поскользнулся, упал, упустил мяч, и нам забили гол… Вообще, этот чемпионат каким-то странным получился, у одних команд семь игр на чужих полях, у других — восемь. Но и не это главное. Вспоминаю наше мажорное турне по Испании: у английского «Куинз парка» выиграли 3:0, с «Барселоной», за которую выступали Круифф и Неескенс, сыграли вничью. После этого, после побед над ЦСКА и «Локомотивом» у нас было прекрасное настроение.

Булгаков.

Нет, ты не прав! Ты и сейчас пытаешься себя успокоить: мол, и там выиграли, и тут неплохо шли, календарь виноват у одних семь игр на чужом поле, у других — восемь… Смешно слушать! «Мы могли бы бороться за призовое место»? Ты что, в самом деле не заметил, как у нас в этом сезоне только пять-шесть человек по-настоящему играли? А остальные только подыгрывали! Не горели, не волновались, не болели за общее дело. Эти остальные, по существу, не спартаковцы! Им, этим остальным, бороться за победу было неохота, хлопот много. А в современном футболе так нельзя: если хоть один выпадает из ансамбля, прочим десяти трудно приходится. Так что будем-ка самокритичны. Игры, особенно последние, «Спартак» проводил безвольно, кое-как, спустя рукава.

Ловчев.

Почему, например, мы проиграли в Киеве? Потому что многие игроки у нас больше о себе думали, чем о «Спартаке». Например, Гладилин встал в «стенку», которую выстраивают для защиты от штрафного удара. Встать-то он встал, но в момент удара отвернулся от мяча: как бы в лицо не попал, больно будет. Отвернулся, и мы из собственной «стенки» получили гол. Игрок высшей лиги такое делать права не имеет.

Папаев.

Да, положа руку на сердце, это так. Как у нас многие относились к тренировкам? «Хи-хи, ха-ха». Побывали бы вы у нас в Тарасовке, увидели бы: чтобы после тренировки кто-нибудь остался на поле поработать с мячом, как это раньше делали Осянин, Киселев, Кавазашвили… Они оттачивали технику, разыгрывали комбинации, били по воротам. А в сезоне семьдесят шестого — кончалась тренировка, и через минуту никого на поле не оставалось.

Ловчев.

Многие молодые ребята, пришедшие недавно в команду, равнодушны к ее доброму имени, к ее славе. И ни тренеры, ни старожилы «Спартака» повлиять на них были не в силах. Кого только набрали под прославленное красно-белое знамя…

Букиевский.

Зрители видели на поле во время матчей игроков в спартаковских футболках, но это не была команда «Спартак». Бесконечно варьировался состав, выступали то на одних, то на других местах. Полная неразбериха с составом. Часто из-за этого готовы были к поражению еще до начала матча. Такая чехарда не могла не сказаться на игре и ее результатах.

Папаев.

Это точно, не успеешь привыкнуть к партнеру, наиграть с ним связку, а его уже нет рядом; что ни матч, рядом новый человек.

— Надо понимать, вы сейчас прохаживаетесь по адресу тренеров. Тренеры «Спартака»-76 Анатолий Федорович Крутиков и Галимзян Салихович Хусаинов незадолго до этого были на поле лидерами команды, ее авангардом…

Булгаков.

Если говорить начистоту, не скруглять углы, то возникает вопрос: каждый ли из тех учеников, которые учились «на отлично», способен учить других? Достаточно ли одного желания, чтобы стать профессиональным тренером? Или требуется призвание (или хотя бы опыт)? Опыт тренеров Крутикова и Хусаинова невелик и невесел. Команда нальчикского «Спартака» была под их водительством доведена до грани вылета из первой лиги, а затем под именем «Эльбрус» эту грань все-таки пересекла вполне закономерно. Так логично ли тренерам, только что провалившим одно дело, сразу же поручать другое, более сложное и ответственное? Крутиков и Хусаинов, безусловно, любят «Спартак». Но это, так сказать, «странная» любовь. От игроков их, особенно старшего тренера, словно стена отделяла. Возражений Анатолий Федорович не терпел, крут и грубоват, прямо скажем, чересчур. Мы для него были фигурками на зеленой доске: захотел — снял фигурку, захотел — выставил куда вздумалось…

Папаев.

И все же я считаю, что в нынешнем провале команды

виноваты прежде всего игроки. При любых тренерах, хороших или не очень, мы обязаны были играть в полную силу. Конечно, у тренеров наших не было постоянства во взглядах, даже к одному и тому же игроку их отношение менялось по нескольку раз, что уж тут говорить о концепции игры, которой, по-моему, просто не было как таковой…

Ловчев.

Главное, что должны были сделать тренеры, — это организовать игру. И настраивать игроков на каждый матч как на решающий. Этого-то они и не делали. Педагогика — искусство, доступное далеко не каждому. Сколько нервов испортили команде неуверенность, непоследовательность, неопределенность в решениях наших менторов 1976 года! Поймите, я, как и другие наши футболисты, совсем не против них лично. Они хорошие люди, они желают добра «Спартаку», искренне ему преданны, они хотели как лучше. Но должно же быть в тренерах команды мастеров что-то действительно тренерское, педагогическое, стратегическое…

— Наверное, и моральные, и материальные проблемы в немалой степени отразились на игре команды в этом сезоне?

Булгаков.

Не могли не отразиться! У каждого из нас семья, у многих дети, забот хватает. Неустроенность виснет грузом на ногах футболистов.

Папаев.

В этом отношении мы откровенно завидуем торпедовцам. За ними — многотысячный коллектив известного всей стране объединения «Автозавод имени Лихачева». ЦСКА — команда Вооруженных Сил. «Динамо» — МВД, КГБ. У «Шахтера» шефы — весь Донецкий угольный бассейн, у «Зенита» — Ленинградское оптико-механическое объединение, у «Черноморца» — морское пароходство. Словом, у каждой команды есть заботливые хозяева, только не у «Спартака».

Ловчев.

Вот послушайте,- что написано в справочнике: «Общество «Спартак» объединяет работников коммунальных предприятий, бытового обслуживания, гражданской авиации, медицинских учреждений, полиграфических предприятий и др.». Особенно «вдохновляет» это «и др.». У семи нянек дитя… плохо играет в

футбол.

Папаев.

Поэтому и база наша в Тарасовке — памятник футбольной старины, со скрипучими лестницами, с единственным полем, на которое мы до середины мая даже ступить не решаемся: надо же дать траве взойти. А в октябре его уже ледок покрывает. И нередко нам приходилось тренироваться в хоккейной коробке, предварительно уговорив местных, тарасовских парней: «Ребята, уступите Христа ради площадку, у нас плановая тренировке!..»

Кокорев.

У киевских и у московских динамовцев — по два поля в распоряжении. На одном команда тренируется, другое целый год отдыхает. А у торпедовцев в Мячкове? Просто первоклассная база! Стыдно говорить: нищенствующий «Спартак»…

— Какие же пути к возрождению команды вы видите?

Папаев.

Наверно, все, что здесь сегодня сказано, — ответ на этот вопрос. База, состав, тренеры, хороший настрой на каждую игру. Нормальные условия команды мастеров.

Ловчев.

Да, наступил самый горький час московского «Спартака». Но мы не хотим, чтобы нас «прощали», оставили в высшей лиге, учтя былые заслуги команды. Как сказал Никита Павлович Симонян, «Спартак» должен вернуться в высшую лигу с гордо поднятой головой, пройдя сквозь все испытания первой лиги. Как говорится, все потеряно, кроме чести! Чести тех, кто остается в низверженном «Спартаке» и жаждет бороться за его возвращение в «высшее общество».

Но как же трудно будет этого добиться… И главное: кто взвалит на себя это тяжкое бремя — возглавить павший «Спартак», поднять его и повести за собой?..

«СПАРТАК», ПЕРВАЯ ЛИГА, 1977

Когда я читал в «Неделе» осенью 1976 года эту несколько сумбурную исповедь спартаковцев, мне и в голову не приходило, что в начале следующего года я стану их старшим тренером.

О бедах «Спартака» я был в некоторой степени осведомлен. Приняв олимпийскую команду, созданную поначалу на базе «Спартака» 1974 года, я вскоре понял, что далеко не все игроки этого клуба могут и должны участвовать в отборочных матчах олимпийского турнира: одним не хватало мастерства, Другие и по физическим кондициям не устраивали. Тогда в олимпийскую сборную были включены многие неспартаковцы.

В сборнике «Футбол-84» спортивный обозреватель А. Соскин писал: «Взлетел он («Спартак» в сезоне 1974 года — К. Б.) так высоко чуть ли не на одном самолюбии, не имея ни подходящих условий для тренировок, ни комплекта квалифицированных игроков».

Правильное наблюдение. Весной 1976 года Н. П. Симонян уточнил картину: «Тяжелые времена переживает московский «Спартак». В последние годы команда страдала хронической недоукомплектованностью, которая наслаивалась из года в год…»

Со второго места, занятого «чуть ли не на одном самолюбии», спартаковцы в 1975 году опустились на одиннадцатое. За это были освобождены от должностей старший тренер Н. А. Гуляев и старший тренер по воспитательной работе (начальник команды) Н. П. Старостин. Гораздо менее опытные наставники

А. Ф. Крутиков и Г. С. Хусаинов приняли команду, которая была уже одной ногой в первой лиге. Чем кончился очередной эксперимент спартаковского руководства, известно.

А мне в конце 1976 года было предложено место начальника команды московского «Динамо», и я уже дал согласие. Лев Яшин, работавший на этом посту, перешел на ответственную должность в Спорткомитет СССР.

Вдруг меня вызвал председатель Центрального совета общества «Динамо» Петр Степанович Богданов (впоследствии заместитель министра внутренних дел СССР):

— Константин Иванович, министр получил официальное письмо из Московского городского комитета партии. Просят откомандировать вас в команду «Спартак» на должность старшего тренера.

Я стал отказываться. Объяснил свой отказ тем, что и желания работать вне «Динамо» не испытываю, и уже настроился на тесное

сотрудничество со старшим тренером динамовцев Александром Александровичем Севидовым, с которым у меня превосходные отношения…

— Ничего не могу поделать, — ответил Богданов. — Мнение министра: вам следует идти в «Спартак».

В те же дни пригласили меня в МГК КПСС, в отдел пропаганды, к Альберту Михайловичу Роганову. Он завел речь о том же. Я ответил ему с предельной искренностью:

— Мне уже довелось поработать в командах других спортивных обществ. На себе ощутил, что к человеку из другого клуба, хотим мы этого или не хотим, относятся пристрастно, недоверчиво, даже с немалой долей антипатии. Малейшая неудача команды воспринимается чуть ли не как злой умысел «чужака». И расстаются с ним, как правило, не по-доброму… Не хочу я в «Спартак», уже хлебнул этого «нектара» в «Торпедо», ЦСКА, «Локомотиве»…

Роганов настаивал. У нас с ним по этому поводу было две встречи. Я продолжал стоять на своем.

Андрей Петрович Старостин просветил меня: оказывается, в МГК КПСС было проведено совещание, посвященное проблемам команды «Спартак», так как в горком поступило много писем от трудящихся, членов партии, которые просили вмешаться, помочь любимому спортивному коллективу. На этом совещании присутствовали руководители московских профсоюзов, столичного спорткомитета. Андрей Старостин, приглашенный на совещание как начальник отдела спортивных игр общества «Спартак», взял слово и сказал:

— Единственный, кто сейчас мог бы вернуть команду в высшую лигу, это Бесков. Но как оформить его переход из «Динамо»? Он ведь офицер.

На что В. В. Гришин, первый секретарь МГК КПСС, решительно ответил:

— Ну это наша забота.

Меня снова, уже в третий раз, вызвал на беседу Роганов. «Вы коммунист, — говорил он, — рассматривайте это направление в «Спартак» как партийное поручение».

Я попросился на прием к министру внутренних дел. И повторил Н. А. Щелокову все то, что объяснял Богданову и Роганову. Министр заявил:

— Есть официальное письмо за подписью члена Политбюро ЦК КПСС Гришина. Нужно отправляться в «Спартак». Мы вас туда откомандируем.

Стало ясно, что вопрос решен.

Первым условием своего прихода о «Спартак» я поставил

возвращение в команду на должность ее начальника Николая Петровича Старостина. С олимпийской сборной мы работали нормально. И я понимал, что присутствие спартаковского патриарха, выразителя и носителя духа и традиций, придаст уверенности тем, кому предстояло бороться за выход в высшую лигу.

Мне пошли навстречу немедленно: Старостин был назначен старшим тренером по воспитательной работе (так тогда именовался начальник команды).

Первый учебно-тренировочный сбор 1977 года был устроен в Сочи. Этот выезд, так сказать, «на пленэр» меня, мягко говоря, удивил: многие спартаковцы явились на сбор с женами, Николай Петрович — со своей родней. Выяснилось, что они, по обыкновению, именно так выезжали на первые тренировки — на юг. Мне это было и непривычно, и непонятно, получался не учебно-тренировочный сбор, а какой-то междусобойчик, семейный пикничок, атмосфера которого отнюдь не способствовала интересам дела.

Мое первое впечатление: команда «в разобранном состоянии». Дисциплины никакой. Многие позволяют себе опаздывать к началу тренировки, упражнения выполняют небрежно, есть и нарушители спортивного режима. Не чувствовалось стремления играть на былом спартаковском уровне. Словом, эпитета «здоровый» этот коллектив не заслуживал.

На одном из первых собраний обращаюсь к футболистам с призывом:

— Подумайте: «Спартак»! Такая слава, такие добрые традиции, такие замечательные предшественники! Нам с вами выпала честь — именно честь! — восстановить доброе имя, возвратить его команде. Честь и обязанность! Давайте восстанавливать ваши боевые качества.

Но ощущения, что все присутствующие вняли моему голосу, у меня не было.

Поневоле вспомнил слова Родена: «Беру глыбу гранита или мрамора и отсекаю все лишнее». Мне тоже предстояло отсечь все лишнее. И добавить недостающее.

Олег Романцев, игрок из Красноярска, сыграл за «Спартак» всего в двух матчах осеннего турнира 1976 года и по завершении календарных игр уехал к себе на берега Енисея. Я вызвал Романцева обратно. Пригласил в команду Вадима Павленко, которым нельзя сказать чтобы очень дорожили в московском «Динамо» (во всяком случае, отпустили его легко). Было ясно, что не вписываются в новую схему и новый состав некоторые

старожилы команды и, как ни сложно, придется с ними распрощаться. Николай Петрович и Андрей Петрович, узнав о моих намерениях, немало удивились:

— «Спартак» без Папаева? Без Осянина? Но это же несерьезно — освобождать таких мастеров! Они же — киты, на которых держится «Спартак»!.. — И далее в том же духе.

А я ясно видел: тридцатипятилетний Николай Осянин утратил скорость. Он стал не слишком разворотлив, юные форварды «раскручивали» его довольно откровенно. Понимаю, что почитатели «Спартака» боготворили Осянина; сам не могу забыть его хрестоматийный гол в ворота киевских динамовцев во втором круге чемпионата СССР 1969 года, гол на киевском поле, в сущности, решивший судьбу золотых медалей. Но то было в шестьдесят девятом, а нынче на дворе стоял семьдесят седьмой…

Папаев восхищал болельщиков оригинальным дриблингом, филигранной работой своей «хитроумной» левой ноги, плотным ударом (который он, правда, крайне редко применял по отношению к воротам соперников), он отлично видел поле… Но его диапазон — десять метров вперед от центрального круга, десять метров назад от того же круга. А современный полузащитник обязан быть вездесущим, сверх выносливым, непрестанно сновать по полю, претворяя в реальность любой тактический замысел.

Было немало кривотолков о замене общепризнанных игроков безвестными фигурами из второй лиги. «Кто это такие — Ярцев, Шавло, Сорокин, Романцев, почему они в московском «Спартаке»?!» — возмущались «доброхоты», которые почему-то всегда находятся в избытке в таких случаях (где они были, когда команда скатывалась на пятнадцатое место, на что рассчитывали — на снисхождение власть имущих?). Сапожник команды, не заметив меня поблизости, восклицал: «Вот ведь какой пришел динамовский вредитель: он вас и во вторую лигу выведет!..»

Я люблю свою тренерскую профессию. Задача вывести честным спортивным путем в высшую лигу заново созданную команду была более чем трудной, но как это было бы здорово, если бы удалось! Какой интересный опыт может стать достоянием других тренеров, какие выводы можно будет сделать на основе этого опыта и по итогам такой эпопеи…

Мысленно я выстраивал модель игры, которая должна была привести к успеху, если бы в нее вписались отдельные исполнители и команда в целом. На чемпионате мира 1974 года, куда я ездил в качестве наблюдателя, мне бросились в глаза особенности единоборства сборных ФРГ и Голландии. На правом фланге нападения у немцев выступал Юрген Грабовски. Ему там

приходилось тяжко, поскольку у голландцев левый защитник Крол явно превосходил его по физическим кондициям. Участвуя в оборонительных действиях своей команды, Грабовски пытался прервать рейды Крола по краю, но после этой борьбы у немецкого нападающего почти не оставалось сил для перехода к своим основным, атакующим, действиям.

Я долго размышлял над этой коллизией, невольно возвращался к ней вновь и вновь, обдумывал ее возможные вариации… И в сезоне 1977 года эти размышления помогли мне создать модель игры!

Крайних нападающих нужно освободить совсем от участия в оборонительных действиях на своей половине поля; если крайний защитник противника подключается к атаке, его встречает наш полузащитник, а не крайний нападающий. К тому же полузащитник в силу специфики амплуа выполняет оборонительные приемы и функции квалифицированнее, чем «чистый» форвард. Хороший полузащитник по физической своей готовности не должен ни в чем уступать крайнему защитнику противника.

Но, встречая и прерывая действия неприятельского «Крола», наш полузащитник оставляет без внимания своего постоянного подопечного; кто возьмет его на себя? Пусть в эти мгновения на него переключается наш центральный полузащитник. А центра полузащиты противника перекроет в этом случае наш центральный нападающий…

В этом варианте у наших крайних форвардов расширятся зоны действия, они станут появляться не только на флангах, но и в центре, как центрфорварды (это, кстати, и получалась на практике; у Ярцева в большей степени, у Павленко — в отдельных матчах, но Ярцев заметно тяготел вправо, а Павленко — влево).

Вот примерно какую схему, или систему, я предложил спартаковцам. И все они дружно стали осваивать новые концепции и тактику игры. Нужно было только подобрать наиболее подходящих исполнителей для осуществления намеченных действий.

Я пригласил Виктора Ноздрина из «Локомотива». Он был полузащитником, а я поставил его на правый край защиты. Опытный и физически сильный, тактически грамотный и готовый к эксперименту, он справлялся и с оборонительными, и с атакующими действиями. Центральными защитниками прежде играли Михаил Бондарев и Александр Кокорев; со временем я поставил свободным центральным защитником Вагиза Хидиятуллина, передним центральным — Александра Сорокина. Сергей Шавло создавал динамику, ритм и темп; он успевал в

атаку и в оборону, полезно действовал в отборе мяча и при этом был способен, отобрав мяч, начать контратаку.

Несколько небрежничал на левом краю защиты Евгений Ловчев; его я перевел в опорные полузащитники, и в этой позиции он оказался полезнее. А левый край обороны нам обеспечил выносливый и усердный Олег Романцев, часто «по старой памяти» (он был прежде нападающим) ходивший в глубокие рейды по тылам противника.

Как, например, появился у нас Георгий Ярцев? В начале сезона 1977 года был организован турнир спартаковских команд в манеже. И там мне приглянулся быстрый, резкий, нацеленный на гол форвард из Костромы. Я предложил ему место у нас в нападении. «Не поздновато ли? Мне вот-вот стукнет двадцать девять. В запасе сидеть неохота, а костромской команде я по крайней мере нужен все время», — засомневался Георгий. Но я не сомневался: «Зову не в запас, рассчитываю на твои бойцовские качества». И Ярцев заиграл. Хотя на первых порах кое-кто на него косился, недоумевал.

Из Киева я вернул уехавшего туда по окончании сезона-76 вратаря Александра Прохорова. Опытный и: авторитетный голкипер был вскоре единогласно избран у нас капитаном команды. У него были непростые бытовые проблемы: хорошая квартира оставалась у Саши в Киеве, а в Москве площади не было. Но он отнесся к нашим заботам с пониманием, переехал в Тарасовку, а затем мы помогли ему с обменом жилья. Александр Прохоров внес очень весомую лепту в осуществление того довольно дерзкого предприятия, за которое вместе со мной взялись спартаковцы образца 1977 года.

В первом круге мы пртерпели такие сокрушительные поражения, как, например, от «Кузбасса» в Кемерове 0:4. Сразу в некоторых периодических изданиях (в газете «Труд» например) появились колокольно-набатные материалы с заголовками типа «Что же дальше, «Спартак»?» — мол, теперь разве что во вторую лигу дорога. Да, не все даже записные футбольные летописцы, обозреватели с большим стажем сумели понять, что перед ними совсем новая, только-только сколоченная команда и ключевые игроки ее или недавно из второй лиги, или едва достигшие совершеннолетия, или те, кого без помех отпустили другие клубы. А ждали от нас игры того «Спартака», который громил «Фиорентину» и «Милан» и делал «дубль», выигрывая первенство и Кубок СССР. Все соперники в первой лиге против этого молодого «Спартака» сражались как про1ив того, знаменитого.

Я надеялся, что костяк команды составят спартаковцы со стажем, но из них одни были травмированы, другие резко сдали в

игре. Дублирующий состав команде первой лиги не положен, так что мы не в состоянии были проверить в деле того или иного новобранца. Более того, случалось, что с трудом наскребали людей для полноценной двусторонней тренировочной игры. А календарные матчи, яростные, бескомпромиссные, с полной отдачей сил, проходили примерно через три дня на четвертый.

Регулярно беседовал с футболистами, вместе разбирали «по разделениям» каждую проведенную игру, каждый эпизод. И с середины сезона-77 я почувствовал, что свою программу-оптимум мы сможем решить в первый же сезон.

Во втором круге модель игры, схема, описанная выше, стала оживать, обретать личностное выражение, а затем и приносить плоды.

«Спартак» завершил чемпионат страны в первой лиге, заняв высшую строку в турнирной таблице. Одержал больше всех побед (22), забил больше всех мячей (83; второй результат был у грозненского «Терека» — 59 мячей). Наши футболисты были награждены малыми золотыми медалями.

В конце июля 1977 года я в очередной раз приехал с заданием от газеты на спартаковскую базу в подмосковной Тарасовке и просто не узнал ее. Рядом с древней деревянной гостиницей достраивалось новое современное здание, в котором теперь живут спартаковцы. Корты, площадки и главное футбольное поле были тщательно ухожены. Футболисты, щегольски одетые в ярко-красные спортивные костюмы, смотрели видеозапись сыгранного накануне матча. Во всем чувствовалась твердая рука нового старшего тренера, все выглядело аккуратно, чисто и как-то празднично. У команды появился серьезный шеф: под свое крыло «Спартак» взяло Министерство гражданской авиации. Аэрофлот облегчил команде перелеты на матчи из города в город, избавив ее, таким образом, от немалых хлопот и трат.

Я спросил Константина Ивановича, понимают ли его питомцы, чего ждут от них миллионы болельщиков. «А вы их самих спросите», — ответил тренер.

После просмотра видеозаписи почти вся команда собралась на скамеечках перед гостиницей в тени деревьев. Шутили, смеялись, приветливо поздоровались, предложили сесть.

— Мы все прекрасно понимаем, — сказал Миша Булгаков. — И писем много получаем, и сюда люди приезжают, и просьба у всех одна: «Вернись, я все прощу!» Стараемся. Не все клеится но это

уже не прошлогодняя компания, которой было безразлично, какое место займет «Спартак». Теперь мы все заодно и у нас общая цель.

— Между прочим, «Ливерпулю» для достижения такой цели понадобилось целых пять лет, — заметил молодой, не очень знакомый мне футболист.

— Позвольте представить, — озорничая, провозгласил Виктор Ноздрин, поймавший мой вопросительный взгляд. — Восходящая «звезда» мирового футбола Женя Сидоров!

— Ну как же, как же. Тот Евгений Сидоров, который недавно забил гол ашхабадскому «Колхозчи»…

— О, это для него рядовой момент!..

У них было хорошее настроение. Еще лучше стало оно в конце октября. Тогда, 27 числа, команда явилась в редакцию «Недели» в полном составе: К. И. Бесков, Н. П. Старостин, А. С Бибичев (второй тренер), И. А. Варламов (второй тренер). А.Прохоров, Е. Ловчев, М. Булгаков, В. Ноздрин, В. Гладилин, В. Павленко, С. Шавло, Г. Ярцев, В. Хидиятуллин, О. Романцев, А. Сорокин, Р. Дасаев, В. Кравченко (врач команды), Г. Беленький (массажист). Вот стенограмма происшедшей беседы.

ОКТЯБРЬ 1977-ГО, или ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗГОВОРА ЗА «КРУГЛЫМ СТОЛОМ»

— Год назад за этим самым столом прозвучала фраза: «С такой игрой мы не скоро вернемся в высшую лигу». Всего год…

Прохоров.

Я не участвовал в прошлогодней встрече. Но знаю твердо: на нашей улице праздник потому, что к руководству командой пришел большой специалист, посвятивший всю жизнь футболу. И стал сплачивать единомышленников. И в нас наши руководители искали прежде всего единомышленников, не смущаясь тем, что многие новички — чуть ли не вчерашние школьники. Некоторые признанные знатоки футбола удивлялись: кого берете, зачем? А эта новая команда сумела сыграться и набраться ума за один-единственный сезон!

Булгаков.

Константин Иванович сбалансировал состав в атаке и обороне, обновив его на три четверти. Потому обновилась и игра… У нас на первом же общем собрании команды 1977 года пошел разговор о дружбе, о единстве. Мы стали сейчас одной семьей. Я в «Спартаке» не первый год, но не помню таких отношений в прошлое время. Бывало, отыграли — и разбежались. А теперь почти всегда вместе.

Старостин.

Считаю, что это был очень полезный урок — переход в первую лигу. О многом, с чем мы там познакомились, мы и представления не имели. Там каждая игра проходила на самом высоком накале. Почти каждый наш очередной соперник был одержим одной мыслью: «Обыграем «Спартак», а потом целый год будем ходить у себя дома в героях». Всюду — переполненные трибуны, давно забытые нами визиты болельщиков в гостиницу с чуть ли не слезными мольбами: «Помогите, достать билетик на ваш матч, проведите на игру!» Обстановка превращала каждую встречу в кубковую. Играть надо было только изо всех сил,

потому что именно так играли против нас соперники. После нашего поражения в Кемерове тренер тамошнего «Кузбасса» заявил: «Никогда не думал, что мы можем так здорово сыграть!» В конце концов, эта борьба «не на жизнь, а на смерть» так закалила спартаковцев, что у них уже и в мыслях не возникала возможность выступить кое-как.

Ловчев.

А знаете, я думаю, что о «Спартаке» станут в будущем году скучать в первой лиге! Да и мы станем ее вспоминать с добрым чувством. Хоть и приходилось выезжать в другие города девятнадцать раз (!), причем нередко лететь пять-шесть часов, попадать из московской погоды то в жару, то в холод.

Прохоров.

Все ребята здесь, если я что не так скажу, возразят. Команда жила в этом сезоне, особенно в его второй половине, под девизом: «Нам забивают сколько могут, мы забиваем сколько нужно плюс еще чуть-чуть». В первом круге нам забивали сколько могли, он закончился с общим счетом 35:26. А второй — 48:18. Чувствуете разницу?

— Вопрос новобранцам команды: трудно быть спартаковцами?

Романцев.

Очень трудно. На тебя смотрят буквально миллионы глаз. Болельщики помнят былую команду и сравнивают: чего стоят нынешние? Первый раз я выступил за «Спартак» в московском матче против «Уралмаша». Меня сразу захватил настрой моих партнеров. После установки на игру все жалели, что нельзя немедленно вступить в бой, а надо ждать еще два часа…

— Значит, жив спартаковский дух?

Старостин.

«Дух» — понятие отвлеченное. Судите по делам. «Спартак» прошел трудный путь и вернулся в высшую лигу — значит, дух этот живет. Как его поддерживать? Прежде всего принципиальным и честным отношением к футболу. Нужны высокие и благородные цели, они делают каждого бойцом на поле, а всех вместе — дружиной, которая стремится только выиграть. И выиграть только честно! Каждый игрок должен чувствовать, что он — непосредственный участник всех дел команды, а не только спортивная человеко-единица.

Бесков.

Определяя состав на тот или иной матч, мы непременно проводили полутайное голосование. Каждый писал на листке свой вариант состава, затем эти листки оглашались без уточнения авторства. И представьте: у нас, тренеров, почти не было расхождения с мнениями футболистов в определении основных кандидатов на выступление в основном составе! Коллектив — чуткий барометр, он сразу реагирует, если кто-то начинает действовать ниже своих возможностей. Как видите, при всей строгой дисциплине у нас достаточно демократичности. Насколько известно, далеко не в каждой команде руководство советуется с игроками, кого выставить на ту или иную игру.

— Николай Петрович, вы самый спартаковский из всех спартаковцев вообще. Напоминает ли хоть в какой-то степени нынешний коллектив команду лучших лет «Спартака»?

Старостин.

У прежнего «Спартака» стиль был, как бы поточнее сформулировать, сугубо романтичным. Новый старший тренер внес в него реалистические черты, убрал разные «завитушки», архитектурные излишества, оставив все то, что во все времена нравилось трибунам: игру без компромиссов, вкус к атаке, волевую направленность, допустимый риск, натиск.

— Можно ли считать это сочетанием романтизма с рационализмом?

Старостин.

Слово «рационализм» отдает, знаете ли, излишним практицизмом, расчетливостью. Скажем лучше — неоромантизм.

Ярцев.

Есть еще одно обстоятельство. Нам было необычайно интересно. Уроки Константина Ивановича я сравнил бы с академией футбольного мастерства. Мне никогда прежде не приходилось слышать такие идеи, какие преподносил нам старший тренер: свежие, часто парадоксальные, даже ошеломляющие, а присмотришься, применишь на практике, освоишь в ансамбле — и голы быстрее получаются, и противник ошарашен… Могу только пожалеть, что большая часть моей футбольной жизни прошла вне этой школы, вне этого острого образа мышления, поиска нестандартных решений.

Бесков.

Чтобы вернуться в высшую лигу, надо было прежде всего создать модель игры, новую по всем параметрам — техническим, тактическим, физическим. Со многими пришлось в связи с этим кропотливо поработать, а с некоторыми, увы, расстаться: не все захотели или смогли перестроиться. Естественно, требовалось обновление состава, потому и вышел таким неровным первый круг, когда даже известные специалисты футбола не верили, что команда сумеет в конце сезона добыть право на выступление в высшей лиге. Не знаю почему, но большинство из нас верило: сумеет! Учебно-тренировочный процесс был построен так, чтобы отточить пас, улучшить отбор мяча, обводку, удар — основные элементы футбола.

В любой серьезной команде тщательно фиксируется, сколько этих элементов, этих игровых действий выполняет тот или иной футболист в течение матча, а также команда в целом. Например, начав выступать за «Спартак», Георгий Ярцев выполнял за матч 37—40 игровых действий, а к концу сезона — больше сотни! Вся команда начинала с 600—650 игровых действий, а, скажем, в московском матче с «Нистру» из Кишинева таких действий было выполнено больше тысячи.

— Константин Иванович, сказывалось как-либо в работе со спартаковцами то, что сами вы — закоренелый динамовец?

Бесков.

Я профессиональный тренер. Не возникает же никаких вопросов, когда режиссер одного театра переходит руководить творческим коллективом в другой театр… Не хочу убеждать в этом наших ребят, но, может быть, я привнес в их спартаковскую удаль долю динамовской собранности и дисциплинированности. Например, бывали в нашей жизни моменты, когда игры шли очень часто одна за другой, через два дня на третий или через три на четвертый; необходимо было восстанавливать после каждого матча силы, чтобы быть готовыми к следующему. Восстановление лучше и организованнее проходит на спартаковской базе, под наблюдением врача. Конечно, футболистам хотелось поехать после матча домой, побыть с семьей, с друзьями. Но они понимали, что для дела полезнее возвратиться в Тарасовку, и сами, причем охотно, ехали на базу. Сознательный народ! Однако я считал важным сохранить и даже подчеркнуть спартаковский дух, его значение. У команды должно быть свое идейное знамя.

Старостин

. Мне довелось поработать с Константином Ивановичем в олимпийской сборной. Я верю в интуицию и тренерский класс Бескова. Поэтому не вмешивался в учебно-методические, нередко и в тактические вопросы, взяв на себя сугубо воспитательную миссию… У нас впереди еще больше напряженной работы. В высшую лигу мы идем с боевым настроением и постараемся его сохранить. Могу заявить твердо: в первую лигу мы в 1978 году не вернемся!

Отчет об этой встрече опубликован: в «Неделе» № 44 за 1977 год. Третьей частью «недельской трилогии о «Спартаке» стал отчет о встрече в редакции в ноябре 1979 года, напечатанный в 48-м номере.

«СПАРТАК» — ЧЕМПИОН!

Теперь можно оглянуться. 1977 год — сезон в первой лиге, 1978-й — пятое место в высшей, 1979-й — золотые медали чемпионов страны. Что таится за этими цифрами и фактами, какие усилия, какие труды?

Старостин.

Основная роль, на мой взгляд, принадлежит Константину Ивановичу Бескову. На его плечах вся игровая тактика, оперативное искусство и стратегия команды. Угадать амплуа исполнителей, подчас переменить их места, дать им почувствовать себя свободно на поле, технически перевооружить игроков — это все его заботы.

Бесков.

Станиславский сказал: «Театр начинается с вешалки». Нынешний «Спартак» тоже начинался, так сказать, с порога, с азов. Нужно было найти, подобрать игроков, определить их потенциальные возможности, особенности их характеров, необходимые для усердной повседневной работы. Все эти годы мы систематически тренировались по два раза в день, а нередко и по три раза. Я внимательно наблюдал, как игроки выдерживают большие нагрузки, как при этом впитывают футбольную науку. Не все приглашенные оправдывали надежды, как и не все старожилы команды. Не случайно, к примеру, вместо Папаева стал выступать у нас Шавло. Такие замены вызывали недоумение даже у специалистов. После наших поражений в сезоне 1977 года со страниц прессы зазвучали и многозначительно суровые вопросы типа: «Что же дальше «Спартак»?» Не все смогли понять простую истину: чтобы команда соответствовала избранной модели, требуется время. Минимум год, дабы мало-мальски приблизиться к желаемому. Для сравнения: художник тоже сначала делает наброски, эскизы, лишь потом создает само полотно.

Что такое модель? Современный футбол требует универсальности, расширения игрового диапазона футболистов, а следовательно, их технического и атлетического совершенствования. Я был на чемпионате мира 1974 года; посмотрев лучшие матчи, наглядно представил себе модель команды, близкую к идеальной (на мой взгляд, конечно). Эту модель составляли в сумме, в лучших своих проявлениях, сборные Голландии, ФРГ, Польши. Их линии обороны,

полузащиты, атаки сообща как бы моделировали нечто почти эталонное. Вот мы и взяли курс на такой футбол. Ребята в «Спартаке» постепенно подобрались способные, даже талантливые; задача тренера — помочь каждому из них приблизиться к современному эталону… В общем, это был трехлетний непрерывный труд, очень нелегкий, порой просто изнурительный, но, как оказалось, благодарный.

Старостин.

Ну а мое дело — не допустить в коллективе нездорового соперничества, сохраняя здоровую конкуренцию. Отнестись к каждому одинаково справедливо. Позаботиться и о психологическом климате в команде, и обо всем житейском. Например, о нормальной учебе в вузах, они ведь все студенты, наши футболисты. И им всем нужно на экзаменационные сессии: Сереже Шавло — в Ригу, Саше Сорокину — в Волгоград, Олегу Романцеву — в Красноярск… Кстати, эти трое свои институты в нынешнем, 1979 году, закончили.

Или такой пример. Идет разбор сыгранного матча. Особенность Константина Ивановича — после каждой игры, независимо от заслуг того или иного игрока, говорить ему правду в глаза при всех остальных футболистах. Ошибся в стольких-то передачах, не выполнил те-то и те-то оборонительные действия, допустил такие-то и такие-то игровые промахи. Некоторые тренеры предпочитают сглаживать углы, следуя английской поговорке: «Плохая игра — перед хорошей», дескать, в следующий раз сыграешь лучше, чем сегодня. Бесков — тренер открытый, он сразу ставит все точки над і. Ну а каждый футболист — индивидуальность. Один, обидевшись на критику, уходит в себя, впадает в меланхолию, из которой сам же может выйти. А другой швыряет бутсы в угол и кричит, что на этом его футбольная жизнь кончилась и он переквалифицируется «в управдомы»… Тут приходит мой черед: кого успокоить («напрасно обиделся, после будешь сам за правду благодарить»), кого и одернуть. Кого лаской, кого таской. На мою долю остаются характеры.

— В таком случае, охарактеризуйте своих ребят хотя бы кратко.

Старостин.

По принципу: «О чемпионах либо хорошо, либо ничего»? Что ж, скажу о тех, кто больше на виду. Ринат Дасаев. Серьезный парень. Да, для своих двадцати двух лет и счастливой

наружности — вполне серьезный.

Бесков

. Вчера еще новичок, неопытный и довольно робкий, Ринат вырос в одного из лучших вратарей, получил звание мастера спорта. Нередко такое кружит голову. Я говорю Ринату: «Бери пример с Владислава Третьяка. Заслуженный мастер спорта, многократный чемпион мира, Европы, Олимпийских игр. Остается выдающимся вратарем, которого с пути не собьешь. Почему? Потому что тренируется как в первый день своих выступлений за команду мастеров, себя не щадя. Иди по пути Третьяка».

Старостин.

Виктор Самохин. Воспитанник «Спартака» со всеми плюсами и минусами спартаковской школы. Плюсы: скромен, прилежен, общителен. Минус: манера играть по заповеди «Если тебя ударили по правой щеке, подставь левую»… Александр Мирзоян — приятный, воспитанный, культурный спортсмен. Рос в Баку, вершины достиг в Ереване, но быстро приноровился ко всем игровым и бытовым традициям «Спартака»… Володя Букиевский вырос в «Спартаке», усерден в игре, примерный семьянин, так же последователен во всех своих поступках, но ему следовало бы быть агрессивнее — не дома, конечно, а на футбольном поле… Олег Романцев. То, что он капитан, говорит о его авторитете и значении. В прошлом центр нападения, он умело разрушает чужие атаки, а когда сам атакует, чувствует себя в своей стихии. Вообще-то он каков на футбольном поле, таков и как личность, во всех проявлениях жизни. Достаточно серьезен, но не лишен юмора и потому желательный собеседник для всех в команде.

Федя Черенков — подлинный «сын полка»: в «Спартаке» с семи лет. Мальчиком вселял в наставников особые надежды как центр нападения, затем на какое-то время выпал из поля зрения тренеров. Первая же встреча Черенкова с Константином Ивановичем решила судьбу молодого человека. Чудесный техник, тонко чувствует игру. Увы, как и большинство спартаковцев, на поле мягковат. А в жизни он — поистине братец Иванушка с картины Васнецова и потому всеми любим.

Бесков.

Черенков не атлет, в атлетической борьбе явно уступает многим. Но компенсирует это высоким тактическим мастерством, техникой и хитростью. Недостатки своих игроков мы выявляем, стремимся исправить их, в крайнем случае — смягчить и

восполнить их достоинствами.

Старостин.

Вагиз Хидиятуллин. По натуре удалец. В семнадцать лет мастер спорта международного класса, в неполные восемнадцать — центральный защитник «Спартака»; такие головокружительные карьеры случались у нападающих, но у защитника, на моей памяти, впервые. Хотелось бы только, чтобы Вагиз научился сдерживать свои порывы — порывы на поле и в жизни.

Сергей Шавло не по годам серьезен. Впечатлителен, как музыкант. Радует трибуны легким, как у оленя, бегом и особой непосредственностью в работе с мячом. В каждом матче создает массу взрывоопасных положений, но все же частенько стреляет в «молоко». Усердная работа поможет ему обрести оптический прицел…

Георгий Ярцев — лучший бомбардир «Спартака» этих трех лет. Взрывной по скорости и характеру нападающий и человек. Всегда под присмотром двух соперников и, отвлекая на себя двоих, облегчает задачу партнерам.

Юрий Гаврилов — весельчак, куда хитрее на поле, чем полагают его противники. Наверно (по аналогии), и в жизни хитрец. Неунывающий футбольный Фигаро: Юра здесь. Юра там. Юра — гол!

Бесков.

Мы с самого начала знали, что Ярцев всегда заряжен на гол. Но поскольку он не в полной мере обладает способностью создавать себе голевые ситуации, нужен человек, который их создаст и Ярцеву, и другим. Гаврилов — как раз такой человек.

Старостин.

Евгений Сидоров. Быстрый, техничный, одинаково хорош в ролях крайнего полузащитника и флангового форварда. Невелик ростом, а много голов забивает головой, чем-то в этом напоминая Петра Дементьева, легендарного «Пеку». Немногословен, а в футболе ценят тех, кто лишние слова на ветер не бросает…

Эдгар Гесс пришел к нам с репутацией заправского «забойщика» и сразу ее подтвердил. Парень по нравственным качествам со всех сторон подходящий, в коллективе принят радушно.

Бесков

. Эдгар в своей прежней команде, в душанбинском «Памире», был «чистым» нападающим. А у нас проявил себя как

безупречный современный полузащитник. Отличался высокой игровой дисциплиной, старательно выполнял оборонительные действия, при атаках подключался из глубины поля, используя свой мощный и точный удар.

Старостин.

Александр Сорокин. Когда команде трудно, когда противник нас физически «ломит», на поле появляется спартаковский Микула Селянинович. И, как в песне варяжского гостя, об его «скалы грозные дробятся» волны чужих атак. Сорокин при всей своей могутности никогда не грубит и, что характерно, равнодушен к грубости против себя. Знаете, когда в станок закладывается слишком толстая заготовка, из которой нужно выточить тонкий инструмент, ее приходится дольше обрабатывать. Так вот, трех лет не хватило для обточки этой «заготовки», но Александр Сорокин может стать незаурядным игроком.

— А ваше, наставников, сотрудничество развивалось благополучно?

Старостин.

Успешно, даже безоблачно. Мы исповедуем одну и ту же истину: «Все для пользы дела». Во имя этого в спорных случаях находим компромиссное решение. Не вмешиваемся в компетенции друг друга.

Бесков.

Приходим к единому мнению, убеждая друг друга аргументами. Николаю Петровичу я верю: у него широкая Эрудиция, огромный жизненный опыт, безграничная любовь к футболу. Он и сам много играл, а это имеет чрезвычайное значение.

— То есть вы считаете, что успеха скорее добьется тренер, который некогда был хорошим игроком, мастером?

— Да. Как бы ни обижались коллеги, я убежден, да и практика показывает, что, если тренер сам не был большим мастером, он не достигнет больших высот с командой. Сегодня Футбол предъявляет к тренерам повышенные требования, необходимы глубокие теоретические и практические знания и навыки, доскональное понимание дела изнутри. Говорил же Мартирос Сарьян: «Не верю, что человек, не умеющий рисовать, способен научить кого-либо живописи».

— Константин Иванович, объясните, пожалуйста, что именно увидели вы в юношах из второй лиги? Ну, к примеру, в запасном игроке рижской «Даугавы» Сергее Шавло? По каким признакам угадали в нем будущего полузащитника сборной команды Советского Союза?

— Да, Сережу Шавло в «Даугаве» ставили не на каждую игру. Мне все же довелось посмотреть его в течение целого матча: оба тайма он провел в самом современном ритме. Я мысленно представил его в спартаковских рядах — вписывается, годится, смотрится! В таком ритме и следует играть!.. А, допустим, в Александре Сорокине я увидел тот атлетизм, которого недостает команде. И так — в каждом конкретном случае. Мы не обещали им каких-то благ. Мы только говорили: «Будете стараться — станете мастерами, выиграете первенство страны». Учеба и еще раз учеба. Кстати, в «Спартаке» основной и дублирующий составы занимаются вместе. С теми и другими я провожу занятия, тем и другим даю установки на игры. Из 34 матчей нашего дубля я не сумел посмотреть, может быть, три-четыре по уважительным причинам.

— Все большую роль в нынешнем футболе играют статистика, цифры, числа и противопоставления. Как это практикуете вы?

— У нас на вооружении видеозапись. Можно воспроизвести и обсудить, разобрать действия каждого участника матча. Рассматриваем все, что он совершил на своей и на чужой половинах поля. Не думайте, что это излишняя бухгалтерия.

Подсчитано, например, что в сборной Голландии, команде просто отличной, число одних лишь передач мяча в течение матча достигает 300-400 при небольшом (максимум 23 процента) количестве брака, неудачных пасов. В сумме самый активный игрок, как правило, полузащитник, совершает до 130 игровых действий за матч при 17-20 процентах брака, а вся команда в сумме — до 850 различных действий, в основном высокого качества. Нам такое удавалось лишь изредка. Примером эффективности остается для нас игра с «Нистру» во втором круге первенства страны 1977 года в первой лиге. Мы проигрывали 1:2, затем 2:3 и все-таки вырвали победу — 4:3! Тогда спартаковцы совершили 1067 игровых действий, и брак в них уменьшился к концу матча до почти образцовых пределов. Именно в таких встречах сказывается характер команды, который формируется из суммы характеров, — постоянно напоминаем об этом своим футболистам.

Возвращаясь к Сергею Шавло, замечу: в некоторых матчах он приближался по числу игровых действий к 150; это очень высокий показатель.

— Уж не взыщите, Константин Иванович, но говорят, что вы чрезвычайно суровый тренер. Не впервые задаю вам этот вопрос: почему?

— Я уже отвечал, что сам футбол суров, а я его слуга.

Я смею сказать, что знаю, чего требует эта игра. Мяч, он, знаете ли, глухонемой; я его переводчик. Я говорю игроку: нужно вот так и нельзя вот этак. Говорю: нельзя нарушать режим. С себя спрашиваю столь же сурово. Никогда не опаздываю на тренировку, не позволю себе пропустить ее, даже если ощущаю недомогание; участвую во всех упражнениях. Себе никаких послаблений! Между прочим, во всем мире большего добивались как раз те тренеры, которые были к своим воспитанникам особенно требовательны.

Весной 1978 года мы проводили подсчет игровых действий выборочно, фиксируя активность футболистов только передней линии основного состава. Они выполняли за матч втроем примерно 200 игровых действий. Несомненно, мало. Потребовались серьезные усилия, чтобы к концу сезона те же нападающие производили за матч около 300 действий, допуская при этом 20-24 процента брака.

Надо сказать, трудоемкое это дело — фиксировать количество и качество игровых действий каждого игрока. Телезрители, вероятно, замечали во время телетрансляций матчей с участием «Спартака», если показывали его тренерский штаб: один из наставников команды (чаще это был Федор Сергеевич Новиков) беспрерывно наговаривал что-то в диктофон. Пользуясь условными терминами, нами же разработанными (например, «Черенков — пас вперед — плюс», что означало: «Черенков дает пас на выход партнеру, удачно»), Новиков успевал надиктовать на магнитофонную ленту все, что видел, что происходило на поле, в служебном стиле, конечно, без каких-либо эмоциональных комментариев: что именно и насколько успешно сделал тот или иной игрок. На основе этих своеобразных репортажей вырисовывался индивидуальный график активности (или пассивности) и эффективности игры каждого футболиста «Спартака». Отдадим должное тренеру, работающему с диктофоном: полтора часа говорить, быстро и точно формулируя, а затем четыре-четыре с половиной часа расшифровывать свою звукозапись, перенося на график в виде Цифр и условных знаков, — это нелегкий труд.

Разворачивая такой график, мы в любой момент могли проследить последовательно, какое участие в обороне или атаке принимал человек, что сделал или пытался сделать, насколько это ему удалось, забил ли он гол, сделал ли голевую передачу, какую оценку за игру получил. Постепенно такие графики накапливались, объективно отражая степень отдачи делу каждого футболиста, тенденции к подъему или спаду в его игре. Это позволяло строить учебно-тренировочный процесс не на ощупь, а осознанно и целенаправленно; на основе наших графиков варьировать содержание тех или иных упражнений, определять их дозировку применительно к конкретному игроку.

Графики помогали и в беседах с футболистами. Говоришь молодому человеку: «Ты, дружище, что-то ленишься последнее время». Он — в обиду: «Как это ленюсь? Я себя не щажу!» Тут и разворачиваешь перед ним график: «Смотри, тут все подсчитано. Во встрече с «Шахтером» ты больше стоял, чем передвигался, по воротам пробил всего раз, да и то мимо, пять раз пробовал отобрать мяч у соперников — все пять неудачно, и вообще произвел всего 35 игровых действий, половину их — с браком. А говоришь: «Не щажу». Объективная картина показывает обратное». Весьма действенный инструмент воспитания. Статистику не опровергнешь.

Некоторые тренеры других клубов, когда речь заходила о наших подсчетах и анализе игровых действий, откровенно недоумевали: «Зачем эти сальдо-бульдо разводить? Столько слов и усилий — ради чего? Играть надо, а не бухгалтерией заниматься!»

Что ж, вольному воля. А мы продолжали: стали записывать не только свои игровые действия, но и соперников. В том числе иностранных команд, исследуя в этом направлении лучшие клубные коллективы мира сильнейшие сборные стран Европы и Латинской Америки. А уж постоянных своих конкурентов в чемпионатах СССР записывали всенепременно (последние годы моей работы в «Спартаке» это было возложено на Петра Евгеньевича Шубина). Модельные показатели противника подсказывали вариант тактики, борьбы с ним в предстоявшем матче.

— Говорят, приняв «Спартак», вы разработали план-программу на четыре года, который выполнили за три?

— Мы планировали вернуться в высшую лигу в семьдесят восьмом году, закрепиться в ней — в семьдесят девятом, бороться за первое место — в восьмидесятом. Выполнили программу досрочно. Но впереди работы столько же, сколько было в начале

семьдесят седьмого года.

— Несколько слов о сборной, которую вы снова возглавили.

— В матче с очень сильной командой ФРГ новички нашей олимпийской сборной (а в ней только новички) сделали фактически свой первый шаг на таком уровне. Несмотря на поражение, я после матча поздравил ребят с почином, пожал каждому руку, произнес общее: «Молодцы». В самом деле, 19 ноября впервые собрались, а 21-го уже играли не с кем-нибудь, а со сборной ФРГ. Лучше сыграть на данном этапе и не могли.

— Вас трудно представить без футбола. Интересно, возможен ли Бесков-рыболов или, скажем, Бесков-грибник?

— Я не против рыбалки. Но отпуск у меня, как правило, бывает в декабре, когда рыба подо льдом. Последние годы провожу отпуск в Кисловодске. Хожу там на дальние дистанции. В декабре 1978 года, например, за двадцать пять дней отшагал 240 километров. Каждый день поднимался на гору Малое седло. А поднявшись, нужно таким же манером спуститься…

* * *

Команда принимала поздравления, выслушивала комплименты, читала в прессе самые позитивные отзывы о возрожденном коллективе и его нестандартной привлекательной игре. Вернулся на трибуны зритель. Вспомним, в сезоне 1976 года некоторые матчи московского «Спартака» собирали максимум… тысячу зрителей!..

Но, пожалуй, лишь теперь, по прошествии полутора десятилетий, оглядываясь назад, полностью осознаешь, какого труда стоило движение спартаковцев «вперед и вверх» в 1977-1979 годах. В 1990 году у футболистов появился мощный материальный стимул. За победу в календарном матче первенства игрок может получить 200-250 рублей, за следующую победу — еще больше, и сумма возрастает по мере эффективности игры команды. Что ж, это, наверное, неплохо. При состоятельных спонсорах — вполне естественное явление. Но тогда, в первые годы моей работы в «Спартаке» (впрочем, и до самого моего ухода из команды), денежных стимуляторов не было. «Спартак» был бедной командой. Его нужно было любить.

Тогда нашими «стимуляторами» были спартаковский патриотизм, спартаковский престиж, уважение к болельщикам, которые готовы были носить игроков на руках. Осознанный труд наших футболистов-подвижников был не очень благодарен в материальном смысле, но сторицей вознаграждался любовью почитателей.

Второй круг сезона 1977 года показывал, на какой уровень выходит команда. Этот уровень достигался не революционным путем, то была эволюция. Коллектив создавался, сыгрывался — полгода трудно, полгода бодро и с ускорением. Мы вернулись в высшую лигу с гордо поднятой головой. Заканчивая сезон, начали готовить футболистов к следующему: перед отпуском дали каждому рекомендации, как в каникулярный период сохранить игровые и в какой-то степени физические кондиции. Мы знали свои слабые места.

Все познается в сравнении. Сравним «Спартак» 1978 года с ведущими командами страны по числу игроков, имевших опыт выступлений в высшей лиге. Например, в команде тбилисского «Динамо», которая сделалась чемпионом СССР в 1978 году, к началу сезона Манучар Мачаидзе провел более 250 игр в высшей лиге, Давид Гогия —более 200, Давид Кипиани, Владимир Гуцаев, Пейруз Кантеладзе, Шота Хинчагашвили — около 200 каждый. На счету каждого из остальных игроков команды было не меньше сотни матчей. Столь же внушителен послужной список у киевских и московских динамовцев, торпедовцев и игроков некоторых других клубов.

А в «Спартаке» 1978 года только защитник Владимир Букиевский и полузащитник Михаил Булгаков сыграли более чем по 100 матчей; большинство же игроков располагало опытом, исчислявшимся в лучшем случае двумя-тремя десятками встреч за основной состав в высшей лиге, а то и вовсе не имело такого опыта. Не хватало не только практического мастерства, но и элементарной турнирной «обкатки».

Поэтому первый круг в высшей лиге прошел для нас крайне трудно. В прессе промелькнули даже высказывания обозревателей, что, дескать, «Спартак» близок к опасной зоне и может вновь покинуть передовой эшелон отечественного футбола.

Такое впечатление возникало не только у наблюдателей со стороны, но и у некоторых игроков нашей команды. К примеру, Евгений Ловчев вдруг попросил отпустить его из «Спартака». По этому случаю было собрано специальное заседание московского городского совета общества; с Ловчевым считались, терять его не хотели, пытались выяснить, в чем причина ухода.

«Я не хочу во второй раз вылетать в первую лигу!», — заявил

Ловчев на этом заседании.

И все же его просьбу-требование удовлетворили не немедленно. Предложили, со всей доброжелательностью, подумать до завтра: «Если завтра будешь настаивать, отпустим». Он продолжал стоять на своем, добился отчисления и вскоре оказался в столичном «Динамо». Читал после одно его интервью, в котором Евгений признавался, что в «Динамо» ему не по себе, непривычно, что он не может приспособиться к «неспартаковскому образу жизни».

Недоброжелатели (были и такие) открыто предсказывали нам провал. Не знали они, не могли знать коллектив людей, который складывался в борьбе за выживание в высшей лиге. Все матчи сезона-78 сыграл Вадим Павленко, симпатичный парень, забивавший мячей больше, чем произносил слов. Устремленность Ярцева в прорыв, его умение выйти на ударную позицию и точно пробить были подкреплены «боепитаиием», которым распоряжался диспетчер Юрий Гаврилов.

О Гаврилове, которого я сам еще в 1972 году включил в заявочный список московского «Динамо» (ему было тогда 19 лет), я вспомнил в 1977 году, но тот сезон прошел для него «под знаком» тяжелой травмы. В «Динамо» Юрий пребывал почти «не востребованным» годами, хотя и получил однажды бронзовую медаль; без него там обходились спокойно, держа большей частью в дубле. Я не сомневался, что неудовлетворенное желание играть проявится в Гаврилове с необычайной силой. И рад, что не ошибся: и Ярцева, и других партнеров Юрий обеспечивал выверенными оригинальными передачами да и сам забивал немало, став в дальнейшем лучшим бомбардиром одного из сезонов.

Я предполагал также, что будет мобильным и всюду поспевающим Сергей Шавло. Он оправдал, а кое в чем и превзошел надежды, стал подлинным мотором команды, придавал динамику всей ее игре. Все надежнее действовал в обороне Олег Романцев, успевая и атаковать. Он тоже провел все без исключения матчи сезона-78.

19 мая 1978 года в последний раз выступил за «Спартак» Александр Прохоров. Мы горячо благодарили его при прощании: он много сделал для команды. Место в воротах прочно занял молодой Ринат Дасаев. Мог ли он тогда хоть втайне мечтать, что, безвестный, неопытный, приглашенный. из астраханской команды, пройдет бесценную школу в спартаковском коллективе и в один прекрасный день по итогам референдума зарубежных спортивных обозревателей будет назван лучшим вратарем мира?!

Неплохо потрудились в сезоне-78 Вагиз Хидиятуллин, Виктор

Самохин, Александр Калашников, Михаил Булгаков. Миша хорошо владел дриблингом, был подвижен и азартен. Одна беда — тяготел к действиям в слишком широкой зоне, а я, учитывая этот его «размах», вынужден был убеждать: «Твое рабочее место — на подступах к штрафной площади противника и в штрафной. Оборонительные действия на тебя не возлагаются, и диспетчером ты быть не можешь. Делай то, что тебе лучше всего удается».

Действительно, так ли уж выгодно нам, чтобы нападающий непременно возвращался к своей штрафной площади и помогал в обороне? Погоду он тут все равно не сделает, а силы потратит и должен будет после этого совершать дальний рейд. Нет, его дело — атака чужих ворот. Пусть его долю участия в защите возьмет на себя «двужильный» полузащитник.

Георгий Ярцев просто расцвел «под солнцем» Юрия Гаврилова. Завершая первый круг, мы выиграли в Ташкенте у «Пахтакора» — 3:1 и на московском поле у «Кайрата» — 4:1, и все эти семь мячей забил Ярцев. Он вел спор за звание лучшего бомбардира чемпионата с самим Рамазом Шенгелия — и выиграл это соперничество. В свои 30 лет Ярцев получил приз газеты «Труд», был внесен в список 33 лучших футболистов сезона. Тот самый «провинциал», который некогда не приглянулся московским армейцам, побыл в составе дубля ЦСКА и отбыл восвояси к себе в Кострому доигрывать отпущенное природой время в футболе. Тот «невидный» игрок, о котором за полтора года до его триумфа говорили мне иные знатоки: «И зачем только взяли вы этого Ярцева?» Между прочим, он был в числе основных претендентов на титул лучшего футболиста 1978 года, набрал голосов несколько меньше, чем Олег Блохин и Рамаз Шенгелия, и занял «всего-навсего» третье место в стране — это он-то, немолодой спортсмен из второй лиги…

Кроме Ярцева в списке 33 лучших оказались Гаврилов, Романцев и Шавло. В состав сборной СССР вместе с Ярцевым были включены Гаврилов и Хидиятуллин. Неплохое представительство для команды, лишь накануне вернувшейся в высшую лигу! Кроме всего прочего, спартаковцы по итогам года получили «Кубок прогресса» как команда, совершившая самое крутое восхождение: с пятнадцатого места на пятое.

Да, у Евгения Ловчева были причины нервничать: в первом круге мы потерпели семь поражений. Добились двух ничьих и всего шести побед. Соотношение мячей — 21:21. Девятое место (тоже, кстати, еще не катастрофа, и нервы свои следовало держать в узде). Да, нас лихорадило. Мы выигрывали у «Локомотива» и проигрывали «Нефтчи», красиво одолевали «Арарат» и сразу вслед за этим нас ставил на место «Зенит». Мы

проиграли тбилисцам, московскому «Динамо», ЦСКА. Мы проиграли киевскому «Динамо» в Москве со счетом 0:3.

Но во втором круге — восемь побед, три ничьи и четыре поражения. Соотношение мячей — 22:12.

Знаменательным стал для нас день 23 сентября. Можно сказать, отправной точкой, стартовой площадкой дальнейшего спартаковского взлета. Мы принимали в столице тбилисских динамовцев, которые через несколько туров после встречи с нами стали чемпионами страны. Об этом матче кратко, но красноречиво сообщалось в «Известиях»: «Великолепный футбольный спектакль сыграли «Спартак» и тбилисское «Динамо». В темпераментной, острой, зрелищно яркой игре спартаковцы сумели взять верх над лидером чемпионата — 2:1 (Сидоров и Гаврилов, Шенгелия)».

В «Советском спорте» тоже была высокая оценка: «Давно мы уже не видели столь яркой игры».

Лев Филатов в «Футболе — Хоккее» сделал вывод: «Спартак» в этот раз держал генеральную проверку и выдержал ее».

По окончании этого матча, войдя в нашу раздевалку, я сказал: «Сегодня вы сыграли просто по-чемпионски. Значит, настало время подумать о будущей победе в чемпионате страны».

В команде собрались люди, прошедшие жестокий «естественный отбор» не по Чарльзу Дарвину, а по законам футбола. Некоторые не выдержали напряжения, физических и психологических нагрузок и перебрались в запас. Кто не пожелал состоять в запасе, попросился из команды.

Как тренер, я несу ответственность и перед зрителями, и перед командой. Твердо знаю: состав команды, выходящей на поле, должен быть цельным и отобранным из единомышленников. Нельзя держать в составе утратившего игровые качества человека — ни из жалости, ни из уважения к его прежним заслугам, ни из чувства личной симпатии, ни под давлением «сверху». Нельзя отправлять на скамью запасных сильного и умелого, а на поле вместо него выпускать слабого и не готового к серьезной борьбе.

В начале сезона-78 некоторые вполне искренние люди убеждали: «Не рискуйте, ставьте перед собой посильную задачу — закрепиться в высшей лиге. А там видно будет». Принять такие советы, следовать им означало бы ограничиться сегодняшним днем, не думая о будущем. Этот путь мы отвергли. Как отвергли и идею каких бы то ни было «выездных моделей».

Нашими принципиальными установками стали: бороться за высокое место в турнирной таблице, в каждом матче стараться сыграть красиво, интересно и выиграть, а для этого, дома мы или

не дома, атаковать. Такая «философия» требовала совершенствования учебно-тренировочного процесса.

Константин Сергеевич Станиславский сказал, что успеха в искусстве добивается тот, кто ставит перед собой сверхзадачи. В полной мере это относится к спорту, к игрокам и тренерам. Готовясь к следующему сезону, мы по технико-тактическим показателям решили ориентироваться на сборную ФРГ в бытность ее чемпионом мира. На чемпионате мира 1978 года на авансцену вышли форварды, явно усилилась линия атаки. Атаковали все — не только лидеры, но и аутсайдеры вроде команд Ирана и Туниса, прибывших в Аргентину не с «выездными моделями», а с глубоко эшелонированной обороной и с нескрываемым намерением забить сколько получится. Опыт мирового футбола подкреплял мой призыв к футболистам «Спартака»: «Атаковать! В каком бы городе мы ни играли, главное — победить!»

Начало сезона 1979 года обнадеживало. Словно позабыв об обычной весенней раскачке, клубы высшей лиги сразу вступили в острейшую турнирную конкуренцию, многие игры шли при переполненных трибунах.

Мы продолжали совершенствовать систему взаимодействия игроков, их взаимозаменяемости в ходе выполнения комбинаций. Дополняли, варьировали. Вот одна из наигранных комбинаций: крайние нападающие направляются в центральную зону атаки, а на одном из флангов в эти мгновения открывается для получения мяча атакующий полузащитник или защитник. Если же крайние нападающие находятся на флангах, то между центральным и крайним защитниками противника вдруг просачивается опять-таки наш полузащитник. Если в семьдесят седьмом году в атаку устремлялся чаще всего Виктор Ноздрин, то в семьдесят девятом вперед пошли все игроки обороны. Любой наш защитник мог вдруг вырваться на ударную позицию и пробить по чужим воротам. К середине первого круга система заработала на полную мощность. К ней не могли приспособиться наши оппоненты. По существу, именно благодаря этой системе «Спартак» стал чемпионом страны.

Безусловно, системе нужны исполнители, претворяющие ее в жизнь. Они нашлись и были самоотверженны, были даже неистовы в осуществлении нашей тактической концепции.

Очень важен микроклимат в коллективе. Если бы в команде были распри, сплетни, кривотолки или, что еще хуже, группки оппозиционеров, если бы мы не были едины, то разве удалось бы вчерашним новичкам высшей лиги завоевать золотые медали чемпионов СССР?

Многое зависит от настроя игроков. Был, например, момент,

когда пришлось сказать им нелицеприятно:

— Хватит хвалить друг друга! Главные матчи еще нужно выиграть!

Про нас писали: «На старте «Спартак» держится скромно. Только к концу первого круга спартаковцы вклинились в ряды лидеров».

Действительно, переломной стала для нас первая игра второго круга — со столичным «Динамо»: проигрывая 0:1, сумели победить 2:1. Затем соперничали в основном с киевскими динамовцами, «Шахтером» и «Зарей», которые составили нам конкуренцию в борьбе за первенство. Одно время казалось, что киевляне не пропустят нас вперед. Да и матч с ними предстоял на киевском поле.

Думаю, динамовцы Киева хорошо помнили состоявшийся незадолго до этого матч команд Москвы и Украины в рамках VII летней Спартакиады народов СССР. Команда москвичей базировалась преимущественно на «Спартаке», в нее вошли Дасаев, Самохин, Хидиятуллин, Павленко, Гаврилов, Сидоров и Черенков. Я был старшим тренером. Трудный получился полуфинал Спартакиады, принципиальный. Против нас выступали Блохин, Буряк и другие ведущие мастера украинской столичной команды. Мы вели со счетом 1:0, соперники жаждали отквитать гол и были к этому близки. И тут Гаврилов, находясь в окружении киевских защитников, да к тому же спиной к воротам соперников, улавливает чутьем и боковым зрением рывок Черенкова! И дает ему идеальный пас в штрафную площадь! Удар — 2:0, полуфинал выигран (в финале Спартакиады команда Москвы одолела команду Грузии — 2:1).

Помня об этой спартакиадной встрече, киевляне в матче первенства страны сделали ставку на атлетичный футбол с плотной физической борьбой в каждой схватке за мяч. Не располагая набором сильных атлетов, мы решили противопоставить силовой игре игру острую, комбинационную. Переиграть хитростью и неожиданностью решений.

Киевляне, например, не ожидали (впрочем, и спартаковцы такого не предполагали до начала матча), что роль центрального защитника будет поручена Виктору Самохину, который до этого считался опорным полузащитником, тяготеющим к обороне. А ему велено было ходить в атаку! Появление Самохина в боевых порядках обороны киевлян и вообще его удавшаяся игра на новом поприще внесли некоторую сумятицу в действия динамовской защиты.

Далее. Вряд ли ожидали киевские футболисты и тренеры, что на левом краю нашего нападения появится Евгений Сидоров:

последнее время эту позицию прочно занимал Эдгар Гесс, а Сидоров был переведен в полузащиту. Но я вернул его в нападение, вспомнив о победном матче на Спартакиаде, когда Сидоров забил украинской команде первый гол. Эти перестановки, возможно, на взгляд киевлян не слишком логичные, принесли нам успех.

Сидоров безупречно навесил мяч в «горячую точку» перед воротами Юрия Роменского, и Гаврилов головой послал его в дальний угол ворот, на мгновение всех опередив. А затем Хидиятуллин ворвался с мячом в штрафную площадь, дошел почти до лицевой линии и оттуда аккуратно выдал пас наискосок назад Ярцеву, который не медлил ни секунды — 2:0.

Скептики могут пожать плечами, но я уверен, что некоторое влияние на боевой настрой спартаковцев оказал наш предматчевой культпоход в кино. Я не случайно выбрал для просмотра американский боевик «Каскадеры» — о мужественных и дерзких людях опасной и редкой профессии. Такие фильмы, вынужден повториться, «ставят на взвод» молодых парней, готовящихся к соревнованию.

В Москву уезжали поездом, который обслуживала киевская бригада проводников. Когда спартаковцы садились в вагон, хорошенькая проводница лукаво спросила: «Ну и каков рохунок?» Галантный Георгий Ярцев ответил с полупоклоном: «Уж не взыщите, два-ноль в нашу пользу!» Уезжали мы в превосходном настроении.

Затем — игра в Ташкенте. Не использовали много голевых ситуаций, только Александр Мирзоян не сплоховал, мягко и точно пробил пенальти, назначенный за снос Ярцева близ вратарской площадки. Но «Пахтакор» сумел сквитать счет, и ничья стала для нас девятой, а очки в том сезоне начислялись лишь за первые восемь ничьих. «Шахтер» тем временем выиграл у себя дома у «Крылышек».

Следующий матч — с «Черноморцем» в Одессе. На 7-й минуте встречи одессит Головин, приняв мяч, поданный от углового флага, переправил его в наши ворота. Три минуты спустя Хидиятуллин ударил издали, и вратарь «Черноморца» Иван Жекю пропустил мяч буквально между рук: не был готов к дальнему сильному удару. Жекю пришел в отчаяние. Мы были почти чемпионами: если бы сумели забить второй гол и набрать два очка, «гонка» бы кончилась. Правда, для этого нашим преследователям-киевлянам нужно было проиграть в тот же вечер в Тбилиси. Но второй гол ни мы, ни «Черноморец» забить не смогли. Зато сумели забить его тбилисские динамовцы, победив 1:0 киевских одноклубников и оказав нам таким образом услугу.

Оставался последний матч календарного сезона — с командой СКА в Ростове-на-Дону. На ростовском поле всегда трудно выигрывать, а на сей раз мы не сомневались, что будет вдвойне тяжело. Ростовчане в том сезоне зарекомендовали себя большими умельцами делать ничьи. Мы готовились к тому, что донские армейцы выставят перед нами девять игроков обороны — «бетон». Что ж, надо было взламывать «бетон». Две предыдущие «пустые» ничьи встряхнули спартаковцев, в хорошем смысле разозлили, победить нужно было вопреки любым обстоятельствам.

— Надейтесь только на себя! — говорил я перед этой игрой на установке. — Путь к золотым медалям один-единственный: сыграть лучше, чем сыграют ростовчане. Ваш успех — в ваших руках!

На 5-й минуте встречи Гаврилов с линии штрафной площади, подкрутив мяч, отправляет его в самую «девятку» — верхний угол ворот СКА. Поневоле вспомнишь, как перед самым выходом на поле я сказал Гаврилову: «Юра, ты ведь умеешь красиво забивать, самое время это сделать». Начало было положено. Теперь, чтобы сквитать счет, армейцы должны пойти вперед, значит, раскроются, и у нас в нападении будет возможен маневр…

На 26-й минуте Владимир Букиевский издалека сильнейшим «выстрелом» удваивает счет! Дышать стало легче…

36-я минута… Центрфорвард армейцев Сергей Андреев после розыгрыша штрафного удара обманывает нашего молодого вратаря Алексея Прудникова, который заменил получившего травму Рината Дасаева. Какая же ноша навалилась вдруг на парня, по существу еще не игравшего в основном составе… Счет стал 2:1. Пока мы ведем.

Во втором тайме назначаются два пенальти, в те и другие ворота (оба — за дело!). Бьет Мирзоян — 3:1, бьет Андреев — 3:2. И до последних секунд идет яростный штурм наших ворот.

В перерыве я успокаивал спартаковцев: мол, не нервничайте, братцы, на худой конец придется проводить сверх календаря решающий поединок с «Шахтером», очков-то с ним будет поровну, так что не все потеряно…

Спартаковцы выстояли. Прозвучал финальный свисток, и ребята в красно-белых майках кинулись меня качать. Ростовские футболисты поздравили нас с победой в чемпионате СССР первыми. А потом в самолете, взявшем курс на Москву, по трансляции прозвучал голос бортпроводницы: «Уважаемые пассажиры, на борту нашего самолета, совершающего рейс по маршруту Ростов-на-Дону — Москва, находятся футболисты московского «Спартака». Экипаж поздравляет команду с золотыми

медалями чемпионов страны и желает им новых побед!»

Это была моя первая тренерская золотая медаль. Впрочем, вторая: чуть раньше получил золотую медаль Спартакиады народов СССР. Та награда, безусловно, почетна и приятна. Но за нее пришлось сражаться всего две недели. А за медаль чемпиона страны — фактически три сезона. Три года, в течение которых возрождался, вставал на ноги, мужал, набирался сил и ума, шлифовал мастерство наш «Спартак».

Итоги: 21 победа, 10 ничьих, 3 поражения. Соотношение забитых и пропущенных мячей — 66:25. В среднем почти два гола за матч. Что характерно, 18 мячей забили игроки оборонительных линий. Значит, система сработала!

Команда получила призы: имени Григория Федотова, «Крупного счета», «Агрессивному гостю», Федерации футбола (за сумму очков, набранных двумя составами), «За лучшую разность забитых и пропущенных мячей».

Мне было поручено готовить олимпийскую сборную СССР к Олимпийским играм 1980 года. Они проходили в Москве, поэтому команда СССР, страны-организатора Игр, от отборочных матчей освобождалась. В этом назначении выразилось признание успехов «Спартака».

До начала футбольного турнира XXII Олимпийских игр оставалось около девяти месяцев. К нашим командным заботам прибавилось еще участие в розыгрыше Кубка европейских чемпионов. Наконец были уже известны результаты жеребьевки отборочных групп чемпионата мира 1982 года (наша 3-я группа — Чехословакия, СССР, Уэльс, Турция, Исландия). И было не исключено, что руководить советской сборной и в матчах чемпионата мира предстоит также мне. Пришлось забыть об отдыхе.

Когда спартаковцы, прилетев из Ростова-на-Дону, прибыли на свою базу в Тарасовку, группа журналистов явилась туда, чтобы поздравить чемпионов. Мы были приглашены на семейное спартаковское торжество. В столовой команды были накрыты столы. Съезжались гости. Это была свадьба одного из футболистов. Но было известно, что команде на днях предстоит вылет в турне по Марокко. И в тот вечер игроки «Спартака» лишь пригубили бокалы с шампанским, мало кто из уезжавших в турне позволил себе выпить чуть больше. Веселились гости. А футболисты, уже осознав свое чемпионство, сохраняли достоинство, и только озорной Юрий Гаврилов периодически организовывал скандирование: «Горь-ко! Горь-ко!»

В самом начале празднества возник эпизод, на который хочется обратить внимание. В столовой команды каждый занял свое место за столиками, лишь несколько журналистов остались стоять в нерешительности. И тут Ринат Дасаев, подойдя к нам, во всеуслышание упрекнул товарищей:

— Что же вы, хозяева? Гости стоят, а вы расселись?

Сразу несколько футболистов стали приглашать нас за свои столы, но Ринат выбрал позицию получше, чтобы все было видно и слышно. В этом проявились его капитанские наклонности, впоследствии оцененные коллективом.

Среди гостей было знакомое лицо — Александр Кодылев, еще не так давно выступавший в «Спартаке» до выхода команды в первую лигу. Я подошел к нему, и Александр с глубокой грустью признался: «О, если бы мне можно было вернуться в этот «Спартак»! Их тренер — сам Бесков. Вот у кого учиться…»

— А теперь позвольте вопрос, Константин Иванович. Вы предполагали, что после чемпионского сезона неизбежен спад в игре спартаковцев? Имею в виду очередной всесоюзный турнир.

— Да, спад был вполне вероятен. Предвидя его, надо было постараться построить учебно-тренировочный процесс так, чтобы ухудшение отразилось на команде наименее болезненно.

* * *

Не считаю, что «Спартак» провел сезон 1980 года слабее, нежели предыдущий. Нужно помнить, что большая группа спартаковцев — те, которые входили в олимпийскую сборную и в национальную сборную СССР, — сыграла на целых 30 матчей больше, чем все остальные игроки команд высшей лиги. Подумайте, читатель, тридцать матчей — это фактически еще один чемпионат. К тому же проводились эти игры в основном с национальными или олимпийскими сборными разных стран. При такой нагрузке удержаться на первом месте — более чем проблематично.

Тем не менее в матчах с киевскими динамовцами, которые весьма тщательно подготовились к сезону и 20 встреч подряд

провели без поражений, мы поделили очки поровну. У киевлян в то время выступали Буряк, Блохин, Веремеев, Колотое, Евтушенко, Бессонов — цвет нашего футбола. С «Зенитом», вырвавшимся на третье место, мы тоже поделили очки. Выиграли обе встречи у тбилисцев, московских торпедовцев, «Пахтакоре», «Шахтера», «Локомотива», отняли по три очка у «Кубани», «Нефтчи», минского «Динамо». Получили много призов по итогам сезона, серебряные медали, семь спартаковцев были включены в список 33 лучших футболистов года.

К нам уже предъявлялись претензии, дескать, отступили, сдали завоеванные рубежи. Приятно было читать такие упреки в прессе: значит, высоко оценивалась наша молодая, едва оперившаяся команда, если от нее ждали исключительно чемпионских результатов.

Ну а теперь о сборной. Я принял ее осенью семьдесят девятого года, и до конца сезона она еще успела провести четыре встречи. Пожалуй, достоин внимания товарищеский матч со сборной Румынии, игравшийся в Лужниках. Нашу сборную к этой встрече готовил Олег Базилевич. Хидиятуллин открыл счет, Буряк с одиннадцатиметрового удвоил его, румын Николя отквитал мяч, но перед финальным свистком югославского судьи Никича наш форвард Юрчишин закрепил победу.

Читателю может показаться, что я лишь механически перечисляю сыгранные встречи, забитые и пропущенные мячи. Поверьте, что это не так. Внимательный любитель спорта может по этим данным проследить путь команды, тенденции ее развития, а опытному спортсмену или тренеру такая информация расскажет о многом: о роли того или иного игрока, о подъемах и спадах в игре сборной, о ее уязвимых местах.

К примеру, возьмем ничью с командой Финляндии — 2:2. Казалось бы, почти ничего не решающий матч, встреча со спарринг-партнерами. Но нам стало ясно, что финские футболисты, которых традиционно считали вроде бы несерьезными противниками, выросли, кое-чему научились. На голы Андреева и Гаврилова финны в последнюю пятнадцатиминутку, взорвавшись, ответили двумя голами. Что это означает? А то, что расслабились наши ребята, посчитали дело сделанным. Сказался давнишний хронический недуг — неумение мобилизовать все внимание и старание на 90 минут игры.

Последнюю проверку в семьдесят девятом году сборная проходила в Тбилиси 21 ноября. Соперник был грозный: национальная команда ФРГ. Дважды Румменигге и один раз Фишер поразили наши ворота. Лишь за несколько минут до конца

матча Маховиков «размочил» счет. 1:3. Немецкая команда оказалась сильнее и несравнимо опытнее нашей. Проиграть ей было, конечно, не позорно, а пользу мы извлекли немалую, разобрав по Деталям действия немецких мастеров, их логику, игровую активность, физическую выносливость и мастерское владение мячом на высокой скорости.

Замечу, что в традиционной классификации сборных европейских стран, проводимой еженедельником «Франс футбол», сборная СССР была вынесена а верхнюю часть таблицы. Она поделила второе-третье места с командой Бельгии — серебряным призером первенства Европы 1980 года.

Тогда же на вопрос генеральному секретарю Международной федерации футбола Хельмуту Кезеру о том, как он оценивает игру советских футболистов, считает ли их действительно достойными второго-третьего мест на континенте (ведь в 1980 году они особых успехов в официальных турнирах не добились), . был дан такой ответ:

— Сборная СССР — сильный, сыгранный коллектив. Я видел все матчи олимпийского турнира с его участием. Советские игроки умеют делать на поле все, кроме одного: использовать голевые передачи. Я подсчитал: в ходе полуфинального матча с олимпийской командой ГДР советские олимпийцы двадцать раз били по воротам, которые защищал Бодо Рудваляйт, и ни один удар успеха не принес. Футболисты ГДР пробили по воротам Рината Дасаева всего семь раз, но один удар принес гол и, несмотря на затяжной штурм, предпринятый вашими игроками, победу в матче. А ведь в футбол играют, в сущности, ради гола. Можно быть превосходным дриблером, прекрасно видеть поле, но если не умеешь забивать, цена тебе невысока. Футболисты сборной СССР терялись в решающие моменты. Не имею в виду игровую инициативу. Говорю об искусстве использовать благосклонность футбольной фортуны.

Не могу не согласиться с генеральным секретарем ФИФА. В технико-тактической и физической подготовке наши олимпийцы ничуть не уступали своим оппонентам из ГДР. Однако закрепощенность наших футболистов, скованность в решающий час, какая-то судорожная спешка, промахи в положениях, в которых классному игроку промахиваться не пристало, — все это из области психологии, может быть, даже подсознания.

Поколения наших игроков воспитывались в условиях постоянных «накачек», «ценных указаний» от руководства, назиданий, «оргвыводов» после поражений. Если команда страны проигрывала, допустим, четвертьфинальный матч чемпионата мира, то досмотреть главные соревнования планеты ей не давали,

отправляли в наказание домой. А ведь именно присутствие на играх сильнейших команд мира, на полуфиналах и финале стало бы ни с чем не сравнимой школой футбольного мышления.

Провинившимися мальчишками ощущали себя наши мастера после каждой международной неудачи, от которой не застрахована ни одна команда мира. Им читали нотации, их лишали почетных званий, и традиционность наказаний оказывала воздействие на футболистов следующих поколений. Во всяком случае, мои питомцы, олимпийцы 1980 года, знали и то, что в свое время их наставник Бесков лишался звания заслуженного мастера спорта за один проигрыш югославам на Олимпиаде-52 (не от меня они это узнали, но поди скрой что-нибудь от любопытных парией, посвятивших себя футболу). Думаю, что моральная неустойчивость молодых игроков, взращенная административно-командной системой руководства всеми сферами жизни, сказалась и в полуфинальном матче московской Олимпиады.

Из чего же, в таком случае, исходили достаточно искушенные в футболе специалисты «Франс футбола», столь высоко ставя нашу сборную в европейской табели о рангах? Уж, наверно, не из сопоставления нюансов; просто учли конкретные результаты ее выступлений на уровне национальных команд. Какие же это были результаты?

26 марта 1980 года, София, стадион «Васил Левеки». Сборные Болгарии и СССР. Судья Шерель (ГДР). Мы выиграли со счетом 3:1, голы забили Черенков (два) и Челебадзе, причем наша команда отыгрывалась, так как счет открыл болгарин Цветков.

29 апреля, Мальме, «Мальмештадион». Сборные Швеции и СССР. Судил матч англичанин Уайт. Победили со счетом 5:1. Два гола на счету Сергея Андреева, по голу забили Гаврилов, Челебадзе, Федоренко. У шведов отличился полузащитник Нордгрен.

23 мая, Москва, Лужники. Принимаем сборную Франции. В ее составе: Платини, Лякомб, Трезор, Тигана, Босси… Судья Кути из Венгрии. На трибунах, между прочим, 65 тысяч зрителей, интерес к футболу стал возвращаться благодаря удачам сборной. Мы вновь побеждаем — 1:0, гол в активе Федора Черенкова.

15 июня, Рио-де-Жанейро, знаменитый стадион «Маракана», 30-летию существования которого был посвящен матч сборных Бразилии и Советского Союза. Победителя в этой встрече ждал поразительно красивый кубок из малахита, получить который было подлинным наслаждением. Судил игру бразильский арбитр Куэльо.

Когда на 22-й минуте Нуньес забил нам гол (очень технично

обработал мяч и без промедлений мощно ударил «из-под ноги» нашего защитника Сулаквелидзе), я подумал: «Ну, опять… Неужели нам никогда не доведется справиться с бразильцами?» Не могу упрекнуть Дасаева в этом пропущенном мяче: уж очень ловко и неожиданно пробил Нуньес.

Но вот что значит свобода духа: не связанные по рукам и ногам ответственностью «перед всем советским народом», наши молодые футболисты показали бразильской публике, что и они кое-что освоили, а многие прежние ошибки учли. Оборона успокоилась, во всех линиях наладилась своя непринужденная игра, и на 32-й минуте Федя Черенков технично и изящно, прямо-таки в бразильском стиле, отквитал мяч. Всего шесть минут прошло после этого, и Сергей Андреев в своем решительном армейском стиле сильным ударом, на какие он был горазд, вывел нашу сборную вперед!

Бразильцы заволновались… Оказывается, и у них есть слабые места, которые становятся видны, когда они проигрывают. Например, крайние защитники Жуниор и Нелиньо выполняли рейды с мячом в наши оборонительные порядки, но лишь по своим «желобкам», не пытаясь сместиться вдруг к центру, откуда удар может быть опаснее. Зико, искуснейший дриблер, упорно старался пробиться на голевую позицию только через центр. Уловив это, наши центральные защитники активно пресекали его замысловатые ходы. Зико, Серезо, Эдер, Сократес (какие имена!) били по воротам Дасаева, били сильно, быстро, точно. Но наш вратарь оказался выше всяких похвал. В тот день был на «Маракане», пожалуй, его «звездный час».

И мы наконец выиграли у самих бразильцев!

Еженедельник «Футбол — Хоккей» посвятил этому матчу, этой единственной победе советской сборной над сборной Бразилии целый разворот под заголовком «Испытание «Мараканой».

Да, было чем гордиться. С 1958 года бразильские футболисты уже не те «жонглеры», которые любили искусство ради искусства, исполняли на поле трюки ради трюков, не особенно заботясь о голах в ворота соперников. Нет, к той встрече с нами это были уже трижды чемпионы мира, которые несколько меньше сверкали в десятилетие между 1970 и 1980 годами, но всегда оставались на первых ролях. Выиграть у бразильцев на «Маракане», переполненной их темпераментной «торсидой», в день тамошнего праздника, юбилея знаменитого стадиона, — пожалуйста, пусть попробуют сделать это те, кто считает, будто подобная задача не так уж сложна. Нам ее удалось решить потому, что к матчу в Рио наша сборная подошла хорошо подготовленной, уже имея

собственный, пусть небольшой, опыт, который не восполнить никакими рассказами о матчах разных лет. Значит, чего-то она стоила, наша сборная 1980 года, если сумела выиграть тогда в Рио.

12 июля 1980 года, вновь Москва, Лужники. Сборные СССР и Дании. Судья — Сончев (Болгария). И опять победа — 2:0. Голы забили Черенков и Валерий Газзаев. Через неделю для нас начинались олимпийские испытания.

ОЛИМПИАДА-80

20 июля, Москва, Лужники. Первая игра в рамках олимпийского турнира — со сборной Венесуэлы. 80 тысяч зрителей. Судья — австриец Верер.

Право выступать на XXII Олимпийских играх завоевала группа команд из стран, правительства которых воспрепятствовали своим спортсменам в поездке на московскую землю. Как уже не раз бывало, политика возобладала над спортом. И, конечно, места отказавшихся от участия в 0лимлиаде-80 команд заняли сборные других стран, в том числе Венесуэлы. Естественно, венесуэльская команда была не так тщательно подготовлена и укомплектована, как следовало для уровня финального олимпийского турнира. Едва началась наша с ней встреча, как Сергей Андреев открыл счет. До конца тайма Черенков и Гаврилов забили еще по голу, во второй половине игры Хорен Оганесян поставил точку. 4:0. Коварная победа, она внушает самоуверенность, потому что слишком легко одержана.

В раздевалке игроки нашей сборной подсчитывали, сколько каждый из них провел матчей за команду высшего уровня. Получилось, что у Балтачи, Прокопенко, Никулина, Сулаквелидзе, Чивадзе, Романцева в активе от одной до пяти игр за сборную; у Черенкова, Газзаева, Андреева, Оганесяна, Челебадзе, Дасаева — по пять-семь матчей. Тем большую гордость вызывала у них победа с явным преимуществом. И тем больше настораживала меня их упоенность успехом, безоблачность настроения. Слишком легко все складывалось.

22 июля, Москва, Лужники. Олимпийские сборные СССР и Замбии. Судья Арафат из Сирии. Рослые и мощные физически замбийцы перед этим проиграли 0:1 кубинской сборной. Второй проигрыш означал для них выбывание из турнира, так как в четвертьфинал выходило по две команды из каждой подгруппы. На первых минутах матча Хидиятуллин пошел из глубины поля вперед. Этот прорыв центрального защитника ошеломил африканцев, удар Вагиза, можно сказать, послал их оборону в нокдаун. Но парни из Замбии проявили характер, они двинулись в наступление, словно в последний бой. И их форвард Читалу послал-таки мяч мимо Дасаева в сетку ворот.

А доказав, что не лыком шиты, замбийцы занялись игрой «в квадрат», весело и умело перебрасывая мяч друг другу верхом и понизу, а наши метались между ними и не сразу сумели отобрать… В какой-то миг разладилась игра у наших

олимпийцев, они действовали разрозненно и сумбурно… Это должно было насторожить меня еще больше. Но и я отнесся к временному замешательству своих игроков снисходительно, не усмотрев в нем «подводной мины».

И все-таки недаром возлагал я надежды на Хидиятуллина. Порывистый, в юности неуравновешенный, трудно управляемый, он тем не менее рожден футболистом. У него превосходные физические данные для этой игры плюс характер, воля, упорство, в нужную минуту он способен вызвать в себе спортивную злость (не злобу, а сердитость — на себя, на обстоятельства, которые нужно преодолеть). Вагиз почувствовал, что требуется взрыв, который разрушил бы последовательный ход матча, устраивавший замбийцев, ринулся в новый дальний рейд, и на 51-й минуте забил второй мяч. Не раз он предпринимал такие лихие вылазки, выручая спартаковцев в турнирах и товарищеских матчах, выручил и на сей раз сборную. Ребята воодушевились, заиграли слаженно, и на 87-й минуте Черенков провел третий мяч. Но, как говорится, «звонок прозвучал», и прав был Хельмут Кезер, заметив, что «особенно они теряются в решающих встречах». Я бы добавил: «пропустив гол».

Спортивная и бойцовская натура Вагиза Хидиятуллина особенно ярко проявилась в неудачно для нас сложившейся полуфинальной игре с олимпийцами ГДР. До последних секунд не сдавался неистовый Вагиз, бросался во все новые атаки. Перед самым финальным свистком судьи, пытаясь замкнуть простреленную передачу с фланга, влетел (увы, без мяча) в ворота немецких футболистов и в бессильной ярости бил кулаком по земле, охваченный обидой и отчаянием…

Но до этого поединка было еще довольно далеко. 24 июля в Москве, на заполненном до отказа стадионе «Динамо», мы встречались со сборной Кубы. Судил встречу шотландский арбитр Валентайн. Накануне кубинцы в Ленинграде под проливным дождем (впрочем, им не привыкать, ливни на их острове порой идут неделями) одолели олимпийцев Венесуэлы — 2:1. Надо отметить, что представителям стран Азии, Африки и Латинской Америки, приехавшим на Олимпийские игры, явно не хватало опыта международных встреч и физических сил для выступлений в столь жестком режиме — через день. А наши футболисты чем дальше, тем больше укреплялись в мысли, что медали у них в кармане, что это вопрос времени. И игра с кубинцами эту самоуверенность лишь укрепила.

События развивались стремительно. 8-я минута, Сергей Андреев — 1:0. 20-я минута, Олег Романцев — 2:0. Еще через 6 минут Сергей Андреев — 3:0. Сергей Шавло на 43-й минуте —

4:0, а минуту спустя Сергей Андреев — 5:0. После перерыва, преодолев слабые попытки кубинцев забить гол престижа, наши провели еще три гола (Черенков, Гаврилов и Бессонов). 8:0! Первое место в подгруппе, в трех матчах три победы, соотношение забитых и пропущенных мячей 15:1, перспективы самые лучезарные. Бодро-весело шла команда к пьедесталу почета, вызывая в памяти снимок 1956 года: Игорь Нетто на олимпийском пьедестале. Им, последователям Нетто образца 1980 года, казалось, что все вопросы уже решены.

Как говорится, молодо-зелено…

Я с тревогой следил за движением основных конкурентов. В группе «В» фаворитом была сборная Чехословакии, шесть игроков которой стали бронзовыми призерами чемпионата Европы, проведенного в том же году в Италии. Игру, напоминающую бразильскую, демонстрировала сборная Кувейта, которую тренировал бразилец Карлос Паррера; кувейтцы обыграли обладателей Кубка Африки «зеленых орлов» Нигерии, сыграли вничью со сборной Чехословакии — 0:0 со сборной Колумбии — 1:1. В группе «С» две победы и ничья были у олимпийцев ГДР. Такой же результат показала югославская сборная в группе «Д». С кем же из четырех нам может не повезти?

27 июля, Москва, стадион «Динамо». Четвертьфинальная игра сборных СССР и Кувейта. Арбитр — мексиканец Рубио.

По мнению спортивных обозревателей, этот матч оказался самым напряженным из четвертьфинальных. Внешне соотношение сил выглядело однозначно: мы, незадолго до этого победившие бразильцев, французов, датчан, болгар, румын и другие сборные. И они, начинающие (по нашим представлениям) играть в футбол. О, эти «наши представления»!..

Своим неплохо натренированным воспитанникам Карлос Паррера дал очевидную установку: прессинг по всему полю. Связать игру соперников плотной опекой каждого, срывать попытки комбинировать. Когда мы атаковали, кувейтцы создавали оборону в несколько редутов.

И тут не могу еще раз не сказать о Федоре Черенкове. Этот год был для него более чем удачным: он забивал в каждом матче сборной. И сейчас сумел просочиться к воротам кувейтцев, на мгновение «открыться», незамедлительно ударить. 1:0. Шла 30-я минута игры. На 51-й Гаврилов забил второй мяч. Через восемь минут кувейтский нападающий Султан сделал счет 2:1. Чуть-чуть сильнее выглядели советские олимпийцы в этой встрече, но были моменты, когда счет мог и сравняться. В кубковом варианте все висит на волоске. На сей раз беда нас миновала. Но тревога оставалась, хотя я не выказывал ее футболистам. Если тренер

откровенно беспокоится, добра не ждите.

Полуфинал команде ГДР мы проиграли. Для меня это был настоящий удар. Да и никто из наших спортивных руководителей, спортивных журналистов, тем более болельщиков не ожидал такого поворота событий. Почему-то все заранее предрекали золотые медали советской сборной. Конечно, во многом этот прогноз предопределен был нашими успехами в матчах со сборными разных стран. Но гарантий никто никогда дать в футболе не может.

Вот что написал об этой неудаче в полуфинале Ринат Дасаев в своей книге «Команда начинается с вратаря»:

«…Соперник был изучен до мелочей. Казалось бы, только и осталось навязать немецким футболистам свою игру, о чем долго и обстоятельно говорили на предматчевой установке Константин Иванович Бесков и Николай Петрович Старостин, еще и еще раз напоминая, что особое внимание нужно уделить подвижному полузащитнику Терлецки и двум пробивным форвардам — Кюну и Нетцу.

Мы понимающе кивали, слушая их, а сами мысленно были уже там, на поле. Игра захватила нас задолго до ее начала. Мысли о ней волновали, не оставляя в покое ни на минуту, нервировали, мешали сосредоточиться. Все, конечно, дома ждали от нас только победы. И ощущение огромной ответственности, вдруг охватившее нас перед встречей, изменило нашу игру.

Начали мы суетливо, поспешно, словно боясь, что времени для осуществления задуманного может не хватить. Соперник, уловив наше состояние, стал настойчиво, с подчеркнутым спокойствием, навязывать свою игру. Тон в ней, как и ожидалось, задавали Терлецки, Кюн и Нетц. Усилиями этой троицы и был забит гол, перечеркнувший наши надежды на выход в финал.

На 16-й минуте Терлецки с углового послал мяч не на ближнюю штангу, как делал несколько раз до этого, а на дальнюю. Это привело в замешательство меня, Чивадзе и Хидиятуллина. Мы не успели перегруппироваться, поверив отвлекающему маневру К юна, и прозевали рывок Нетца, успевшего выиграть долю секунды и послать мяч в сетку. Так ли уж сложив и опасна была та ситуация? Вполне по силам нам было в ней разобраться, помешать соперникам. Но слишком велико оказалось волнение, слишком взвинчены и возбуждены мы были… А чем иным объяснишь осечки Шавло, Черенкова, Гаврилова, Газзаева, «мазавших» из положений, которые принято считать стопроцентными? »

В финальном матче олимпийцы ГДР проиграли команде Чехословакии. Мы же в борьбе за третье место встретились со

сборной Югославии. Хорен Оганесян и Сергей Андреев забили по голу, счет 2:0. В матче, принесшем сборной СССР бронзовые медали, выступили Дасаев, Сулаквелидзе, Чивадзе, Хидиятуллин, Романцев, Шавло, Андреев, Бессонов, Гаврилов, Черенков, Газзаев, Балтача, Оганесян.

— И все-таки хочу привести здесь, Константин Иванович, своеобразное, но не лишенное убедительности мнение об этой «бронзовой» победе Валерия Винокурова из его книги «Шаг к истине»: «На Московской олимпиаде сборная СССР вновь завоевала бронзовые медали. Но это третье место не сравнить с третьим местом Монреаля потому, что в Москве позади осталась сборная Югославии, признанная лучшей в Европе в 1979 году, и потому, что качество игры нашей сборной было в Москве значительно вьаие, и, наконец, потому, что ради подготовки сборной не был принесен в жертву чемпионат страны».

— Ценю ваши лучшие чувства, но не надо пытаться меня оправдывать. Олимпийская сборная СССР проиграла тот матч, который днем раньше и днем позже вполне могла выиграть. Психологическая подготовка футболистов — тоже забота старшего тренера. Правда, выйти с игроками на поле я не мог, но у меня было достаточно времени до матча и некоторое время в перерыве между таймами.

«Сделанного не переделаешь, как сказала старая леди, выйдя замуж за лакея» — так, кажется, говаривал оптимистичный персонаж диккенсовского «Пиквикского клуба» Сэмюэл Уэллер? Нужно не фантазировать: «Что было бы, если бы…», а анализировать и делать полезные выводы из неудач.

Наша сборная была заметно омоложена. Черенкову и Хидиятуллину было по 21 году, Балтаче и Бессонову — по 22, Дасаеву, Сулаквелидзе, Чивадзе, Шавло — по 23, Андрееву, Челебадзе, Оганесяну — по 24. Вспомним, победителям мельбурнской Олимпиады было: Симоняну и Тищенко — по 30 лет, Сальникову и Парамонову — по 31 году, Борису Кузнецову — 28, Яшину — 27, Нетто и Масленкину — по 26, Войнову и Анатолию Ильину — по 25, Исаеву и Огонькову — по 24, и только Валентин Иванов, Стрельцов и Татушин были их моложе. Опытная команда, обстрелянные бойцы!

Футболисты ГДР были в основном старше наших олимпийцев. Рядом с тридцатилетними Берингером, Петером и Терлецки играл Шмулхазе, выступавший еще в составе той команды ГДР, которая выиграла Олимпийские игры 1976 года.

Но и на возраст особенно ссылаться не приходится. Юный Черенков показал себя в 1980 году лучше многих старших. В свое

время чудеса на поле творил восемнадцатмлетний Эдуард Стрельцов, и никакие опытные стопперы не могли его сдержать.

Ах, если бы уроки каждый раз шли на пользу!.. Сколько раз еще пришлось и придется нашим футболистам пенять на психологический аспект…

Огорчила наших соотечественников бронзовая роль советской сборной на XXII Олимпийских играх. Но жизнь продолжалась, нужно было уже в начале сентября выйти на поле стадиона в Рейкьявике для отборочного матча со сборной Исландии.

ЧЕМПИОНАТ МИРА-82

К хорошим действиям, которые периодически просматривались в игре нашей сборной, следовало добавить атлетизма, а также стабильности. Усилив сборную несколькими опытными футболистами, мы в конце августа в Будапеште на «Непштадионе» провели по плану подготовки к отборочным матчам чемпионата мира игру с национальной сборной Венгрии.

Уже на 3-й минуте счет открыл венгр Пастор. Затем полчаса прошли в обоюдных атаках, после чего Блохин, Сулаквелидзе, Буряк и Родионов забили каждый по мячу. Выигрыш с крупным счетом у такой команды, как венгерская, обнадеживал. Репетиция удалась.

После встречи с исландцами в Рейкьявике в наших газетах появились категорические умозаключения: «Отборочную встречу команда СССР провела слабо, без полной мобилизации сил».

Матч этот по телевидению не Советский Союз не транслировался, советских журналистов на нем присутствовало раз, два и обчелся. Выходит, выводы прессой сделаны были только на основе скромного счета 2:1 в нашу пользу и устоявшегося мнения об исландской сборной как о заведомом аутсайдере,1 годном лишь на то, чтобы отдавать очки без боя.

А 3 сентября 1980 года на стадионе с труднопроизносимым названием «Лаугардалсвелур» наша команда играла как раз с полнейшей отдачей сил. Такая это «странная» сборная — исландская, что способна, например, выиграть на турецком поле у отнюдь не слабой национальной команды Турции отборочный матч со счетом 3:11 Да что далеко ходить, в 1989 году в Москве, также в отборочном матче чемпионата мира, сумела отнять очко у сборной СССР новейшего образца.

Эта сборная умеет «упереться» и не только отстоять свои ворота, но и контратаковать, не считаясь с авторитетами. Так она поступила и в случае с нами в Рейкьявике. Лишь на 35-й минуте встречи Юрий Гаврилов сумел обмануть защитников и вратаря. Но дальше дело у нас не пошло, хотя в стараниях ребятам было бы грешно отказать. А за четверть часа до финального свистка белокурые атлеты этого вулканического острова в несколько ходов вывели на удобную позицию нападающего Свейнссона, и он вложил всю мощь в свой удар. Опять подвела психология: к этому моменту наши футболисты, ведя в счете, подуспокоились. Оставшиеся минуты и секунды пронеслись в до предела взвинченном темпе. Футболисты сборной СССР действовали

беззаветно, и на 85-й минуте Сергей Андреев все-таки провел победный мяч.

Прописная истина: на поле выходят команды, в каждой из которых по одиннадцать человек. Если это команды национальные, то, право же, наивно предполагать, будто в одной из них футболисты не умеют обрабатывать мяч, вести его и передавать друг другу… Сколько лет наблюдаю своего рода «презумпцию виновности» по отношению к своим, отечественным игрокам у некоторых максималистов от спортивной печати, старающихся «бежать впереди паровоза».

Но ничего не скажешь, потрепали нам нервы исландцы в своей «долине гейзеров»…

15 октября мы принимали их в Лужниках, и здесь-то им не помогли ни «бетон» в защите, ни атлетизм, ни страстное желание совершить невозможное. Более высокий класс нашей сборной, помноженный на боевой настрой, на задетое самолюбие, на позитивный опыт (выигрыш в условиях, более благоприятных для исландцев), целиком себя проявил. 5:0 — достаточно весомый аргумент.

Из пятнадцати матчей 1980 года сборная СССР, проведшая часть из них в олимпийском варианте, выиграла тринадцать, вничью свела одну встречу и лишь одну (команде ГДР) проиграла. Потому, наверно, и оказалась так высоко в европейской табели о рангах.

И лично для меня баланс этого бурного года оказался положительным, тем более что в первом туре розыгрыша Кубка европейских чемпионов московские спартаковцы без особых осложнений обыграли и дома, и на выезде, в средневековом городе Эш, команду «Женесс», чемпиона великого герцогства Люксембург — 5:0 и 4:0. Тут стоит заметить, что в том же самом первом туре выбыл из дальнейшей борьбы двукратный обладатель Кубка европейских чемпионов английский «Ноттингем форест», проиграв болгарской команде ЦСКА «Септемврийско знаме». Выходит, не только советские клубы выбывают после первого же этапа из европейских кубковых турниров? Кстати, в следующем туре из того же розыгрыша был выбит еще один прославленный фаворит — голландский «Аякс».

В одной восьмой финала нам по жребию достался в противники чемпион Дании «Эсбьерг», довольно крепкий орешек скандинавского толка. На его поле спартаковцы проиграли 0:2, но дома в повторном матче забили на мяч больше и вышли в четвертьфинал, первый матч которого был назначен уже на 1981 год, на 4 марта. До такого этапа розыгрыша европейских кубков редко добирается случайная команда, которую якобы вывозит

слепое везение. В четвертьфинал, как правило, нужно пробиться. Ну а дальше жребий был к нам суров: мадридский «Реал», ни больше и ни меньше.

Интервью в день 60-летия

— В ноябре восьмидесятого года, если помните, Константин Иванович, я пришел к вам, чтобы поздравить от имени читателей «Недели» и взять юбилейное интервью. В прихожей ко мне на плечо немедленно уселся ваш говорящий попугайчик Петруня и совершенно отчетливо прокричал: «Кто пр-р-ришел? Кто пр-р-ришел? Костя Бесков пришел!»

Вы пересадили его на свое плечо со словами: «Ошибаешься, Петруня. Я как раз дома». Тогда он воскликнул: «Спар-р-ртак — чемпион!» А вы снова поправили: «К сожалению, экс, Петруня, же».

Я спросил вас тогда: каким видится вам молодой форвард Константин Бесков, который а Англии в 1945 году «наказал» голом «Арсенал» и четырежды — «Кардифф-сити»? — «Он уже тогда был достаточно сдержанным товарищем, — ответили вы. — Голова у него никогда не кружилась от успехов. И все ему казалось, что сделал он мало, что можно было сделать больше и лучше». — «А чем отличается от него сегодняшний, 1980 года, Константин Иванович?» — спросил я. — «Тем, что стал на 35 лет старше. Больше знает теперь о футболе и о жизни. Но в одном совсем не изменился и не изменится: все также непреклонен в выполнении требований, которые предъявляет футбол к отдельным игрокам и тренерам, к команде в целом».

Я сказал тогда, что если бы писал книгу о вас, то предпослал бы ей эпиграф — строку из пьесы испанского драматурга Тирсо де Молина: «Наш командор суров и непреклонен, законы чести соблюдает строго, и в ратном деле для него нет тайн».

Тут в комнату заглянул симпатичный мальчуган. Я видел его впервые, но лицо показалось мне удивительно знакомым. Вы представили его: «Знакомьтесь: Григорий Федотов. Внук мой и Григория Ивановича Федотова. Сын Володи Федотова и моей дочери Любы».

Здороваясь с Гришей, я подумал: если в этом ребенке проявится вся наследственность, проблема центрального нападающего сборной команды СССР будет грандиозно решена… Отец Гриши,

Владимир Федотов, зашедший в комнату вслед за мальчиком, заметил: «Мечтаю, чтобы Гриша когда-нибудь испытал по отношению ко мне то, что я некогда, двенадцатилетний, почувствовал, когда мой отец с армейской командой совершал круг почета по стадиону. Мечтаю, чтобы Григорий-младший прожил яркую жизнь в футболе»,

А теперь перенесусь в 1990 год, когда Валерия Николаевна рассказала мне, что Гриша не очень интересуется любимой игрой своего отца и двух дедушек.

«Все те специалисты, которые видели Гришу на футбольном поле, когда он был маленьким, в один голос утверждали, что телосложение у него для футбола идеальное, он словно рожден именно для этой игры, — говорила Валерия Николаевна. — Когда я привела его в детскую группу подготовки в школе юных динамовцев, он единственный из собравшихся там ребятишек не проявил интереса к мячу. Его внимание приковала к себе механическая игрушка, которую принес с собой один из мальчиков… И получалось у Гриши неплохо, мячом владел, бежал в той особой манере, которая свойственна прирожденным футболистам, А вот радости, наслаждения от общения с мячом он ни малейшего не испытывал. Какое-то время играл, причем небезуспешно, но не мог, не захотел продолжать. А этим нужно не просто жить, этим нужно гореть… Зато Гриша способен быстро разобрать, отремонтировать и собрать электронный микрокалькулятор или какой-нибудь другой электронный прибор. Его влечет новейшая техника, интересуют сложные аппараты. Он учится в техническом вузе при автозаводе имени Лихачева и чувствует себя там совершенно в своей стихии».

* * *

Очень трудным стал для «Спартака» и для меня лично 1981 год. Проходили отборочные матчи чемпионата мира, к которым я готовил сборную СССР, «Спартак» играл и на Кубок европейских чемпионов, и в чемпионате страны, боролся за Кубок СССР, участвовал в первых турах розыгрыша Кубке УЕФА. Команда провела 74 матча, 46 раз победила, 11 раз сыграла вничью, в 17

встречах потерпела поражение. Была и еще нагрузка; 15 двусторонних тренировочных игр. 74+15 = 89! Не достиг «Спартак» того класса, который дал бы ему возможность с самого начала нового сезона с одинаковым Напряжением сражаться сразу на нескольких фронтах. И к концу сезона состав команды был еще рыхлым, не совсем определенным, да и устали парии. Тем не менее «Спартак» завоевал серебряные медали первенства СССР, стал финалистом Кубка страны, делегировал игроков в сборную, одержал две яркие победы в матчах за европейский кубок, названные а прессе «концертом» и «футбольной симфонией».

Началось с того, что 4 марта на тбилисском стадионе «Динамо» мы принимали в первом четвертьфинальном поединке Кубка европейских чемпионов мадридский «Реал», гранда мирового футбола, шесть раз выигрывавшего этот «самый чемпионский» приз.

В составе «Реала» на тбилисское поле вышли футболисты сборной Испании Хуанито, Сантильяна, Дель Боско, а также игрок сборной ФРГ Штилике и британская футбольная звезда Канингхем. 0:0 — так сыграли мы с «Реалом» в Тбилиси. Этот результат, конечно, устраивал рациональных мадридцев. Через две недели они на своем поле выиграли у «Спартака» — 2:0.

Уровень игры «Реала» очень высок. Но решающую роль все-таки сыграла наша физическая неготовность к матчу. К примеру, даже такой техничный и тактически изощренный мастер, как Юрий Гаврилов, если не бывал физически готов к поединкам подобного уровня, становился неузнаваемым: не попадал в ворота из выгоднейших положений, передачи его теряли всякую остроту, движения делались вялыми. В одном из следующих турниров, в матче с бельгийским «Андерлехтом» на Кубок УЕФА, Гаврилов даже не сумел исполнить одиннадцатиметровый: не попал в площадь ворот — только потому, что не был готов к игре физически. В разной степени это относилось и к остальным спартаковцам.

Еще обстоятельство: чем ближе к финалу европейского кубка, тем больше было шансов столкнуться с, так сказать, миниатюрной сборной командой Европы. К примеру, «Андерлехт» к встрече с нами располагал пятью футболистами из национальных команд разных стран, да и свои, бельгийские, у него входили в сборную страны. Поистине миниатюрная сборная Европы! С той лишь разницей, что это была сыгранная, отлаженная машина, части которой подогнаны одна к другой.

Мне довелось вместе с немецким тренером Юпом Дервалем руководить сборной командой Европы, созванной на матч с

национальной командой Чехословакии в связи с юбилеем чехословацкого футбола. Для этого в августе 1981 года мы с Олегом Блохиным и Давидом Кипиани прилетели в Прагу. Олегу и Давиду предстояло выступить за сборную Европы. А у нас с Дервалем было довольно сложное положение: по разным причинам не смогли явиться на этот матч некоторые ведущие игроки сборных Англии, Голландии, ФРГ. Пришлось на скорую руку заменять их теми, кого удалось заполучить, но и они не все прибыли заранее, кое-кто появился в Праге лишь в день игры. Игроки сборной Европы были далеки от своей лучшей формы, не слишком беспокоились за результат символического матча и, хотя демонстрировали в отдельные моменты высокое индивидуальное мастерство, не могли противостоять отличному ансамблю хорошо подготовившихся юбиляров. Я заранее сказал Дервалю, что любая несыгранная команда звезд слабее крепкой клубной. И конечно «европейцы» закономерно проиграли. Правда, счет (0:4) мог бы быть и поменьше.

Но думаю, не в счете суть таких матчей. Главное, они объединяют спортсменов, вселяют им добрые чувства друг к другу независимо от государственной принадлежности. Такие матчи — акции мира, сотрудничества и взаимопонимания.

Конечно, приятнее, когда они проходят весело, когда их участники проявляют, кроме мастерства, еще и чувство юмора.

Сезон 1981 года мы начали без Георгия Ярцева. Накануне осенью он подал заявление с просьбой отпустить его из «Спартака». Мы простились с ним дружески, поблагодарили за большой вклад в возрождение и становление команды. Требовательный к себе, чутко реагировавший на все происходящее вокруг, Георгий не мог не понимать, что результативность его резко снизилась, участились промахи в ситуациях, которые прежде завершались обычно взятием ворот. От бомбардира всегда ждут гола, а тут сказывался возраст, мешало нервное напряжение, недовольство собой, беспокоили травмы. Ярцев сказал, что не хочет продлевать свою «лебединую песню».

Он хотел допеть ее на высокой ноте, а мы все чаще оставляли его в запасе, следуя неизменному принципу: на поле выходят лучшие. В московском «Локомотиве» Георгию была обещана игра в основном составе. Он решил, что в первой лиге еще пригодится, а быть в тягость «Спартаку» больше не желал.

За год до этого выбыл из нашей команды Валерий Гладилин. Безотказный труженик на поле, не щадивший себя в борьбе, заводила в коллективе, щедрый на шутки и розыгрыши, «Глаша» стал с некоторых пор позволять себе нарушения режима. И,

конечно, подавал плохой пример другим. Да и вообще не знаю ни одного тренера, который испытывал бы симпатии к игроку, полюбившему застолье.

Я ценил Гладилина. Но тем не менее предложил ему напрямик поискать себе иное общество, где его новые «увлечения» станут терпеть. Мощного и старательного Валерия охотно взяли в «Кайрат», и там он немело забивал, прекратил «возлияния», держался образцово в надежде вернуться в родной «Спартак». Он и вернулся, мы приняли его, как блудного сына, радушно и по-семейному. Но сезон 1981 года команда провела без Гладилина.

Ушел, опять-таки по собственному желанию, наш неистовый Вагиз, Хидя, как ласково называли его все спартаковцы, в том числа и я, вовсе не склонный к прозвищам и амикошонству. Осенью 1980 года в команде пронесся слух, что Хидя собрался в ЦСКА. Якобы над ним, как дамоклов меч, навис призыв на военную службу, и он решил ускорить события, чтобы, отслужив, скорее вернуться в «Спартак». Не знаю, сколько правды и сколько вымысла было в этой версии. Но твердо знаю, что отсрочку от военной службы Хидиятуллин имел. Думаю, что его настойчиво приглашали в ЦСКА и он поддался на уговоры.

Не раз я и другие руководители команды откровенно спрашивали Вагиза: «Ты что, уходить решил?» Потеря такого мастера была бы очень болезненна для «Спартака». Хидиятуллин отнекивался, уклонялся от прямого разговора, но буквально за две-три дня до окончания сезона отважился сказать правду.

Годы, проведенные в армейской команде, не принесли ему лавров. Жаждущий играть «в своей стихии», он а конце концов возвратился в «Спартак». В сущности, его демобилизовали, списали по болезни, и армейские медики сказали, что с поврежденным до такой степени коленом ему больше в футбол играть не придется… Вагиз обратился ко мне: «Возьмите назад, Константин Иванович».

Без всяких экивоков я ему ответил: «По отношению к «Спартаку», в котором вырос, ты поступил неискренне. Ты же сам написал рапорт в ЦСКА, просил призвать тебя в армию, чтобы была возможность выступать за армейский клуб, хотя имел отсрочку…» Знал я неуравновешенность Хиди, его подверженность порывам… «Что ж, — сказал я ему, — если честно будешь отдавать всего себя команде, «Спартак» поставит тебя на ноги во второй раз». Так мы вернули Большому футболу, сборной незаурядного игрока. Поверили ему, а он свое слово сдержал.

Зимой 1981 года на очередном турнире в спартаковском

манеже я увидел в массе игроков родственных команд Владимира Сочнова из орехово-зуевского «Знамени труда». О нам поговаривали как об одном из самых результативных нападающих во второй лиге. Я стал к нему присматриваться. Действительно, в турнире он и нам, московскому «Спартаку», забил два гола. Мне понравилась его цепкость: потеряв мяч, он старался отобрать его у «обидчика» и нередко отбирал. Мысленно я представил Сочнова на краю нашей обороны, подключенного к атаке на фланге… Но сначала мы пригласили его в «Спартак» как форварда. Очень скоро стало ясно, что в роли нападающего он у нас «не потянет». Владимиру было предложено место правого защитника. И он, участвуя в атаках, частенько преподносил сюрпризы обороне соперников своим стремительным появлением, ловким дриблингом на подступах к штрафной площади, острыми передачами и крепкими ударами по воротам. Он стал забивать голы, сравнительно быстро обрел отличную репутацию и вскоре был включен в список 33 лучших футболистов страны.

Трудностей, узких мест в сезоне 1981 года у нас возникало множество. Из-за травмы не смог выступить в ряде матчей Олег Романцев, не сумел закрепиться в коллективе опытный, но не совсем «наш» по стилю Манучар Мачаидзе, не восстановил свои лучшие качества после травмы и лечения способный Сергей Швецов, разочаровал не менее способный Сергей Крестененко.

Вот еще пример пагубности нарушения режима. Я знал, что Сергей Крестененко — игрок талантливый, но не прочь посидеть в веселой компании, пображничать. Принимал его в «Спартак» в надежде, что его увлечет насыщенная и интересная жизнь команды, отвратят от дурной привычки наши многоплановые заботы. У меня с Сергеем был серьезный и открытый предварительный разговор, и он с самого начала знал, что, если станет здесь нарушать спортивный режим, должен будет без пререканий покинуть «Спартаки. На этом мы договорились. На этом вскоре и расстались.

Не могу умолчать, что за двенадцать лет моей работы в «Спартаке» ни одно расставание с игроком не выливалось в конфликт, конфронтацию, попросту говоря, в скандал. Если футболисту предлагалось поискать другую команду, он сознавал, какими его проступками, плохо отразившимися на качестве и содержании игры, вызвана необходимость расставания. Не могу назвать ни одного имени, с которым была бы связана тяжба. Таких просто не было.

Двумя победами над «Таврией» и «Кубанью» с одинаковым счетом 2:0 начали мы чемпионат страны. А в пятом, шестом и седьмом турах набрали всего одно очко. Спустились на десятое

место. Но вслед за этим в шести играх подряд было добыто одиннадцать очков, и вот мы уже снова наседаем на пятки киевским динамовцам.

Все-таки верно заметили многие тренеры: в наше время к чемпионскому титулу ближе тот, кто выигрывает оба матча у киевлян, на своем и на их поле. Мы же оба таких матча в 1981 году проиграли.

Спартаковцы забили в чемпионате больше всех мячей — семьдесят, однако и пропустили сорок, оборона наша потрескивала. (Кстати, в ответном поединке четвертьфинала Кубка европейских чемпионов в Мадриде — 0:2 — оба мяча нам были забиты форвардами «Реала» из-за грубых ошибок наших центральных защитников.) Тем не менее мы получили призы: имени Григория Федотова, «Крупного счета», «За волю к победе», «Вместе с командой». В список 33 лучших попали шестеро спартаковцев.

Едва не осуществился в том году призыв «Положим в кубок серебряные медали». Мы шли уверенно к цели. В четвертьфинальной игре, проходившей на искусственном газоне московского спорткомплекса «Олимпийский», мы полностью владели ситуацией, хотя противостояли нам Блохин, Буряк, Коньков, Балтача, Баль, Бессонов, Лозинский, Колотов, Демьяненко, Евтушенко… Уже в первом тайме исход встречи был решен тремя безответными голами в ворота лидеров отечественного футбола.

Сперва Федор Черенков в трудной позиции под острым углом сумел аккуратненько послать мяч в сетку. Затем на 28-й и 36-й минутах исполнил соло Евгений Сидоров: после изящного прохода с мячом сыграл «в стенку» с партнерами, выскочил на ударную позицию… Попытки киевлян что-либо изменить, выход на поле Юрчишина вместо Блохина и другие замены ни к чему не привели. 3:0. «Спартак» вышел в полуфинал.

Трудно нам пришлось в полуфинальном матче. Футболисты харьковского «Металлиста» никогда до этого не были близки к хрустальному призу. Очень им хотелось выйти в финал. Сказалась, пожалуй, разница в классе: наша оборона выстояла. Дело решили с помощью одиннадцатиметровых. У нас забили Мирзоян, Шавло, Гесс и Гаврилов. Поскольку лишь двум харьковчанам удались их пенальти, пятый спартаковец не понадобился.

И вот наконец финал. Кубковые матчи между «Спартаком» и ростовским СКА всегда проходили остро и драматично. В финале 1971 года москвичи проигрывали до последней минуты основного времени, лишь за 22 секунды до финального свистка

Геннадий Логофет совершил, казалось, невозможное: почти с нулевого угла протолкнул мяч в ворота ростовчан (в повторном поединке победил «Спартак»).

В финале 1981 года на 35-й минуте произошел эпизод, во многом повлиявший на судьбу Кубка. В штрафной площади соперников был остановлен недозволенным приемом Юрий Гаврилов с мячом. К одиннадцатиметровой отметке подошел Александр Мирзоян, до этого все пенальти пробивавший без промаха, — сколько назначалось, столько забивал. Но именно в этом кубковом финале Мирзоян попал в боковую стойку.

После такого конфуза у спартаковцев все пошло прахом. Были голевые моменты, когда, к примеру, Виктор Самохин метров с семи, нанося удар без помех, умудрился перебросить мяч через перекладину армейских ворот. Казалось, неизбежно добавочное время. А опыт спартаковцев, их умение мобилизоваться все еще внушали мне надежды на благополучный исход встречи. Сейчас в перерыве, думал я, несколькими успокаивающими фразами сниму напряжение, подбодрю Мирзояна, а то, наверное, не знает, куда деваться; подскажу кое-что игрокам атаки, и все придет к общему знаменателю… Увы, если бы сбывались все надежды!

За шесть минут до конца основного времени Сергей Андреев завершил несложную комбинацию и с близкого расстояния забил мяч. СКА выиграл Кубок СССР, который тут же вручил капитану ростовчан Гусеву сам президент ФИФА Жоао Авелаиж.

Я старался распределять свое внимание более или менее равномерно между «Спартаком» и сборной командой СССР. 30 мая в валлийском городе Рексеме нас принимала в первом отборочном матче нашей пары сборная Уэльса.

Наш состав на эту игру: Дасаев, Сулаквелидзе, Чивадзе, Балтача и Боровский; Буряк, Бессонов, Кипиани (Гаврилов) и Оганесян; Андреев и Блохин.

Валлийцы атаковали больше. До конца первого тайма Дасаеву и игрокам обороны передышек практически не выпадало. Лидеры нашей группы, футболисты Уэльса, к встрече с нами успели победить дважды турецкую сборную, по разу — чехословацкую и исландскую. Однако во второй половине игры наши пошли вперед и доминировали на поле. После матча, завершившегося вничью — 0:0, футболист сборной Уэльса Джонс заявил представителям прессы:

— Сборная СССР — самый сильный соперник, с которым мне довелось когда-либо встречаться.

Комментатор газеты «Обсервер» Р. Аткин писал: «Советские футболисты сильны и искусны. Вторая половина игры прошла

при их активном преимуществе». А вот мнение обозревателя «Санди тайме»: «Во втором тайме советские игроки диктовали темп, мяч лучше повиновался им. Особенно ярки форварды Блохин и Кипиани».

Следующий отборочный матч — с командой Турции — должен был проходить в Лужниках 23 сентября. Перед этим состязанием я обратился к руководству Спорткомитета СССР с просьбой привлечь к работе в сборной СССР на определенный этап подготовки к чемпионату мира старшего тренера киевского «Динамо» В. В. Лобановского и старшего тренера тбилисского «Динамо» Н. П. Ахалкаци — при главном тренере Бескове.

Чем, какими соображениями была вызвана эта просьба?

В сборную входили многие игроки клубов, которыми руководили Лобановский и Ахалкаци. На пятидневные сборы, предшествовавшие тренировочным и официальным матчам сборной, эти игроки нередко опаздывали по разным причинам — то не удалось достать билет на самолет, то еще что-нибудь стряслось. По окончании сбора они возвращались на базы своих клубных команд также не вовремя, с некоторым опозданием, что было проще всего мотивировать занятостью в сборной. Нужно было во что бы то ни стало устранить все причины помех в подготовке команды к чемпионату мира. Для этого я и предложил привлечь к работе двух тренеров. Их следовало и заинтересовать (в том числе материально), чтобы они и по добру, и по обязанности способствовали нормальному учебно-тренировочному процессу.

Для сборной был разработан точный график. В первый день пятидневного сбора на 12.00—13.00 планировался приезд футболистов. Далее по распорядку был обед — с 13.30, отдых — с 14.00 до 16.00, поскольку люди были только что с дороги. До 16.30 врач должен был осведомиться о состоянии здоровья каждого, выяснить, не требуется ли кому-нибудь срочная помощь в лечении травмы или недомогания, дополнительные процедуры.

На 16.30 у нас назначалось общее собрание минут на сорок пять (максимум на час): обговаривали, какую именно работу предстоит провести, на чем сделать акцент. Затем проводилась тренировка — совершенствование тактико-технических действий: применялись упражнения, способствовавшие этим действиям, восстанавливались связи между игроками и звеньями, утраченные или ослабленные в перерыве между сборами. Если присутствовали футболисты, приглашенные в сборную впервые, они должны были, участвуя в упражнениях, вписаться в наигранные звенья.

Теперь представим, что кто-то из вызванных на сбор игроков

не явился вовремя. В таком случае целостность процесса подготовки в этот день нарушается. Опоздавший выпадает из связки или звена, своим отсутствием объективно вредит работе этого эвена и всей команде в целом. Нарушается стройность и последовательность подготовки, что, конечно, не может не отразиться на выступлении команды.

На второй день сбора после зарядки и завтрака планировалось 30-45-минутное теоретическое занятие. После него — первая тренировка, на час-полтора, с упором на тактико-технические действия. Вечером — тренировка с большими нагрузками, с упражнениями, максимально близкими к деятельности в ходе матча. Отрабатывались комбинации. Это занятие длилось часа два.

Первые два дня сбора после значительного перерыва в общении участников сборной имели большое значение: в оставшиеся до официального или тренировочного матча три Дня нужно было готовиться уже непосредственно к нему, целенаправленно.

Так вот, чтобы киевские и тбилисские динамовцы не опаздывали в день приезда, я и привлек их наставников к работе в сборной. Повторяю, вместо небольшой суммы, которая выплачивалась за каждого подготовленного для сборной Футболиста, они теперь получали заработную плату старшего тренера национальной команды. Лобановский и Ахалкаци это предложение приняли, обеспечивали явку своих воспитанников и участвовали в тренировках на сборах.

Не могу, как бы мне того ни хотелось, сказать, что оба динамовских тренера активно занимались подготовкой сборной к чемпионату мира. Понятно, что и тот, и другой — крупные специалисты футбола, могли бы каждый самостоятельно возглавить сборную; вторые роли их не вдохновляли. В сложившейся ситуации требовался осознанный компромисс: во имя большого общего дела «наступить на горло собственной песне», делать для национальной команды СССР то, что в твоей компетенции и одновременно в рамках общих интересов. Но это было бы идеальным решением проблемы. А идеалы чаще всего и остаются идеалами, не превращаясь в реальность. В нашем случае налицо было добросовестное исполнение своих минимальных обязанностей: присутствие на сборе, определенное участие в нем.

Как воспринимали наш не от хорошей жизни возникший «триумвират» (журналисты живо сочинили эффектное название) сами игроки сборной? Процитирую мнение Рината Дасаева:

«Обстановка в сборной была очень хорошей, приятно было и тренироваться, и играть.

Каким образом тренерам удалось этого добиться?

Не думаю, что у Бескова были какие-то особенные секреты. Игра и результаты подтверждали правильность выбранного им в работе направления. И лучше всяких слов способствовали укреплению тренерского авторитета. А это, в свою очередь, создавало атмосферу доверия, взаимопонимания в коллективе… Авторитет Константина Ивановича был для всех нас несомненен.

…В восемьдесят первом году вместе с Константином Ивановичем со сборной стали работать Валерий Васильевич Лобановский и Нодар Парсаданович Ахалкаци. Какая роль им предназначалась — помощников Бескова или его полноправных соратников, — не знаю, как не берусь судить о том, так ли уж необходимо было их приглашать в команду.

Но, как мне показалось, на первых порах ничего с созданием тренерского «кабинета» не изменилось. По-прежнему главной фигурой во время занятий, разборов и прочих учебных дел был Константин Иванович.

…После чемпионата мира подвергся самому горячему обсуждению вопрос о расширении тренерского состава. Большинство споривших считало решение о создании тренерского триумвирата ошибочным. Оно, по их мнению, не только не пошло на пользу, но, напротив, внесло ненужные осложнения в жизнь сборной.

…В Испании у нас было пятеро тренеров, ответственный работник Спорткомитета, тренер по воспитательной работе… Команду и коллектив создавал Константин Иванович вместе с помогавшими ему Владимиром Григорьевичем Федотовым и Геннадием Олеговичем Логофетом. С ними она крепла, утверждалась, обретала себя. И, скорее всего, в любой самой сложной ситуации опыта и знаний Бескова, энтузиазма и энергии его помощников было бы достаточно.

…Сам Константин Иванович в интервью, опубликованном в свое время в журнале «Спортивные игры», заявлял, что приглашение Лобановского и Ахалкаци — его идея и что он очень рассчитывает на их помощь и поддержку.

Но, скорее всего, он ее так и не получил. Но для того, чтобы это понять, надо было оказаться на мировом чемпионате, где проверялись не только футболисты…»

Матч у сборной Турции мы сравнительно легко выиграли, четыре гола забили Чивадзе, Демьяненко, Блохин и Шенгелия. Со счетом 3:0 была одержана победа и в повторном матче, на турецком поле. Во втором отборочном поединке со сборной Уэльса, в Тбилиси, счет также был 3:0 в нашу пользу, отличились Дараселия, Блохин и Гаврилов.

Здесь позволю себе краткое, отнюдь не лирическое отступление. Не могу не вспомнить потрясающий по своевременности, точности и внезапности пас, который чуть ли не через все поле дал Олегу Блохину умница Леня Буряк. Он понимал, что более чем жестко игравшие валлийцы не остановятся перед тем, чтобы травмировать Олега, поэтому так послал мяч ему на ход, что Блохин вырвался на простор, на ударную позицию… Как же не хватало нам Леонида Буряка в Испании! Если бы он смог выйти на поле в той злополучной встрече с командой Польши, когда, как воздух, был нужен человек, способный завязать комбинационную игру, дать острейший пас, да и просто забить гол…

28 октября мы держали, считаю, главный экзамен отборочной сессии: играли с олимпийскими чемпионами, с призерами первенства Европы 1980 года, сборной Чехословакии. Два «сухих» мяча забил Рамаз Шенгелия. Мы завоевали право на поездку в Испанию. Последний матч в Братиславе (1:1) значения для нас уже не имел.

ИНТЕРВЬЮ ЗА ТРИ МЕСЯЦА ДО ЧЕМПИОНАТА МИРА В ИСПАНИИ

— Скажите, Константин Иванович, на каком этапе отборочных игр вы обрели уверенность в том, что наша сборная поедет на финальный турнир в Испанию?

— В конце сезона 1980 года, когда команда показала стабильные результаты, одержав победы над сборными нескольких традиционно футбольных держав. Сравнительные Данные, которыми мы уже тогда располагали, позволили ощутить некоторый запек прочности. Мы не в первый раз говорим с вами о необходимости фиксировать количество и качество игровых действий, чтобы пол гать объективную картину активности и полезности каждого игрока в отдельности и команды в целом.

Цифры — скучная материя, но они вооружают тренера. Например, мы установили, что в финальном матче первенства Европы сборная ФРГ выполнила 800 игровых действий при 16 процентах брака. А у ее соперников, игроков сборной Бельгии, получилось 586 игровых действий и допущено было брака 33,8 процента. Что это означает в переводе на более понятный язык? Команда ФРГ больше владела мячом, хотя и без излишней суеты, действовала четко, почти безошибочно. Команда Бельгии отдала инициативу, ее футболисты часто ошибались.

Модельные показатели весьма красноречивы для опытного тренера. Сравнивая количество и качество игровых действий у сборных Чехословакии, Уэльса, Турции и Исландии, я пришел к выводу, что конкуренты в отборочной группе нам на данном этапе уступают.

— Вы и в изучении вероятных противников применяете этот математический анализ?

— Безусловно. Анализируем те же показатели у команд, которые уже пробились или имеют больше шансов пробиться в финальную часть мирового первенства. Это позволяет целенаправленно вести учебно-тренировочный процесс.

— В сборной СССР, которую вы возглавляете, кажется, нет ни одного игрока, который прежде выступал бы на чемпионате мира?

— Да, и не только на чемпионате мира. Даже на финальном

этапе первенства Европы ни один из нынешних «сборников» не бывал.

— Значит, тем более полезно напомнить футболистам об ошибках, допущенных их предшественниками на международных соревнованиях прошлых лет.

— Я подробно перечислил и описал участникам сборной все ошибки, которые нам так памятны, и не только ошибки игроков советских команд. Рассказал, как удаляли с поля за ответ грубостью на грубость, как из-за этого команда оставалась вдесятером. Как не надо принимать решения за судью, к чему это приводит. У нас печального опыта хватает. Напомнил о случаях, когда безволие, апатия одного или нескольких футболистов дорого стоили всей команде. Приводил в пример бразильцев, которые когда-то были чересчур вспыльчивы, а соперники, рассчитывая на это, провоцировали их на действия, за которые полагалось удаление с поля. Но в 1958 году в Швеции я видел все матчи бразильцев: учтя горький опыт, они не отвечали на удары и толчки исподтишка. А в 1962 году, когда соперники нарочито сбили с ног бразильца Зито, судья в поле, устанавливая мяч для штрафного удара, сказал нарушителям: «Чемпионы мира и к этому готовы»…

Сам я за двадцать лет игры не получил ни одного предупреждения, не говоря уже об удалениях. Было мне только однажды замечание: разогнался в атаке и, услышав свисток судьи — офсайд, сгоряча пустил мяч на трибуну. Николай Гаврилович Латышев заставил сходить за мячом, принести и передать игрокам противника, чтобы ввели в игру из-за боковой линии… Не симпатизирую грубиянам.

— Как относитесь к трудным победам? И как — к легким?

— Если играют так, как играла наша сборная с командами Уэльса и Чехословакии в Тбилиси или как играл «Спартак» против «Брюгге» в Брюгге, — что говорить, в такие минуты я их, дорогих моих мальчишек, обожаю!.. Легкая победа, если мы проявили мастерство и зритель доволен, что пришел посмотреть эту игру, — почему бы не быть и ею удовлетворенным?

— А к поражениям?

— Прежде всего объективно. Если противник переиграл вчистую и справиться с ним было невозможно, — что ж, это надо осознать и признать. Но если силы были примерно равны, да еще игроков своих я заранее предупреждал о таких-то и таких-то вероятностях, а мы все-таки проиграли, — бывает невероятно

обидно! Очень остро переживаю, несколько дней не могу от этого отойти, просто хожу больной. Да и спустя много времени… Как вспомню финал Кубка СССР 1981 года, проигрыш ростовскому СКА…

— А допустив ошибку, признаете, что это ваша ошибка?

— Признаю. Поставил на матч игрока, зная, что в принципе он может сыграть хорошо, а он сыграл ниже своих возможностей. Если команда из-за этого проигрывает, открыто заявляю: я ошибся! Да вот, хотя бы поражение «Спартака» в финале розыгрыша приза «Недели»-82. Чистой воды моя ошибка. Передоверился я своим ребятам, дескать, сами мобилизуются. Не провели мы психологическую подготовку, не собрались, как обычно, накануне на базе и не поговорили о предстоявшем соревновании с пражской «Славней». Предыдущие победы — 5:0 и 6:0 — убаюкали. Ошибся!

— Чемпионат мира стартует в середине июня. До какого времени может рассчитывать на включение в состав нашей сборной футболист, который будет подходить по своим кондициям и игре?

— Он может быть включен в состав за месяц до начала чемпионата, если не призывался раньше под знамена сборной. А если призывался, то за полмесяца.

— С какими вопросами, кроме сугубо футбольных, обращаются к вам участники сборной?

— Со всякими. С житейскими, этическими, даже (улыбнулся) с риторическими, Никогда не откажу в совете собрату-футболисту. А по части лечения разных футбольных травм я, не хвалясь, стал просто докой. Сам в свое время имел целый набор этих травм, знаю механику их получения, научился лечить и помог многим ребятам.

— Допустим, вечером, находясь в зарубежном турне, вы и команда свободны — куда пойдете?

— В любом турне у нас ежедневно два плановых тренировочных занятия, утреннее и вечернее (если нет матча). После вечернего занятия в театр идти поздно, музеи закрыты. В кино можно отправиться — всем или кто захочет.

— Представим, что вы не захотели в кино. Как тогда проведете вечер? Что станете читать?

— Чтением меня Лерочка снабжает. Положит в чемодан

книги или номера журналов и скажет: «Это надо непременно прочитать». Люблю исторические романы. Люблю перечитывать басни Крылова. Недавно прочел «Богач, бедняк» Ирвинга Шоу, «Время и место» Юрия Трифонова. Но, по правде говоря, трудно читать, находясь в турне. Мысли все время возвращаются к тренерским заботам, к сыгранному или еще не сыгранному матчу. Просматриваю план работы, обдумываю детали. Анализирую прожитый командой день. Захожу к тому или иному футболисту поговорить.

— Какие условия (место действия, погода, что-либо еще) нужны для создания вашего наиболее творческого настроения?

— Если в предыдущей встрече была удача, то у меня три-четыре дня приподнятое настроение, которое может превратиться в творческое в любую минуту. А вообще люблю тишину и зелень. Просыпаюсь в седьмом часу утра, выхожу пройтись. В это время отлично думается. Люблю выйти на московское бульварное кольцо. Утренний час, свежий, солнечный — состояние превосходное! Думаешь: все получится все будет здорово… Особенно это реально летом, когда футбольный сезон в разгаре, зимняя спячка и весенняя раскачка окончились и еще много решающих игр впереди.

— Поэты сочиняют всюду — в метро, в кафе, на улице. Не сродни ли поэтам тренеры: тоже везде и всегда думают о команде, о соперниках, о тактических построениях, об игре.

— А как же не думать? Футбол видоизменяется, функции и зоны действия игроков расширяются, время универсализации. Вот и думаешь (за едой, ведя машину или просто проснувшись среди ночи): нужен защитник-организатор атак, не поставить ли линию обороны выносливого нападающего?.. Что касается поэтов, то сравнение с ними чрезвычайно лестно, однако профессия тренера ближе всего к профессии режиссера.

— Ваш принцип незыблем: не приноравливаться к соперникам, навязывать им свою игру?

— Не может, не должна приноравливаться к соперникам команда, тем более сборная, если претендует на заметное место в футбольной табели о рангах, имеет свои концепции игры, выработала свой стиль. Нас сейчас — обратили внимание? — много хвалят в печати. И действительно, у советской сборной могут быть неплохие шансы на определенный успех в Испании.

Но нам многое еще нужно сделать. Пока нет такого, чтобы игроки сборной сами старались восполнить свои пробелы в

подготовке, сами готовили себя к предстоящей тяжелейшей борьбе. Им надо проникнуться сознанием того, что ожидает их на мировом чемпионате, дабы ничто не застало их врасплох. Едва ли не решающую роль там сыграют бойцовские качества, сила воли, характер. Не спасовать, не поддаться настроению, апатии в решающий момент, суметь переломить ход событий, сыграть через «не могу» — возможно, именно это понадобится им на футбольных полях Испании.

УРОКИ ИСПАНИИ-82, или ПРОДОЛЖЕНИЕ ИНТЕРВЬЮ

— «Именно это» и понадобилось больше всего на поле в Испании, Константин Иванович. И именно этого нашим футболистам не хватило. Ваши слова, которые дотошный читатель может проверить, перечитав беседу на 13-й странице «Недели» (№ 12 за 1982 год), оказались пророческими… Но давайте сегодняшними глазами посмотрим на события испанского чемпионата мира. Вот, например, свидетельство врача сборной команды СССР Савелия Мышелова, опубликованное в газете «Советский спорт» от 6 января 1990 года:

«До сих пор помню слова Бескова. Он сказал их в январе 1982 года в Испании, когда мы приехали на сбор и сразу же провели товарищеский матч с местным клубом, выиграв его, кстати, со счетом 3:0: «Друзья мои, команда не та». Его пытались переубедить: «Как же так, люди те же, отпуск только что кончился, и подготовка лишь начинается». Бесков стоял на своем: «Я же вижу, от того, что было в ноябре, ничего не осталось». И он в конце концов оказался прав. Опять-таки часть игроков переоценила свои возможности и несерьезно отнеслась к программе подготовки к чемпионату мира, а некоторые просто нарушали режим. Короче говоря, функциональное состояние футболистов перед началом первенства мира, за исключением, может быть, игроков киевского «Динамо», было неубедительным».

— Как раз поэтому нужно было проводить и регулярные двухразовые тренировки во время сборов, и товарищеские матчи, выбирая сильных спарринг-партнеров. Для того мы и поехали в Афины, где 10 марта померились силами со сборной Греции. Она в данном случае олицетворяла собой для нас южно-европейский стиль футбола. В каждом тайме наши забили по голу: в первом — Черенков, во втором — Буряк. 2:0. Затем месяц спустя полетели в Аргентину для встречи с самыми авторитетными экзаменаторами, чемпионами мира 1978 года, соответственно олицетворявшими собой южноамериканский стиль футбола. 14 апреля мы и аргентинцы вышли на поле стадиона «Ривер Плейт» в Буэнос-Айресе.

Не видно было легкости в действиях игроков нашей сборной.

Сказались дальняя дорога, утомительный перелет из полушария в полушарие. Наверное, и волновались перед лицом чемпионов мира, в рядах которых увидели и Марадону, и Кемпеса, и талантливого Диаса, и других звезд аргентинского футбола. Эти звезды при первой возможности били по воротам Дасаева, который бросался из угла в угол, себя не жалея, отразил «выстрелы» Марадоны, Кемпеса… Мяч попал в штангу наших ворот. «Зачастили, — подумал я, — гол назревает». И в самом деле, опередив Балтачу, Диас выскочил на передачу Марадоны и резко пробил. Метнувшийся навстречу аргентинцу Ринат среагировал, коснулся мяча, но удар был силен. 0:1.

Тенгизу Сулаквелидзе было дано персональное задание: кроме Марадоны, для него на поле никого не должно было существовать. После матча на Тенгизе не было сухой нитки, но лидер аргентинцев уже не столь активно дирижировал игрой. Во втором тайме передача в штрафной хозяев поля была искусно и элегантно принята Хореном Оганесяном, который лишь чуть качнул головой, переправляя мяч в сетку мимо голкипера Филола. 1:1. Результат этой встречи меня устраивал, игра наших футболистов — пока нет. Но очень полезной стала эта ничья для всего коллектива сборной: она укрепила уверенность в своих силах. По плану ровно за месяц до испанского чемпионата мира нам оставалось провести товарищеский матч в Москве со сборной ГДР, демонстрировавшей среднеевропейский стиль, атлетический, силовой.

Ближе к этому матчу мне стало ясно, что вопросы, ради решения которых были привлечены к работе в сборной мои коллеги Лобановский и Ахалкаци, решать на чемпионате мира не придется. В их участии в дальнейшей подготовке сборной уже не было никакой необходимости. Я вознамерился высказать эти соображения председателю Спорткомитета СССР С. П. Павлову и его заместителю В. Л. Сычу потому еще, что на сбор перед встречей с командой ГДР киевскому и тбилисскому тренерам можно было не приезжать.

Кстати, матч у немецких футболистов мы выиграли со счетом 1:0, гол забил Рамаз Шенгелия.

Я знал, что на чемпионат в Испанию Лобановский и Ахалкаци все равно поедут в качестве наблюдателей: воочию увидеть игры такого уровня крайне важно любому действующему тренеру. Следовательно, мои соображения их поездке не мешали.

Разговор с С. П. Павловым и В. Л. Сычом произошел в присутствии Лобановского и Ахалкаци: я ничего не делаю за спиной кого бы то ни было, и к руководству Спорткомитета обратился специально в тот момент, когда оба тренера

находились в Москве. В результате этого разговора была, насколько я понял, достигнута договоренность, что во главе сборной еду я с помощниками — Логофетом и Федотовым.

Перед отъездом в Испанию мы еще провели контрольную игру со сборной Швеции в Стокгольме (нужно было соприкоснуться и с североевропейским футболом). Счет был 1:1; Олег Блохин на 50-й минуте открыл его, Нильссон на 85-й сквитал. Лобановский и Ахалкаци в Швецию с нами не поехали, что было уже в порядке вещей.

И вдруг в самый канун отъезда на чемпионат мира я с несказанным удивлением и, скажу откровенно, с немалым огорчением узнаю, что киевский и тбилисский тренеры включены в состав сборной СССР именно в качестве тренеров, то есть привлечены к руководству командой.

Валерий Васильевич Лобановский и Нодар Парсаданович Ахалкаци — специалисты весьма авторитетные. Лобановский неоднократно приводил свою клубную команду к золотым, серебряным и бронзовым наградам в первенстве страны, к выигрышу Кубка СССР; в 1975 году его питомцы выиграли Кубок обладателей кубков Европы и Суперкубок, в 1976 году — бронзовые медали Монреальской олимпиады. Команда под руководством Ахалкаци стала обладательницей Кубка кубков за год до испанских событий, в 1981-м, выигрывала и чемпионат страны. Спартаковцы европейских кубков не завоевывали, московские динамовцы под моим руководством однажды дошли до финала, но не победили. Так что на «международных» весах оба коллеги меня своими заслугами как бы перетягивали… Если бы они предложили сесть за «круглый стола, высказали в открытую свои мнения и предложения, мы обсудили бы сообща ситуацию, и, возможно, это принесло бы пользу.

Но Лобановский и Ахалкаци вместе с руководителем советской делегации и а чемпионате мира В. Л. Сычом, который прежде имел привычку вмешиваться в действия тренеров во время международных турниров, в Испании постоянно обсуждали мои, как они считали, промахи и ошибки. Свои претензии они полагали возможным высказывать при игроках сборной. Такая ненормальная атмосфера «в верхах», конечно, не сказаться не могла.

Эти не способствовавшие успеху сборной обстоятельства отмечались в отчетах журналистов, побывавших на турнире в Испании. Например, Виктор Понедельник писал в «Советском спорте» следующее: «Бесков, Лобановский и Ахалкаци — совершенно разные люди и по характеру, и по своим футбольным убеждениям. Клубы, которыми они руководят, тоже совершенно

разные по манере игры. Не знаю, как родилась идея объединить этих трех ведущих специалистов, которых абсолютно нереально привести к единому знаменателю в понимании игры. Наверно, это почувствовали и 22 игрока сборной. Они разбились на группы. Недовольные, естественно, бежали к своим наставникам — излить душу. Дружного, способного на большие дела коллектива в такой обстановке быть не могло».

Другие обозреватели укоряли руководство сборной в том, что вместе с футболистами на чемпионат поехали их жены, а это только усугубляло нерабочую обстановку. Обозреватели писали: «К. И. Бесков в свое время прекратил поездки жен спартаковских игроков на южные сборы; как же получилось, что в Испании он это разрешил?»

Давно пора расставить все точки над «і». Вместе с командой жены футболистов поехали бы в Испанию или в какую-либо другую страну, как говорится, только через мой труп. А на самом деле было вот как: на второй этап чемпионата, после того как были сыграны матчи в подгруппах, приехало какое-то количество туристов из Советского Союза. Среди них были и жены некоторых, далеко не всех, наших игроков. Приехали они за свой счет и отнюдь не по линии сборной команды. Например, Жанна Васюра, супруга Леонида Буряка — заслуженный мастер спорта (художественная гимнастика). Леонид, к великому сожалению, из-за травмы так и не смог выступить в Испании; поэтому он чаще общался с Жанной, а другие жены, чьи мужья участвовали в играх чемпионата, видели своих супругов в основном с трибуны. Лишь один день во время перерыва между матчами первого и второго этапа соревнований им удалось с разрешения руководства командой провести вместе.

Большой урон нанесли сборной травмы Буряка и Хидиятуллина, отсутствие Кипиани, незалеченная травма Чивадзе, трехмесячный перерыв в выступлениях Бессонова, также из-за болезни. Плохо чувствовал себя Сулаквелидзе, его била лихорадка. Заметно было неважное физическое состояние Гаврилова. Я уже писал, что, не чувствуя себя в хорошей спортивной форме, Юрий резко сдавал в игре, движения становились вялыми, он «терял кураж» и не мог даже четко пробить пенальти. Почему этот период пришелся именно на чемпионат мира? Чем подорвал здоровье Гаврилов? Не могу найти ответа.

— Не знаю, обратили ли вы внимание, Константин Иванович, на деталь, которую описывал в своем отчете из Испании Понедельник: спортивные журналисты ставили игрокам

своеобразные оценки за выступления на чемпионате мира. Три звездочки рисовали напротив фамилии мастера, сыгравшего отлично, две — хорошо, одну — посредственно или плохо. Из наших игроков три звездочки заслужил один Дасаев (недаром дома, в СССР, он был единодушно назван лучшим футболистом страны 1982 года), по две — Демьяненко и Бессонов, остальные — по одной. Можно процитировать бразильскую газету «Глобо», комментировавшую матчи советской сборной: «Игрок команды СССР Шенгелия просто плохо владеет мячом». Это сказано под впечатлением нашего матча со сборной Польши.

— Не сомневаюсь, что не под впечатлением нашего матча со сборной Бразилии, в котором защитники откровенно схватили Рамаза Шенгелию за футболку и задержали руками в пределах своей штрафной площади, иначе он вышел бы один на один с бразильским вратарем Пересом. Испанский арбитр Аугусто Кастильо «не заметил» явного нарушения правил в штрафной площади, как «не заметил» игру рукой (ну прямо по-волейбольному) защитника Луизиньо также в штрафной площади бразильцев. Два одиннадцатиметровых «проглядел»! Весь стадион «Рамон Санчес Писхуан» в Севилье, все семьдесят тысяч болельщиков, собравшихся 14 июня на этот матч, скандировали: «Пе-наль! Пе-наль!»

Мадридская газета «Йа» на следующий день отметила: «Кастильо судил в пользу Бразилии». Газета «Коррео де Андалусия» написала: «Сборной СССР навредил Кастильо. Его несправедливое судейство в решающей степени повлияло на результат встречи». Газета «Оха дель Лунес» подвела итог мнений, высказанных и в других испанских изданиях: «Позор Кастильо!» (это заголовок), «Такому арбитру не место на чемпионате мира!»

Правда, надо отметить, что не один арбитр виноват. Намного ниже своих возможностей действовала наша средняя линия. Мог и обязан был забить гол Владимир Бессонов. Уж ему-то, мастеру такого высокого класса, непростительно не попадать в ворота с трех-четырех метров. Промазал, схватился за голову: «Как это я?» Стопроцентная возможность была упущена. А ведь могли повести в счете весомо, один-то мяч был уже забит.

Это сделал Андрей Баль. Ударил вдруг метров с двадцати пяти как-то хитро, коварно: мяч стукнулся о землю перед голкипером бразильцев и влетел в сетку.

Вспомним о том, что Севилью издавна называют «горячей сковородкой Испании». В день нашей встречи с бразильцами температура воздуха достигла 43 градусом Цельсия. Для бразильцев — привычная теплынь, для наших — удушающая

жара. И все же начали мы спокойно и уверенно, время от времени совершали проходы Блохин и Шенгелия, атаковал по флангу Демьяненко. Поначалу даже казалось, что бразильцы побаиваются нашу сборную. Ничего удивительного, за год до этого мы их обыграли в Рио-де-Жанейро со счетом 2:1. Скованность у них какая-то чувствовалась.

Вот тут судья Кастильо и преподнес «сюрприз» — не дал пенальти. Не дал в ситуации, которую люди, сидевшие в верхних рядах на трибунах стадиона, видели, как говорится, невооруженным глазом.

Во втором тайме бразильцы словно очнулись. Пошли вперед Жуниор, Сержиньо, Зико, Фалькао, Сократес, Эдер — нападающие, полузащитники, защитники. Били по воротам Дасаева издали и с близкого расстояния. Наш вратарь делал все, что мог. Не случайно Пеле и Эйсебио высоко оценили игру Рината.

Сгущалась духота, все труднее было дышать. До финального свистка оставалось четверть часа, когда высокорослый Сократес с дальней дистанции ударил с такой силой. Что, как после рассказывал Дасаев, мяч словно обжег ему пальцы. 1:1.

Как раз вслед за этим арбитр оставил без внимания игру рукой в штрафной площади бразильцев.

А потом — короткий штурм, сутолока игроков вблизи наших ворот, и из этой сутолоки мощный удар Эдера. 1:2. Так мы потеряли два очка. У всех в сборной было ощущение, что у нас их отняли не совсем честным путем.

В том, что судейский комитет отстранил Аугусто Кастильо от дальнейшего арбитража на чемпионате мира, выразилось отношение к его профессионализму и нравственности.

О следующем матче нашей сборной — с командой Новой Зеландии — были совершенно разные отзывы. В «Советском спорте» писали: «Душой этой игры стал Олег Блохин. Он шел вперед, отходил в оборону, сумел зажечь партнеров, забил гол сам и ассистировал голам Гаврилова и Балтачи». А вот слова Леонида Буряка из его книги «Горячие точки поля»: «Творческого удовлетворения эта игра не принесла. В игре наших не чувствовалось подъема, они как бы катились по проторенной дорожке. И это настораживало: когда команде не хватает воодушевления в одном матче, это вполне может повториться и в другом. После встречи тренеры именно об этом и говорили…»

В принципе я склонен разделить точку зрения Буряка. Но существует минимум два ракурса: взгляд на игру с трибуны стадиона и взгляд на нее изнутри, глазами команды й тренера. Мне доводилось бывать в Австралии, я знаю стиль и уровень

тамошних команд. Новая Зеландия — самая далекая провинция Содружестве — копирует австралийскую манеру. Московские динамовцы побеждали австралийцев с крупным счетом, и от сборной Новой Зеландии чего-то особенного ждать не приходилось. Футболисты наши худо-бедно были об этом осведомлены. Новая Зеландия никак не могла стать для них подлинным раздражителем, задеть их самолюбие или какие-то иные струны души. С такой командой играть, как правило, нелегко: она вроде бы уже обречена на проигрыш, но это нужно выразить в голах.

Болельщики были недовольны советскими футболистами. Дескать, слабенько сыграли с новозеландцами. Согласен, вдохновения у наших не было. Но счет 3:0 — серьезный счет. «Можно и нужно было забивать восемь!» — настаивали горячие головы. Спрашивается, зачем? Крупный счет бывает и нецелесообразен. За примером не надо далеко ходить: на чемпионате мира по хоккею 1990 года, в играх предварительного этапа, шведская сборная победила нашу, отдав этому матчу много душевных и физических сил, но в решающем этапе проиграла, лишившись золотых медалей чемпионов мира (бывало и наоборот).

У меня не было особых претензий к игрокам нашей команды. Выиграли и выиграли. Этот матч и следующий, с командой Шотландии, проводились в Малаге, где стояла совершенно нестерпимая жара. Накануне шотландцы проиграли сборной Бразилии со счетом 1:4. Теперь у обеих команд, нашей и шотландской, было по одной победе и по одному поражению. Но у нас разница забитых и пропущенных мячей — плюсовая, 4:2, а у шотландцев 6:6. Следовательно, нас устраивала ничья, их — только победа.

Едва начался матч, который решал, кто продолжит борьбу в чемпионате, как получил травму Рамаз Шенгелия. Доктор «заморозил» кровоподтек, но сможет ли Рамаз играть в полную силу?

Бразильская газета «Глобо» утверждала, что «Шенгелия плохо владеет мячом». Скорее всего, написано было это под впечатлением нашего матча с польской сборной, когда разладилась игра, прервались связи между нападающими, да еще здорово дала о себе знать травма, полученная Рамазом в борьбе с шотландцами. Лучший футболист страны 1981 года, один из самых результативных бомбардиров тех лет, Шенгелия забил бы мяч бразильцам, если бы его не остановили при выходе один на один с вратарем, не остановили недозволенным приемом. Шенгелия забил гол шотландцам, и этот гол оказался очень

дорогим. Нет, «Глобо» была несправедлива к нему.

Шотландцы явно грубили в матче с нами. Нападающему Сауннессу румынский судья Райня показал желтую карточку. Дасаев в этой игре несколько раз спасал наши ворота. Сергей Боровский был персонально прикреплен к форварду Джордену, должен был на отходить от него ни на шаг, однако именно Джордан головой направил мяч о нижний левый угол ворот. Ринат среагировал феноменально, удар-то был с близкого расстояния: взял!

Перед игрой я предупреждал игроков, что шотландцы исповедуют британский футбол с поправкой на повышенную резкость в силовой борьбе, они чаще пользуются дальними верховыми передачами и безупречно владеют головой. Поэтому наши защитники должны быть предельно осмотрительны при выборе позиции. А в атаке рекомендовал нашим применять передачи низом, опять-таки потому, что в воздухе шотландцы искуснее.

На 15-й минуте нечто необъяснимое стряслось с Александром Чивадзе. Наш капитан, всегда такой внимательный, очень техничный, принимая мяч на грудь в центре поля, как-то неловко поднял ногу, сбился с движения, споткнулся, и мяч оказался у него за спиной. Подскочивший к нему Джордан подхватил мяч и устремился в прорыв, один на один с Дасаевым… 0:1.

Чивадзе всегда был самоотверженным бойцом, предельно добросовестным: подтвердил он это и на сей раз. Свою накладку переживал страшно. Клял себя, говорил, что нанес удар в спину всей команде, — эмоциональный, темпераментный, бесконечно преданный футболу Чивадзе…

Разговор в раздевалке во время перерыва был деловым. Все еще можно исправить. Вы не хуже шотландцев. Недаром грубит их защита. Сыграйте в свою обычную игру. Саше Чивадзе ни в коем случае не падать духом, не терять голову, не посыпать ее пеплом, играть! Всем — играть!

И они сыграли. В такие минуты им принадлежат все сердца, в том числе «сверхсуровое» сердце их главного тренера. Юрий Гаврилов обманул защитника Миллера и вратаря Рафа, поймал их на ложный замах и послал мяч в противоположный угол ворот; шотландский защитник Нэри дотянулся до мяча в подкате и отбил его — на Чивадзе…

Невольно вспомнился защитник ЦДКА Иван Кочетков, который еще в 1948 году в игре с нами, московскими динамовцами, срезал мяч в свои ворота. Он был охвачен отчаянием и готов «смыть вину кровью». Не успокоился до тех пор, пока в атаке при его участии не был забит ответный гол.

Представляю, каково было Чивадзе. И что вложил он в удар по мячу, попавшему к нему от шотландского защитника Нэри… Счет стал 1:1.

Все-таки иногда у фортуны, которая к нам в футболе редко поворачивается лицом, бывают просветления. Жесткие и резкие шотландцы, понимая, что ничья — конец их надеждам и планам, заспешили я очередную атаку. Двое из них столкнулись, мяч очутился у них за спиной, точь-в-точь как у Чивадзе в первом тайме, и на сей раз первым к нему подлетел Рамаз Шеи-гелия. Быстро-быстро перебирая ногами, легкий и тоненький, он вынесся к воротам Рафа. Тот кинулся навстречу. Шенгелия, словно танцуя, обвел его, катнул мяч в ворота — настолько мягко, чтобы невзначай не промазать, но не настолько слабо, чтобы кто-нибудь из шотландцев смог этот мяч догнать.

Так что же, совсем никудышную игру показала сборная СССР на чемпионате мира в Испании? Сам ход матчей с бразильской, новозеландской и шотландской сборными свидетельствует о том, что команда делала все возможное, учитывая ее поредевшие ряды, тяжкие климатические условия, судейские зигзаги и сложности в штабе нашей сборной.

До конца встречи с шотландцами оставалось пять минут. Наши футболисты верны себе и в хорошем, и в плохом. Они поняли, что если один гол шотландцам и удастся забить, то уж два — никак. И конечно же расслабились. Трудно припомнить, сколько раз тренеры говорили им, что матч длится 90 минут, что На ответственных соревнованиях мимолетная расхлябанность может стоить команде гола…

Расслабились, и немедленно Сауннесс, которого предъявленный судьей «горчичник» привел в молчаливое неистовство, нас «наказал». 2:2. И еще целых три минуты нам пришлось поглядывать на секундомер, а мне — мысленно охать. Но большего сделать шотландцам не позволили наша оборона и блестяще сыгравший Ринат. Первый барьер мы перемахнули.

Теперь сборная СССР очутилась в группе «А» вместе с командами Польши и Бельгии. Поляки были представлены своим отборным составом: корифей европейского футбола Лято, молодая звезда Бонек, отличные игроки Смолярек, Бунцол, Ялоха, Купцевич, Маевский, Жмуда, Циолек… У бельгийцев тоже есть имена: Кулеманс, Веркотерен, Вандеиберг…

Надо сказать, расписание игр ставило в лучшее положение польскую сборную. Ей была назначена встреча с бельгийцами на 28 июня. Предыдущие матчи (наш с шотландцами и поляков с перуанцами) состоялись 22 июня. Мы должны были состязаться со сборной Бельгии лишь 1 июля, а последний матч в этом

треугольнике (СССР — Польша) выпал на 4 июля. Получилось, что у поляков перерыв между играми в пять дней, у нас — девять дней и потом только два.

Врач сборной СССР Савелий Мышалов писал об этом в «Советском спорте»: «Нас чуть подкосило, что после напряженного группового турнира образовался перерыв перед игрой с Бельгией в девять дней. Команда сбилась с боевого ритма. Матч с бельгийцами проходил в Барселоне, где была просто сумасшедшая влажность при жаре в 33 градуса. В тяжелейшем матче мы победили — 1:0, но игроки потеряли в весе до трех — трех с половиной килограммов. Спустя два дня команда встречалась с поляками (отдыхавшими пять дней), и восстановить силы игроков нам просто не удалось, в таких случаях медицина бессильна».

То, что происходило в матче с Бельгией, бывает с командой, составленной из молодых неопытных игроков. Шла монотонная и однообразная игра с большим процентом технического брака. Вскоре стало очевидно, что сладить с бельгийцами можно. Но, как говорится, «не шла» игра. Не попадает в ворота Блохин, не попадают Шенгелия, Гаврилов. Вот небрежно сыграл Баль: головой сбросил мяч… прямо на ногу Веркотерену. Тот сразу же пробил с лета — к счастью, мимо… Чуть позже Веркотерен вышел один на один с Дасаевым, бил под острым углом к площади ворот — тоже мимо.

Бельгийцы то и дело применяют искусственный офсайд. Чивадзе присмотрелся к их маневрам и поймал на несогласованности действий. Его свалили бельгийские защитники. Штрафной удар. Пас Демьяненко, тот врывается в штрафную и… отдает мяч в руки голкиперу Муарону! А рядом стоял никем не прикрытый Шенгелия и ждал…

У нас была освоена система, по которой в атаке моментами участвовали все игроки, умеющие атаковать, независимо от того, в какой линии они играют. Мы знали, что поляки победили бельгийцев со счетом 3:0. Чтобы упрочить свое положение, нам следовало больше забивать бельгийцам. В то же время в подсознании возникала мысль, что и поляков мы обыграем. Обыгрывали же столько раз прежде.

К перерыву между таймами на табло барселонского стадиона «Ноу камп» светились нули.

В этом матче в первый раз на чемпионате мира появился полузащитник Хорен Оганесян. Читатель помнит, это Хорен забил мяч в ворота чемпионов мира 1978 года аргентинцев в Буэнос-Айресе (в апреле 1982-го, когда мы готовились к мировому турниру). Ему суждено было решить и судьбу матча с

бельгийцами.

Блохин отдал мяч Гаврилову, тот был почти у самого углового флага на половине поля бельгийцев. Юрий пытался сделать простреленную передачу. Мяч угодил в бельгийского защитника и отскочил назад к Гаврилову. И тут Юрий увидел Оганесяна, передвигавшегося на месте левого инсайда и готового с ходу пробить. Гаврилов точно послал ему мяч. Оганесян, не останавливая и не подправляя, с ходу, сильно подрезав, пробил в верхний угол… Гол-красавец! Муарон столь немедленного удара не ожидал и потому опоздал с броском.

Счет мог и удвоиться: Блохин хорошо подал угловой, мяч попал к Бессонову, расположившемуся вблизи от ворот. Правильно подставь голову, и будет гол! Стопроцентно голевая позиция… Но Бессонов промахнулся.

Вспоминаю этот матч как матч упущенных возможностей! Бельгийцы били по нашим воротам с флангов и издалека, с близкого расстояния и почти с линии наших ворот. А наши игроки стремились разыграть мяч «до верного», чуть ли не завести его в ворота. Что-то исчезло. Не ощущалась уверенная нацеленность. Наши футболисты стали играть ниже своих возможностей. Усталость? Моральный износ? Нервозность? Закулисные раздоры — кстати, сильно преувеличенные слухами и досужими сплетнями?

Вот мнение Олега Блохина, изложенное в его книге «Право на гол»: «В составе сборной СССР, которая в сезоне 1981 года успешно завершила отборочные игры и завоевала путевку в финал, мне было приятно выступать. Я получал удовольствие от игры всей команды. Мы могли разнообразно атаковать и уверенно обороняться. Грамотно, в зависимости от соперника, применяли тактическую расстановку, хорошо использовали штрафные и угловые удары, могли навязать сопернику свою волю. И отношения в команде изменились к лучшему.. Мало-помалу я находил общий язык с главным тренером сборной К. И. Бесковым. Он мне даже как-то сказал: «Ты у меня в сборной будешь играть до сорока лет!..»

Отношения в команде действительно были нормальные, благожелательные. Если кто-то и шел к «своим» тренерам, к Лобановскому или Ахалкаци, то приватно, и я не думаю, что их разговоры как-то отразились на игре сборной. Не могу сказать, что глава нашей спортивной делегации В. Л. Сыч пытался руководить командой, вмешивался в установки.

4 июля мы должны были победить. Поляков устраивала ничья.

Опять жара под 40 градусов. Иссякли силы у Бессонова — к

такому выводу пришел врач. Но Владимир был очень нужен команде, мы просили его «еще немного, еще чуть-чуть». Явно хворал Чивадзе. Давала о себе знать травма, полученная Рамазом Шенгелия в предыдущей игре. Сильно сдал физически Сулаквелидзе. Расклеился Гаврилов, потерял уверенность Блохин.

Поэтому наша средняя линия держала форвардов, как говорится, на голодном пайке. Поэтому и нападающие не выполнили план игры. Неудивительно, что они не часто били по польским воротам. Удивительно другое: то, что они за всю игру ни разу не ударили по воротам сборной Польши!

Тренер сборной команды Италии Энцо Беарзот после этого матча сказал: «Сборная СССР удивила. Она сделала все, чтобы сыграть вничью, хотя ей нужна была только победа».

У поляков основные силы были стянуты в оборону, включая нападающих. По воротам Дасаева первый раз по ходу встречи пробил Анджей Бунцол — на 39-й минуте!

Олег Блохин начал матч активно. На 9-й минуте безупречно исполнил штрафной удар. Мяч летел на голову Бессонова, находившегося на очень выгодной позиции, но тот снова, уже в который раз, не попал в ворота. Блохин дал острый пас на выход им могли воспользоваться два-три наших игрока, но не воспользовался ни один. Затем Блохин дал отличный пас Гаврилову, тот обвел двух польских футболистов и сделал острейшую передачу рванувшемуся к воротам Шенгелия, но вратарь Млынарчик успел перехватить мяч. На 27-й минуте Хорен Оганесян сделал просто-таки ювелирную передачу, Сулаквелидзе с близкого расстояния бил головой — опять мимо…

После в раздевалке Тенгиз Сулаквелидзе сокрушался:

— Сто лет буду помнить! Как я мог промазать!

Будем справедливы, поляки тоже тревожили Дасаева, у его ворот были серьезные моменты, когда били Бунцол, Бонек, Смолярек. Это, пожалуй, закономерность футбола: если вы не забиваете, вам забивают. К счастью, наша оборона свою задачу на игру выполнила. А ведь против нее играли знаменитый форвард Гжегож Лято и не менее знаменитый Збигнев Бонек, весьма скорые на голы.

90 минут пролетели как горький сон. Думаю, что тем нашим футболистам, которые были на поле, они показались в несколько раз более долгими. Тягостный матч, и… мы выбываем из дальнейшей борьбы.

Спортивное руководство, пресса и даже сами участники сборной оценивали наше выступление на турнире в Испании как неудовлетворительное. Например, Олег Блохин в книге «Право на гол» написал:

«Даже если допустить, что мы выиграли бы матч у сборной Польши и вошли в четверку, все равно нельзя было считать нашу игру удачной…

…На чемпионате мира я из-за травмы Буряка остался без главного моего партнера. Мы с Буряком составляли оригинальный тандем. Оригинальный потому, что я не знаю случаев, чтобы в такой манере играли полузащитник и нападающий… К сожалению, Гаврилов, который раньше умело выполнял роль разыгрывающего полузащитника, на чемпионате почему-то сник. В день матча со сборной Польши по каким-то еле заметным штришкам я почувствовал, что не все мы внутренне мобилизованы на серьезную борьбу. Накануне Бесков снова советовал мне больше играть «на острие атаки». «А кто же будет разыгрывать?» — спросил я Константина Ивановича. «Ты отдай мяч Гаврилову, он знает, что с ним делать», — ответил главный тренер. Бесков верил в Гаврилова до последнего. Мне рассказывали запасные игроки, что уже во время матча, когда чуть ли не каждый пас Гаврилова шел в ноги к полякам и все видели, что его следует заменить, Бесков в ответ на такое предложение резко бросил: «Что вы мне будете заменять Гаврилова, когда он у меня выполняет работу на двести процентов?!»

Но потом сам эту замену все-таки произвел…

На послематчевой пресс-конференции К. И. Бескову задали вопрос: «Не считаете ли вы, что своими апелляциями к партнерам, частым выражением недовольства их действиями Блохин мешал им играть?» Бесков ответил: «Считаю, что в первую очередь он мешал играть самому себе. Он больше разговаривал, чем играл…»

К слову сказать, во время подготовки к чемпионату мира в Испании наши тренеры злоупотребляли статистикой. Чуть ли не на каждом разборе, на каждой установке главный тренер доставал свой «талмуд» и начинался разговор о технико-тактических действиях и процентах брака. Я понимал, что в подобном анализе, когда скрупулезно подсчитываются передачи, перехваты, отборы мяча, удары по воротам и прочее, есть определенная польза. Особенно для молодых футболистов, впервые попавших в сборную страны. Но ежедневно, а то и по три-четыре раза в день слушать одно и то же — о тактико-технических действиях и процентах брака у всей команды и каждого игрока в отдельности — этак и с ума можно сойти…»

Таково мнение Олега Блохина. Замечу, в книге он подчеркнул, что был задет строками, посвященными ему в «Неделе», в обозрении «После чемпионата» (1982 год): «Как же

пожалеет когда-нибудь Олег о своей пассивности, апатии, безразличии к исходу четвертьфинального матча. Впечатление было такое, что Олег сделал нам всем одолжение, выйдя на матч, и тут же разочаровался в себе и товарищах. Ни старания, ни интереса к игре, ни заботы о команде в целом».

Допустим, журналисты, люди эмоциональные, что-то недопоняли. Но вот точка зрения партнера по тандему Леонида Буряка, изложенная в его книге «Горячие точки поля» (1985 год):

«Явно не в своей тарелке Блохин. Когда-то Олег действовал на острие атаки и помнил, что главное для него — забивать голы, но со временем, когда защитники к нему привыкли и стали наступать на пятки, избрал для себя другой рисунок: спрячется во второй линии… У Блохина результативность поехала вниз…»

Сколько людей, столько мнений. Быть может, совсем беспристрастен взгляд зарубежного наблюдателя? Шведская газета «Экспрессен» отозвалась о матче СССР — Польша так: «Отнюдь не выглядит красиво, когда Блохин начинает с помощью жестов выражать свое неудовольствие и указывать товарищам по команде на их ошибки».

Я могу понять недовольство Блохина акцентированием роли статистики. Обладателю почетных званий и призов скучно слушать про тактико-технические действия и проценты брака, пусть молодые слушают. На Западе асе мало-мальски серьезные тренеры основывают свои футбольные планы и замыслы на подсчете и анализе тактико-технических действий и их качества; но то — на Западе, а «мы уж лучше старым казачьим способом»… Знакомая песня: мы академиев не кончали…

А по моему мнению, наша сборная в матче с поляками была значительно ниже того уровня, который был присущ сборной образца 1981-1982 годов. Но в целом сборная сыграла, учитывая все обстоятельства, в которых оказалась отнюдь не плохо. О матче с бразильцами сказано достаточно. Победа в три мяча над новозеландцами — нормальный результат. Ничью во встрече с шотландцами нужно было добыть в более чем нелегкой борьбе. Труднейший матч с командой Бельгии после восьмидневного простоя — не увеселительная прогулка, но и он был выигран. Наконец, в состязании с поляками — состязании мастерства, нервов, притязаний — мы не сумели забить мяч, но и не пропустили от знаменитых игроков, которых приглашали к себе ведущие европейские клубы.

Вспомним состав нашей команды на игру с поляками. Дасаев, Боровский, Чивадзе, Балтача, Демьяненко, Сулаквелидзе, Бессонов, Оганесян, Шенгелия, Гаврилов, Блохин.

Много игроков, умеющих обороняться. И, за вычетом Дасаева

и, пожалуй, Боровского, все остальные — умеющие атаковать, забивать голы, многократно забивавшие. Защитники Балтача и Чивадзе доказали это и там, в Испании.

Вновь и вновь анализирую этот состав. Кто же из них не умел брать ворота? Признанный бомбардир Блохин, скорострельный Шенгелия, много забивавший Гаврилов? А кому не известны рейды Демьяненко, часто завершавшиеся кинжальным ударом? А сколько мячей на счету остальных? Значит, не случайно были именно так подобраны эти полевые игроки. На установке они, испытанные и проверенные «забивальщики», получили точную задачу: забивать!

Еще аспект: кто из них не умел дать острый пас партнеру, вывести его на голевую позицию? Тот же Гаврилов, те же Бессонов, Оганесян, в немалой степени Блохин — умелые распасовщики. Их сочетание должно было принести плоды. Но вспомним: в течение первых двадцати минут матча наши форварды и хавбеки умудрялись терять мяч после первой же передачи партнера, хотя никто в момент приема мяча им не мешал!

Те возможности, которые возникали почти у каждого игрока атаки, обязывали обеспечить взятие ворот. Анализируя любой из упущенных моментов, понимаешь, что заслуженному мастеру спорта или мастеру спорта международного класса труднее было его не использовать.

Вернемся чуть назад. По раскладу, по этапам подготовки все шло логично и последовательно. Двадцать восемь матчей со сборными разных стран провела наша команда с 1980 года до четвертьфинала чемпионата мира 1982 года (период, в который я ею руководил). Двадцать восемь встреч на уровне сборных, и лишь два поражения: от ГДР — 0:1 и от Бразилии — 1:2. Забей мы гол полякам, никто не упрекнул бы нас. А ведь мы строили игру в расчете не на один гол, а не постоянную высокую результативность.

Так что же произошло в тот злополучный день на стадионе «Ноу камп»?

Теперь я не сомневаюсь: общее резкое снижение игрового тонуса. Восемь дней перерыва, затем изнурительная борьба с командой Бельгии — и всего два дня на восстановление сил, что сделать было просто невозможно. Нельзя сказать, что наши футболисты не понимали, как добиться победы, или не хотели этого. Значит, остается одно: не могли. Не могли физически.

И до и после этого проваленного матча каждый из перечисленных выше полевых игроков не раз демонстрировал свое искусство в атаке, у каждого из них превосходная репутация

забивающего игрока.

Проверьте себя, читатель: случалось вам очень усталым, измотанным физически и духовно возвращаться домой? Вы входите в свою знакомую переднюю, пытаетесь повесить плащ на вешалку, но он выскальзывает из рук. Вы стараетесь зажечь газ, но спички ломаются в негибких пальцах. Вы споткнулись о ковер. Задели стул. Ни о каком опьянении нет и речи. Что же с вами? А вот что: вы чертовски устали. Примерно то же самое происходило с игроками сборной на «Ноу камп», но в отличие от вас им нужно было полтора часа сражаться с умелым и упорным противником.

Словом, остаюсь при своем мнении: сборная 1982 года выступила, безусловно, ниже своих возможностей, но признать всю ее игру на чемпионате мира в Испании неудовлетворительной могли только наши Федерация футбола и коллегия Спорткомитета, которые десятилетиями только так и оценивали выступления всех советских спортсменов: выиграл — герой, проиграл — трус и слабак.

— Верно сказал Есенин (не футбольный статистик, а его отец, выдающийся поэт): «Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстояньи». Почему мы, журналисты, таи обрушились на сборную 1982 года и так восторженно восприняли выступление сборной на чемпионате мира 1986 года? Ведь по результатам оба выступления мало чем отличались одно от другого.

Мы с коллегами обсуждали сию загадку и пришли к такому выводу. Сборная-86 в отличие от сборной-82 проводила отборочные и контрольные матчи с большим скрипом, часть из них проиграла. Не показывала тогда игры главная команда страны. Это всех тревожило. Можно сказать, в последний момент заменили главного тренера Малофеева на Лобановского. Беспрецедентная замена наставника за считанные недели до чемпионата, естественно, встряхнула команду. Лобановский принял роль спасителя положения. И в первом матче мексиканского турнира, как говорится, «Бог был на его половине поля и обоих таймах».

Венгерскую сборную у мае традиционно считают сильной, хотя выигрывали у нее гораздо чаще, чем ей проигрывали. В первом нашем мексиканском матче она была послана в глубокий нокдаун, деморализована перевесом в два мяча, достигнутым нашими футболистами к 4-й минуте первого тайма. Сразу поведя а счете, наши делали все, что хотели. Тем более что всем осточертели многочисленные блеклые игры сборной на пути в Мексику. Венгры

из нокдауна попали в нокаут — 6:0. После чего проиграли и французам — 0:3. В прессе отмечалось, что венгерская команда «так и не смогла реализовать спой потенциал»»

Резонанс первой победы, да еще со счетом 6:0, сделал свое дело: отечественные болельщики ликовали, чемпионы Европы-84 французы побаивались нашу сборную. Она еще была на гребне волны. Ничья с командой Платини — результат, свидетельствующий о том, что наши футболисты умеют играть в свою игру, хотя у французов тогда уже близился спад, они не были несокрушимы.

Но дальше: победа со счетом 2:0 над командой Канады, которую вполне можно сравнивать с новозеландской, обыгранной в 1982 году со счетом 3:0. И, наконец, поражение от бельгийцев — 3:4. Известно, поражение, во многом вызванное судейскими «недосмотрами», но ведь и явными ошибками собственной обороны.

В 1982 году — 2 победы, 2 ничьи, 1 поражение; в 1986 году — 2 победы, 1 ничья, 1 поражение.

Сборная-1982 «выступила неудовлетворительно, задачу не выполнила», сборная-1986 «выступила положительно, показала интересную игру». Вновь то же самое, что с серебряными медалями первенства Европы: в 1964 году за них снимали с работы, в 1988-м — прославляли.

— Сочтемся славою. Урок, который мы получили на чемпионате мира 1982 года, всей: недопустимо, чтобы несколько ведущих тренеров одновременно готовили и направляли на соревнованиях одну и ту же команду. Но, как говорится, отрицательный результат — тоже результат. Верю, придет когда-нибудь день, и хорошо организованное, разумное начало, основанное на целесообразности, взаимном доверии, культуре отношений, приведет к сочетанию тренера и игроков, которые, изучив наш опыт, в том числе негативный, и сделав полезные выводы, достигнут того, чего не удалось достичь нам.

«СПАРТАК» ВОСЬМИДЕСЯТЫХ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ МАТЧИ

В чемпионате страны 1982 года «Спартак» сделал шаг назад, завоевав бронзовые медали. Наверное, в какой-то степени отразилось на игре команды участие многих ее футболистов и старшего тренера в мировом турнире. А нам еще предстояло вступить в борьбу в рамках розыгрыша Кубка УЕФА. Чтобы завершить наконец международную тему, расскажу о тек матчах «Спартака» 80-х годов, которые мне особенно запомнились.

В 1/32 финала Кубка УЕФА из дальнейшей борьбы выбыли знаменитые английские клубы «Арсенал», «Ипсвич», «Саутгемптон», «Манчестер Юнайтед», голландский «Эйндховен», итальянская «Фиорентина», западногерманская «Боруссия», московское и тбилисское «Динамо»,

«Нашими заботами» из розыгрыша был на первом же этапе выбит «Арсенал», команда с внушительнейшим послужным списком, имевшая к тому моменту в своем активе выигранный Кубок УЕФА. Такая доля досталась нам по жребию. И первый, московский, матч с «Арсеналом» начался для нас примерно так же, как для венгерской сборной ее встреча с советской командой в 1986 году. На 15-й минуте Бобби Робсон ударом под перекладину открыл счет, на 28-й Чепмэн головой, поймав Дасаева на противоходе, послал второй мяч в сетку наших ворот.

Эх, если бы спартаковцев каждый раз так задевало за живое! В случае с «Арсеналом» они проявили истинно мужской характер. Пошли вперед, закрутили фирменную «карусель», сбили с толку оборону британцев, и в конце концов защитник Вуд свалил Родионова, стараясь остановить опасный прорыв. Штрафной удар. Мяч заметался возле ворот и, прочертив несколько зигзагов в разных направлениях, попал к Сергею Шавло, который отправил его в ворота арсенальцев. Шла 37-я минута.

В перерыве мы говорили кратко и откровенно (кстати, наши обсуждения событий в интервалах между таймами никогда не были неоткровенными, с недомолвками или задними мыслями, — нет, все я открытую, только правду и только прямо в глаза). Было понятно, что, даже выйдя вперед в счете, мы с незначительными шансами на дальнейшее продвижение в розыгрыше Кубка УЕФА поедем с ответным визитом в Лондон. Но проигрывать дома в первой же встрече,,,

Спартаковцы атаковали весь второй тайм. Юрий Гаврилов, к

которому вернулись его глазомер, хладнокровие и хитроумный расчет, на 69-й минуте пробил пенальти и сквитал «чет, а на 88-й забил победный мяч. 3:2.

«Нашим футболистам придется в Лондоне очень и очень нелегко», — так заканчивался отчет в «Советском спорте» о первой игре с «Арсеналом».

Принимая в Москве «Арсенал», мы ждали, что он изберет оборонительный вариант, постарается поменьше пропустить и периодически контратаковать. Но британцы опрокинули наши предположения. Они не стали отсиживаться в защите. Два гола на чужом поле — неплохой запас, рассуждал я, пробуя стать на место английского тренера. Выиграв у себя дома хотя бы 1:0, можно без хлопот выйти в следующий тур, «Спартак» не может этого не понимать. У него и в Москве не ладилась оборона, а ведь в Лондоне агрессивность хозяев поля неизбежна! Значит, «Спартаку» только и остается, что уйти в глухую защиту и постараться удержать преимущество в один мяч…

— Сделаем то, чего англичане от нас никак не ждут, — сказал я команде во время установки. — С самого начала будем атаковать и атаковать!

В тот день спартаковцы преподнесли подарок всем. Мне, себе, своим друзьям и почитателям, любителям спорта и в нашей стране, и в Англии, где умеют ценить искусную игру «вопреки логике». Пять мячей забили они «Арсеналу», тренер которого Терри Нейл после матча нашел в себе силы и мужество поздравить меня «с победой и с превосходной командой».

Вслед за «Арсеналом» спартаковцы дважды одолели голландский «Харлем» — 2:0 и 3:1. В этом туре выбыли из дальнейшего розыгрыша «обидчики» тбилисских и московских динамовцев — итальянский «Наполи» и польский «Шленск», а также «Глазго рейнджере», «Ференцварош» и «Хайдук». А дальше… Я уже отмечал, что по мере приближения к финалам европейских клубных турниров соперники все больше напоминают миниатюрную сборную континента, хорошо сыгранную. Скажем, доставшаяся нам испанская «Валенсия» — в свое время обладатель Кубка УЕФА и Суперкубка, выигравшая в 1981 году Кубок кубков.

«Валенсия» сумела на нашем поле удержать ничейный счет (0:0), а на своем выиграть у «Спартака» 2:0. Высококлассный был подбор исполнителей у испанцев, сказался и их серьезный кубковый опыт, и обоснованная уверенность, сказалась и усталость наших игроков на финише года.

Замечу, что в обоих матчах полуфинала «Валенсию» победил прославленный бельгийский «Андерлехт». Он тоже владел Кубком

кубков, а в 1982 году как раз и выиграл Кубок УЕФА. Именно с «Андерлехтом» свел нас жребий в следующем розыгрыше этого приза.

Трудно было, конечно, тягаться с такими клубами: наша команда теряла игроков, целые связки и блоки. Ушли в ЦСКА Хидиятуллин и Самохин, были призваны на военную службу и стали выступать за армейские команды Шавло и Сидоров, покинули «Спартак» Мирзоян, Сорокин, Калашников. А кто появился? В основном составе прижился молодой Поздняков, из ярославского «Шинника» я пригласил способного, быстро соображавшего на поле Евгения Кузнецова, который превратился в «Спартаке» в классного мастера и со временем стал олимпийским чемпионом и заслуженным мастером. Пожалуй, лучший свой сезон (1983) провел в «Спартаке» вернувшийся из «Кайрата» Валерий Гладилин.

Осенью 1983 года мы вновь стартовали в розыгрыше Кубка УЕФА. Выиграли у финского клуба ХИК в Москве и в Хельсинки — 2:0 и 5:0. В следующем туре по жребию соперником стал обладатель Кубка европейских чемпионов 1982 года «Астон Вилла», мощная команда из английского города Бирмингема.

Что мне всегда нравилось в спартаковцах: их не смущали никакие авторитеты и титулы. «Астон Вилла»? Что же, поспорим с «Астон Виллой». В Москве нам пришлось по ходу матча с бирмингемцами дважды отыгрываться. Первый тайм прошел в обоюдных атаках, в начале второго англичанин Гибсон открыл счет, очень быстро Гаврилов, который был в тот день в ударе, сквитал. На 68-й минуте Уолтерс забил нам второй гол. И до последних секунд игры над нами нависала угроза поражения на своем поле. Но опять же Гаврилов своей непредсказуемой игрой, никак не предусмотренной британцами, сбил их с толку, совершил коварный маневр и нанес хитрый удар…

А мгновение спустя прозвучал финальный свисток арбитра. После такого матча не сразу приходишь в себя, непросто дух перевести. 2:2.

2 ноября игра в Бирмингеме началась для нас плачевно. На первой же минуте британцы послали мяч на левый фланг; популярный форвард Тони Морли пулей пролетел по краю вдоль бровки поля, навесил мяч в нашу штрафную площадь, и его партнер Унер в английском стиле перебросил мяч головой через Дасаева. 0:1. И это после ничьей на московской земле…

Для спартаковцев стартовая неудача стала сигналом боевой тревоги. Началась осада ворот «Астон Виллы». Через все поле пошли, передавая друг другу мяч и меняясь местами, центральные защитники; всюду поспевал Гладилин, затевали

комбинации Черенков и Гаврилов. Голкипер Спинк отчаянно метался в воротах, несколько раз «вытащил» мячи, которые считаются неберущимися…

И все-таки до перерыва сквитать счет не удалось.

Придя в нашу раздевалку и оглядевшись, я не почувствовал атмосферы уныния. В отдельных репликах звучала даже уверенность: мол, сейчас сквитаем, а там и выиграем. В общем, убеждать в чем-либо ребят не требовалось. Я лишь напомнил им о матче с «Арсеналом» в Лондоне: «Вы там сыграли так, как умеете. Сыграйте сейчас так же, и все будет в лучшем виде».

На второй тайм выходили с надеждой, а я — и с некоторой тревогой, которую, естественно, ничем не выказывал.

Уже на 46-й минуте встречи Федя Черенков коварным ударом застал Спинка врасплох. Но «Астон Вилла» не дрогнула. Англичане прекрасно понимали, что 2:2 в Москве и 1:1 в Бирмингеме устраивают их, а не нас. Наверное, то был один из вариантов, предусмотренных на тренерской установке наставником британцев Т. Бартоном. Соперники сейчас же применили к нашим игрокам персональную опеку, плотный прессинг по всему полю. Некоторые футболисты старались просто «разменяться» со своими спартаковскими «визави» (по принципу «сам не сыграю, но и тебе не дам»). Чувствовалось, что они хотят удержать ничейный счет.

Человек я строгий, закаленный жизненными и футбольными испытаниями, но при воспоминании об этом втором тайме вдруг возникает прилив нежности к нашим парням, которые показали себя поэтами футбола. Никакими материальными стимулами не вызовешь тот порыв, тот взлет духа и мастерства, который обуял спартаковцев во второй половине матча. И за минуту до его окончания их сверхусилия увенчались триумфом: Черенков сыграл нестандартно, обманул британскую оборону и изящно «положил» мяч в сетку ворот. Счет стал 2:1. Мы победили.

«Все одиннадцать игроков и тренер Бесков заслужили высшие оценки», — заявил на послематчевой пресс-конференции наставник «Астон Виллы» Т. Бартон. «Спартак», как и год назад в матче с «Арсеналом», показал настоящий современный футбол», — писала газета «Дейли стар». «Спартак» — сейчас одна из лучших европейских команд, обладает отличной техникой, демонстрирует потрясающее взаимодействие игроков», — подчеркивала «Гардиан».

Вот какой бой выиграть, какое впечатление произвести на англичан сумел наш коллектив 2 ноября 1983 года. На 6 ноября был назначен наш матч с днепропетровским «Днепром», игра, в которой решалась судьба золотых медалей первенства страны. 3

ноября спартаковцы прилетели из Лондона в Москву и сразу выехали в Днепропетровск. На отдых у нас было очень мало времени. Борьба с «Астон Виллой» отняла много сил. Мы проиграли решающий поединок со счетом 2:4.

«Мы понимаем: спартаковцы очень устали после матча с «Астон Виллой», который потребовал от команды максимальной отдачи сил, — сказал на пресс-конференции старший тренер днепропетровцев Владимир Емец. — «Спартак» остается «Спартаком», в будущем сезоне он наверняка постарается взять реванш, да и сегодня проиграл, не уронив чести клуба. Прощаясь с чемпионатом, обе команды подарили зрителям хорошую игру».

Для «Днепра»-то сезон кончился. А нам вновь выпадала дальняя дорога: в голландский город Роттердам. 23 ноября спартаковцев принимала на своем поле тамошняя «Спарта». Ребята шутили: «Почти одноклубники, одной буквы не хватает».

«Почти одноклубники» знали, что сезон у нас финиширует, что мы потерпели поражение от «Днепра», что скамейка запасных у нас коротка. Пришлось выдерживать натиск мощных голландских игроков, выносливых и техничных, полных энергии, поскольку их сезон лишь недавно начался. Шесть футболистов «Спарты» входили в олимпийскую сборную Нидерландов.

На 34-й минуте голландский защитник Блинд сбил с ног Гладилина в метре от линии штрафной площади прямо напротив ворот. Спартаковцы долго совещались, кому и как бить. Роттердамцы не менее тщательно выстраивали «стенку». Затем, как описывался этот эпизод в еженедельнике «Футбол-Хоккей», Гаврилов разбежался, но вместо того чтобы бить самому, вдруг откатил мяч вправо Родионову, который, судя по его реакции, совсем не ждал паса. Родионов «по системе Станиславского» изобразил на лице полную растерянность — и вложил всего себя в пушечный удар. Это произошло так органично и непредвиденно, что никто из голландцев не попытался кинуться, перекрыть Родионову пространство. Мяч влетел в сетку ворот «Спарты», как ядро из мортиры.

Это, повторяю, точка зрения «Футбола-Хоккея». Не представляю, однако, когда успел Родионов изобразить «полную растерянность», если у него была секунда в распоряжении. Да и не пантомимист Родионов, не Марсель Марсо. Уверен, что они с Гавриловым сговорились именно так исполнить штрафной. Такой вариант они уже применяли. Домашняя заготовка.

Лишь за десять минут до конца матча игроку «Спарты» Де Вольфу удалось забить ответный гол с одиннадцатиметрового. И «сделал» этот пенальти Родионов, придя в свою штрафную площадь на помощь защитникам и нечисто выполнив подкат.

Ничья в Роттердаме вселяла надежды на выход в следующий тур Кубка УЕФА. 7 декабря в Тбилиси эти надежды подтвердились. Хотя «Спарта» активно атаковала (счет угловых ударов в первом тайме — 6:1 в пользу «Спарты»), взять ворота не сумела, а затем два мощнейших удара Валерия Гладилина не оставили гостям ни малейших шансов.

В 1983 году мы стали первой советской командой, вышедшей в четвертьфинал Кубка УЕФА. Вскоре жребий, выпавший на нашу долю, слегка охладил почитателей «Спартака», уже предвкушавших его торжество в этом розыгрыше. Не нашем пути встал знаменитый «Андерлехт», с которым предстояло сразиться в марте 1984 года.

Да, межсезонье безусловно влияет на спортивную форму футболистов, подтачивает фундамент игры, закладывающийся в течение всего игрового сезона. И все же ссылки на то, что готовиться к мартовским матчам спартаковцы могли лишь в манеже, что сезон для них только-только начинался, а у бельгийцев был в разгаре, что у нас выбыл из строя заболевший от перенапряжения сил и нервов Черенков, я решительно отметаю. Пенять не на кого, взялись участвовать в розыгрыше международного кубка — надо играть.

Мы бегали кроссы, работали с набивными, весом 3 килограмма, мячами, выполняли другие специальные упражнения — торопились набрать боевую форму…

2:4 — с таким счетом проиграли мы в Брюсселе. И опять-таки считаю неуместной ссылку на невезение, на то, что Гаврилов не смог забить одиннадцатиметровый. Двадцать два игрока, вышедшие на футбольное поле, равны перед зрителем. Двадцать два — и мяч, который их рассудит. Впрочем, проиграли мы в достаточно равной борьбе. Конечно, «Андерлехт» играл лучше, точнее, чем спартаковцы.

А ответный матч в Тбилиси мы выиграли — 1:0. Были близки ко второму взятию ворот. Гаврилов, который забил один мяч, создал сам себе еще несколько реальных возможностей отличиться. Вот когда вспомнился не забитый в Брюсселе пенальти! Что ж, не довелось. И сознание того, что проиграли самому «Андерлехту», не утешает. Чуть-чуть не одолели, но, увы, как тут не вспомнить поговорку, которую я впервые услышал в детстве: «Чуть-чуть в Москве не считается».

Поскольку «Спартак» последовательно занимал в чемпионатах страны места не ниже третьего, мы и осенью 1984 года должны были включиться в розыгрыш Кубка УЕФА.

Датский портовый город Оденсе встретил нас крепким ветром и штормом в проливе Большой Бельт, на берегу которого

построен стадион. Мне пришлось серьезно поговорить с командой перед игрой с клубом «Оденсе БК», чтобы настроить на борьбу: спартаковцы не считали провинциальную датскую команду противником, заслуживающим внимания. То ли беседа помогла, то ли в самом деле «Оденсе БК» оказался намного слабее, но счет был 5:1. На чужом поле в матчах европейского турнира такое может получиться лишь при встрече с явно слабым соперником. Гаврилов, Сидоров, Шавло, Родионов и Евгений Кузнецов забивали как на тренировке. Правда, один мяч мы пропустили.

На ответную игру (3 октября) тоже пришлось настраивать, убеждать, ибо счет 5:1 словно гипнотизировал спартаковцев, посчитавших, что тут и делать-то нечего. Поэтому игра вышла какой-то рваной, незакономерной. Датчане всячески старались доказать, что они не мальчики для битья, и один мяч все-таки провели. Первым забил Черенков, затем Расмуссен, Сидоров. 2:1. По сумме двух матчей — 7:2. Единственный негативный штришок: в одной из схваток за мяч Гаврилов вдруг ударил соперника по ногам и получил за это желтую карточку. Я поспешил заменить его, иначе мог произойти еще инцидент; тогда была бы красная и Гаврилов лишился бы права выступать в 1/16 финала.

Во всех описанных играх срабатывала наша система, о которой я уже не раз здесь рассказывал. Изначально игроки занимали позиции по схеме 4+3+3, но, когда начинали обороняться, в защите наших сразу становилось минимум пятеро, а когда переходили в атаку, то к трем форвардам подключались три полузащитника и один из защитников, то есть атаковали мы шестью-семью игроками.

24 октября, Лейпциг. На 6-й минуте Сидоров головой посылает мяч в верхний угол ворот местного «Локомотива». Вратарь Мюллер успевает среагировать, касается мяча кончиками пальцев и отражает чуть выше; ударившись в перекладину, мяч отскакивает в поле — прямо на ногу Гаврилову. 1:0.

Немецкие футболисты не прекращают борьбу, как правило, до последних секунд игры. В Лейпциге они штурмовали наши редуты большую часть матча, но без помощи все того же Гаврилова не сквитали бы счет. Юрий пришел в свою штрафную площадь и сильно толкнул одного из соперников в спину; тот потерял равновесие. С пенальти нападающий «Локомотива» Цетше равновесие — в счете — восстановил. В свое время Н. П. Старостин нарек Гаврилова футбольным Фигаро — пожалуй, справедливо: Фигаро здесь, Фигаро там…

7 ноября на московском стадионе «Торпедо» Гаврилов искупил свою вину. На 26-й минуте Шавло дал безупречный пас

нашему юному форварду Русяеву. Тот бил очень сильно и неточно, мяч ушел рикошетом к Гаврилову, и Юрий четко отправил его под перекладину. Затем, получив отличный пас от Шавло, Родионов удвоил счет. Свои ворота нам, во многом благодаря Дасаеву, удалось уберечь.

Следующим кубковым экзаменатором для «Спартака» стал один из сильнейших клубов ФРГ «Кельн», в составе которого выступали такие знаменитые мастера, как Литтбарски, Шумахер, Аллофс. В очень тяжелом поединке 28 ноября в Тбилиси нам удалось выиграть со счетом 1:0. Цели достиг дальний неожиданный удар Бориса Позднякова. В остальных случаях вратарь «Кельна» и сборной ФРГ Тони Шумахер пресек все попытки наших парней взять ворота.

Грядет ответный матч, думали мы, а игровой практики нет; каким образом поддержать форму? Лихорадочно искали, где тренироваться и кого заполучить в спарринг-партнеры.

Не хватало исполнителей: одни залечивали раны, другие были слишком неопытны. Матчи с противником масштаба «Кельна» очень важны, так как можно сопоставить свои и соперников силы и способности на высшем международном уровне. Такие матчи — барометр команды. И, потерпев поражение, мы не считали это трагедией, а старались извлечь рациональное зерно, искали причины: почему не достигли успеха в атаке, в чем ошиблась оборона?

Проигрывая 12 декабря со счетом 0:2, спартаковцы все же могли бы выйти в четвертьфинал за счет гола, забитого на чужом поле. Могли бы, если бы вышедший на замену Олег Кужлев не «изловчился», получив мяч в трех-четырех метрах от ворот немцев, поднять его ударом почти перпендикулярно земле! Человеку, имеющему звание мастера спорта, конечно, не к лицу так играть в единственный решающий момент. Но мог ли я высказать претензии парню, который лишь пять раз за сезон включался в основной состав «Спартака», а в международных матчах 1984 года участвовал впервые?

Товарищеские матчи мы научились выигрывать у самых авторитетных команд. А тут снова не хватило «чуть-чуть» в розыгрыше Кубка. Собственно, не хватило мастерства, профессионализма. Не одного «Спартака» это проблема, и ее еще предстоит решать всему нашему футболу.

Читатель, не слишком близко к сердцу принимающий футбольные проблемы, может счесть этот беглый обзор международных игр «Спартака» однообразным. Мол, вся разница лишь в том, кто кому и на какой минуте забил. А ведь ни один матч не бывает полностью похож на другой, почти каждый матч

— урок, из которого специалист извлекает пользу.

Многие любители спорта, даже болельщики со стажем, рассуждают наивно: «Победив в гостях такие клубы, как «Арсенал», «Астон Вилла» или «Брюгге», никак нельзя сыграть слабо с менее титулованным коллективом, например с финским клубом «Турун Паллосеура». Действительно, многие болельщики нашей страны услышали об этом клубе впервые, когда жребий свел с ним «Спартак» в стартовой игре на Кубок УЕФА 1985 года. Команда из города Турку приехала в сентябре в Москву. И мы еле-еле одолели ее со счетом 1:0.

«Как же так? — воскликнет взыскательный болельщик. — «Арсенал» разгромить сумели, а «Турун Паллосеуру» — с минимальным счетом?» А вот так. На редкость неудобная команда, очень напоминавшая вильнюсский «Жальгирис» в его лучшие дни, с первых секунд матча ушла в глухую защиту.

Наши игроки атакующих линий при поддержке крайних защитников старались преодолеть массированную оборону всякими способами: обводкой, борьбой за мяч в районе штрафной площади, набрасыванием мяча на одиннадцатиметровую отметку, откуда кто-нибудь мог направить его в ворота. И ничего не получалось. Финны ложились под удар, выталкивали мяч из-под ноги дриблера, словом, разрушали все, что созидали спартаковцы (разрушать, как известно, легче). Только однажды Евгению Кузнецову, пошедшему в прорыв и сумевшему обвести двух-трех игроков из Турку, удалось выманить на себя других оборонявшихся и вратаря финнов Эккермана, дать нежнейший пас Черенкову — на линию вратарской площадки, откуда Федор беспрепятственно послал мяч в ворота.

А вот в Турку играть должно было легче: соперникам предстояло сквитать этот гол, если они хотели выйти в следующий тур розыгрыша, а значит, хоть в какой-то степени оголять свои оборонительные рубежи. Правда, мы не надеялись на такую действенную «помощь», какую невольно оказал спартаковцам полузащитник Лааксонен: вратарь изготовился принять несложный мяч, а этот нервный хавбек подправил его прямо в сетку своих ворот. Вскоре Родионов ударом головой завершил быструю спартаковскую комбинацию. Словом, счет 3:1 в Турку объективно отражал перипетии этого необременительного соперничества. После матча тренер «Паллосеуры» Райнер Фосс заверил, что то была лучшая в сезоне игра его команды.

В 1/16 финала на московском стадионе «Динамо» встретились в октябре «старые друзья» — мы и «Брюгге». Меня вполне устроил результат 1:0 в нашу пользу (в штрафной площади бельгийцы снесли Сергея Новикова, и Федор Черенков

чисто исполнил пенальти). Почему устроил? «Брюгге» выглядел явно сильнее, чем за четыре года до этого; к тому же спартаковцы переживали в тот момент некий психологический надлом: а чемпионате СССР повторили результаты ряда предыдущих сезонов, заняв второе место, наряду с впечатляющими победами имели огорчительные провалы, например, удивили всех шестью ничьими подряд, проиграли обе встречи киевским динамовцам.

Заметно ухудшилась игра Юрия Гаврилова и Сергея Шавло, которые в течение нескольких лет были ключевыми игроками команды. У Гаврилова участились нарушения режима, были претензии к игре Шавло и Сочнова. После того сезона эти трое расстались со «Спартаком». Правда, уход из команды не повлиял на наши отношения с ними, которые и сейчас остаются теплыми, товарищескими.

Силовую борьбу на скоростях, которую предложили футболисты «Брюгге», у нас выдерживали тогда немногие. Поэтому меня не огорчил скромный итог московской встречи. Зато в Брюгге 6 ноября мои питомцы словно захотели вернуть былое. «Осталось впечатление, будто игроков «Спартака» на поле было вдвое больше», — высказалась о матче газета «Либр Бельжик». Ей вторила «Суар»: «Молниеносные переходы от обороны к атаке и наступательный порыв спартаковцев — атака веером, как в регби… «Спартак» не изменяет своему наступательному стилю и в гостях… Футбольный концерт на Олимпии!» — резюмировала «Суар».

Сменой ритмов спартаковцы сбили соперникам дыхание. Победили со счетом 3:1.

В конце ноября мы принимали в Тбилиси французскую команду «Нант». И проиграли. Дело шло к нулевой ничьей, но за 12 минут до окончания матча форвард «Нанта» Морис забил гол. В еженедельнике «Футбол — Хоккей» в отчете об этом поражении приведено мое высказывание: «Третий год мучительно решаем проблему комплектации. Есть игроки, которые не нужны тем или иным клубам высшей или первой лиг, но местное высокое начальство накладывает табу на их переход в «Спартак». Грубые ошибки в обороне, серия нереализованных голевых ситуаций не позволили нам выиграть сегодня… Сейчас поедем в ФРГ, будем участвовать в турнире с любительскими командами, чтобы сохранить игровое состояние к ответной встрече с «Нантом». Безропотно с дороги сходить не намерены…»

В Нанте Черенков открыл счет, но вскоре Дасаев, выступавший с травмой, нерасчетливо вышел из ворот, и игрок «Нанта» Туре воспользовался его оплошностью. Так что мы выбыли из розыгрыша Кубка УЕФА.

Впервые ехали мы на матч в гостях, имея пассив в домашнем поединке. Положение усугублялось тем, что похвала за стабильную игру в чемпионатах СССР все более походила на критику: «опять только вторые» (где еще ругают команду, часто завоевывающую серебряные медали?). Пользу, на которую мы рассчитывали, любительский турнир в ФРГ не принес. Мы победили с крупным счетом «Тизерваль» (Беккум), «Фризен» (Хенигзее), «Вестринен» (Хамме) и «Крайслид» (Дортмунд). Однако мерзкая погода (снег с дождем) превратила футбольные поля в болота; в лучшем случае, приходилось играть на снегу или на гаревом покрытии, на котором Дасаев и получил травму. Поэтому сохранить нормальное игровое состояние не удалось, команда издергалась, устала.

Занятое в чемпионате страны второе место вновь гарантировало участие в турнире на Кубок УЕФА.

Странным стал для «Спартака» сезон 1986 года. Своего рода трамплином для прыжка к золотым медалям. Впрочем, прыжком это не назовешь, скорее ходьба на дальнюю дистанцию с препятствиями. С натугой выступали мы и в розыгрыше европейского кубка, едва справились с швейцарским «Люцерном» (0:0, 1:0), причем в перерыве второй встречи мне пришлось, сохраняя на лице маску спокойствия, произнести ироничным, беззаботным тоном в раздевалке:

— Чтобы забить гол, приятели, нужно как минимум иногда бить по воротам.

Может быть, сарказм подхлестнул спартаковцев, и одна из комбинации, Еременко — Черенков — Кужлев, завершилась точным ударом головой. Олег Кужлев, не забивший верный гол «Кельну», реабилитировал себя в Швейцарии.

В 1/16 финала мы оказались на муниципальном стадионе в Тулузе, где вскоре предстояло играть за местный клуб нашему Вагизу Хидиятуллину. И эта самая «Тулуза» побила нас — 3:1. Блестяще сыграл в тот октябрьский день игрок сборной франции Пасси, забив все три мяча. Ответный гол забил Родионов.

Представьте, я нашел позитивное и в этом матче. В Тулузе прошли «проверку боем» младшие спартаковцы, совсем юные новобранцы команды или постоянные игроки ее дублирующего состава: Митин, Кужлев, Богачев, Шибаев, Каюмов. А что было делать, если основных исполнителей выбили из строя травмы?

В хорошей команде французов я усмотрел уязвимое место: если во второй встрече, в Москве, приставить к Пасси персонального сторожа с заданием полностью «разменяться», сумеет ли кто-нибудь во всех отношениях заменить его?

Ответная встреча пришлась на 5 ноября. Нас воодушевляло

то, что ей предшествовали победы над московскими торпедовцами (4:0), минскими динамовцами (7:0), «Нефтчи» (4:0), «Араратом» (6:2), а еще до этого мы победили «Зенит», «Шахтер», киевское «Динамо», «Черноморец» и торпедовцев Кутаиси. Спартаковцы вспомнили о самолюбии, рассердились на «Тулузу» (в кулуарных разговорах я слышал реплики о том, что, имея над нами преимущество в счете, игроки «Тулузы» не продемонстрировали преимущества в игре). А когда командой овладевает подобная идея, тренер должен лишь не давать ей угаснуть.

Установка на этот матч была проведена тоном, в котором не проскальзывала ни единая нотка сомнения. Вы играете отнюдь не хуже французских мастеров, постарайтесь воплотить свое умение в голы. Время деклараций минуло, настало время действий.

В тот день спартаковцы жаждали расквитаться с обидчиками за ущемленное самолюбие. Их охватила некая беззлобная, радостная ярость. Звучали обрывки фраз: «Ну, дожили до понедельника!», «Теперь пусть не жалуются», «Ух, Тулуза!»

То, что французы в самом начале игры вдруг забили нам гол, только еще больше раззадорило спартаковцев. После этого их было невозможно удержать. Они носились по полю, как черти. Они сводили счеты!

7-я минута — гол Дюрана в наши ворота. 0:1. Задача спартаковцев усложняется. Но они не обескуражены, наоборот! 9-я минута — Андрей Рудаков, 18-я — Андрей Рудаков, 50-я — Сергей Родионов, 79-я — Сергей Новиков, 90-я минута — Сергей Новиков. 5:1. «Тулуза» повержена.

Такие матчи отражают подлинный потенциал команды, высвечивают скрытые способности каждого футболиста и общие неиспользованные резервы, внушают людям на трибунах веру в мастерство и стойкий характер их любимцев, надежду на грядущие победы.

После таких матчей невозможно объяснить болельщикам объективные причины неудачного выступления: все помнят победу над «Тулузой», победу над «Брюгге», «Арсеналом», «Астон Виллой»… Почему в 1/8 финале Кубка УЕФА, принимая в Москве команду из австрийского города Инсбрука «Сваровски-Тироль», не смогли забить хотя бы один мяч? Почему Борис Кузнецов не забил пенальти? На тренировках десятками забивал, а тут не сумел… Почему в Инсбруке тот же Борис Кузнецов, выйдя на позицию, с которой достаточно ткнуть мяч ногой, чтобы он оказался в сетке, вдруг промахнулся? Нечем ответить на подобные вопросы…

Можно попытаться оправдываться. Не смогли из-за травм

участвовать в игре Черенков, Хидиятуллин, Морозов, ушел с поля на 10-й минуте Рудаков, повредив в падении руку. Одиноко маячил в линии атаки не получавший пас Родионов. Не нашлось эквивалентной замены выбывшим… Воспримут ли эти аргументы? Все же видели собственными глазами, на что способен наш «Спартак», самая стабильная команда, из года в год — 1979-1986 — призер первенства СССР…

Таковы «невидимые миру слезы» тренера.

События в Кубке УЕФА, имевшие отношение к «Спартаку» в 1987 году, больно врезались мне в сердце и память. Рассмотрим сначала, в какой ситуации была команда к моменту своего вступления в розыгрыш европейского приза, чтобы составить представление о ее потенциале и слабых местах.

«Спартак» уверенно лидировал в чемпионате СССР. Весной в составе появились новички, на каждого из которых можно было возлагать определенные надежды: Валерий Шмаров, Михаил Месхи-младший, Виктор Пасулько, чуть позже — Александр Мостовой, Александр Бокий, Юрий Суров. Ближе к осени Лев Филатов писал в «Известиях»: «Наполовину обновленная команда не утратила ни рисунка игры, ни волевого единства».

Во второй половине сентября спартаковцы выиграли крайне важный для себя матч в Киеве (примета последних лет: «Чтобы считаться полноценным чемпионом СССР, нужно выиграть у киевских динамовцев обе встречи, на их и на своем поле»). Была и неплохая игра в Лужниках с динамовцами Дрездена в 1/32 финала Кубка УЕФА. Пресса дружно хвалила нас за красивую победу, два мяча провел Мостовой, а уж Черенков забил красавец-гол, как было сказано в «Известиях».

О нашей игре с «Нефтчи» спортивный обозреватель отозвался в «Известиях» в высоком стиле: «Двумя разящими контратаками «Спартак» вновь добыл победу». Настроение было радужным, виды на будущее — самыми оптимистичными. Шесть ведущих игроков призывались под знамена различных сборных команд страны — тем больше помета и чести «Спартаку».

На 21 октября были назначены матчи следующего этапа европейских кубковых турниров. Спартаковцы должны были выступить в Бремене против «Вердера». Но руководство УЕФА поменяло очередность. По каким-то «высшим» соображениям, «Спартаку» было предложено провести первую встречу на своем поле. В этой перемене уже был заложен подводный камень. Но мы тогда не думали об этом и согласились сыграть первый матч у себя дома.

«Вердер» летел в Москву из Бремена с посадкой в Вильнюсе, где футболистам пришлось ждать: в Москве стоял густой туман,

аэропорты не принимали… Посидев какое-то время в литовской столице, немецкие мастера возвратились в свой город. Сообщили в УЕФА. Из Европейской футбольной федерации им и нам были направлены циркуляры: при первой возможности матч должен состояться. Такая возможность представилась 24 октября. Это субботе. Обычно игры европейских кубковых турниров проводятся по средам. Еще одно отступление от правил допустила УЕФА.

«Яркая игра москвичей» — так назывался краткий отчет в «Известиях» от 25 октября. Описывалось, как в первом тайме Мостовой и Родионов, а во втором Родионов и Пасулько эффектно забили голы в ворота «Вердера». О том, как отквитали один мяч бременцы, не рассказывалось, это выглядело неважным. 4:1 — большой запас прочности. Теперь ответный визит в Бремен, который должен был произойти ровно через две недели, приходился на вторник, 3 ноября. Это было уже третье отступление от правил УЕФА.

26 октября в прессе появились статьи, смысл которых передается заголовком одной из них: «Спартак» близок к вершине». 31 октября в несколько ералашном поединке с «Араратом» в Ереване, где судья В. Жук допустил целый ряд ошибок (он, кстати, и в последующие годы испортил не одну игру), повлиявших на ход встречи, мы проиграли со счетом 2:3. А могли уже в тот день стать чемпионами СССР. Но повода для особых огорчений не было: оставалась еще одна календарная игра первенства страны с выбывавшем в первую лигу ланчхутской «Гурией» на искусственном поле московского спортивного комплекса «Олимпийский». Это, считали все, гарантированная победа «Спартака».

Проводя тренировку перед игрой с «Вердером», я обратил внимание на то, как небрежно, формально, без какого-либо старания выполняют упражнения многие игроки. То же самое отметил после в своем отчете журналист Юлий Сегеневич, присутствовавший на наших занятиях. Футболистам обеих команд, нашей и «Вердера», были известны слова старшего тренера бременцев Отто Рехнагеля, произнесенные на послематчевой пресс-конференции в Москве: «Один — четыре… Это убийственный для нашей клубной кассы результат!»

Увы, слишком по-разному воспринимали эти слова футболисты «Спартака» и «Вердера».

Наших игроков словно убаюкал, загипнотизировал московский результат. Мало кто из них проникся ответственностью за исход предстоявшей встречи на Кубок. Не принимали ребята близко к сердцу мои увещевания. А я, интуитивно ощущая опасность, повторял при каждой

возможности: «Вердер» — прочная немецкая, а значит, более чем дисциплинированная команда, конгломерат настоящих профессиональных гладиаторов, умеющих и желающих играть, а уж для спасения клубной кассы они и вовсе сил не пожалеют.

Меня выслушивали, со мной соглашались, но в глазах многих спартаковцев читалось: «Что он тревожится, сыграем, на худой конец, вничью. Мы уже в одной восьмой финала».

И команда была жестоко наказана за свою чрезмерную самоуверенность. Предостережения тренера, к сожалению, подтвердились. Очень быстро счет стал 3:0 в пользу бременцев. Основное время закончилось со счетом 4:1, как и в Москве, только наоборот. И в добавочное время «Вердер» еще добавил. 2:6 — разгром! Нисколько не утешают мячи Черенкова и Пасулько, даже последний, забитый очень красиво (претендовал на лучший гол месяца), но уже ни на что не влиявший.

Меня сжигала обида. Мячи, которые мы пропускали, были нам не свойственны, раньше нам таких голов никогда не забивали! Ошибки, которые мы совершали в этом матче, не были для нас характерны, типичны, нет! Этот матч что-то надломил в моей душе.

В одном из наших спортивных журналов через некоторое время прочитал, будто бы, когда ответная встреча с «Вердером» завершилась, я встал со скамьи спартаковского штаба и бросил гневную реплику: «С этой командой я больше не работаю!»

В статье было сказано, что об этом рассказал корреспонденту Н. П. Старостин.

Честно говоря, я этого не помню, не до того было. Но думаю, что вполне мог и заявить так сгоряча, уж очень расстроили, обидели, разочаровали, обманули мои ожидания спартаковцы в этот «черный вторник», как назвали день нашей игры с «Вердером» журналисты.

И груз этой горькой памяти тяжело лег на душу, уж ничего тут не поделаешь.

Тогда же в одной из газет выступил Лев Яшин: «И это наш сегодняшний чемпион! Такая команда так играть просто не имела права. И тут нужно со всей прямотой сказать, что играли откровенно плохо, и не надо искать оправдания в каких-то побочных сложностях. Ринат Дасаев сыграл, как никогда, неудачно. Пропускал мячи, которые был обязан брать».

…Последняя попытка за годы моей работы в «Спартаке» выступить в международном турнире — участие в розыгрыше Кубка европейских чемпионов осенью 1988 года. Ирландский клуб «Гленторан» мы одолели нормально — на выезде победили 2:0, дома сыграли 1:1. А в следующем туре потерпели два

ощутимых поражения от румынской команды «Стяуа» — 0:3 в Бухаресте, 1:2 в Москве. «Стяуа» — клуб экстра-класса, обладатель Кубка европейских чемпионов 1986 года, и к матчам с нами выглядел превосходно. Но не было на поле в обеих встречах игры, присущей московскому «Спартаку» последние десять лет. Ни остроумных многоходовых комбинаций, завершающихся неожиданным «выстрелом» по воротам, ни целеустремленного движения вперед, ни каких-либо иных стройных действий в рамках нашей испытанной и щедрой на варианты системы.

Провал дуплетом! Синдром оцепенения! Чтобы вникнуть в их причины, полезно узнать, как жила и работала, чем дышала команда в восьмидесятые годы.

«СПАРТАК» НА АВАНСЦЕНЕ И ЗА КУЛИСАМИ

Раскроем справочник-календарь «Футбол-84». В статье Льва Яшина сказано: «Из московских клубов верность своей игре сохраняет лишь «Спартак».

Это на авансцене.

А за кулисами — постепенная утрата внимания к команде со стороны шефов, Аэрофлота. Среди игроков всегда найдется несколько травмированных. Трудно удерживать отмеченный Яшиным, и не только им, уровень игры. Стараясь сохранить, не погубить окончательно единственное наше тренировочное поле на базе в Тарасовке, мы вынуждены были проводить занятия в Сокольниках — просто в парке, не на футбольном, хотя бы гаревом, поле, а на полянках, без ворот, как дворовая команда.

Состав вроде бы стабилизировался. Но езда в автобусе каждый день — 45 минут из Москвы в Тарасовку, 45 минут из Тарасовки в Москву — выматывала, увеличивала психологическую нагрузку. И ничего нельзя было сделать: тренировка в спартаковском манеже, обед и отдых в Тарасовке, снова тренировка в манеже — твердый наш график.

Когда я пришел в 1977 году в команду, пребывавшую 8 первой лиге, условия были еще хуже. Традиционно спартаковское Ширяево поле, где нам пришлось проводить несколько самых первых занятий, превращалось под дождем в месиво грязи, а в сухую погоду над ним стояли столбы пыли. База в Тарасовке находилась в плачевном состоянии.

Я сразу поставил вопрос о необходимости ре конструировать второе футбольное поле. На базах других команд мастеров — по два, а то и по три поля, у «Спартака» — одно.

Старшим (или главный, не имеет значения) тренер по роду занятий, по должности обязан думать о концепциях игры, о тактике и стратегии, разрабатывать и проверять, совершенствовать и варьировать системы, схемы расстановки игроков. Я уже сравнивал профессии тренера и режиссера; по уровню старший тренер, думаю, адекватен главному режиссеру.

Так вот, трудно представить, чтобы главный режиссер любого театра, не только МХАТа имени Чехова или ленинградского БДТ имени Горького, организовывал разгрузку машин с декорациями, сам проверял, для того ли спектакля, который нынче будет

показан, привезли задник и станки. А вот мне во время реконструкции тренировочного поля стадиона «Спартак» в Тарасовке лично пришлось освидетельствовать наощупь и визуально, а затем возить в лабораторию химикам на анализ тот грунт, который доставили грузовики, — двести полных кузовов! Тогдашний директор тарасовской спортивной базы привлек к этому довольно тонкому делу несведущих людей.

Я сразу понял, что данный грунт для футбольного поля непригоден. И химический анализ это подтвердил. В итоге землю — двести кузовов — пришлось вывозить обратно. Старший ли тренер должен этим заниматься? Или, может быть, это обязанность какого-то иного сотрудника команды, чья должность предусмотрена штатным расписанием?

При реконструкции гостиницы футболистов в Тарасовке мне нередко доводилось брать на себя обязанности прораба. Следить за тем, чтобы работа выполнялась по плану, чтобы качество ее соответствовало заказу. Интересно, Андрей Гончаров в Театре имени Маяковского или Олег Ефремов в Художественном тоже сами, лично, контролируют и поправляют маляров, плотников, штукатуров, ремонтирующих помещения их театров? Чем у них заняты мысли — решением спектакля, образами и мизансценами или поисками лампочек для освещения репетиционного зала?

Десять лет добивался я устройства искусственного освещения футбольного поля на базе в Тарасовке. Десять лет! Добивался отнюдь не ради ублажения каких-то своих амбиций и не во имя общей эстетичности пейзажа, а лишь для того, чтобы можно было нормально и с пользой проводить вечерние тренировки. Не тренироваться же в темноте! Значит, весной и осенью проводить занятия приходилось до тех пор, пока не темнело. А это нарушало распорядок дня. К тому же многие официальные матчи проходят при искусственном освещении, следовательно, и тренировки должны быть так же организованы! приближены к условиям официальных игр…

Восемь лет ушло у меня на то, чтобы «Спартак» обзавелся собственной газонокосилкой. Когда в 1945 году московское «Динамо» ездило в Англию и мы впервые вышли на поле первоклассного лондонского стадиона, кто-то из нас поинтересовался, как удается создать такой великолепный травяной газон. Британцы, которым перевели наш вопрос, ответили доставляющей им удовольствие фразой из старого английского анекдота: «О, это очень просто. Нужно на ровном месте высадить траву и затем триста лет регулярно поливать и подстригать».

Триста лет? Первые восемь ушли на то, чтобы было чем

подстригать. Возможно ли подобное в уважающем себя зарубежном спортивном клубе, где каждый четко выполняет именно свое дело? Может быть, еще и поэтому они выигрывают международные кубки и первенства мира.

Вот характерный абзац из украинской республиканской «Рабочей газеты»: «Даже в случае завтрашних неудач никто не посадит руководителей и футболистов «Днепра» в долговую яму, финансовый крах им не грозит. Стадион, на котором выступает команда, и многое другое, включая денежные фонды, находятся на балансе профсоюзной организации предприятия, чьи цвета защищает «Днепр». Это днепропетровское производственное объединение «Южный машиностроительный завод».

Каждому коллективу было на кого рассчитывать. «Шахтеру» — на Донецкий угольный бассейн, «Зениту» — на ленинградское Оптико-механическое объединение, «Черноморцу» — на богатое пароходство. Только «Спартак» снова остался без шефов, или, как теперь научились говорить, спонсоров. Сам по себе.

В 1988 году, например, при доходе «Спартака», составившем 450 тысяч рублей, количество расходов приблизилось к 700 тысячам рублей. Только аренда стадионов и спортивных залов обошлась команде в 185 тысяч рублей. При этом, получая с команды арендную ставку, стадионы не брали на себя обязанность обеспечить достойную рекламу, каким-либо другим образом привлечь зрителей на матч.

Треть всего денежного сбора с матча поступает в бюджет стадиона, на котором проводится игра. Оставшаяся сумма делится на две неравные части — 60 и 40 процентов: 60 получает победившая команда, 40 — проигравшая (в случае ничьей сумма делится поровну). Поскольку у «Спартака» нет собственного стадиона и он, согласно расписанию календарных матчей, обязан становиться «хозяином поля», ему приходится постоянно платить за аренду (а арендные ставки все повышаются). Поэтому, выиграв матч любой трудности, выполнив тяжелую физическую работу, связанную с травмами, с перенапряжением сил, с нервными перегрузками, спартаковцы получали на руки гораздо меньшие суммы, нежели игроки большинства команд не только высшей, но и первой, и второй лиги!

Конкретный пример: капитан сборной команды страны, несколько раз признанный лучшим вратарем года в Советском Союзе и по итогам опроса за рубежом лучшим вратарем мира, капитан московского «Спартака» Ринат Дасаев получал за победу в матче чемпионата страны (над киевским ли «Динамо», над московским ли, над «Гурией») 65 рублей. Правда, в случае выигрыша командой призового места в конце года производился

перерасчет и тогда игрок получал еще некоторую, не слишком внушительную, сумму. Но все равно во многих других клубах футболисты, и обладавшие меньшим мастерством, и не такие признанные в мире, получали в несколько раз больше!

Футболисты — своего рода профессиональный клан, такой же, как, например, артисты. Они общаются друг с другом, рассказывают об условиях жизни и работы в той или иной команде, не всегда скрывая друг от друга размер своих официальных заработков. Как же было обидно спартаковцам узнавать, что их материальное положение незавидно по сравнению с материальным положением коллег из других клубов, в том числе не отмечавшихся медалями всесоюзных первенств…

Из разговора спартаковских игроков в комнате отдыха:

— Слышал, в «Днепре» объявлено: за победу над нами каждый участник матча получит по 650 рублей!

— Ну да, получит. А мы у них выиграем и свое получим: кто 65, а кто и меньше.

И не было никакой возможности увеличить сумму приза за победу: не позволял бюджет команды, вынужденной арендовать (и до этого доходило, анекдотическая ситуация) даже манеж собственного спортивного общества!

Характерный пример. Согласно графику игр на Кубок федерации футбола СССР, мы должны были провести два матча подряд с московским «Локомотивом» на его и на нашем поле. На его — понятно, на стадионе «Локомотив» в Черкизове. А на каком «нашем»? Пришлось арендовать все тот же «Локомотив» и на нем «принимать» команду «Локомотив». На этот матч пришло столько зрителей (Кубок федерации популярностью не пользовался), что, за вычетом арендной ставки, «Спартаку» остались из 60 процентов, завоеванных путем победы, 275 рублей. На всю команду.

«Спартак», побеждавший «Арсенал» или мадридский «Атлетико», в своем роде уникален: он не имеет своего собственного стадиона, на котором мог бы проводить календарные матчи как настоящий хозяин поля. Кстати, эту уникальность он сохраняет по сей день.

Да и не имели мы права платить игрокам больше, следуя инструкции Госкомспорта, оговаривавшей размеры призов.

У других команд — другие источники, скажем, директорский фонд предприятия и прочие фонды. А у нас не было самого предприятия, директор которого мог бы распорядиться фондом. Если бы мы начали что-то изобретать по части увеличения призов, мы бы немедленно нарушили финансовую дисциплину.

Хорошо, когда тренер мог опереться на патриотов клуба,

таких, как Дасаев, Черенков и Родионов. Эти не искали «лучшей жизни», не делали попыток перейти в иные команды ради более значительных доходов, или быстрого получения благоустроенного жилья, или возможности приобрести вне очереди легковую машину. Но появлялись в «Спартаке» и мастера футбола, выросшие не в традициях этого клуба. Они быстро усваивали, что тут и с деньгами не очень здорово, и другими благами не так-то просто обзавестись. И начинали поглядывать на сторону эти футбольные ландскнехты; были пассивны на наших тренировках, в играх «Спартака», во всех проявлениях его жизни.

В последние годы, когда в масштабе страны поднялся вопрос о борьбе с уравниловкой, о необходимости материального стимулирования труда, ситуация еще более обострилась. Исподволь ощущалось у ребят сознание некой безысходности, бесперспективности усилий. Конечно, не у всех, но у некоторых проявлялось скептическое восприятие призывов стараться, отдавать всего себя подготовке к сезону, к матчам, играть с полной отдачей сил. Поэтому неровно, с периодическими спадами выступала команда в чемпионатах СССР и всего дважды за период после своего возвращения в высшую лигу выиграла золотые медали. Но в целом игра «Спартака» оставалась содержательной, и это подчеркивала пресса, это подтверждала реакция публики, и это было важно не меньше, чем всяческие материальные проблемы. Спартаковцы девять сезонов подряд выигрывали в высшей лиге серебряные и бронзовые медали; в условиях, в которых жила, тренировалась команда, это было, поверьте, очень нелегко!

Бегло вспомним сезон 1983 года. Опять вторые. Шестеро спартаковцев в списке 33 лучших футболистов сезона. Федор Черенков — лучший футболист года, Юрий Гаврилов — лучший бомбардир чемпионата страны. Пять призов получила команда, в том числе «Крупного счета» и «Агрессивного гостя», что означало: она осталась верна своему девизу «Атака!»

А начали сезон слабо. В первых пяти играх была только одна победа, две ничьи и два поражения. Зато в следующих восьми встречах взяли двенадцать очков. То приближались к лидировавшей группе, то отставали от нее. Завершили первый круг на девятом месте. Неровно выступал «Спартак». Но зубы все-таки показал: в первых четырнадцати играх второго круга одержал двенадцать побед и две встречи свел вничью. Разность мячей в этих четырнадцати матчах рекордная — 27:2. Почти догнали «Днепр», и, выиграй мы у него тогда в Днепропетровске, понадобился бы дополнительный матч между нами. Сил не

хватило. Их отняла борьба с «Астон Виллой». «Днепр» у себя на поле «протаранил» нас тремя голами Олега Тарана; был и четвертый мяч, а мы сумели ответить лишь двумя.

В том же, 1983-м, мы выиграли блиц-турнир четырех в Испании, одолев «Реал спортинг» и мадридский «Атлетико».

По итогам следующего, 1984, года снова комплименты в справочнике «Футбол»: «Завидная стабильность, обеспеченная постоянством творческого поиска, приверженностью команды к атаке, к игре как таковой, прежде всего интересной и зрелищной…»

В то же время некоторые обозреватели писали о нас с ноткой осуждения: «Опять серебряные», подразумевая: «Только серебряные, и не больше». Свойственный «Спартаку» тех лет спад в игре настиг команду в июле и тянулся до сентября, в семи матчах мы ни разу не победили. Не смогли в Москве справиться с «Зенитом», который той же осенью стал чемпионом страны. Правда, потом сделали двухмесячный рывок, в девяти заключительных встречах набрали семнадцать очков, причем московских торпедовцев повергли со счетом 4:0, тбилисских динамовцев — 3:0. Дасаев половину матчей первенства провел, не пропуская ни единого мяча. Десять спартаковцев попали в список 33 лучших игроков сезона.

Был в 1984 году и черный для нас день, когда ростовские армейцы в Москве забили нам шесть мячей (1:6)! Каждый из них словно вонзился мне в сердце. После таких матчей друзья говорят: «Константин Иваныч, что-то у тебя седины в прическе прибавилось». Команда, способная до того расклеиться, что пропускает на своем поле шесть мячей от соперников, которые займут по итогам чемпионата 14-е место, не имеет морального права на какие бы то ни было медали…

Между прочим, как выяснилось чуть позже, игру провалили потому, что нарушили накануне режим. Группа игроков решила устроить себе «торжество», застолье. Они были уверены, что с ростовчанами все равно справятся. Где-то в городе загуляли эти лихие головы, вот и получили на следующий день от армейцев шесть моральных оплеух.

Чрезмерная самоуверенность подводит всегда. Даже без нарушения правил. Выиграла команда первый тайм со счетом 3:0, вышла на второй забрасывать противника шапками — и получила в итоге проигрыш со счетом 3:4. Сколько раз такое бывало!

После этого сезона мы расстались с Гавриловым и Шавло. Меня упрекали в том, что «лучшие люди уходят из команды». Но оба эти футболиста получали «двойки» за игру в десяти матчах подряд. Одиннадцать человек на поле, и если с полной отдачей

играют восемь, то не заметить «белые пятна» невозможно. Допустимо провести посредственно две игры из десяти.

Но если все десять — никакие заслуги это не компенсируют.

А на таких виртуозов, как Гаврилов, равнялась молодежь. Юрий же стал «позволять» себе, что быстро отразилось на его игровых достоинствах.

Гаврилова и Шавло перестали вписывать в листки, которые команда подавала тренерам перед каждым матчем. Так мы определяли состав на очередную встречу. А раз не вписывают, значит, понимают, что положиться на этих игроков нельзя. Остается прямой разговор: «У тебя затяжные неудачи, а нам надо думать о будущем команды, готовить тебе замену. Чувствуешь, команда тебя не поддерживает?»

Право же, мне это расставание выходило — как по живому резать, как от сердца оторвать. Но если быть в деле честным, а только так я представляю себе жизнь в футболе, то нужно говорить правду в глаза и не держать камень за пазухой.

Ни в коем случае не должен тренер заявлять футболистам: «Вы играть не умеете». Знаю примеры, когда тренер именно таким образом глубоко оскорблял своих игроков. Можно сказать: «Дорогой Вася (Юра, Сережа)! Из десяти твоих передач восемь приводят мяч в ноги соперникам. Сколько раз ты сегодня вступал в единоборство, столько раз проиграл его. Пять попыток сделал отобрать мяч у противника, удалась лишь одна. При переходе от обороны к атаке ты выпал из общих действий команды, потому что был пассивен…» И парню, как говорится, крыть нечем. Факты, статистика — все зафиксировано. Остается резюмирующий вопрос: «При такой стабильно слабой игре можем ли мы с тобой, именитым и принесшим команде много пользы в свое время, продолжать сотрудничество?»

Повторяю, ни одно расставание игрока со «Спартаком» за годы моей работы в этой команде не выливалось в конфликт, конфронтацию, скандал. Утративший кондиции игрок соглашался с объективными аргументами и признавал, что ему следует покинуть команду.

Годы катились, как мячи. Вот уже и 1985-й. «Снова вторые». Но при этом забили больше всех — 72 мяча (чемпионы-киевляне — 64), в 16 матчах не пропустили ни одного гола, потерпели меньше всех поражений. Из обозрения в прессе: «По-прежнему «Спартак» радовал красивой комбинационной, сугубо игровой манерой действий, в основу чего было положено в первую очередь высокое техническое мастерство». Но в надежности, в синтезе всех футбольных достоинств команда оказалась не первой, и не было уверенности и постоянства.

Команда заметно обновилась. Смена поколений почти всегда переносится игровым коллективом болезненно, и тренер обязан вылечить этот недуг — такова его задача, сложность осуществления которой в «Спартаке» усугублялась его материальными и организационными бедами. С середины восьмидесятых годов ни один из руководителей Министерства гражданской авиации, взявшего шефство над командой, не появлялся на ее матчах. Мы варились в собственном соку, удерживаясь в числе призеров лишь благодаря сознательности и энтузиазму, даже подвижничеству костяка спартаковцев, а также строгой дисциплине, против которой никто тогда не восставал.

В эти же годы киевское «Динамо» занимало и 7-е, и даже 10-е место в чемпионатах СССР, московское «Динамо» — и 10-е, и 14-е, и 15-е места. «Торпедо» побывало на 9-м, «Днепр» — на 11-м месте, тбилисское «Динамо» — на 14-м и 16-м местах. А «Спартак» не спускался ниже 3-го! Девять лет был в рядах лидеров, и о том, каких это требовало усилий, знают, наверное, только тренер и игроки команды.

Стабильность состава — пожалуй, самая сложная проблема, которую должен разрешить тренер. В идеале футбольной команде требуется 16-18 квалифицированных исполнителей. Причем меньше — плохо, но и больше — тоже плохо. Перебор хороших футболистов может привести к взаимным обидам, к нездоровой конкуренции, нарушить нормальный микроклимат, ведь быть запасным неприятно, бьет по самолюбию.

Сезон 1986 года со стороны выглядит менее удачным для нас, нежели предыдущие. Но фактически это было время накопления сил перед броском вперед. До идеала было еще далеко. Даже в своем победном 1987 году мы лишь на отдельных этапах чемпионата СССР приближались к оптимальному уровню. Но все же приблизились!

Проблема укомплектования команды всегда была для нас злободневной. Мы не могли вырвать нужного «Спартаку» игрока из какой-либо команды-соперницы, не хотелось ссориться, да и выглядело бы это не по-джентльменски. Брали тех, кого освобождали (или полуосвобождали) в других коллективах. Критерий «вхождения в «Спартак» был один: соответствие тому месту на поле, которое предлагалось кандидату в спартаковцы. Скажем, пришли к нам Юрий Суслопаров и Борис Кузнецов. Первый играл в «Торпедо» полузащитником, второй — в ЦСКА крайним защитником. У нас же они нередко образовывали сдвоенный центр обороны: Юрий — передний центральный, Борис — свободный. Обретя себя в новых ролях, они раскрыли свои скрытые способности и в итоге оказались в списке 33

лучших именно в новых амплуа.

О первой труппе МХАТа К. С. Станиславский как-то сказал: «Мы не нанимаем актеров. Мы их коллекционируем». Ищущий тренер старается поступать так же.

Не раз меня спрашивали, что же разглядел я в Пасулько, Суслопарове, Бокии, Борисе Кузнецове да и других новобранцах команды. И ответ был всегда один: стремился в ходе целенаправленных наблюдений увидеть их не выявленные пока технические и тактические ресурсы, их физический потенциал бойцовские качества. К примеру, за Борисом Кузнецовым наблюдал долго — следил за его выступлениями в «Локомотиве», ЦСКА. Чувствовалось, что подлинный его диапазон шире, чем используемый. Тогда и пригласил его в «Спартак» и предоставил возможность творить. Он хотел этого! А ведь далеко не все приходившие к нам футболисты старались вписаться в наш рабочий режим. Не под диктовку тренера должен трудиться игрок. Были такие, которые не принимали душой и разумом наши возраставшие тренировочные нагрузки, не каждый отличался твердостью характера. Так и не нашли себя в «Спартаке» изначально способные Латыш, Резник, Колядко.

Пригласили мы, например, Виктора Грачева из донецкого «Шахтера». Знатокам футбола известны его достоинства: скорость, хорошая настырность в игре, нацеленность на гол, результативность. Но у нас Грачев как-то не прижился. Не устраивала его дисциплина, привычная спартаковцам тех лет. Да и времени поработать с ним как следует не было. А тут еще стал проигрывать, откатываться в опасную зону «Шахтер». Поэтому пришлось сказать Виктору: «Возвращайся в Донецк. Ты сейчас куда нужнее своей первородной команде, помоги ей в трудную минуту».

«Спартак» всегда был многонациональной командой, у нас никогда не возникал вопрос, кто какой нации: все — одна семья. В свое время, помнится, пошел по Москве сенсационный слух: мол, в дубле «Спартака» прогрессирует будущий Пеле, тайное оружие Тарасовки, африканец, который творит с мячом чудеса. Доля истины тут была. В команду был принят воспитанник группы подготовки футбольной школы «Спартака» Джеймс Провенсал, гражданин СССР, мать которого — русская, отец подданный одной африканской страны. Джеймс физически очень складный, фигура совершенно футбольная, потенциал отличный, со временем мог вырасти в большого мастера футбола. Но не очень-то он увлекался футболом. Захлестывали другие увлечения молодости. Не хочу вдогонку упрекать парня, но в том, что его гипотетическая головокружительная карьера в футболе не

состоялась, виноват он сам. И со «Спартаком» Джеймс Провенсал расстался с легкой душой, без малейших сожалений.

Мой тренерский стаж — 36 лет. Если за все эти долгие годы у меня возникали трения с тем или иным игроком, то связаны они были с тем, что футболист не мог или не хотел выполнять высокие требования современной игры, переставал считаться с интересами своей команды и тех, для кого мы существуем, — зрителей. Случалось подобное с футболистами, как правило, уже добившимися признания, почувствовавшими себя «особенными». И, как правило, в результате снижался уровень их мастерства и готовности к состязаниям. Эти люди начинали тянуть команду назад. Я уже называл имена; могу добавить к ним Атаулина, о какой-то мере Позднякова и Морозова…

Уже в 1979 году наполовину обновился тот состав, с которым мы вернулись II высшую лигу. А о 1987-м это был почти совсем новый коллектив. Люди приходили и уходили, но принципы работы и микроклимат в команде не менялись.

К каждому очередному сезону мы готовились в Москва, в крытом манеже общества «Спартак». Убежден, что в этом заключалось наше серьезное преимущество: в отличие от других команд, постоянно зависевших от капризов погоды на южных предсезонных сборах, мы в манеже не теряли ни дня подготовительного периода. Такими манежами располагают ЦСКА, «Зенит», некоторые другие клубы, но и они упорно ездили на юг, где внезапные дожди могли расквасить грунты любых футбольных полей.

В 1987 году мы одержали больше всех побед, потерпели меньше всех поражений (всего три за сезон), забили больше всех мячей. Получили несколько призов отечественного футбола. Большущей ложкой дегтя стало фиаско в состязании с «Вердером». И все-таки (после нашей очень нелегкой победы в Москве над «Гурией») в прессе появилась статья под заголовком «Золотые латы «Спартака»… Золотые медали радовали, однако беды наши остались при нас. И в сезоне 1988 года на игре команды, на атмосфере, настроениях в коллективе резко отразилось все то, что годами загонялось внутрь, «не выметалось из избы». Ситуация о «Спартаке» обострилась.

Впрочем, и в сезоне-88 «Спартак» в первом круге был среди лидеров, провел 12 встреч подряд без поражений, ни разу за весь чемпионат не проиграл на «своем» поле (которого у нас просто не было), отрядил пятерых игроков в сборную СССР и шестого, Евгения Кузнецова, в олимпийскую сборную, Получил призы «Гроза авторитетов», «Организатору атаки» (его вручили Федору Черенкову), «Лучшему вратарю» (его принял, уже в шестой раз, из

рук главного редактора журнала «Огонек» Ринат Дасаев).

Слово — Ринату Дасаеву

Одиннадцать сезонов играл в «Спартаке» Ринат. В 1988-м уехал в испанский клуб «Эспаньол». Мнение Дасаева непредвзято, объективно. В конце 1988 года вышло и свет второе издание его книги «Команда начинается с вратаря». У Рината было время подумать и в случае надобности изменить во втором издании некоторые оценки, имевшие место и первом. Итак, слово многолетнему капитану «Спартака»:

«Для меня Бесков и сегодня остается таким, каким показался в момент знакомства, — спокойным, сильным, уверенным особо, старающимся отыскать подобные же качества в тех, с кем собирается заключить творческий союз.

Для меня Бесков — образец тренера.

Сколько нашлось у него противников, какое только мрачное будущее нем не предрекали в чемпионате, Старший стоял на своем. И мы верили, что он поступает правильно. Были убеждены: Бесков знает, по какому пути идет. Без этого настоящий тренер немыслим. Подчеркиваю: настоящий, смелый, постоянно стремящийся к решению сверхзадач. Константин Иванович из таких — это проверено и доказано временем.

Наш Старший великолепно знает, чего хочет добиться в футболе. И самое главное — с помощью каких средств. Он видел игру «Спартака» еще до первой тренировки, проведенной им в нашей команде. И, вступив о должность, стал подбирать в команду соответствовавших его замыслам исполнителей. Приглашая футболистов, Константин Иванович видел их возможности, о которых они и сами порой не подозревали. И делал все, чтобы помочь новичкам проявить эти способности.

Ответственность за судьбу тех, с кем Константин Иванович вступает в творческое содружество, — одна из его характерных черт. Возиться с новичком, если верит, что тот, как и он сам, предан общему делу, Бесков будет до последнего. Отступится, лишь когда убедится, что ошибся в человеке, в которого поверил. Но если Константин Иванович видел, что отвергнутый им футболист переменился, нашел силы переломить себя, то вновь готов был поверить в него. Из истории ухода и возвращения в «Спартак» Валерия Гладилина я понял, как трудно расстается наш Старший с теми, в ком он разочаровывается. И как он внимателен к судьбе каждого, в ком ощущает преданность футболу.

Для Бескова не существует в футболе мелочей. И отношения к ним он требует самого уважительного. Во всем, без исключения!

«Надо всегда стараться победить в споре с самим собой, — любит повторять Старший. — Человек, не приучивший себя к этому, ничего в жизни не добьется».

К игре Константин Иванович подходит по-своему. И отношение к ней выражает порой самым неожиданным образом. Помню, был у нас трудный выезд в Харьков и Днепропетровск, где очки набирать совсем не просто. И с «Металлистом», и с «Днепром» первые таймы мы закончили со счетом 0:0. Нам казалось, что все идет не так уж плохо. А Бесков в перерыве такой разнос устроил, будто мы уже безнадежно проигрывали. «Вы как играете? — кипел он, бросая на нас негодующие взгляды. — Мне стыдно на трибуне сидеть! (Старший смотрит матчи чаще всего оттуда). Вы десятки тысяч людей, пришедших посмотреть на «Спартак», вводите в заблуждение! Что угодно делайте, а игру меняйте!» И вторые таймы ребята проводили по-спартаковски, красивые голы забивали. Лучшей наградой зато была похвала Старшего; «Вот это уже и на футбол похоже».

Константин Иванович по натуре максималист. Он и победу признает лишь в том случае, если она добыта красивой, интересной игрой.

Может быть, как-то гладко выглядит все в моем рассказе о Константине Ивановиче. Отношения с ним не всегда легки. Но с ним интересно. Потому что, ценя в футболе простоту, ищет он ее, преодолевая массу сложностей, умея увлечь своим замыслом остальных. Любая тренировка, независимо от ее продолжительности, должна быть, по мнению Старшего, непременно шагом вперед для нас. Иначе проведение ее теряет всякий смысл.

Он часто ставит в пример артистов балета: «Работу их, черновую, утомительную, никто не видит. А вот тем, какими изящными, вдохновенными бывают они на сцене, когда танцуют, восхищаются все. Так и у нас должно быть: отпахал в занятии, а на поле, будь любезен, покажи все, что умеешь!»

Не представляю «Спартак» (а заодно и себя в «Спартаке») без Бескова».

* * *

— Пока печаталось второе издание книги Дасаева, «Спартак» расстался с Бесковым. Это ошеломило многих любителей футбола. Тем более что среди инициаторов изгнания прославленного тренера из созданной им команды оказались, как ни парадоксально, те самые люди, которые весной 1988 года со всесоюзного телевизионного экрана пропели ему дифирамбы в документальном фильме «Невозможный Бесков»… Кстати, Константин Иванович, как отнеслись вы к этой ленте?

— Неоднозначно. С одной стороны, эта картина показала команду в период борьбы за золотые медали 1987 года. В определенной степени авторам фильма удалось, на мой взгляд, отразить психологическое напряжение в ходе этой борьбы, атмосферу футбольных кулис, прозу и даже поэзию нашей спортивной жизни.

— Согласен, во многом удалось. Чего стоит один ваш с Дасаевым забавный диалог, не поставленный режиссером, а «подслушанный» и ненавязчиво запечатленный кинематографистами, которые присутствовали на собрании команды. Напомню, Дасаев отлучался в сборную, возвратился, но на очередной матч «Спартака» не пришел, так как играть в тот день должен был Черчесов. «Что же ты, капитан? — спрашиваете вы Рината в фильме. — Явился бы на игру родной команды, твое присутствие подбодрило бы, поддержало товарищей». — «Но дома побыть хоть немножко можно?!» — взмолился в ответ Дасаев, который незадолго до этого стал счастливым отцом. Однако вы неумолимо парируете: «А ты переквалифицируйся в управдомы, всегда будешь дома, даже во время работы…»

— Да, неплохой получился эпизод. Есть и другие удачные кадры. Но в то же время порой в фильме ощущается некая искусственность, нарочитость. Такое впечатление, будто раньше всего было придумано название ленты: «Невозможный Бесков». Звучит почти сенсационно: не какой-нибудь упрямый или вредный, а просто невозможный! Могу предположить, что руководителей объединения «Экран», которые рассматривали творческую заявку авторов фильма, эпитет «невозможный» больше всего и привлек. Кассовое название. Оставалось оправдать его содержанием.

Помните сатирическую новеллу Карела Чапека «Как делается фильм»? К сценаристу являются представители киностудии и заказывают сценарий картины «На ступенях старого замка». Сценарист объясняет, что ему близка аграрная тема, например о сборщиках хмеля. «И прекрасно! — соглашаются представители киностудии. — Пусть сборщики хмеля в финале соберутся на

ступенях старого замка!» — «Но замок в мой замысел не вписывается, — доказывает сценарист. — У меня речь идет о внешне благополучной городской семье, в которой вдруг происходят измена и убийство». — «И пожалуйста! — восклицают заказчики. — Пусть он убьет ее на ступенях старого замка!»

У них в план было внесено это эффектное название, и значит нужно подогнать к нему остальное.

По-моему, с лентой «Невозможный Бесков» происходило нечто подобное. Авторы всячески пытались вызвать у меня резкую реакцию, вывести из себя, наверное, чтобы заснять конфликтную сцену и оправдать слово «невозможный». То являлись все съемочной группой к раздевалке перед самой игрой в необговоренное заранее время, то предлагали мне поиграть перед камерой в «квадрате», продемонстрировать технику владения мячом (помнится, я ответил: «Посмотрите кинохронику сороковых годов»). Реагировал я на все подчеркнуто спокойно, не давая повода, так что эпитет «невозможный» остался в названии фильма, прямо скажем, неоправданным.

— Но впоследствии на первый план вышло совсем иное: в фильме о вас говорят (как бы от имени команды) Николай Петрович Старостин и Александр Бубнов, говорят очень позитивно, уважительно, с нескрываемой симпатией. Например, на вопрос, диктатор ли Бесков, Николай Петрович отвечает: «Диктатор, но… бархатный». А в конце сезона 1988 года, выступая в печати, Н. П. Старостин обходится уже без определения «бархатный». Неужели вы, Константин Иванович, так резко переменились за несколько месяцев? Или: Бубнов в фильме воздает вам должное, а спустя полгода на собрании команды заявляет, что если Бесков останется в коллективе, то он, Бубнов, из команды уйдет.

— А за год до этого тот же Бубнов заявил в присутствии многих спартаковцев, что, если Бесков уйдет из «Спартака», Бубнов немедленно уйдет вслед за ним. Бубнову вообще были свойственны эмоции, категоричность суждений, по смыслу диаметрально противоположных.

— Что же такое произошло в 1988 году? Что дало основания говорить о давних разногласиях, о затянувшемся конфликте, неизбежном взрыве и разрыве? Ведь в массе своей поклонники «Спартака» считали, что в команде — идиллия, полное единство руководства.

— Знаете, крайне неприятно обо всем этом вспоминать. Бередить эту историю. Она вся в прошлом. Снова объясняться и

как бы оправдываться решительно не хочу.

— Можно понять вас. Горько и обидно осознавать, что, проработав 12 лет с командой, отдав ей массу сил, вложив в нее значительную часть своей души, свои знания, творческие идеи, многообразный опыт, в один миг оказываешься отринутым, отвергнутым. Известно, что решение о вашем увольнении было принято во время вашего отпуска, вас даже не было в Москве. Конечно, вспоминать об этом неприятно.

Но не одного вас касается эта некрасивая история. Она, увы, типична для нашего футбола. И вас самого выживали не самыми чистыми способами из разных команд. И Михаила Иосифовича Якушина уволили из «Локомотива» с оскорбительной формулировкой «за профессиональную некомпетентность». И Павла Садырина, приведшего ленинградский «Зенит» к золотым медалям (впервые в полувековой истории этого клуба), изгнали из команды взбунтовавшиеся игроки, в результате чего «Зенит» перекочевал в первую лигу и кажется, не на один год. В конце восьмидесятых годов многие коллективы высшей лиги объявили о своем недоверии к тренерам, избавились от них, и ничего доброго эти акции не принесли.

Лев Иванович Филатов в своей книге «Наедине с футболом» проследил психологию развития подобного конфликта: «Мне приходилось видеть, как группа самоуверенных, нагловатых и недалеких игроков затевала бунт против дельного тренера. Если им удавалось тронуть сердца «ответственных лиц», дни тренера были сочтены, несмотря на то, что в своих претензиях к команде и в первую очередь к этой распоясавшейся группе он был прав, и несмотря на то, что его репутация не вызывала сомнений. А проходил год-другой, и, глядишь, футболисты, в том числе зачинщики бунта, начинали переговариваться, что тот, прежний, хоть и напирал, и строжил, но знал дело…»

Книга Филатова вышла в свет в 1977 году, как раз тогда, когда вы старались вытащить из первой лиги провалившийся «Спартак». Значит, проблема отнюдь не нова. И раз уж вы не хотите бередить рану, говорить о конфликте в «Спартаке», то я, невольно оказавшийся в орбите этого конфликта, попытаюсь восстановить ход событий. Может быть, это описание принесет пользу какому-нибудь тренеру, спортивному или профсоюзному руководителю, кому-то из футболистов. Ведь горький опыт тоже может быть весьма полезным.

Эдуард Церковер

КОНФЛИКТ

Да простит читатель, что я уделю некоторое внимание собственной персоне: это диктуется необходимостью, логикой аргументации.

Мы учились в одной школе с Игорем Нетто — в московской 281-й средней, которая находилась в первые годы Великой Отечественной войны в помещении на улице Мархлевского, а к концу войны переехала в Уланский переулок. Игорь Нетто был старше меня на два класса. И он, и я со сверстниками ходили на улицу Мархлевского и в Уланский, потому что наши школьные годы пришлись на военное лихолетье и потому что жили мы в сретенских переулках: Нетто — в Даевом переулке, доме 11, квартире 8, конечно коммунальной, где жил и мой одноклассник Толя Русов (сейчас Анатолий Анатольевич Русов — ведущий инженер одного из московских проектных институтов). Игорь юношей был принят в «Спартак», и с того дня наши, сретенских мальчишек, общие симпатии к «Спартаку» обрели конкретное воплощение: в этой команде играл наш школьный товарищ.

Впрочем, это началось еще раньше. Мой отец, по профессии бухгалтер, до войны имел отношение к «Спартаку», во всяком случае, к годовым балансам, бухгалтерским отчетам «Спартака». Летом мы часто бывали в Тарасовке. Игроки команды, которых я мог бы назвать знакомыми или даже приятелями отца, ушли из жизни, поэтому за неимением доказательств воздержусь от ссылок на старые дружеские связи.

Работая три десятилетия в редакции «Недели», воскресного приложения к газете «Известия», я почти все эти годы возглавлял отдел новостей и спорта. Поэтому нередко писал о футболе, в том числе о «Спартаке». Со спартаковскими футболистами разных лет меня связывали приятельские отношения. Наверное, не случайно пригласил меня на празднование своего 50-летия Никита Симонян, пригласил и Игорь Нетто (об этом торжестве, проходившем у него дома, я здесь уже упоминал). Олимпийский чемпион Анатолий Исаев, замечательная спартаковская «восьмерка» пятидесятых годов, для меня просто Толя. Известный спартаковский защитник и полузащитник Геннадий Логофет — просто Гена. Сохраняются самые добрые отношения и с другими ветеранами команды.

Спартаковцы всегда помнили о верности их клубу. Когда «Спартак» должен был ехать в Испанию на очередной «турнир четырех» (уже во времена Бескова), именно ко мне обратился

тренер Иван Варламов с просьбой организовать фотосъемку команды: срочно требовались рекламные снимки для зарубежной прессы и программок, продающихся на стадионах. Фотокорреспондент «Недели» немедленно выехал в Тарасовку и сделал все необходимое. Когда «Спартак» выиграл первенство страны и понадобился снимок команды, который можно было бы воспроизвести на пригласительном билете (готовилось чествование), снимок предоставил опять же я. Конечно, совершенно бескорыстно. Финансовые трудности команды были мне известны. Но даже со «Спартака»-миллиардера я не взял бы и рубля.

Свидетельством этих добрых отношений стала и книга «Звезды большого футбола», на титульном листе которой четким почерком выведено: «Дорогому Эдуарду Церковеру — со спартаковским рукопожатием и дружбой — от автора. Н. Старостин. 28/X 77 г.».

К Николаю Петровичу я относился с обожанием. Спартаковский патриарх восхищал своей невозмутимостью, находчивостью, эрудицией. Я записал немало его оригинальных высказываний. Например, перед началом турнира на приз «Недели» жеребьевка привела спартаковцев в подгруппу, где собрались заведомо слабые команды, выход в финал турнира был почти гарантирован. Я подошел к Николаю Петровичу: «Как оцениваете результаты жеребьевки?» Он устремил на меня загадочный взор и произнес: «Браки совершаются на небесах» (дескать, такова воля жребия)… В 1981 году Политиздат выпустил книгу «Эти удивительные ветераны», написанную мной в соавторстве с коллегой; Николаю Петровичу в этой книге посвящена целая глава — своего рода объяснение в любви.

Динамовец Бесков вызывал у меня глубокое уважение: это он стал спасителем команды в 1977 году, это с ним она завоевала с тех пор десять комплектов медалей разного достоинства.

Для чего я все это излагаю? Для того чтобы читатель понял, почему в конце сезона 1988 года я, спортивный редактор, периодически наезжавший в Тарасовку, решил вновь посетить любимые места: подышать спартаковским воздухом, порасспрашивать Бескова, Старостина, Дасаева, Черенкова и других о планах на следующий сезон. О назревшем конфликте я ничего не знал.

В конце лета 1988 года промелькнуло в печати сообщение: мол, Бесков подал было в августе заявление об уходе «по собственному желанию». Но поскольку уже шел ноябрь, а Бесков все еще возглавлял команду, я посчитал, что эпизод с заявлением был всплеском какого-то недоразумения и уже забыт.

К спартаковцам у меня, как у ревностного болельщика, было немало и претензий. Например, почему так слабо сыграли с румынским клубом «Стяуа»? Почему ниже своих возможностей провели целый ряд матчей внутреннего чемпионата?

Итак, прибыв в Тарасовку, я зашел к Константину Ивановичу и снова услышал о финансовых трудностях команды.

— В 3000 рублей обошлась нам аренда стадиона «Локомотив», на котором мы должны были принимать… московский «Локомотив» в ответном матче на Кубок федерации, — рассказывал Бесков. — Каков вывод? Нужен, да просто необходим «Спартаку» свой собственный стадион в Москве!

В холле у телевизора я подсел к Ринату Дасаеву и Федору Черенкову. Спросил, как жизнь. Ринат сообщил, что на днях уедет в Севилью, где подписал контракт с местным клубом.

— Представляете, — сказал он, — перед московской встречей со «Стяуа» к нам в раздевалку никто даже не заглянул!

А нам так хотелось услышать именно в тот момент хоть от кого-нибудь доброе слово поддержки. Словно в вакууме существует команда. Снова никому не нужна…

— Аэрофлот, который в 1977 году взял нас под свое крыло, давно от «Спартака» отвернулся, — добавил Черенков. — Руководители Министерства гражданской авиации прежде бывали на матчах, но последнее время не появляются…

— Прямо скажем, команда нуждается в обновлении, даже в коренной реконструкции состава, — подвел тогда итоги наших разговоров Бесков. — Резко сдали некоторые игроки, еще год назад составлявшие костяк коллектива. Их игровые кондиции и отношение к делу не удовлетворяют тренеров. Требуется неотложное укрепление материальной базы, но реально ли оно, неотложное?

— Константин Иванович, — поинтересовался я, — не потому ли вы, как сообщалось в газетах, подали заявление «по собственному желанию»?

— Был в августе момент кризиса, — ответил Бесков. — Сказалось настроение, стечение обстоятельств того злополучного дня. Уже на следующий день я понял, что не по-спортивному покидать команду в ее нынешнем положении. Не расстаюсь со «Спартаком». Буду искать пути к его новому взлету. Вновь и вновь повторяю: нужен свой стадион.

— Каким вы его видите?

— Это сугубо футбольный стадион, без легкоатлетических секторов и беговых дорожек, только футбольное поле и трибуны. У нас есть план-проект такого стадиона на сорок тысяч зрителей. Там будет гостиница для иногородней команды, приезжающей к

нам на игру, а также для немосковских гостей клуба. Будет кафе или ресторан «Спартак», а лучше — и то, и другое. Будут под трибунами буфеты, лавки, киоски, торгующие и клубной атрибутикой: спартаковскими флажками, значками, буклетами, другими фирменными сувенирами. При нашем стадионе разместится и клуб «Спартак», в который станем принимать желающих, предъявляя к кандидатам в члены клуба определенные требования: члены клуба обязаны будут платить членские взносы, как это делается в «Челси», «Сантосе» или «Андерлехте», участвовать в заседаниях, в решении клубных проблем, в клубных торжествах. Они получат право посещать клубный бассейн, пользоваться клубной библиотекой, свободно - проходить на трибуну во время матчей «Спартака», входить в раздевалку своей команды в перерыве между таймами и после игры… При стадионе будет и клуб болельщиков «Спартака». Кстати, в его рамках юнцы, бушующие нередко на трибунах, а после матча — по всему городу, окажутся под влиянием спортивных организаторов и самих футболистов. Все эти всплески эмоций и энергии можно дисциплинировать и направить в полезное русло, чем и займется клуб болельщиков.

Совсем не обязательно, чтобы в другие города за командой ехала толпа агрессивно настроенных молодцов в красно-белых шапочках и шарфиках; они только драки устраивают и сами крепко получают от местных фанатов, таких же неорганизованных, как они. А ведь можно на одной из трибун спартаковского стадиона установить огромный экран проекционного телевизора, устраивать на нем показ иногородних матчей «Спартака» — коллективные, причем бесплатные просмотры для юных болельщиков.

Каждый уважающий себя клуб располагает своим стадионом: и «Динамо», и «Торпедо», и ЦСКА, и «Локомотив». Только у нас одна-единственная база в Тарасовке… Я уже подключил к делу архитекторов Главного архитектурно-планировочного управления Мосгорисполкома. Перебрали несколько вариантов, пришли к выводу, что лучший из них — незанятое пока пространство близ ВДНХ СССР за Ботаническим садом, рядом со станцией метро «Ботанический сад». Однако, если городские власти разрешат нам начать строительство стадиона в этом месте, «Спартак» в одиночку такую акцию материально не осилит. Нужны значительные средства. Может быть, обратиться к почитателям «Спартака»? Если каждый наш болельщик пожертвует один рубль, наберется несколько миллионов… — так говорил Бесков.

«Наверняка наберется», — подумал я. Вспомнил, как, участвуя в 19-й советской антарктической экспедиции, прибыл на

полюс холода планеты — станцию «Восток». Среди работавших там ленинградцев были и два москвича: геофизик Анатолий Михайлович Блинов из Института физики земли Академии наук СССР и астроном Роман Кирюхин. Первое, о чем они тогда спросили меня, совсем недавно вылетевшего из Москвы: «Как там наш «Спартак», есть ли новые фигуры в составе?» Даже в Антарктиде люди не забывают о любимой команде… Конечно помогут!

И мы договорились с Бесковым: я вынесу идею на обсуждение редакции «Недели». Получив согласие редколлегии на публикацию призыва к болельщикам, навещу директора футбольно-хоккейного клуба «Спартак» Юрия Александровича Шляпина, и тот сообщит мне номер расчетного счета, на который нужно будет переводить добровольные пожертвования.

Коллектив и руководство редакции «Недели» были готовы опубликовать обращение к болельщикам. Сотрудники редакции говорили, кто из них и какую сумму лично намерен перевести на счет «Спартака». Публикацию наметили осуществить в новогоднем номере, этапном и поэтому особенно заметном.

— Здорово поможете «Спартаку»! — сказал тогда в Тарасовке Бесков. — А то ведь без малого двести тысяч рублей ежегодно уходит на аренду стадионов. Бессмысленное расточительство! Нужд у команды много, эти деньги ей очень пригодились бы.

В тот день на базе не было некоторых игроков, не приехал и Николай Петрович, так что мне не удалось узнать их мнение. Но все присутствовавшие оказались единодушны: свой стадион необходим.

— Константин Иванович, — спросил я, — сколько еще лет собираетесь работать в «Спартаке», если затеваете грандиозное предприятие — строительство стадиона?

— Вообще-то двенадцать лет работы с одной и той же командой — это многовато, — ответил Бесков. — Подустал я. Ездить каждый день в Тарасовку и обратно более чем утомительно. Представляете, сколько тысяч километров эти челночные рейсы намотали на спидометр моей машины… Но нельзя не думать о будущем. Я ли буду тренером, другой ли специалист, все равно стадион «Спартаку» необходим. Не жить же только сегодняшним днем!

На том и порешили. И простились. Через несколько дней у спартаковцев начинался отпуск.

Созвонился я с директором клуба Ю. А. Шляпиным и вскоре приехал к нему на Верхнюю Красносельскую в штаб «Спартака». Предупредительно приняв меня, с пониманием выслушав мой рассказ о публикации, которую «Неделя» готова осуществить в

новогоднем номере, Шляпин пригласил бухгалтера: «Напомните наш номер счета, адрес отделения банка». Я записал эти данные. Юрий Александрович деликатно выразил желание увидеть текст обращения к болельщикам до его опубликования. Я заверил, что привезу этот текст в клуб «Спартак» заблаговременно.

В начале второй половины декабря текст был подготовлен к печати. И вдруг…

21 декабря Константин Иванович возвратился в Москву из отпуска. В тот же день ему позвонил председатель московского городского совета общества «Спартак» А. И. Петлин, а затем сам подъехал на машине к дому, где живет Бесков, вызвал Константина Ивановича на улицу и предложил подать заявление об уходе по собственному желанию. Бесков отказался это сделать. Тогда на следующий день Ю. А. Шляпин сообщил ему, что с 27 декабря он освобождается от занимаемой должности главного тренера футбольной команды мастеров «Спартак». Формулировка: «В связи с затянувшимся пенсионным возрастом».

Шляпин поддерживал информационную связь с редактором сектора спорта «Известий» Б. Федосовым. Пока «Неделя», расположенная на одном этаже со спортивным сектором «Известий», готовила материал с призывом для новогоднего номера, «Известия» 23 декабря оперативнее всех напечатали сообщение о снятии Бескова с должности… Прочитав эту заметку, я немедленно позвонил Константину Ивановичу:

— Были какие-нибудь предпосылки к такому повороту событий?

— Не было, — ответил Бесков. — Случались в руководстве клуба споры, это споры не сегодняшние, а довольно давние, но до ссор, тем более до разрыва, дело никогда не доходило.

— Но не в одиночку же Шляпин решает такие проблемы! Совет футбольно-хоккейного клуба «Спартак» должен был обсуждать ваш вопрос на своем заседании; не могло это пройти мимо президиума городского совета Всесоюзного добровольного физкультурно-спортивного общества профсоюзов!

— Они и обсуждали. Причем, как выяснилось, я в это время уже был в Москве. Но меня ни туда, ни сюда не вызвали, не предъявили какие-либо претензии, не пожелали выслушать объяснения. Даже не позвонили. Просто уволили заочно.

Тотчас звоню начальнику команды «Спартак» Николаю Петровичу Старостину.

— Николай Петрович, простите великодушно, что звоню вам домой, беспокою. Дело-то уж очень необычное, непривычное. Почему отставлен Бесков?

— По настоянию команды, — спокойно и убежденно отвечает

спартаковский старейшина.

— Ах вот как? Команда потребовала его отставки?

— Да.

— А как же насчет создания собственного стадиона?

— О, это фантазии Константина Ивановича. Он, знаете ли, не силен в финансовых вопросах.

Я еще раз попросил извинения и попрощался. Положил трубку и замер в растерянности. Или Бесков что-то недоговаривает, или чего-то не знает. Если команда потребовала его отставки, значит, корни конфликта глубже, чем кажется на мой непросвещенный взгляд. Глас народа — глас Божий. Не поверить Николаю Петровичу нельзя. Суровость Бескова вошла в поговорку. Как видно, этой суровостью он довел команду до взрыва…

Но на следующий день, 24 декабря, вышел в свет номер газеты «Советский спорт». В нем был материал: корреспондент этой газеты обратился к ведущим спартаковским игрокам. Сначала позвонил олимпийскому чемпиону, заслуженному мастеру спорта Евгению Кузнецову. «Что? Бескова освободили? — удивился Кузнецов. — От вас впервые слышу. В конце ноября перед уходом в отпуск у нас было традиционное собрание команды. Подвели итоги сезона. Бесков пожелал всем хорошего отдыха, на том и расстались. И вдруг такая информация. Моим мнением на сей счет никто не интересовался. А ведь в таких случаях это делать, видимо, полагается».

Таков опубликованный в «Советском спорте» ответ Евгения Кузнецова. А вот ответ Сергея Родионова, игрока сборной СССР:

«23 декабря я позвонил в спартаковский клуб. Там и узнал, что Бесков освобожден. Для меня это было полной неожиданностью. На мой взгляд, когда в клубе принимают такие ответственные решения, не мешало бы посоветоваться с игроками».

И этот ответ тоже был опубликован «Советским спортом».

Команда была в отпуске с 1-го по 24 декабря. Когда же и кого именно успели собрать, если Родионов и Кузнецов, ведущие игроки «Спартака», ничего не знали? «По настоянию команды», — сказал Старостин… Я почувствовал, что впервые в жизни моя безграничная вера в истинность его суждений поколеблена.

И еще он сказал: «Фантазии Константина Ивановича». Почему же эти фантазии тренера, который «не силен в финансовых вопросах», поддерживал в беседе с представителем «Недели» Шляпин, сообщивший мне номер счета — 700053 в Сокольническом отделении Промстройбанка, где «Спартак» мог накапливать средства на строительство стадиона?

Допустим, Шляпин был иного мнения, нежели Бесков. Тем более что наверняка знал о готовившейся отставке тренера. Он бы мог сказать представителю «Недели»: «Давайте не торопиться. До наступления нового года подождем с публикацией призыва о сборе средств». Но Шляпин любезно принял предложение еженедельника.

Тайком от прессы, от общественности, от собственных ведущих игроков уволили Бескова люди, прикрывшиеся понятиями «клуб» и «команда». И так же тихо утвердил это незаконное решение московский городской совет ВДФСО.

Высоцкий пел: «Я не люблю, когда стреляют в спину».

В те же декабрьские дни в печати было опубликовано следующее заявление: «Президиум Федерации футбола СССР считает, что при любых обстоятельствах решение об освобождении от работы К. И. Бескова, главного тренера команды мастеров «Спартака», должно было не только приниматься и оформляться в точном соответствии с требованиями действующего трудового законодательства, но и с проявлением подлин-ной заботы о престиже советского спорта, его славных ветеранах, в духе демократии и гласности».

Коротко и ясно. Тут не может быть разночтений.

Нельзя не коснуться мотивировки увольнения выдающегося тренера, чье имя ставится в один ряд с именами самых знаменитых и авторитетных специалистов мира. Неубедительна, неуклюжа формулировка в приказе, изданном Шляпиным, директором клуба «Спартак»: «В связи с затянувшимся пенсионным возрастом».

Константину Ивановичу в тот момент исполнилось 68 лет. А начальнику команды «Спартак», между прочим, 86 лет! Если «затянулся пенсионный возраст» одного, то что же мог сказать Шляпин о возрасте другого?

В спорах болельщиков-фанатов зазвучали местнические нотки: мол, Бесков — динамовец, в «Спартаке» он все равно чужой. Что ж, Бесков действительно динамовец. Но по крайней мере футболист. А вот директор футбольно-хоккейного клуба «Спартак» Шляпин — динамовский ватерполист. Неисповедимы пути номенклатуры!

Когда упрашивали Бескова принять рухнувший «Спартак», обращались к министру внутренних дел, в ЦС «Динамо» к председателю, в Московский горком партии, а о «динамовском происхождении» как-то не вспоминали. Хорошо были осведомлены о строгом, даже суровом нраве Бескова, о его принципах оценки людей по поступкам, его самостоятельности, о бескомпромиссности. Знали и тем не менее упрашивали. А

осенью 1988 года все его достоинства поставили ему же в вину! И не вспомнили, что это он, Бесков, первым условием своего прихода в «Спартак» назвал возвращение в команду уволенного оттуда Н. П. Старостина.

Сколько восторженных слов было высказано о Бескове на страницах отечественной и зарубежной печати за эти годы! Он вернул «Спартаку» игру и доброе имя, нашел и взрастил игроков, вошедших в историю советского и мирового футбола. Двенадцать лет работал Константин Иванович с командой. За один сезон вернул потерявший руль и ветрила «Спартак» в высшую лигу. На следующий год команда с пятнадцатого места вырвалась на пятое. И еще девять лет подряд неизменно находилась среди призеров: дважды — золотая, пять раз — серебряная, дважды — бронзовая. 186 побед в чемпионатах высшей лиги одержала она за одиннадцать лет. К такому результату близки только киевские динамовцы, но и они «не без греха»: за эти годы спускались даже на десятое место. Бескова же обвинили в том, что в 1988 году «Спартак» занял четвертое.

29 декабря в «Советском спорте» было опубликовано интервью Н. П. Старостина «Истина дороже»:

«С Константином Ивановичем мы пережили вместе не одну радостную и грустную минуту. Велики его заслуги в том, что «Спартак» в последние десять лет вновь стал одним из сильнейших клубов в стране, весьма популярным за рубежом. И ставить их под сомнение никто не собирается. Однако в данном случае я хочу руководствоваться известным изречением: «Платон мне друг, но истина дороже».

Развязка, признаюсь, получилась несколько неожиданной, но она была неизбежной. То, что случилось в последние месяцы, назревало давно. Заключительный этап начался в августе, когда Константин Иванович вдруг подал заявление об освобождении с поста главного тренера в связи с состоянием здоровья. Должен признаться, что оно у него действительно нередко пошаливало. Особенно беспокоило давление. По этой причине Бесков в минувшем сезоне не был ни на одном матче в городах, куда мы добирались не на поезде, а на самолете.

Однако дальнейшие события показали, что заявление об уходе было продиктовано не только заботой о здоровье. Бесков считал, что такого тренера, как он, добровольно никто отпускать не будет. Надеялся, что его начнут уговаривать остаться и тогда он сможет в ультимативной форме выдвинуть новые требования, что, кстати, с ним случалось и прежде».

Стоп. Тут я отважусь прервать плавный ход атаки Николая Петровича (а это все-таки своего рода атака). Что же могло войти

в ультиматум Бескова? Да все то, о чем он говорил раньше, за что бился все эти годы. Устройство новых тренировочных полей в Тарасовке, бытовые условия жизни футболистов на базе, освещение, газонокосилка или еще какая-нибудь машина, необходимая для нормального существования современной футбольной команды мастеров, — все те ни для кого не секретные нужды команды, никогда не преуспевавшей в материальном отношении, команды, которую миллионы людей так горячо любят, но в драматизм существования которой никто по-настоящему не вникал.

Не себе дачу, не себе машину, не себе какие-то иные блага требовал «в ультимативной форме» Бесков. А нормальных условий для работы и жизни коллектива, за который нес гражданскую, партийную, профессиональную и личностную ответственность, — за коллектив и его завтрашний день. Для себя лично, для своей семьи, своего персонального благополучия Бесков абсолютно ничего не попросил у «Спартака» за все эти двенадцать лет. Не говоря уже о требованиях «в ультимативной форме».

Еще раз приношу извинения за то, что прервал выкладки Николая Петровича. Вот их продолжение:

«Директор клуба «Спартак» Ю. Шляпин, получив заявление от Бескова, понятное дело, не взял на себя всю ответственность, а проинформировал руководителей МГСПС.

И тут случилось то, на что, по моему глубокому убеждению, никак не рассчитывал Константин Иванович. Его никто не стал уговаривать.

А в начале октября состоялось собрание команды на котором присутствовали руководители МГСПС и Шляпин. Ни я, ни тренеры на него не были приглашены, поэтому судить о том, как оно проходило, не берусь. Знаю только, что 11 футболистов из 13 проголосовали за удовлетворение просьбы Бескова. Не за освобождение тренера, подчеркиваю, а за удовлетворение его просьбы. Через несколько минут после собрания Бескову сообщили о решении команды. И тут главный тренер заявил: «А вы знаете, пожалуй, до конца сезона я поработаю».

До конца чемпионата оставалось еще восемь туров, у нас были шансы стать призерами, если не чемпионами, поэтому оставлять «Спартак» без Бескова было делом рискованным — поди знай, как все обернется. Поэтому многие вздохнули с облегчением и оставили Бескова до конца чемпионата. Лично я считаю это большой ошибкой. Со всей ответственностью заявляю, что если бы МГС ВДФСО профсоюзов тогда, а не в декабре, согласился бы с решением команды, «Спартак» вновь был бы в

тройке сильнейших. Но Бесков остался. Его, правда, предупредили, чтобы в команде он ничего не менял и к игрокам не применял никаких репрессивных мер…

Бубнов, человек принципиальный, заявил, что по окончании сезона играть под руководством Бескова больше не будет».

Нелегко читать интервью Николая Петровича. Человек он с огромными заслугами, очень большими титулами, высокими наградами, колоссальным авторитетом; одна из крупнейших фигур в истории отечественного спорта. Но что поделаешь, если то, что он высказал в этом интервью, как бы само себя подвергает сомнениям?

Бубнов — человек принципиальный? За год до этого он в присутствии нескольких игроков и самого Бескова заявил, что, если из «Спартака» уйдет Бесков, уйдет и он, Бубнов. Меньше чем за год до этого в фильме «Невозможный Бесков» делал комплименты главному тренеру. И вдруг за считанные месяцы «прозрел»? В корреспонденции, опубликованной в первом номере газеты «Московские новости» за 1989 год, говорится:

«Бубнов после собрания хвастал, что своим выступлением «выбил» одному квартиру, другому машину».

Сам себе этим выступлением против Бескова Бубнов «выбил» плавный отъезд за рубеж, во французскую команду «Ред стар». Покинул «Спартак», чтобы с сезона 1989-го выступать за иностранный клуб. С оформлением Бубнова в «Ред стар» могли бы в «Спартаке» и потянуть. Но за решительное выступление на собрании оформили оперативно.

Еще одно сомнение: «11 игроков из 13 проголосовали…». Как известно, в футбольной команде мастеров высшей лиги игроков не тринадцать, а вдвое больше. По какому принципу приглашали футболистов на это собрание? Евгения Кузнецова, например, и Сергея Родионова на этом собрании не было. «Не пригласили» на него и Николая Петровича, и тренеров. Тренеров потому, что они были соратниками и единомышленниками Бескова. Николая Петровича? Ну, скажите на милость, на какое собрание в «Спартаке» не смог бы попасть создатель «Спартака», его символ и хранитель очага? Если бы, конечно, захотел?

«Шляпин не взял на себя всю ответственность и проинформировал руководителей МГСПС». Да что же Шляпин, враг себе — брать на себя всю ответственность? Когда осуществляется маленький заговор, полезнее разделить ответственность на максимально большее число участников, вольных или невольных. И любое решение проводить в жизнь, заручившись хоть какой-нибудь поддержкой «сверху».

«И тут случилось то, на что, по моему глубокому убеждению,

никак не рассчитывал Константин Иванович. Его никто не стал уговаривать».

Подтекст: он думал, что его талант и тренерское мастерство кому-то нужны, а ему от ворот поворот… Прошедший сквозь многие футбольные бури и грозы Константин Иванович остается неопытным в крючкотворстве. В самом деле, подумал бы: какое дело чиновникам из МГСПС до футбольных творческих терзаний? У них все в порядке: все резолюции приняты, все бумаги подшиты, «Спартак» у них в ближайшее время в первую лигу не вылетит, значит, отвечать за него им, чиновникам, не придется. В. В. Гришин на пенсии, а нынешние члены Политбюро в футбольные дела не встревают, бояться некого. Бесков будет с футболистами возиться или не Бесков, для МГСПС значения не имеет. Подал заявление — удовлетворить.

Однако и чиновники смекнули, что возможен шум. Эта распустившаяся из-за перестройки пресса… Надежнее спрятаться за то, что называется «коллективом». Дальше проводится операция «Воля коллектива» с привлечением тринадцати игроков, в число которых входят те, к кому у Бескова устоявшиеся претензии по части игровой дисциплины, игровой добросовестности, соответствия игровому уровню «Спартака». Да и из 13 человек лишь 11 проголосовали против Бескова. Это называется «решением команды»?

Что плохого в том, что Бесков решил «поработать до конца сезона»? Любой советский гражданин вправе забрать обратно свое заявление об уходе с работы, это обеспечено законодательством страны. Ну и насчет шансов стать чемпионами страны

1988 года Николай Петрович сказал чересчур решительно. Только если бы спартаковцы выиграли оставшиеся восемь матчей, а все претенденты на первенство эти восемь матчей проиграли…

«Его, правда, предупредили, чтобы в команде он ничего не менял и к игрокам не применял никаких репрессивных мер».

Любопытная постановка вопроса. Главный тренер команды мастеров предупрежден (кстати, кем конкретно? «Предупредили» — обтекаемая формулировка. Представители профсоюзов предупредили, что ли?), что ничего менять не может и даже выпивоху, приезжающего на тренировку с опозданием после вчерашних возлияний, наказывать не должен. Как не вспомнить сцену, описанную Константином Ивановичем выше: тренер подходит к начальнику команды и говорит: «Игрок такой-то с хорошего похмельям, а воспитатель отвечает: «Не может быть!» — и удаляется в противоположную сторону, подальше от возможного конфликта.

«Оставили до конца чемпионата», «предупредили». Словно

речь идет о провинившемся пацане юниоре, а не о строгом главном тренере, ревнителе порядка и дисциплины.

В похожей ситуации Михаил Иосифович Якушин подал в суд на «Локомотив», обвинивший выдающегося тренера в «некомпетентности», и выиграл процесс. Железнодорожным вершителям футбольных судеб пришлось заплатить тренеру зарплату за то время, что длилась тяжба. Бесков не захотел связываться с обидчиками, судиться со «Спартаком», пачкать свое имя.

Опубликовав интервью Н. П. Старостина, «Советский спорт» обратился к К. И. Бескову за ответным словом. 6 января 1989 года был напечатан ответ под заголовком «А вот что думает Бесков»:

«Не сразу согласился я на предложение «Советского спорта» выступить с разъяснениями по поводу интервью Н. П. Старостина. Позиция оправдывающегося заведомо проигрышная, да и не хотелось мне публично выяснять наши сложные со Старостиным отношения. Но приходится, так как высказывания начальника команды «Спартак» вызвали у меня и недоумение, и возражения. К тому же в оценках ряда фактов выявляется определенная принципиальная позиция. Думаю, пора поставить все необходимые точки.

Николай Петрович верно говорит, что конфликт у нас назревал давно. Однако о причинах его умалчивает. А ведь состоят они в том, что не хотел я мириться с отсутствием должной заботы и внимания, которые руководители «Спартака» должны были проявлять, если их на деле волновали нужды команды, бытовые вопросы жизни футболистов, перспективы развития учебно-тренировочной базы в Тарасовке — худшей тогда среди баз всех московских клубов».

Тут Константин Иванович перечислил все: двести грузовиков с землей, которая не годилась для футбольного поля, освещение, газонокосилка, ремонт гостиницы и многое другое.

«Молчать я, естественно, не мог, и директору клуба Шляпину, как и начальнику команды, не раз приходилось выслушиввть от меня неприятные для них, но совершенно справедливые претензии… Инертность, а скорее неспособность названных людей улучшить ситуацию заставили меня поставить вопрос об их замене. Но меня опередили, использовав поданное мной в августе заявление (кстати, заявление без указания причин, без ссылки на здоровье), которое я в сердцах написал после очередного проявления полного равнодушия к годами не решавшимся проблемам «Спартака». Несостоятельность ссылок на это заявление очевидна с юридической точки зрения. Я ведь и в августе сразу понял, что избрал далеко не лучший способ

разрешения проблем. Наверное, всем понятно, что мое отношение к заявлению выразилось в том, что я продолжал работать и об уходе больше вопрос не поднимал. Н. П. Старостин о моих настроениях хорошо знал. На каком же основании усматривает он теперь в моих действиях расчет на уговоры? Сама мысль такого рода противна моей натуре, и мне хотелось бы, чтобы подобные суждения обо мне и моих позициях не воспринимались всерьез.

Равнодушие к «Спартаку» — вот на этой почве, повторяю, у меня на протяжении всех двенадцати лет возникали трения с людьми, ответственными за судьбу команды. Допускаю, что, если бы меня заранее предупредили об освобождении (мол, всех проблем все равно нам сегодня не решить, а в таких условиях вы работать и сами уже не хотите), у меня, возможно, и претензий к руководству «Спартака» не было бы. Однако вопрос был решен за моей спиной. Снятие мое готовилось втайне от меня, когда я находился в отпуске. В ход были пущены разного рода домыслы о моем здоровье, слухи о плохих отношениях с игроками. И в этой связи считаю необходимым внести некоторые уточнения в разъяснение Н. П. Старостина…

Ни в коем случае не согласен с начальником команды, с его мнением о том, что только мое присутствие помешало «Спартаку» стать призером. Убежден, финиш у нас получился слабым не потому, что Бесков остался в команде, а потому, что многие игроки, в частности Пасулько, Шмаров, Мостовой, утратили форму, уехал в Тулузу Хидиятуллин и был травмирован Родионов.

Мои взаимоотношения с футболистами зависели не столько от моего требовательного характера, сколько от подхода к делу самих игроков. За десять-одиннадцать лет работы с Дасаевым, Черенковым, Родионовым я не припомню случая серьезных разногласий с ними. А вот нарушителям бытовой и игровой дисциплины доставалось.

Могут ли быть довольны тренером те, кого он собирался освободить? Излишний вопрос. Их выступления против меня на собрании а октябре легко понять. Позиция промолчавших — дело их совести.

Мог ли я противостоять объединенным усилиям своих оппонентов? Конечно нет. Решение принималось, когда я находился в отпуске. Ни на одно собрание и заседание, где ставился вопрос о главном тренере, я приглашен не был. Никто из руководителей спортивных, профсоюзных и других городских организаций встретиться со мной не пожелал. Как будто и не было двенадцати лет работы. Грубые нарушения элементарных норм трудового законодательства тоже не привлекли ничье

внимание».

Только в этой последней фразе Константин Иванович допустил ошибку. Внимание юристов этот случай привлек. Вот мнение доктора юридических наук, заведующего кафедрой прав человека Всесоюзного юридического института Б. Л. Назарова, опубликованное в «Московских новостях», № 1 за 1989 год:

«Что касается законодательства, то меня поражают те товарищи, которые ссылаются на заявление Бескова об уходе, поданное им в августе. Известно, что по истечении двух месяцев такое заявление теряет силу.

Что касается нравов, то обидно, когда в таком популярном клубе выносятся решения, которые попирают элементарные нормы порядочности и справедливости. С человеком, отдавшим полвека советскому спорту, принесшим ему немало побед, организуется второпях и за его спиной расправа. Это аморально».

Аморально. Вывод сформулирован юристом, доктором наук.

Ни горком партии, ни Госкомспорт, ни ЦК ВЛКСМ (который в 1977 году счел необходимым прикомандировать к «Спартаку» на весь сезон своего представителя) не вмешались в конфликт, не попытались восстановить справедливость. У такого невмешательства возможно далеко идущее продолжение. Случись неприятность с тем же «Спартаком», с любой другой командой такого ранга, окажись эта команда в первой лиге (а то и во второй, известны примеры), согласится ли выручать ее опытный высококвалифицированный тренер, памятуя о том, как обошлись со своим спасителем спартаковцы? Вкладывать всего себя в трудное дело, чтобы после быть выброшенным за дверь? В ответ может прозвучать безразличное: «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих». Недобрые корни посажены в футбольную почву организаторами изгнания Бескова.

Юридически эта история завершилась в январе 1989 года. А в других формах продолжилась еще на год.

После нескольких собраний, обсуждавших кандидатуры на пост главного тренера «Спартака», большинством голосов из числа кандидатов был избран воспитанник Константина Ивановича (в свое время приглашенный им из красноярского «Автомобилиста», ставший капитаном «Спартака», затем тренировавший команду второй лиги) Олег Романцев. В конфликте 1988 года он никак не участвовал, предложение возглавить «Спартак» принял с волнением, понимая, что команда не может остаться совсем без тренера. В «Советском спорте» от 26 января 1989 года Романцев заявил:

«Я многому научился у Константина Ивановича. Он очень интересно проводил занятия, у меня до сих пор сохранились

записи его тренировочных занятий, установок на игру».

В справочнике «Футбол-89» заслуженный тренер СССР А. А. Севидов, делясь мнением о начале нового сезона, отметил: «Бесков передал Романцеву очень хорошую команду».

В те же дни я задал вопрос Константину Ивановичу:

— Как полагаете, «повалится» без вас «Спартак»?

— Нет, — ответил Бесков. — У этих ребят немалый запас прочности. Они усвоили, что и как нужно делать на футбольном поле.

В то же время некоторые журналисты продолжали обсуждать тему освобождения «Спартака» от «бесковского диктата». Так, в обозрении под заголовком «Пробуждение?» (справочник-календарь «Фугбол-89») бросилась в глаза обвинительная фраза:

«Цифра, обнародованная журналистом Юрием Ваньятом, впечатляет: К. И. Бесков освободил за 12 лет из «Спартака» 180 игроков».

Эффектно, не правда ли? 180 поделим на 12. Получим результат: 15 футболистов в год. Каждый год Бесков выгонял из «Спартака» целую команду, стартовый состав с запасными. Бессердечный деспот, ломавший судьбу за судьбой…

Однако придется из числа «180» вычесть Ловчева, который в свое время заявил: «Я не хочу второй раз вылетать в первую лигу!» и, не поддавшись на уговоры Бескова, ушел в «Динамо». Придется вычесть Хидиятуллина, который сам захотел перейти в ЦСКА и также не уступил уговорам Бескова остаться. И еще раз вычесть Хидиятуллина, который сам захотел поехать работать во Францию, играть за команду «Тулуза». Придется вычесть Сидорова, Шавло, Самохина, которые были призваны в армию. Вычесть Андрея Рудакова и Валерия Попелнуху, у которых в «Спартаке» долго не решался квартирный вопрос (Рудакову, например, гарантировали в «Торпедо» быстрое получение жилья и не подвели). Придется вычесть Прудникова, Аргудяева, Русяева, Черчесова, Еременко. У Еременко тоже квартирный вопрос, а «Спартак» по бедности ему трехкомнатную предложить не мог. Другие из названных не хотели подолгу сидеть на скамье запасных, терять годы, оставаясь на вторых ролях, тогда как в других клубах им были обещаны места в основных составах (Русяев и Черчесов были отпущены в «Локомотив» с условием, что вернутся по первому требованию, как только понадобятся «Спартаку»).

Называю далеко не всех, кто сам по каким-либо причинам покидал команду, вопреки планам и аргументам Константина Ивановича. Выходит, Ваньятом «обнародовано» (словно это прежде скрывалось от народа) валовое число, валовый

показатель. Уже не 180, если учитывать тех, кто ушел по собственной инициативе в поисках лучших материальных условий или большей профессиональной самостоятельности. Выходит, «обнародованное» — приписки, так это называется в народном хозяйстве.

Из числа «180» стоит вычесть и тех, кто, изящно выражаясь, нарушал режим (а проще говоря, выпивал). Никита Павлович Симонян с болью говорил мне о регулярных выпивках талантливого центрального защитника «Спартака», а спустя некоторое время и о том, что «Спартак» и наш футбол в целом лишились молодого талантливого полузащитника, который, получив медаль чемпиона страны, так возрадовался, что стал «гулять», уже не мог остановиться и был освобожден от работы в команде — это произошло задолго до Бескова. И во времена Константина Ивановича некоторые футболисты покинули команду только потому, что футбол и спиртное несовместимы. Нет необходимости сейчас перечислять имена, выставлять людей в невыгодном свете. Но их было не так уж мало за 12 лет. Опять урон круглому числу «180».

Немало было и таких, которых принимали заведомо на пробу, обговаривали с ними это условие: «Подойдешь, впишешься в состав — будешь в «Спартаке»; не потянешь, не сумеешь — не взыщи». Вспомним рижанина Евгения Милевского, бомбардира из «Даугавы»: там забивал, а в «Спартаке» его краски поблекли, не проявил себя и вернулся на исходную позицию. Наверняка он тоже составляет валовый показатель. О Крестененко уже рассказывал выше Константин Иванович, можно добавить сюда и фамилии Сафроненко, Аджоева…

В 1990 году владикавказский «Спартак» под руководством Валерия Газзаева выиграл турнир первой лиги и завоевал право выступать в высшей. Тотчас же в нашей спортивной прессе появились материалы, в которых, воздавая должное Газзаеву, ставили ему в несомненную заслугу то, что перед началом сезона он отчислил группу нерадивых и бесперспективных игроков… Максимализм свойствен многим нашим футбольным обозревателям. Их отношение к тренерам: либо грудь в крестах, либо голова в кустах. Тот же Ю. Ваньят, который в свое время пел величальную Лобановскому, называя его метод НОТом — Научной Организацией Тренировок (с прописных букв), в 1990 году выступил в московской прессе с разгромной статьей «Фиаско Лобановского», не в одном номере газеты, а с продолжением. Прежде все, что делал Лобановский, было, по Ваньяту, превосходно; теперь, по Ваньяту же, стало никудышно. Вот так, от температуры кипения до минус 273 градусов ниже нуля.

Бескова обвиняли и в том, что он собирался избавиться от группы игроков основного состава, таких, как Шмаров, Пасулько, Бубнов. Действительно, собирался. Но почему? Рассмотрим этот аспект на примере Валерия Шмарова.

Все помнят его «золотой гол» 1989 года, блестящий гол, забитый со штрафного удара в ворота киевских динамовцев, и прочие заслуги. Но какую картину являла собой игра Шмарова в сезоне 1988 года, когда им был крайне недоволен Бесков?

Осенью того года, находясь в Тарасовке, я зашел в комнату тренеров. Петр Евгеньевич Шубин и Федор Сергеевич Новиков корпели над графиком, отражавшим уровень игры каждого спартаковца в завершавшемся сезоне. Я попросил объяснить, что означают те или иные условные значки и цифры.

Напомню, активно играющим считается футболист, который выполняет за 90 минут матча не менее 80 игровых действий при небольшом (максимум 20) проценте брака. Ценность игры повышается, если футболист делает голевую передачу или сам забивает гол.

В 1988 году, по словам Бескова, у Шмарова «личная жизнь превалировала над командной».

Я попросил тренеров показать и прокомментировать график игры Валерия Шмарова. Девятнадцать «двоек» за сезон — сказали тренеры.

Так были, наверное, основания у тренера предъявлять претензии к Шмарову по итогам сезона?

— Не очень интересовали Шмарова дела и заботы команды, — комментировал этот график Шубин. — Преобладали личные интересы. Его игра нас решительно не устраивала. Пришли к выводу, что надо отпустить его на все четыре стороны, раз ему так безразличен «Спартак». На это место претендовал просившийся в нашу команду Александр Бородюк. Кстати, примерно такие же, как у Шмарова, чуть лучше, показатели 1988 года оказались у Пасулько, у некоторых других игроков.

По должности я был обязан периодически выступать на страницах «Недели» со спортивными обозрениями. Тридцать лет пишу о футболе. И в конце лета 1989 года, когда в чемпионате страны были сыграны две трети матчей, написал обозрение «Иллюзии благополучного сезона» (№ 32), которое затем по решению коллектива редакции было вывешено на Доску лучших материалов «Недели». Рассказываю об этом отнюдь не из тщеславия. Что относилось в этом обозрении к «Спартаку»?

«Не по-джентльменски расставшись с наставником, с которым за 12 сезонов было завоевано десять комплектов наград, спартаковцы не могли не осознавать, что после этого ни публика,

ни пресса не простят им посредственную, тем более плохую игру в новом сезоне. И готовились к нему истово обретя к тому же спонсоров… Наверное, их энтузиазму способствовали не одни материальные стимулы, но и чувство освобождения от сурового бесковского диктата (мне, как диктатору, это понятно; я тоже объясняю практиканту, что нельзя писать: «Комната освещалась двумя подсвечниками», а он в ответ заявляет, что я душу его творческую индивидуальность). Словно по заказу, все основные оппоненты «Спартака» оказались плохо подготовленными к сезону.

Избранный главным тренером О. Романцев сохранил в составе игроков, с которыми работал Бесков, и тот стиль игры, который они осваивали годами. Подкрепленный различными стимулами запас прочности позволил выйти на первое место и удержаться. Но в ходе турнира спартаковцы ничуть не прибавили, а свежесть подрастеряли. В середине июня «проездом из Тулузы» В. Хидиятуллин, которого никак не упрекнешь в отсутствии спартаковского патриотизма, посмотрел игру, когда лишь гол, забитый защитником «Черноморца» в собственные ворота, принес красно-белым очередные два очка, и резюмировал:

— Нестабильность сходит «Спартаку» с рук только потому, что у него не было серьезных экзаменаторов.

В желании победить никому не откажешь, но стала прокручиваться вхолостую «машина из Тарасовки», едет в основном на явных ошибках соперников. После выигрыша у «Зенита» в «Советском спорте» было написано: «Пусть крупная победа не введет в заблуждение поклонников «Спартака», поединок был равным, лишь грубые ошибки подвели ленинградцев».

26 июня «Спартак» провел товарищеский (читай: коммерческий) матч в Калининграде с тамошней «Балтикой». Организаторы поставили условие: чтобы участвовало не меньше пяти спартаковцев основного состава, тогда гарантировались реклама, полный стадион, хорошие сборы. Москвичи выставили семь игроков «основы». И проиграли команде второй лиги со счетом 0 : 3. Сменятся поколения, но калининградцы будут помнить, как их скромная «Балтика» разгромила прославленный столичный клуб, без пяти минут чемпиона СССР. Очень тревожный симптом. С довоенных времен слежу за «Спартаком» и не помню случая, чтобы так пренебрегла своей репутацией команда Старостиных, или команда Соколовых, или молодых Нетто и Симоняна, или Хусайнова и Осянина. И при «невозможном» Бескове такое было бы невозможно… Пишу это, потому что люблю «Спартак»…»

Вот какие «пассажи» осмелился я включить в обозрение.

Через некоторое время главный тренер «Спартака» О. Романцев заявил в печати, что во второй половине сезона наступил спад, во время которого «Спартак» потерял очки из запаса, созданного в матчах до этого. В самом деле, положение команды, лидировавшей весь сезон, вдруг осложнилось. Не забей Шмаров штрафной на последних секундах матча с киевским «Динамо», дело вполне могло закончиться переигровкой с «Днепром». Силы у спартаковцев были на исходе, «Днепр» — команда настырная и упрямая, так что получение золотых медалей спартаковцами становилось проблематичным. В интервью, которые давал в те дни Романцев, звучали нотки тревоги.

Но Шмаров превосходным ударом разрубил гордиев узел.

И вскоре в редакцию «Недели» пришло письмо на фирменном бланке московского футбольно-хоккейного клуба «Спартак» (со штампом МГС ВДФСО профсоюзов) за номером 012/487 от 12.10.89:

«Если редакционная коллегия «Недели» считает возможным привлекать журналиста Э. Церковера к работе по вопросам спорта, то просим исключить при этом обзоры и оценки игр московского «Спартака», дабы не разжигать страсти».

И подпись: председатель клуба болельщиков футбольной команды «Спартак» (Москва) Г. С. Луначарский.

Вот тебе, бабушка, и плюрализм мнений!

По Г. С. Луначарскому, о «Спартаке», как о дорогом покойнике, — либо хорошо, либо ничего. Запретить журналисту писать о команде, «дабы не разжигать страсти»!

Уж куда больше их разжигать: многие газеты опубликовали снимки разгромленных вагонов московского метрополитена, в которых «ликовали» после победы «Спартака» в чемпионате его пылкие болельщики. А их поездка в Киев и драка с киевскими любителями сведения околофутбольных счетов? Этому немалое внимание посвятила милиция обеих столиц.

Не далее как 21 сентября 1987 года в «Известиях» Н. П. Старостин заявлял: «Спартаковцы многократно в печати и по телевидению обращались к футбольным фанатикам с просьбами не мешать нам проводить спортивные соревнования… Да, в объятиях такой «любви» можно и задушить».

А раньше, в журнале «Смена», № 13 за 1985 год, Сергей Родионов увещевал: «Поверьте, ребята, отнюдь не радость испытываем мы, футболисты вашей любимой команды, когда… слышим о хулиганах, прикрывающихся спартаковскими цветами. Как положить этому конец? Видимо, настало время и для

организации болельщиков».

Настало. Организовали. Председатель этой организации агрессивно требует у редакции центрального издания не разрешать редактору спортивного отдела писать о команде, которая, как «жена Цезаря — вне подозрений». Как попал в руки Г. С. Луначарского фирменный бланк футбольно-хоккейного клуба «Спартак», ведь это бланк служебный, не клуба болельщиков, а государственной организации?

В «Неделе» посмеялись по поводу формулировки болельщика Луначарского и отдали мне его «официальное письмо» на память. И я вложил эту показательную бумагу в книгу, на титульном листе которой автор написал: «Дорогому… со спартаковским рукопожатием и дружбой Н. Старостин».

Пусть соседствуют эти два свидетельства быстротекущей жизни.

С победой в чемпионате СССР 1989 года спартаковцев поздравил со страниц еженедельника «Футбол-Хоккей» Лев Иванович Яшин: «Поздравляя земляков-спартаковцев с двенадцатым титулом чемпионов страны, отдавая должное их тренеру, дебютанту О. Романцеву, очень хочу, чтобы в пылу победных объятий и поздравлений не забыли о том человеке, который пролил столько пота и крови, создавая эту самую команду. Кто, приняв «Спартак», выпавший в первую лигу, начав, можно сказать, с нуля, вернул ему и фирменный блеск, и место среди лидеров советского футбола. Вы догадались: речь идет о Константине Ивановиче Бескове… Сегодня было бы по-спортивному и по-человечески справедливо, если бы болельщики популярного клуба, да и сами футболисты-спартаковцы воздали должное замечательному тренеру, своему недавнему наставнику. Надо ли напоминать, что именно он, Бесков, не только вручил им, всем до одного, путевки в большой футбол, но и довел их до тех высот, которые сделали возможными их прежние и нынешнюю победу!»

Где там… Не только не воздали должное, даже не позвонил ни один из тех, кого Бесков нашел, вырастил, сделал мастером. Словно какой-то запрет существует на звонки по телефону бывшему главному тренеру. Звонят ученики разных лет, звонят торпедовцы Шустиков и Иванов, армейцы Шестернев и Поликарпов, спартаковцы Корнеев и Логофет… Только нынешние, многим обязанные Бескову, не звонили.

А если кто из неосведомленных журналистов заглянет в Тарасовку, ему там могут и подсказать кое-что любопытное. Например, съездил в Подмосковье, на спартаковскую базу специальный корреспондент украинской республиканской

«Рабочей газеты» Олег Костенко и опубликовал в своей газете репортаж из Тарасовки, в котором так описывает занятия спартаковцев:

«И вот уже цепочка бегунов появилась у противоположных трибун. Поравнявшись с тренерской вышкой, игроки дружно, как по команде, вскинув головы, смотрят на «бесковский скворечник», откуда еще недавно Константин Иванович с мегафоном в руках руководил тренировками. А теперь вышка сиротливо пустует. Пока никто не решается ее снести: иди знай, как еще все обернется…»

Что и говорить, журналист О. Костенко одним штрихом создал образ этакого бесковского концлагеря с сиротливо пустующей (благодаря настоянию команды, конечно) надзирательской вышкой. Почему только с мегафоном в руках руководил оттуда тренировками Константин Иванович, а карабина с оптическим прицелом не было?.. До чего способно дойти борзотворчество!

Приходится еще раз обращаться к беспристрастному Ринату Дасаеву, который в своей книге рассказывает о тренировках «Спартака»:

«В футбол ведь без мяча не играют, верно? Вот так и наш Старший считает. А потому все упражнения стремится с ним проводить. Возьмем одно из любимых упражнений Константина Ивановича — «тесный квадрат»: игру на отрезке поля размером двадцать на сорок метров, где пять футболистов сражаются против пяти, не давая возможности соперникам отобрать мяч, передавая его друг другу в одно касание. Двадцать минут такого «квадрата» стоят иной раз нескольких килограммов веса. Футболисты здесь вынуждены плотно опекать каждого из играющих. И, чтобы как можно реже терять мяч, не обойтись без помощи «нейтрального», который, в отличие от всех остальных, имеет право распоряжаться мячом по своему усмотрению. Роль эту с присущими ему выдумкой, азартом и с явным удовольствием обычно выполняет Бесков. Да и техника (а она, как говорят, в футболе никогда не пропадает) у него такая, что любой позавидовать может. И становится стыдно тем, кто моложе его лет на сорок, хуже выглядеть, чем тренер. Вот и стараются все. Интересно, у кого смекалки и сноровки больше. В «квадрате» сразу как на ладони видно, кто есть кто».

Не только в «квадрате» виден, кто есть кто. Хотелось бы понять: как удавалось Бескову сочетать эти упражнения с вышкой и мегафонным руководством?

Сколько раз бывал я в Тарасовке, никакой вышки возле футбольного поля не замечал. Значит, кто-то местный обратил

внимание журналиста Костенко на «новостройку» тарасовского стадиона и заботливо подсказал версию о Бескове и мегафоне.

Допытываюсь у Константина Ивановича: что за вышка? Он поначалу смеялся: «Какая еще вышка? Чушь. У меня мегафона в жизни никогда не было. Матчи я с трибуны смотрел, чтобы рисунок игры четче увидеть, но все тренировки всегда, без исключений, проводил на поле, среди футболистов…»

— Но не галлюцинация же у специального корреспондента «Рабочей газеты?» Какую-то вышку он углядел. Какую же?

И Бесков не сразу, правда, но вспомнил:

— У нас при команде оператор себе подставку соорудил, чтобы чуть сверху делать видеозапись тренировочных двусторонних игр и других занятий. Если с высоты роста снимать на видео, второй и третий планы могут не получиться. Вот он и оборудовал гнездо над землей. Но вышкой это не назовешь. Так, возвышеньице, вроде судейского места в волейболе. И я ни разу на эту операторскую точку не взбирался.

С интересом перечитываю новую книгу Николая Петровича Старостина «Футбол сквозь годы» (издание 1989 года), В частности, он рассказывает, как был в годы войны незаконно репрессирован и как после, спустя немалое время, проходила реабилитация. К следователю вызывали свидетелей, чьи показания были в делах, и никто из свидетелей эти показания не подтвердил.

«Неопровергнутыми, — пишет Николай Петрович, — остались только два «пункта обвинения»: что я в работе был склонен к диктаторству и что имел любимчиков».

На собственном горьком опыте узнал Николай Петрович тяжесть несправедливых обвинений. И тем не менее обвинил Бескова в диктаторстве: в фильме — «бархатном», через несколько месяцев — в диктаторстве без эпитетов.

Много разных событий произошло в нашей стране за последние годы. На фоне негативных явлений — межнациональных конфликтов, зигзагов теневой экономики, роста преступности, трудностей с продуктами и товарами первой необходимости — выглядит частным, локальным эпизодом история изгнания из футбольной команды тренера, который эту команду воссоздал и вывел на высокий уровень. Но существуют в цивилизованном обществе непреходящие ценности, нравственные нормы и понятия, которые необходимо сохранять в любых исторических обстоятельствах, при самых крутых поворотах судеб целых народов. Иначе гибнет духовность, иначе происходят общественно-социальные катаклизмы, примеры коих уже являла бурная и кровавая история человечества.

Одна из таких непреходящих ценностей — чувство справедливости. Другая — чувство благодарности Учителю, взрастившему учеников, передавшему им свои знания, искусство, профессиональное владение избранным делом, внушившего ученикам вечные принципы чести, добросовестности, верности долгу.

Лев Иванович Яшин, поздравляя московских спартаковцев с победой в чемпионате страны, напомнил им о человеке, благодаря которому смогла произойти эта победа. Увы, голос прославленного вратаря остался не услышанным. Можно посчитать это и его завещанием; оно осталось невыполненным.

По телевидению или по радио периодически звучит красивая песня о тренерах: «Но разве сердце позабудет того, кто хочет нам добра? Того, кто нас выводит в люди, кто нас выводит в мастера?» Песни песнями, а в реальности подзабыли недавние ученики того человека, кто вывел их в мастера — в мастера спорта международного класса, в заслуженные мастера.

Впрочем, нет, не забыли. Константин Иванович пережил обидное расставание со «Спартаком», вернулся в свой родной клуб и стал главным футбольным специалистом Центрального совета «Динамо». Бывая у него в Центральном совете, я заставал в кабинете Бескова благодарных и почтительных учеников разных лет: Владимира Пильгуя, Олега Долматова, Михаила Гершковича, Николая Толстых, Сергея Шкляра из «Зари» 1965 года, с которой Константин Иванович проработал всего сезон, создав необходимые предпосылки к последовавшему затем выходу команды в высшую лигу. И многих других встречал я в кабинете Бескова, не только динамовцев, а учеников из разных спортивных обществ, объединенных лишь одним: благодарностью Учителю.

Только остававшиеся в команде спартаковцы даже не звонили ему. И это не украшает биографию московского «Спартака». Пройдет время, останется факт в истории команды: период, прекрасно начавшийся и продолжившийся, но окончившийся не по-людски, не по-спартаковски.

Мнением и советами Константина Ивановича по-прежнему дорожат футболисты и тренеры по всей стране. В обновленной Федерации футбола СССР, которая стала общественно-государственной организацией, Константин Иванович избран заместителем председателя, в его ведении — четыре важнейших комитета Федерации: по проведению всесоюзных соревнований, судейский, инспекторский и дисциплинарный. В Федерации Бесков — работник не освобожденный, и свободного времени почти не остается.

Когда мы завершили работу над рукописью этой книги,

Константин Иванович заболел. Донимали острые боли. Не сразу поставили диагноз медицинские светила. Сперва сказали: камни в почках. А оказалось — перитонит!.. Восемь операций за несколько месяцев перенес Бесков, и это на семидесятом году! Прежде ему никогда не доводилось оказываться на операционном столе. Травмы бывали, но до операций не доходило. Очень тяжелым стал для него 1990 год. Когда пошло на улучшение, перевели из Боткинской больницы в Центральный госпиталь Министерства внутренних дел СССР.

— Можно лишь восхищаться его мужеством, стойкостью, силой духа, — говорил мне спортивный врач Владимир Пантелеевич Кравченко, некогда доктор московского «Спартака», ежедневно навещавший Константина Ивановича, в свободные часы дежуривший у его постели. — В сущности, его спасли эти качества, он выжил благодаря воле, спортивной натуре.

В госпитале Бескова навещали Владимир Козлов, Георгий Ярцев, Юрий Гаврилов, Алексей Корнеев, приезжавший из Испании Ринат Дасаев, Николай Толстых, Адамас Голодец, который, кстати, рассказал: проводя занятие со своими юными воспитанниками, игроками команды «Динамо-2», Голодец спросил, кто из них может безвозмездно дать кровь Бескову, если понадобится. «Все были готовы! — рассказывал Голодец. — Только группу крови просили уточнить. А ведь ни один из них с Константином Ивановичем лично не знаком!»

Бескова знает весь футбольный мир. Представители зарубежных клубов делают ему заманчивые предложения — возглавить команды на очень выгодных условиях. Он деликатно отвергает все ангажементы: он занят.

Среди его спортивных трофеев — звания чемпиона СССР 1945 и 1949 годов, обладателя Кубка СССР 1953 года (это все он завоевал как игрок), чемпиона СССР 1979 и 1987 годов, обладателя Кубка СССР 1967 и 1970 годов, многократного серебряного и бронзового призера первенств страны, серебряного призера Кубка Европы, европейского клубного Кубка, бронзового призера Олимпийских игр (это все завоевали команды, которые он тренировал). Помимо наград и призов есть еще громкая, всенародная слава о Константине Бескове — нападающем в годы молодости, тренере в зрелые годы.

В ноябре 1990 года общественность страны торжественно отметила 70-летие Константина Ивановича. Был великолепный праздник во Дворце молодежи, выдающегося футбольного наставника поздравляли коллеги-тренеры, спортсмены, известнейшие писатели, артисты, многотысячная аудитория любителей спорта. Бесков получил огромное количество

телеграмм и писем с пожеланием здоровья и бодрости, с призывами продолжать тренерскую и воспитательную работу на благо отечественного спорта.

Задаю ему вопрос, в этой книге — свой последний:

— Константин Иванович, оглянемся на всю вашу жизнь в футболе. Не может быть, чтобы в вашей душе невзгоды, неудачи, чьи-то безнравственные поступки перевешивали значимость сделанного, ощущение огромной работы на пользу Родине, чувство выполненного долга, память о стольких блестящих победах, о ваших теоретических и практических открытиях, одаривших отечественный футбол оригинальными тактическими новинками и целой когортой высококлассных мастеров кожаного мяча. Что же думаете вы сегодня, оглядываясь на пройденный путь?

ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

Что тут скажешь… «А годы летят, наши годы, как птицы, летят. И некогда нам оглянуться назад»… В самом деле, некогда оглядываться, особенно сегодня, когда у меня сразу стало намного больше обязанностей в нашем футболе, чем когда-либо прежде.

Ретроспективно мне жаль времени, которое периодически уходило впустую из-за необязательности, некомпетентности или недобросовестности тех или иных должностных лиц. Из-за того, что ответственный работник не держал слово. Из-за обстоятельств, подчас далеких от футбола и вообще от спорта, из-за конъюнктурных соображений или волюнтаристских решений, продиктованных, в сущности, безразличием к делу. Не я первый, не я, увы, последний на этом тернистом пути. Тем более жаль времени, которое теряют мои коллеги, мои товарищи по счастью и несчастью.

Но я смотрю в будущее, надеясь на лучшие времена для нашего любимого футбола. Меняется общество, меняется жизнь страны, и не могут вместе с этим не перемениться организация футбольного дела, отношение к нему изнутри и извне.

Я вижу в сравнительно недалеком будущем самостоятельные хозрасчетные клубы, в которые все без исключения игроки приходят играть, а не устраивать свои дела, свои личные нужды и интересы. Они получают достойную плату за свой труд, и это позволяет им жить, расти и совершенствоваться в профессиональном плане. И в клубах этих все без исключения тренеры творят, а не отбывают срок службы, обозначенный в договоре. В этих клубах каждый игрок и тренер защищен юридически грамотным контрактом, но от каждого контракт и требует многого, и требования эти неукоснительно выполняются.

Я вижу сеть новых футбольных полей, на которых учатся владеть мячом тысячи и тысячи наших мальчишек. Вижу футбольные школы, где опытнейшие мастера, работая в условиях полной обеспеченности инвентарем, тренажерами, площадками, растят юную смену — таких футболистов, о которых мы в наше небогатое время только мечтали.

Я вижу в разных городах страны уютные стадионы с аккуратно возделанными футбольными полями, с удобными, защищенными от непогоды местами для зрителей, с гостеприимными и хлебосольными буфетами, с киосками и

лавками сувениров. Верю, что настанет день, и у московского «Спартака» будет в столице свой собственный стадион. Что уйдут в прошлое жгучие, десятилетиями не решавшиеся в «Спартаке» проблемы аренды полей и тренировочных залов, транспорта для команд-гостей, многие другие «досадные мелочи», в которых подчас тонет нынешнее и его и все наше футбольное хозяйство.

Наконец, вижу себя на трибуне зарубежного стадиона (вот только не могу сказать, какого именно) во время финального матча на первенство мира, в котором оспаривают высший футбольный титул спортсмены моей Родины… Верю, что, если сбудется то, что высказано в предыдущих абзацах, произойдет и то, о чем я написал в последнем.